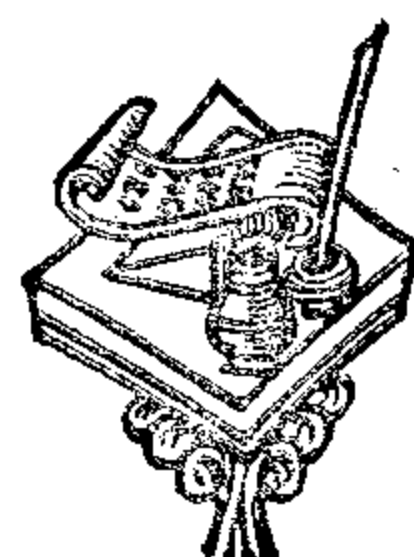

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

НАЧАЛО

РУССКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

XI-
начало
XII века

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление
и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление
художника
В. ВАГИНА

ВЕЛИЧИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Чтобы почувствовать духовные богатства древней русской литературы, необходимо взглянуть на нее глазами ее современников, ощутить себя участником той жизни и тех событий. Литература — часть действительности, она занимает в истории народа определенное место и выполняет огромные общественные обязанности.

Перенесемся мысленно в начальные века русской истории, в эпоху нераздельного существования восточнославянских племен, в XI—XIII века.

Русская земля огромна, поселения в ней редки. Человек чувствует себя затерянным среди непроходимых лесов или, напротив, среди слишком легко проходимых для его врагов бескрайних просторов степей: «земли незнаемой», «дикого поля», как называли их русские. Чтобы проехать из конца в конец Русскую землю, надо много дней провести на коне или в ладье. Бездорожье весной и поздней осенью отнимает месяцы от этого трудного общения людей.

В беспредельных пространствах человек с особенной силой стремился к общению, стремился отметить свое существование. Человек ставит высокие и светлые церкви на холмах или на крутых берегах рек, чтобы издали обозначить места своих поселений. Эти церкви отличаются удивительно лаконичной архитектурой — они рассчитаны на то, чтобы быть видными со многих точек, служить маяками на дорогах. Они словно вылеплены заботливой рукой, хранят в неровностях своих стен тепло и ласку человеческих пальцев. В таких условиях гостеприимство становится одной из основных человеческих добродетелей. Сам киевский князь Владимир Мономах призывает в своем «Поучении» «привечать» гостя. Частые переезды с места на место принадлежат к немалым добродетелям, а в иных случаях переходят даже в страсть к бродяжничеству. В своих танцах и в своих песнях человек стремится к тому же покорению пространства. О русских протяжных песнях хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «дѣвици поють на Дунаи,— вьются голоси чрезь море до Киева». Русские создали даже обозначение для особого вида храбрости — храбрости в пространстве, храбрости в движении — «удаль».

В огромных просторах люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, — и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве. В тогдашних условиях даже само слово «язык» приобретает значение «народ», «нация». Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели

объединения, выражает народное самосознание единства. Она — хранилище истории, преданий, а эти последние были своего рода средствами освоения пространства, отмечали святость и значительность того или иного места: урочища, кургана, селения и проч. Исторические предания сообщали и стране историческую глубину, были тем «четвертым измерением», в рамках которого воспринималась и становилась «обозримой» вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей.

Вся древняя русская литература, вплоть до XVII века, отличалась глубоким историзмом. Литература уходила корнями в ту землю, которую занимал и веками осваивал русский народ. Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны. Литература была одним из способов освоения окружающего человека мира. Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: «Се бо суть реки, напоющие вселенную...», а князя Владимира I сравнивал с земледельцем, вспахавшим землю, Ярослава же с сеятелем, «насеявшим» землю «книжными словесы». Писание книг — это возделывание земли, и мы уже знаем какой — Русской, населенной русским «языком» — русским народом. И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно «святым» делом. Тут и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинать будущим поколениям.

И вот, потому что переписывание книг — святое дело, книги могли быть только на самые важные темы. Все они в той или иной мере представляли «учение книжное». Литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере поучениями.

Чему же учила древняя русская литература? Оставим в стороне те религиозные и церковные вопросы, которыми она была занята. Светская стихия древней русской литературы была глубоко патриотичной. Она учила деятельной любви к родине, воспитывала гражданственность, стремилась к исправлению недостатков общества.

Если в первые века русской литературы, в XI—XIII века, она призывала князей прекратить раздоры и твердо выполнять свой долг защиты родины, то в последующие — в XV, XVI и XVII века — она заботится уже не только о защите родины, но и о разумном ее преобразовании. Вместе с тем на протяжении всего своего развития литература была училищем истории. И она не только сообщала сведения по истории, — она также стремилась определить место русской истории в мировой, открыть смысл существования человека и человечества, открыть назначение Русского государства.

Русская история и сама Русская земля объединяла все произведения русской литературы в единое целое. В сущности, все памятники русской литературы благодаря своим историческим темам были гораздо теснее связаны между собой, чем в новое время. Их можно было расположить в порядке хронологии, а все в целом они излагали одну историю — русскую и тоже — мировую. Теснее были связаны между собой произведения и в результате отсутствия в древней русской литературе сильного авторского начала. Литература была традиционна, новое создавалось как продолжение уже

существовавшего и в тех же эстетических принципах. Произведения переписывались и переделывались. В них сильнее отражались читательские вкусы и читательские требования, чем в литературе нового времени. Книжки и их читатели были ближе друг к другу, чем в новое время, а в произведениях сильнее представлено коллективное начало. Древняя литература по характеру своего бытования и создания стояла ближе к фольклору, чем к личностному творчеству нового времени. Произведение, раз созданное автором, затем в бесчисленных переписываниях изменялось писцами, переделывалось, в различной среде приобретало различные идеологические окраски, дополнялось, обрастало новыми эпизодами и т. д.: поэтому почти каждое произведение, дошедшее до нас в нескольких списках, известно нам в различных редакциях, видах и изводах.

Древнерусский автор то сам непосредственно, от своего лица, ратует за правду в своих поучениях и «словах», то создает образы борцов за справедливость, за независимость своей родины, за осуществление идеалов на земле — в летописях, исторических повестях, в житиях святых и бытовых повестях. Его идеалы не всегда одинаковы. Они то воспитаны религиозными представлениями времени, то, уклоняясь от этих представлений, рисуют нам князей и воинов, обороняющих Русскую землю от врагов, побеждающих врагов или терпящих от них поражение, но всегда преданных своему долгу в неравной борьбе с более сильным противником. Они рисуют нам «бояр думающих» и «мужей храбрствующих». Но когда бы писатель ни жил, кого бы ни описывал, за что бы ни ратовал, — перед нами во всех произведениях выступает деятельный, бескомпромиссный и верный своим идеалам герой. Эта бескомпромиссность в борьбе за лучшее будущее стала одной из самых характерных черт русской литературы во все века ее существования.

В тесной связи с этими высокими идеалами, в строгом соответствии с предназначением древней русской литературы, с ее историзмом определился и тот художественный стиль, который был для нее так характерен. Стиль этот был достоин той исторической миссии, которую выполняла древнерусская литература: это стиль монументального историзма.

История человеческой культуры знает периоды, когда человек открывает в мире какие-то стороны, до того им не замечавшиеся. Обычно это периоды возникновения нового взгляда на мир, появления нового мировоззрения и нового великого стиля в искусстве и литературе. Каждый вновь появляющийся стиль — это своего рода новый взгляд на мир. Это не только эстетическое обобщение в произведении, но новое эстетическое восприятие действительности. Человек открывает в окружающей его вселенной какую-то не замечавшуюся им ранее стилистическую систему — научную, религиозную, художественную. В свете этой системы он воспринимает все окружающее, и обычно это открывает собой период радостного удивления перед миром. Восхищение перед миром становится как бы чертой мировоззрения и начального этапа новой «стилистической формации».

Так было и в раннем периоде древнерусской культуры. Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода русского христианства писали многие. В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но дело не ограничивается оптимистичностью раннего древнерусского христианства: само отсутствие в нем аскетизма требовало бы объяснения, в свою очередь.

Ранний феодализм пришел на Руси на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо Русь миновала историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство пришло на смену древнерусскому язычеству, — язычеству, типичному для родового общества. В древнерусском язычестве гнезился страх перед могуществом природы, сознание бессилия человека перед стихийными силами. Христианство в своей богословской концепции мира ставило человека в центр природы, а природу воспринимало как служанку человека, открывало в природе «мудрость» мироустройства и божественную целесообразность. Это хотя и не освобождало человека полностью от страха перед силами природы, все же коренным образом меняло отношение человека к природе, заставляло его задумываться над смыслом устройства вселенной, смыслом человеческой истории, открывало в них предвечный замысел и нравоучение человеку. Первые русские произведения полны восхищения перед мудростью вселенной, но мудростью не замкнутой в себе, а служащей человеку. Владимир Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человекъ, яко помниши ѿ? Велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, никак же разумъ человекъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ; — и паки речемъ: велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣки по всей земли. Иже кто не похвалитъ, не прославляетъ силы твоя и твоих великихъ чудес и добротъ, устроеных на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, господи, твоимъ промысломъ! Звѣрье разноличии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чуду дивуемъся, како от персти создавъ человекъ, како образи разноличии въ человекъскихъ лицах, — аще и весь миръ совокупитъ, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицемъ образом, по божии мудрости».

Церковная и нецерковная литература домонгольского периода полна и другими приглашениями «подивиться» или «почудиться» окружающему человеку миру. На пути такого антропоцентрического восприятия мироздания менялись и отношения между художником и его произведением, между зрителем и объектом искусства. И это новое отношение уводило человека от канонически признанного церковью. Человек осознавал свое назначение и свою значительность в окружающем его мире.

Бог прославляется человеческими делами. «И кто не удивится, възлюблени, яко богу прославится нашими делесы?» — говорит Феодосий Печерский в «Слове о терпении и любви». Но и бог, в свою очередь, прославляет человека церквами, иконами и церковною службою. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляется не личностное начало, а боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и

монументальность произведений искусства и литературы, их прославляющий человека характер.

Феодосий Печерский утверждает: «...на честь бо намъ стлѣпи (столпы) суть и стены церковныя, а не на бесчестие». Для человека — клепание в била (звон в железные доски), призывающее его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения Евангелия и житий святых.

Нечто подобное находим мы и в одном из первых произведений русской литературы — в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. В своем «Слове» Иларион обращается к умершему князю Владимиру Святославичу с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Отряси сонъ, взведи очи, да видиши какая тя чьсти господь тамо сподобил, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ». Называя эту «честь», Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие, на град Киев «величествомъ сияющъ», на «церкви цветущии». Церковь Благовещения — это не только честь богу и Владимиру, но и честь всем горожанам Киева. Искусство, следовательно, служит человеку, «воздаст ему честь», славит его и возвышает.

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям стало стилеформирующей доминантой всего монументального искусства и всей литературы домонгольского периода. Именно отсюда идет импозантность, торжественность, церемониальность всех форм искусства и литературы этого времени.

Литературный стиль всего домонгольского периода может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть во всем значительное по содержанию, мощное по своим формам. Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное «панорамное зрение». Летописец видит Русскую землю как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, сразу и легко переходит от события в одном княжестве к событию в другом — на противоположном конце Русской земли. Летописец все время перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т. п. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники различного географического происхождения, но и потому еще, что именно такой «широкий» рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени.

Стремление соединить в своем повествовании различные географические пункты характерно и для сочинений Владимира Мономаха — особенно для его биографии.

Действие «Сказания о Борсе и Глебе» также происходит как бы в пути, переходит из одного места Русской земли в другое. На севере — это Новгород, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море к варягам.

На юге — это печенежская степь, куда Владимир посылает Бориса с войском. На западе — это пустыня между Польшей и Чехией, куда бежит и где погибает злою смертью Святополк Окаянный. На востоке — это Волга, куда отправляется Глеб. Действие «Сказания» как бы охватывает всю Русскую землю.

Характерно, что писатели XI—XII веков воспринимают победу над врагом как обретение «пространства», а поражение — как потерю пространства, несчастье — как «тесноту». Жизненный путь, если он исполнен нужды и горя, — это прежде всего «тесный путь».

Многочисленные упоминания различных географических точек в произведениях этого времени далеко не случайны. Древнерусский писатель как бы стремится отметить побольше различных мест совершившимися в них историческими событиями. Земля для него свята, она освящена этими историческими событиями. Он отмечает и то место на Волге, где конь Бориса запнулся в поле и сломал себе ногу, и Смядынь, где Глеба застала весть о смерти отца, и Вышгород, где были затем похоронены братья, и т. д. Автор как бы торопится связать с памятью о Борисе и Глебе побольше различных мест, урочищ, рек и городов. Это особенно знаменательно в связи с тем обстоятельством, что культ Бориса и Глеба непосредственно служил идее единства Русской земли, прямо подчеркивал единство княжеского рода, необходимость братолюбия, строгого подчинения младших князей старшим.

Эти священные места — как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор «Сказания о Борисе и Глебе» говорит, что оба брата были просты и смиренны, на «высокая мѣста и жилища (селения. — Д. Л.) въселистася». Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми. Они расставлены по всей Русской земле. Борис и Глеб — защитники не одного какого-либо города в Русской земле, но всех: в отличие от Дмитрия Солунского, говорит автор «Сказания», обращаясь к Борису и Глебу, — «вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о вѣси (одном селе. — Д. Л.) попечение и молитву въздаета, нѣ (но) о всей земли Русьскѣи». Говоря о чудесах, происходящих от места их погребения, автор подчеркивает, что чудеса эти совершались над всеми, приходящими из самых дальних стран: «Не нашему единому языку тѣкъмо подано бысть бѣгъмъ, нѣ и вѣсей земли спасение...» Человек стремится подчинить себе, освоить как можно более обширные пространства.

Мы привыкли соединять в своих представлениях монументализм с неподвижностью и косностью, но монументализм XI—XIII веков был монументализмом движения, монументализмом динамическим.

Владимир Мономах постоянно подчеркивает многочисленность и быстроту своих походов. Летописец в «Повести временных лет» также больше всего говорит о походах, о движениях масс войск. Быстрота передвижения — это как бы символ власти над пространством. Монументальность XI—XIII веков — это прежде всего сила, а сила — это масса в движении.

Для динамического стиля характерно динамическое же описание явлений природы, из ряда вон выходящих явлений: грозы (грозы зимой, грозы во время битвы), нашествий саранчи, засухи, наводнения, обратного течения воды в Волхове, землетрясения.

Но движение в пространстве — это и движение во времени. Отсюда особый историзм эстетических представлений Древней Руси. События современности оцениваются и приобретают особую значительность на фоне событий прошлого. Отсюда огромный интерес авторов к этому прошлому, интерес к истории. История — доминирующая тема в литературе домонгольского периода и в древнерусской литературе вообще. Настоящее воспринимается как продолжение прошлого. Прошлое живо в настоящем, как бы объясняет это настоящее.

Слагая свою хвалу Ярославу Мудрому в «Слове о Законе и Благодати», митрополит Иларион славит одновременно его отца и дедов. Ярослав — наследник славы своих предков. Сама слава воспринимается как нечто движущееся в огромных географических пределах, достигающая дальних стран. Она также монументальна, динамична и органически слита со славой «дедней и отней» (отцовской).

Сами представления о времени были в Киевской Руси иными, чем у нас. Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятий времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. «Передние князи» — это давние, первые князья. «Задние» события — последние. Поэтому «переднее» — прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, перво-причина. От этого и «внуки» казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать «путь» дедов или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов.

Еще одна важная особенность отличала стиль монументального историзма: церемониальность. Литература домонгольской Руси не столько изображала события, сколько вводила их в церемониальные формы. Житие святого — это торжественный парад его жизни, воздание ему почестей писателем. Как и всякие церемонии, литературное «ображение мира» происходит в традиционных и исторических формах. Торжественные, церемониальные одежды — всегда традиционны, всегда восходят к прошлому.

Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но это и своеобразный этикет, а писатель в известном роде церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих случаю выражениях, чтобы дух событий был понят в своей традиционности. Понять что-либо означало для писателя увидеть в предмете своего повествования какие-то значительные аналогии в прошлом.

Но писатель заботился и о том, чтобы его герои вели себя подобающим образом, чтобы ими были произнесены все необходимые слова. «Сказание о Борисе и Глебе» от начала и до конца обставлено речами действующих лиц, как бы церемониально комментирующих происходящее. Борис и Глеб

перед своим убийством произносят длиннейшие речи и молитвы, демонстрирующие их беззлобие, покорность богу и подчинение своему старшему брату Святополку.

И еще одна черта эстетической формации монументального историзма — это его ансамблевый характер.

Средневековое искусство — системное искусство, системное и единое. Оно объединяло видимый мир и невидимый, сотворенное человеком со всем космосом. Оно стремится заполнить своими произведениями пространство, утвердить присутствие человека в мире, объединить этот мир. Искусство — это мирное покорение и церемониальное обряжение окружающего мира. Это столь же характерно для изобразительного искусства и зодчества, как и для литературы.

Произведения литературы ее первого периода — это не замкнутые в себе и не обособленные мирки. Каждое из них как бы тяготеет к соседним, уже существовавшим до него; и это — несмотря на все различие существующих жанров. Каждое новое произведение есть прежде всего дополнение к уже имеющимся, но дополнение не по форме, а по теме, по сюжету. Оно призвано заполнить как бы некоторые, остающиеся еще, не отмеченные этими своеобразными «маяками» точки в пространстве человеческой истории.

Все это было возможным потому, что вымысел был крайне ограничен в древнерусской литературе и литература примыкала к действительности и оформляла ее. Единство тем в литературе определялось единством самой действительности, из которой эти темы черпались.

Литература претендовала говорить только о том, что существует или существовало. Вымышленные герои отсутствовали в древней литературе. Если в литературе и рассказывалось о чудесах и явно не могущих произойти событиях, то авторы выдавали их за действительность, а читатели обязаны были им верить.

Вымышленная тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и рассказывать только о действительно живших героях, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература едина единством человеческой истории. Тем самым создается реальная почва для ансамблевого строения литературных произведений этого времени. В летописи могут быть соединены произведения самых различных жанров — лишь бы все эти разножанровые произведения были связаны единством ее исторической темы, располагались друг за другом в исторической последовательности. Рассказ, основанный на дружинном предании о походе на греков, дополняется документом — текстом договора с греками. Рассказ о борьбе Ярослава Мудрого за престол дополняется материалами жития его братьев и т. п. Так строится не только летопись. Три произведения Владимира Мономаха — это тоже «ансамбль». Они объединены единством морально-политической программы. «Сказание о Борисе и Глебе» — это житие, дополняемое их «чудесами», церковными службами им и проч. Это все своеобразные литературные «ансамбли», но и вся литература в целом — это тоже «ансамбль».

И летопись, и Житие Бориса и Глеба, и сочинения Мономаха, и Киево-Печерский патерик, и проповеди Феодосия Печерского, а также его Житие — все они в той или иной мере имеют единую тему — события русской истории. Все они объединены единством монументально-исторического стиля и служат единой патриотической идее. Тяготение к ансамблевому строению сказалось и в первых книгах, из дошедших до нас, — Изборнике Святослава 1073 года и Изборнике 1076 года. Это сборники различных произведений — своеобразные библиотеки в одном большом томе.

Ощущение всех литературных произведений как некоего огромного литературного ансамбля — ансамбля, распространяющегося на весь мир и на всю его историю, в котором отдельные произведения согласуются друг с другом не по жанру, а по своим темам, составляет замечательную черту монументальной литературы Древней Руси. Литература вся составлена как бы из огромных, грубо отесанных каменных глыб. Эстетика дистанций, о которой мы писали выше, заставляет и нас взглянуть на весь грандиозный ансамбль древнерусской литературы с некоей дистанции, чтобы увидеть в нем некое большое художественное единство, как бы одно произведение многих и многих авторов-тружеников.

Монументальный ансамбль древней литературы создан «в честь человеку». Он создан в честь человеку, чтобы прославить мир, красоту и гармонию мироздания. Литература имела своею целью окружить человека церемониальными формами, этикетно обрядить и украсить мир и историю. Она полна поэтому пышности и парадности; она празднична и оптимистична, несмотря даже на все преступления и несчастья, которые совершаются в мире и которые описывает литература. Убиты Борис и Глеб, но их убийство оборачивается торжеством идеала. День смерти Бориса и Глеба стал «Великим праздником» всей Русской земли. Смерть Бориса и Глеба явилась торжеством идей братолюбия. Чтобы воспринять именно так злочастные события 1015 года, надо было обладать особым, величавым отношением к миру и глубочайшим оптимизмом. Через столетие или больше такое же торжество духа древнерусские люди увидят в поражении войск Игоря Святославича Новгород-Северского, в трагической, но славной битве на Калке, в стойкости погибающих под натиском полчищ Батыя рязанцев. Они создадут легенду о невидимом граде Китеже, о Руси, не погибшей и не покоренной жестоким врагом. Ни смерть, если она была достойной, ни поражение, если в нем не было измены мужеству, ни любое несчастье, если оно было перенесено без ропота, — не были унижительны и не воспринимались как падение.

Торжественность литературы Древней Руси была далеко не только внешней. Это было глубокое ощущение всем народом своей значительности.

Литература первого столетия ее существования была оптимистически обращена к будущему. Этот глубокий оптимизм ее символичен. Это великое начало великой литературы.

Стиль монументального историзма продолжает доминировать и в послемонгольский период. Он не исчезает сразу, заменяясь каким-либо другим стилем. На него постоянно наслаиваются черты нового. Постепенно увеличивается его динамизм. Во второй половине XIV и в XV веках этот динамизм

сказывается не только в крупном, в явлениях большого масштаба, но и в мелком. В живописи это выражается в том, что человеческие фигуры и лица как бы схвачены в какой-то определенный момент, в данное мгновение. Люди изображаются в неожиданных ракурсах. Уже нет в этих изображениях той длительности «пребывания», какого-то отзвука неподвижной вечности. На монументальность наслаивается экспрессивность, эмоциональность, психологичность. То же мы видим и в литературе: монументальность осложняется, приобретает эмоциональные формы; выдвигается личностное начало, психологизм, динамизм осложняет стиль, появляется стиль «плетения словес», в котором начинает доминировать контекст над значением отдельных слов. В XVI веке, в пору возрастания централизованного начала в государственной жизни, возрождается монументализм в формах, которые лишены старой непосредственности, и этот монументализм сохраняется в XVII веке в отдельных жанрах.

Но как бы ни изменялся и ни осложнялся стиль монументального историзма в древней русской литературе, он оставался в ней в тех или иных явлениях литературы вплоть до перехода к новому времени. Отсюда ясно, что первому веку в истории русской литературы принадлежит исключительная и определяющая роль. Именно в этот век возникли все ее наиболее характерные особенности — стилистические и, как мы видели выше, идейные.

Как же возникла древняя русская литература? Откуда черпала она свои творческие силы?

Появление русской литературы в конце X — начале XI века — «дивлению подобно». Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании.

Как произошло чудо рождения столь зрелой литературы Руси, которая еще совсем недавно вообще не обладала письменностью? Русь обязана этим необыкновенно удачному стечению обстоятельств.

Русь приняла христианство из Византии, а восточно-христианская церковь разрешала христианскую проповедь и богослужение на своем национальном языке. Поэтому в истории литературы Руси не было ни латинского, ни греческого периодов. С самого начала в отличие от многих западных стран Русь обладала литературой на своем литературном языке, понятном народу.

Второе очень значительное обстоятельство состояло в том, что за век до крещения Руси христианство уже было распространено в родственной по языку Болгарии. Болгария пережила уже золотой век своей литературы — век царя Симеона. Богатая болгарская переводная и оригинальная литература перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской. На Руси не только переписывались древнеболгарские произведения, но и просто распространялись болгарские рукописные книги. Древнеболгарский язык лишь немногим отличался от русского. Он составил в русской литературе как бы ее второй, возвышенный слой. Он дал русской литературе многие слова с отвлеченным значением. Соединение

языка древнеболгарского с обиходным древнерусским дало русскому литературному языку богатую синонимику и богатые оттенки значений.

Не довольствуясь обильной литературой, перешедшей на Русь из Болгарии, отчасти из Моравии, на Руси при Ярославе Мудром создается собственная переводческая школа. Летопись записала о Ярославе Мудром следующее: «И собра писць многы и перекладаше от грек на словѣньское писмо». На Руси уже в XI веке были переведены с греческого такие произведения, как византийская Хроника Георгия Амартола, «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия; были сделаны переводы с латинского, древнееврейского, сирийского.

И все-таки объяснение быстрому появлению на Руси зрелой литературы лежит не только в области связей с сильными и старыми литературами, не только в переносах из Болгарии целых произведений и рукописных книг. Основное заключалось в том, что сама русская почва была хорошо подготовлена для создания искусства слова. «Дарам волхвов» из далеких стран предшествовали «дары своих пастухов» — представителей неученой мудрости народа.

Ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на огромной русской территории было уже развито искусство устной речи.

В Начальной русской летописи отразились устные предания, топонимические легенды, исторические песни, славы, певшиеся князьям, пословицы и поговорки. Кроме последних (пословиц и поговорок), фольклорные произведения вошли в летопись лишь своими сюжетами, но и это свидетельствовало о богатстве устного творчества народа. В летописи отразилась точность отдельных формулировок и высота исторического самосознания. Вспомните хотя бы рассказ о смерти Олега от своего коня, рассказ о мести Ольги древлянам, о походах Святослава и многое другое.

Но дело не только в фольклоре. В летописи отразились различные формы устной речи. Краткие речи, с которыми князья обращались к своим дружинам перед битвой, свидетельствуют не только о высоко развитом чувстве воинской чести и о воинском долге, но и об умении в немногих словах выразить емкое содержание ободрения и воодушевления воинам. «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» Или: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжатн, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Это знаменитые речи Святослава.

Не менее выразительны речи, которые произносились князьями на вече, или речи представителей народа, обращенные к князьям. Вот что говорили киевляне Владимиру Мономаху в 1097 году: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую».

Отправляя послов, князья поручали им произнести те или иные слова. Естественно, что эти речи должны были быть краткими, запоминающимися и содержательными.

Наконец, формы судопроизводства, законодательных установлений «Русской Правды» также должны были быть краткими, ясными, однозначными и выразительными.

Одним словом, разнообразные и богатые формы общественной жизни и публичных выступлений заставляли ценить точность слова, учили обращаться с ним бережно и экономно, учили высоким нормам развитого общественного сознания во всех сторонах публичной жизни.

Не всякому народу досталась на долю и такая способность подняться над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании. Причинами тому были особые формы существования Русского государства. В союзе Руси на равных основаниях участвовали и восточнославянские племена и финно-угорские народы: меря, весь и чудь. В Киеве был «Чудин двор», в Новгороде целый район — «Чудин конец». В составе русского войска, ходившего походом на Константинополь, плечом к плечу со славянами сражались варяги и чудь.

Благодаря своей национальной уживчивости древние русичи обитали целыми поселениями в Константинополе, в греческом Херсонесе в Крыму, на Афоне, на полуострове Тихань на озере Балатон в Паннонии и во многих других местах. Кочевые народы тюркского происхождения свободно расселялись на территории Древней Руси и принимали здесь христианство. Русь не была отгорожена Китайской стеной ни от южных, ни от западных, ни от восточных или северных соседей. Это была мировая и мирная держава, не опасавшаяся своего поглощения соседними культурами.

Формированию идейного содержания русской литературы способствовали и те произведения болгарской литературы, которые были перенесены на Русь в X—XI веках. Основатели болгарской письменности и болгарской литературы ученые братья Кирилл и Мефодий, а также их ученики ощущали себя не только болгарскими, но и представителями всего славянства. Их проповедь была обращена ко всем славянским народам. Именно это широкое сознание себя «народом среди народов» было свойственно и всем лучшим произведениям древнерусской литературы: «Повести временных лет», житиям первых русских святых, Киево-Печерскому патерику, «Хождению черниговского игумена Даниила в Святую Землю» и многим другим. Это замечательное сознание единства русского народа со всем человечеством, приобретая разные формы, станет существенной особенностью русской литературы на всем протяжении ее существования.

Остановимся на некоторых произведениях древней русской литературы первого века ее существования.

«Слово о Законе и Благодати» первого киевского митрополита из русских («русина») Илариона, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого, посвящено сложнейшей историософской проблеме. Оно говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа.

Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству.

Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему.

Совсем другого характера «Повесть временных лет». Это произведение многих авторов-летописцев. Последний из них, Нестор, придал Начальной летописи художественную и идейную законченность и дал ей название, которое в полном виде звучит так: «Се повѣсти времяньныхъ (прошлых) лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть».

В произведении этом выдержано художественное единство, но единство особого, средневекового типа. Сейчас мы требуем от художественного произведения полного единообразия стиля, жесткого единства идей, полного отсутствия швов и различий в отдельных частях. Если различия есть, — они входят в некое объединяющее их строгое единство. Художественное единство в Древней Руси понималось гораздо шире. Это могло быть единство ансамбля, создававшегося в течение ряда десятилетий и сохранявшего авторские особенности в каждом из своих одновременных слоев. Переходя от темы к теме, произведение соблюдало и те особенности стиля, которые по литературному этикету средневековья приличествовали каждой из тем. В рассказах о самых древних событиях русской истории летописец отражал свойственные дошедшим до него легендам простодушие, краткость и то, что мы сейчас назвали бы фабульностью. В рассказе о крещении Руси и о первых христианах-мучениках летописец применяет всю церковную церемониальность изложения. С другой стороны, совершенно особый характер носит летописный рассказ об ослеплении князя Василька Теребовльского. Здесь летописцу нужно было поразить читателя ужасом совершенного преступления, и этот рассказ полон своеобразного средневекового натурализма, в котором детально описываются самые ужасные подробности.

Историческое сознание, выраженное в «Повести временных лет», очень высокого уровня. Первые летописцы не просто записывали события, свидетелями которых они были, — они восстанавливали древнейшие события русской истории по самым разнообразным, письменным и устным, источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали различные версии одного и того же события. К своей работе они привлекали греческие хроники и греческие жития святых, документы, сохранившиеся в кня-

жеских архивах (тексты договоров с греками), церковные записи, родовые предания, легенды и проч. Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое расположение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины, и, следуя их течению, описывает — в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно плыть по каждому из морей.

В целом «Повесть временных лет» представляла для своего времени своеобразную историческую энциклопедию. Из нее можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многом другом.

А какой великолепный ансамбль представляют собой сочинения киевского князя Владимира Мономаха! Они включены в один из списков «Повести временных лет» (так называемый Лаврентьевский) под 1097 годом и известны под названием «Поучения» Владимира Мономаха. На самом деле «поучением» может быть признано только первое из них; за этим первым следует автобиография Мономаха, где он рассказывает о своих «путях» (походах) и «ловах» (охотах); за автобиографией следует письмо Мономаха своему исконному врагу Олегу Святославичу («Гориславичу») — родоначальнику князей Ольговичей. Все три произведения написаны в различной манере, соответственно тем различным жанрам, которые они представляют, но все три связаны одной сильной политической идеей, — и как связаны! На этой идее сочинений Владимира Мономаха стоит остановиться особо. В сущности, она очень проста, но в своей простоте поражает современного читателя высоким чувством патриотического долга.

Во времена Мономаха Русь уже переживала интенсивный процесс феодального дробления со всеми свойственными этому дроблению опасностями для силы и независимости Русской земли. Феодальное дробление было результатом интенсивного экономического и культурного роста отдельных феодальных княжеств, при котором каждая из растущих областей выражала тенденцию к обособлению и самостоятельности. Этот процесс был естественным и даже необходимым, но он вел к военному ослаблению Руси и к многочисленным междоусобным войнам. Надо было предотвратить распад Руси. Ослаблению экономических связей надо было противопоставить сознание политического и исторического единства Русской земли. Надо было воззвать к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и дать личный пример забвения обид. Высокий долг падал на церковь и литературу. И вот Владимир Мономах, а немного спустя его сын Мстислав Великий (внук последнего англосаксонского короля Гаральда, потерпевшего страшное поражение от Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе 1066 года; отец Мстислава Мономаха был женат на дочери Гаральда) покровительствуют летописанию, создают культ князей братьев Бориса и Глеба, стремятся к тому, чтобы каждый из князей владел своим уделом и чтобы князья вступали в договорные и союзные отношения между собой.

Мало этого, Мономах пишет собственные сочинения, где пропагандирует строгое соблюдение взаимных обязательств и взаимную уступчивость князей. В первом из своих сочинений он иллюстрирует свою идею богословскими соображениями. Между прочим, он прибегает к следующему примеру из мира природы. Весной птицы летят из рая и расселяются по всей земле. Каждая птица находит свое место, и каждая довольствуется своим уделом: и слабые птицы, и сильные. В следующем сочинении — своей автобиографии — Мономах стремится показать необходимость соблюдать принципы довольства наследственными уделами личным примером, но не боится говорить и о тех нарушениях своего принципа, которые допускал сам. Но самый изумительный пример уступчивости дает Мономах в своем письме к Олегу. События, послужившие поводом к письму, разыгрались в 1096 году. В междоусобной битве был убит сын Мономаха Изяслав. Старший сын Мономаха Мстислав послал письмо Олегу с требованием отступить от незаконно захваченных Олегом владений и предложением примирить Олега с Мономахом. Олег отказался, двинул войска против Мстислава, был наголову им разбит и бежал за пределы Руси. Мономах пишет не просто убийце своего сына: Олег в какой-то краткий промежуток примирения крестил Изяслава, был его крестным отцом и, по представлениям средневековья, должен был поэтому считаться больше, чем сыноубийцей. О чем же пишет Мономах разбитому в бою убийце своего сына? Он прощает его. Он предлагает ему вернуться на принадлежащие ему земли, он утешает его. Он пишет ему, что жизнь человеческая в руках божьих, и просит его только отпустить молодую вдову Изяслава, чтобы он мог утешить ее. Письмо Мономаха свидетельствует об очень высоких нравственных представлениях Мономаха и о его готовности от многого отказаться ради мирного утверждения принципа — «пусть каждый князь владеет княжеством своего отца».

Другой памятник, очень характерный для начального этапа древнерусской литературы, — «Житие Феодосия Печерского».

«Житие Феодосия Печерского» представляет собой совершенно особый и уже вполне законченный тип повествования. И это удивительно, так как оно принадлежит тому же Нестору, который придал окончательное и совсем другое оформление Начальной русской летописи, созданной на основе предшествующих летописей «Повести временных лет». Умение подчиняться требованиям жанра — признак писательской зрелости в средние века.

«Житие Феодосия», хотя и являлось по существу первым русским житием, сообщило завершенность биографическому жанру. Рассказ о человеке ведется в этом произведении путем выделения только некоторых моментов его жизни: тех, в которых он достигает как бы наивысшего своего самопроявления.

Из «Жития Феодосия» мы узнаем многое об окружающем его быте и целиком погруженных в этот быт людях. Здесь и быт богатого провинциального дома в Васильеве, — дома, руководство его властной матерью. Кое-что мы можем узнать о положении слуг в этом доме. Бегство Феодосия в Киев рисует нам торговый обоз с тяжело нагруженными товарами телегами. Его отношения с Изяславом позволяют заглянуть в княжеские хоромы во

время пира. Узнаем мы и о разбойничьих шайках, бродивших вокруг Киева, о суде и судьях, о писании книг в монастыре Великим Никоном и о помощи ему Феодосия в их переплетании. Вводит нас жизнеописатель в монастырскую и княжескую повárни, в крестьянский хлев, в пекарню, в монастырские кельи. Но описание быта ведется очень сдержанно, — только в той мере, в какой это необходимо для сюжета, — сюжет же всегда поднимается над незначительностью и суетностью «мимотекущей» жизни. В обстановке временного усматривается вечное, в случайном — значительное. Благодаря этому быт оказывается обряжен в церемониальные формы высоких церковных добродетелей. Это как бы те ветхие и бедные реликвии, которые лежат в драгоценнейших сосудах и которым поклоняются пришедшие в монастырь странники. Бедность монастырской жизни, которая рисуется в «Житии Феодосия», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она так и подчеркивается. В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал слагаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь значительной и как бы predetermined свыше.

Я привел только немногие примеры русских литературных произведений XI — самого начала XII века, но русская литература этого периода очень богата и разнообразна. В каждом из ее произведений можно найти черты эпохи, индивидуальные черты их авторов, разнообразие жанров. Упомяну еще некоторые произведения XI века: это поучения Феодосия Печерского, в которых он высказывает вполне оригинальные взгляды, это поучения новгородца Луки Жидяты (сокращение от имени Жидислав), рассчитанные на самую простую аудиторию и этим резко отличающиеся от произведений Илариона и Феодосия, это сборники изречений, вроде «Стословца» Геннадия, церковные послания, молитвы и проч., и проч.

Начало древней русской литературы определило собой ее характер и на последующее время. Знаменательно, что влияние «Повести временных лет» оставалось действенным в течение полутысячелетия. В полном или сокращенном виде она переписывалась в начале большинства областных и великокняжеских летописей. Ей подражали последующие летописцы. Для политических прославлений образцовым в течение многих веков оставалось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, для житийной литературы типа «мантирий» (рассказов о мученичествах) — жития Бориса и Глеба, для житийных биографий — «Житие Феодосия Печерского», для церковных поучений — поучения того же Феодосия и т. д.

В дальнейшем русская литература обогащается новыми жанрами, усложняется по содержанию; ее общественные функции приобретают все более и более разветвленные формы и многообразное применение, литература становится все публицистичней, но не утрачивает от этого своей монументальности и средневекового историзма.

Д. С. Лихачев

НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XI-
начало
XII века

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЫХЪ ЛѢТ,
ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,
КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ,
И ОТКУДУ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Древнерусский текст

Се начнемъ повѣсть сию.

По потоупѣ *трие* сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся вѣстокъ Симови: Персида, Ватръ, *доже* и до Индикія в долготу, и в ширину *и до Нирокурия*, якоже рещи от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и Мидія по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, асуряне, *Месопотамия*, Аравія Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, *Аравія Силная, Колия, Комагини, Финикия* вся.

Хамови же яся полуденья страна: Еюпетъ, Ефивопись, прилежащая ко Индомъ, другая же Ефивопись, из нея же исходить рѣка эфиопская Чермна, текущи на вѣстокъ, *Фива, Ливия*, прилежащи до Куринна, Маръмарья, *Суръти, Ливия* другая, Нумидья, Масурия, Мавританья *противу суши* Гадиръ. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памъфилию, Писидию, *Мисию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию* другую, Троаду, *Еолиду*, Вифуннию, Старую Фругию; и *островы* неки имать: Саръдани, Критъ, Купръ, и рѣку Гѣону, зовемую *Нилъ*.

Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидія, Альванья, *Арменья* Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, *Кольхисъ*, Воспории, Меоти, Дереви, *Сармати*, Тавриани, *Скуфия*, Фраци, Макидонья, *Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления*, яже и Полопонисъ наречесе, Аркадъ, Япиронья, Илюрикъ, Слобѣне, *Лухитиа*, Анъдриокія, Онъдрѣятинская пучина. Имать же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, *Родона*, Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа*, Кефалинья, Ифакину, Керъкуру, часть *Асийскыя* страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, *текущую* межю Миды и Вавилономъ; до Понетъского моря, на полунощныя страны, Дунай, Днѣстръ и Кавкаисинскія горы, рекше Угорьски, и отудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХЪ ЛЕТ,
ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,
КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ
И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Перевод

Так начнем повесть сию.

По потоупе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Инди, Аравия Сильная, Колия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирт, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мизия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мизия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия и острова некии: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Кападокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакция, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкаисинскія горы, то есть Венгерскія, а оттуда до Днепра, и прочіе реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая

идеть на востокъ, в часть Симову. В Афетовъ же части съдять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, морьд-ва, заволочская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимьгола, корсь, *лѣтъгола*, любь. Ляхове же, и пруси, чюдъ пресъдять к морю Варяжскому. По сему же морю съдять варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю съдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, *готе*, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, вендици, фрягове и прочие, *ти же* присъдять от запада къ *полуденью* и съсъдяться съ племянемъ Хамовымъ. Сим же и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, *и живяху* кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемъ ся чело-вѣкомъ на земли, *и* помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собращася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣтъ, *и* не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И сѣмъси богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и рассѣя по всей земли. По размѣшенъи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локот 5433 локти*, и в лѣта многа хранимъ останокъ.

По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣимянемъ Марави, и прозвашася морави, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хрватѣ бѣлии и серебъ и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, *и* сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Также и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане*, рѣчъки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, *и* прозвашася своимъ имянемъ,

течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чюдъ и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чюдъ сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, — было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел господь бог видеть город и столп, и сказал господь: «Вот род един и народ един». И смешал бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норичи, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морави и прозвались морави, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами,

и сдѣлаша градъ и нарекоша ѥ Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по *Семи*, по Сулѣ, и нарекошася сѣверь. И тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася словѣньская.

Полянѣмъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вѣтечь в озеро великое *Нево*, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в *Понтъ море*, в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полѣдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идетъ на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечь семьюдесять жерель в море Хвалисское. Тѣмже и из Руси можетъ ити по *Волзѣ* в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечь в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святой Онѣдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша.

Онѣдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, *увѣдѣ*, яко ис Корсуни близъ устье Днѣпрское, и вѣсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра вѣставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать божья; имать градъ великъ *быти* и церкви многи богъ въздвигнути имать». И вѣшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ *Варяги*, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словенскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани деревянные, и пережгутъ ѣ рамяно, и совлокуться, и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснианымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, *одва вылезутъ лѣ живи*, и облѣются водою студеною, и тако ожиутъ. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенья собѣ, а не мученья». Ты слышаще дивляхуся. Онѣдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в *Синопию*.

Полямъ же жившемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху каждо съ своимъ

и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались севе-рянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горамъ этим, тут былъ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, а в верховьях Днѣпра — волокъ до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днѣпр река. Днѣпр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днѣпр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегамъ его учил, как говорят, святой Андрей, братъ Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днѣпра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днѣпровское, и оттуда отправился вверх по Днѣпру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горахъ воссияет благодать божия, будетъ городъ великий, и воздвигнетъ богъ много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возникъ Киев, и отправился по Днѣпру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков ихъ обычай и какъ моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, какъ учил и что видел, и рассказал: «Удивительное виделъ я в Славянской земле на пути своемъ сюда. Виделъ бани деревянные, и разожгутъ ихъ докрасна, и разденутся и будутъ наги, и обольются квасомъ кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьютъ себя сами, и до того себя добьютъ, что едва вылезутъ, чуть живые, и обольются водою студеною, и только такъ ожиутъ. И творятъ это всякий день, никемъ же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершаютъ омовенья себе, а не мученья». Те же, слышавъ об этом, удивлялись; Андрей же, побывъ в Риме, пришел в Синоп. Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были

родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 брата: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кий на горѣ, гдѣже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, гдѣже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревича. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града *лѣтъ* и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозчикъ былъ, у Киева бо бѣше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозчикъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившую ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущую же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и срубил градокъ малъ, и хотѣше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и донинѣ наречють *дунайци* городище Киевецъ. Киеви же пришедшу въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ брати держати почаша родъ ихъ княжене в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже сѣдѣть на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдѣть кривичи. Таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдѣть весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где *втечетъ* в Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемисъ, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, *нерома*, либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже *живуть* въ странахъ полунощныхъ.

Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, *живущю* на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣнску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находила на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша

уже поляне, и жили они родами на своихъ местахъ, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра ихъ была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъемъ Боричевъ, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвася по нему Хоривицей. И построили городокъ во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругомъ города лес и бор великъ, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от нихъ поляне и донине в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевозъ с той стороны Днѣпра, отчего и говорили: «На перевозъ на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходилъ бы к Царьграду; а между темъ Кий этот княжил в родѣ своемъ, и ходил он к царю, и великие почести воздалъ ему, говорят, тотъ царь, при которомъ он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовалъ место, и срубил городокъ невеликий, и хотѣлъ сѣсть в немъ со своимъ родомъ, да не дали ему близживущи; так и донине называютъ придунайские жители городище то — Киевецъ. Кий же, вернувшись в свой городъ Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра ихъ Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьевъ этихъ потомство ихъ стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этихъ последнихъ произошли кривичи, сидящие в верховьяхъ Волги, и в верховьяхъ Двины, и в верховьяхъ Днѣпра, их же городъ — Смоленск; именно там сидятъ кривичи. От нихъ же происходят и северяне. А на Белозере сидитъ весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещине озерѣ также меря. А по реке Оке — там, где она впадаетъ в Волгу, — мурома, говорящая на своемъ языке, и черемисы, говорящие на своемъ языке, и мордва, говорящая на своемъ языке. Вотъ кто только говоритъ по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные такъ потому, что сидели по Бугу, а затемъ ставшие называться вольнянами. А вотъ другие народы, дающие дань Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорятъ на своихъ языкахъ, они — потомство Иафета, живущее в северныхъ странахъ.

Когда же славяне, какъ мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифовъ, то есть от хазаръ, такъ называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянамъ. Затемъ пришли белые угры и наслѣдовали землю Славянскую. Угры эти появились при царѣ Ираклии, который ходилъ походомъ на персидскаго царя Хоздроя. В те времена существовали

и обри, *иже* ходиша на *Ираклия* царя и мало его не яша. Си же *обри* воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ *дулѣбскимъ*: аще поѣхати будяше обѣрину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обѣрна, *и* тако мучаху дулѣбы. Быша бо обѣръ тѣломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не остана ни единъ обѣринъ. *И* есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки обѣръ; их же нѣсть племени ни наслѣдка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же жиущемъ особѣ, якоже рекохомъ, *сущимъ* от рода словѣнѣска, и нарекошася поляне, а *древляне* от словѣнѣ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх,— Радим, а *другий* Вятко,— и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, *и* прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. *И живяху* в мирѣ поляне, и древляне, *и сѣверъ*, и *радимичи*, вятичи и хрватѣ. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне, а улучи *и* тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру *оли* до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху, брачный обычай имяху: не *хожаше* зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, *живуще* скотски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже *и* всякий звѣрь, ядуще все нечисто, *и* срамссловье в нихъ предъ отци и предъ снохами, *и* браци не бываху въ них, *но* игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская *пѣсни*, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто сѣвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. *И* аще кто умряше, творяху *тризну* надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложакху ѿ на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложакху в судину малу, и *поставляху* на столпѣ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи *и* прочии поганини, не вѣдуще закона божия, но творяще сами собѣ законъ.

и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилье женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донныне: «Погибли как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это уже после — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а улучи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; вот почему греки называли их «Великая Скифь». Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамссловили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Глаголетъ Георгий в лѣтописаньи. «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконникомъ отечество мнится. От них же первые сирии, живущи на конецъ земля, законъ имуть отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Законъ же и у бактрианъ, глаголеми врахмане и островьници, еже от прадѣдъ показаньемъ и благочестьемъ мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа и божия вѣры. Ибо явѣ таче прилежащимъ к нимъ индиомъ — убийствовѣйници, сквернотворяще, гнѣвливи паче естества; ли в нутрнѣйши странѣ ихъ человекъ ядуще и странствуующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ и вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. И всякое бестудное дѣянье яко добродѣтели мнятся дѣюще, любо далече страны своя будуть.

Инь же законъ гилиомъ: жены в них орють, зижутъ храми и мужская дѣла творять, но любви творять елико хочеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, ли зазрятъ; в нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпкыи. Владѣють же жены мужи своими и добляють ими. Во Врѣтаньи же мнози мужи съ единою женою спятъ, и многыя жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ: незаконная яко законъ отецъ творять независтно ни въздержанно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скоть бесловесный единою лѣтомъ къ вѣшнимъ днемъ оземствени будуть; и сочтаются с окрестными мужи, яко нѣкоторое имъ торжѣство и велико празденство время то мнать. От них заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутыя отсюду вси. Во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; еще дѣвическъ полъ, то въздоять и прилѣжнѣ възпитають».

Якоже се и при насъ нынѣ половцы законъ держатъ отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящися о семъ, и ядуще мертьвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, и поймають мачехи своя и ятрови, и ины обычаи отецъ своихъ. Мы же, христиане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы древлями и инѣми околними. И наидоша я козарѣ, съдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшимъ, и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуда?». Они же рѣша: «Въ лѣсѣхъ».

Говоритъ Георгий в своемъ летописании: «Каждый народъ имеетъ либо письменный законъ, либо обычай, который люди, не знающіе закона, соблюдаютъ какъ преданіе отцовъ. Изъ нихъ же первые — сирийцы, живущіе на краю света. Имеютъ они закономъ себе обычаи своихъ отцовъ: не заниматься любодѣянствомъ и прелюбодѣянствомъ, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таковъ же законъ и у бактрианъ, называемыхъ иначе рахманами или островитянами; эти по заветамъ прадедовъ и изъ благочестія не едятъ мяса и не пьютъ вина, не творятъ блуда и никакого зла не делаютъ, имея великій страхъ божьей веры. Иначе — у соседнихъ съ ними индийцевъ. Эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверхъ всякой меры; а во внутреннихъ областяхъ ихъ страны — тамъ едятъ людей, и убиваютъ путешественниковъ, и даже едятъ какъ пси. Свой законъ и у халдеянъ и у вавилонянъ: матерей брать на ложе, блудъ творить съ детьми братьевъ и убивать. И всякое бесстыдство творятъ, считая его добродѣтелью, даже если будутъ далеко отъ своей страны.

Другой законъ у гилий: жены у нихъ пашутъ, и строятъ дома, и мужские подвиги совершаютъ, но и любви предаются сколько хотятъ, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдятся; есть среди нихъ и храбрыя женщины, умелыя в охотѣ на зверей. Властвуютъ жены эти надъ мужьями своими и повелеваютъ ими. В Британіи же несколько мужей съ одною женою спятъ, и многыя жены съ однимъ мужемъ связь имеютъ и незаконно какъ законъ отцовъ совершаютъ, никемъ не осуждаемыя и не сдерживаемыя. Амазонки же не имеютъ мужей, но, какъ бесловесный скотъ, однажды в году, близко къ весеннимъ днямъ, выходятъ изъ своей земли и сочтаются с окрестными мужчинами, считая то время какъ бы некимъ торжѣствомъ и великимъ праздникомъ. Когда же зачнутъ отъ нихъ в чреве, — снова разбегутся изъ техъ местъ. Когда же придетъ время родить и если родится мальчикъ, то убиваютъ его, если же девочка, то вскормятъ ее и прилежно воспитають».

Такъ вотъ и при насъ теперь половцы держатся закона отцовъ своихъ: кровь проливаютъ и даже хвалятся этимъ, едятъ мертвечину и всякую нечистоту — хомяковъ и сусликовъ, и берутъ своихъ мачехъ и невестокъ, и выполняютъ иныя обычаи своихъ отцовъ. Мы же, христиане всехъ странъ, где веруютъ во святую Троицу, въ единое крещенье и исповѣдуютъ единую веру, имеемъ единый законъ, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вследъ за темъ, по смерти братьевъ этихъ (Кия, Щека и Хорива), притесняли полянъ древляне и иныя окрестныя люди. И наши ихъ хазары сидящими на горахъ этихъ в лесахъ и сказали: «Платите намъ дань». Поляне, посовѣщавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли ихъ хазары къ своему князю и къ старейшинамъ, и сказали имъ: «Вотъ, новую дань нашли мы». Те же спросили у нихъ: «Откуда?» Они же ответили: «Въ лесу».

на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша: «Что суть въдали?». Они же показаша мечь. И рѣша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, *рекше* саблями, а сихъ оружье *обоюду* остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Се же сбыха все: не от своя воля рекоша, но отъ божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмъ, *егда* приведоша Моисѣя предъ Фарагона, и рѣша старѣйшина фараона: «Се хочеть смирити область Еюпетьскую»; якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си: владѣша, и послѣже *самѣми* владѣють; якоже и бысть: володѣють *бо* козары русьскии князи и до днешнего дне.

Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо *увѣдахомъ*, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишеться в лѣтописаньи гречѣстѣмъ. Тѣмже отселе почнем и числа положимъ, яко «От Адама до потопа лѣтъ 2242; а от потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисѣева лѣтъ 430; а от исхоженя Моисѣева до Давида лѣтъ 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плѣненья Ярусалимля лѣтъ 448; а от плѣненья до Олександръдра лѣтъ 318; а отъ Олександръдра до рожества Христова лѣтъ 333; а отъ Христова рожества до Коньстянтина лѣтъ 318; от Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542». А от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя, лѣтъ 29; а от перваго лѣта Олгова, *понелиже* сѣде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святъславля лѣтъ 33; а от перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8; а Володимеръ княжи лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмже от смерти Ярослава до смерти Святополчи лѣтъ 60.

Но мы на *прежнее* возъвратимся и скажемъ, што ся *здѣя* в лѣта си, якоже преже почали бяхомъ первое лѣто Михайломъ, а по ряду положимъ числа.

Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365.

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. Болгаре же увидѣвше, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с болгары.

Въ лѣто 6367. *Имаху* дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имажу

на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас и с иных земель». И сбилось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унижит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишеться об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рожества Христова 333 года, а от Христова рожества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы,— как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку годá.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, узнав об этом, не смогли противостать им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367 (859). Варяги из заморья вимали дань с чюди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали

на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369.

Въ лѣто 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И *идоша* за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣи варязи *русь*, яко се друзии зовутся *свие*, друзии же урмане, англыне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша *руси* чюдъ, словѣни, и кривичи *и весь*: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами». И избѣрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, *сѣде Новгородѣ*, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворѣ. И от тѣхъ *варягъ* прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре *и* братъ его Труворѣ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новгородѣ словѣне, *въ* Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, *но* боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И *упрошаста* и рѣста: «Чий се градокъ?». Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градоко съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ, *родъ ихъ, платяче дань козаромъ*». Аскольдъ же и Диръ ооста въ градѣ семь, и многи варяги *сѣвокуписта*, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же *княжащу* в Новгородѣ.

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373.

Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 *лѣто* Михаила царя. Царю же отшедшю на огаряны, дошедшю же ему Черные рѣкы, вѣсть епархъ посла к нему, яко русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Царь же едва въ градѣ вниде, *и* с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ всю ночь молитву створиша, та же божественую святы богородицы ризу с *пѣсними* изнесъше, *в мори skutъ* омочивше. Тишинѣ суци *и* морю укротившюся, абѣ буря вѣста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшемъ засобѣ,

с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы,— вот так и эти прозывались. Сказали руси чудъ, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Белоозере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864). В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему вестъ, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны,

безбожныхъ Руси *корабля* смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко *мало* их от таковыя бѣды избѣгнути и въсвоися възвратишася.

Въ лѣто 6375.

Въ лѣто 6376. Поча царствовати *Василий*.

Въ лѣто 6377. *Крещена* бысть вся земля Болгарская.

Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381.

Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385.

Въ лѣто 6386.

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, от *рода ему* суца, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389.

Въ лѣто 6390. *Поиде* Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, *весь*, кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любечъ, и посади мужъ свои. *И* придоста къ горамъ хъ киевскимъ, и *увѣда* Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтска. *И* приплу подъ Угорское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ, к родомъ своимъ». Аскольдъ же и Диръ придоста, выскакав же вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». *И* убиша Асколда и Диру, и несоша на гору, и *погребоша* ѿ на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ *Ольма* церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. *И* сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ *русьскимъ*». *И* бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. *Сей* же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и *устави* варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и *примучивъ* ѿ, *имаше* на них дань по чернѣ кунѣ.

Въ лѣто 6392. *Иде* Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легьку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

Въ лѣто 6393. Посла къ радимичемъ, рька: «*Кому* дань даете?». Они же рѣша: «*Козаромъ*». *И* рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». *И* въдаша

чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876).

В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу—родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чюдъ, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. *И* пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. *И* подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Асколду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Асколду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». *И* убили Асколда и Диру, отнесли на гору и погребли: Асколда—на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святаго Николы; а Дирова могила—за церковью святой Ирины. *И* сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». *И* были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиися русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «*Кому* даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». *И* сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». *И* дали

Ольгови по щялягу, якоже и козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать.

Въ лѣто 6394.

Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399.

Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403.

Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405.

Въ лѣто 6406. Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское, пришедше къ Днѣпру и сташа вежами; бѣша бо ходяще, аки се половци. Пришедше от вѣстока и устремишася чересь горы великия, уже прозвашася горы Угорския, и почаша воевати на живуцая ту волохи и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и волохове прияша землю словенску. Посемъ же угри прогнаша волѣхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи. Бѣ единъ языкъ словѣнскъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравы, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая русь. Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ.

Словѣномъ живуцимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги. Не разумѣемъ бо ни гречьску языку, ни латынску; ѡни бо ны онако учать, а ѡни бо ны и онако. Тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ». Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣнскихъ князь. И рѣша философи: «Есть мужъ в Селуни, именемъ Левъ. Суть у него сынове разумиви языку словѣнску, хитра 2 сына у него философа». Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: «Посли к намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина». Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мнѣ Словѣнська земля, просящи учителя собѣ, иже бы могль имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ». И умолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови

Олегу по щялягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, царствовавший двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали завоевывать живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был один народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставлял и поучил нас и объяснил святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу.

Сима же пришедъшема, начаста съставлявати писмена азъбуковная словѣньски, и преложиста Апостоль и Еуангелъе. И ради быша словѣни, яко слышиша виличья божья своимъ языкомъ. Посем же преложиста Псалтырь, и Охтанкъ, и прочая книги. *Нѣции же начаша хулити словеньския книги*, глаголюще, яко «Не достоинъ ни которому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ и латинъ, по *Пилатову* писанью, еже на крестѣ господни написа». Се же слышавъ папѣжь римский, похули тѣх, иже ропыщють на книги словѣньския, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко «Въсхвалять бога вси *языци*»; другое же: «Вси възглаголють языки величья божья, якоже дасть имъ святой духъ отвѣщевати». Да аще кто хулитъ словѣньскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, донде ся *исправить*: ти бо суть волци, а не овца, яже достоинъ отъ плода знати *я* и хранитися ихъ. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, якоже вы наказалъ Мефодий, учитель вашъ». Костянтинъ же възратився въспять, и иде учить болгарскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Коцель князь постави *Мефодья* епископа въ Пании, на столѣ святого Онѣдроника апостола, единого отъ 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ гречьскаго языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Оконъчавъ же, достойно хвалу и славу богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодью, настольнику *Анѣдроникову*. Тѣмже словѣньску языку учитель есть *Анѣдроникъ* апостоль. В Моравы бо ходилъ и апостоль Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же *доходилъ* апостоль Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣмже и словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо русь, тѣмже и намъ руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ *словѣнескъ* и поставилъ есть епископа и намѣсника *по* себѣ Андроника словеньску языку. А словенскый языкъ и рускый одно есть, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а языкъ словенски един.

В лѣто 6407. В лѣто 6408. В лѣто 6409.

В лѣто 6410. Леон царь наяд угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарскую пленоваху. Семионъ же *увѣдѣвъ*, на угры възратися, и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семионъ въ Дерѣстрѣ убежа.

В лѣто 6411. Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и *слушаше* его, и приведоша ему жену отъ Пскова, именемъ *Олгу*.

Когда же братья эти пришли,—начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что-де «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят бога все народы», и другое: «Пусть все народы восхвалят величие божие, поскольку дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника, одного из семидесяти апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полями прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-царь нанял угров против болгар. Угры же, напад, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В лѣто 6412. В лѣто 6413. В лѣто 6414.

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки. Игоря *оставив* Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнники, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла* творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну вѣтру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убоясая, и рѣша, выславше ко Ольгови: «Не погубляй града, имемъся *по дань*, якоже хочещи». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бѣ бо устроено со отравою. И убоясая греци и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святой Дмитрий, посланъ на ны от бога». И заповѣда Олегъ *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли *по* 40 мужь.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Греческие земли. Олегъ же мало отступи от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со *Леономъ* и Александромъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хочещи, *дамы* ти». И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти *уклады* на руския грады: первое на Киевѣ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа города; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Ольгом суще. «Да приходячи русь слюбное емлют, елико хочяти, а иже *придутъ* гости, да емлют мѣсячину на 6 мѣсяць, хлебъ, вино, и мясо, и рыбы и *овощь*. И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же *домовь*, в Русь, да емлют у царя вашего *на путь* брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико надобе». И яшася греци, и рѣста царя и боярьство все: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины: да запретит князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей. Приходяще русь да витают у святого Мамы,

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы и плодами. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное: да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта

и *послеть* царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмут *мѣсячное* свое,— первое от города Киева, и *паки* ис Чернигова и ис Переславля, и прочии гради. И да входят в град одними ворота со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобе, *не платяче* мыта ни в чем же».

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротъ заходивше межы собою, целовавше *сами* крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «*Исшийте* парусы паволочиты руси, а словеномъ *кропиньныя*», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И *воспяша русь* парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а вѣтръ; и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ *паволочиты*». И приде Олегъ к Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщій: бяху бо людье погани и невѣгласи.

В лѣто 6416. В лѣто 6417. В лѣто 6418.

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западе *копейным* образом.

Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построи мира и положити ряд межю Русью и Греки, и посла *глаголя*:

«Равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, *Руаръ*, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину, великим о бозѣ самодержьцем, царемъ греческим, на удержание и на извещение от многих лѣт межю христианы и Русью бывшею любовь, похотѣнем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх, иже суть под рукою его сущих руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх *хотящи* еже о бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межю хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, *не* точью просто *словесемъ*, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему.

Суть, яко *понеже* мы ся имали о божьи вѣре и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, греки, да любим друг друга от всеа душа и изволения, и не вдадим,

и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им *месячное*,— сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам *копринные*»,— и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне *копринные*, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода рускаго — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олга, великого князя рускаго, и от всех, кто под рукою его, — светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению всех, кто находится под рукою его, русских. Наша светлость, превыше всего желая в боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую неоднократно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим

елико наше изволение, быти от сущих *подъ* рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; но по-тщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, греки, исповеданием и написанием со клятвою извещаемуя любовь непревратну и *непостыжну*. Тако же и вы, греки, да храните *таку* же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, *несоблазну* и непреложну всегда и во вся лѣта.

А о главах, аже ся ключит проказа, *урядимъ* ся сиче: да елико явѣ будетъ показани явлеными, да имѣют вѣрное о тацѣх *явлении*; а ему же начнутъ не *яти* вѣры, да кленется часть та, иже ищетъ неятю вѣры; да егда кленется по вѣре своей, и будетъ казнь, якоже явится согрешенье.

О сем, аще кто убьет или хрестянина русин, или хрестянинъ русина, да умрет, идѣже аще сотворитъ убийство. Аще ли убежитъ сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть, толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убежавъ, да держитъся тяжи, дондеже обрящется, и да умреть.

Аще ли ударитъ мечем, или *бьеть* кацѣмъ любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовитъ тако сотворивый, да вдасть елико можетъ, да соиметь *сѣ* себе и ты самыя порты, в них же ходит, да о процѣ да ротѣ ходитъ своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отоле не взыскаема.

О сем, аще украдетъ что *любо русин* у хрестянина, или паки хрестянинъ у русина, и ятѣ будетъ в том часѣ тать, егда татбу сѣтворит, от погубившаго что любо; аще приготовить ся тать творяй, и убьень будетъ, да не взищется смерть его ни от хрестянь, ни от Руси; но паче убо да возьметъ свое, иже *будеть* погубил. Аще *вдасть* руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣм же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, *и* отдасть тое, еже смѣ створити, и сотворить триичи.

О сем, аще кто от хрестянь или от Руси мученья образомъ искусъ творити, и *насилемъ* явѣ возметъ что любо дружне, да въспятитъ троиче.

Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великимъ на землю чюжую, и обратиться тамо иже от нас руси, *да* аще кто *иметь* снабдѣти лодию с рухлом своимъ *и* отослати паки *на* землю хрестяньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ въ бестрашно мѣсто; аще ли таковая лодья

произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, как только можем, сохранить с вами в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, открытым объявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым руским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть кленется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет — русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим оружием, то за тот удар или битье пусть даст пять литр серебра по закону рускому; если же сделавший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть кленется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и (в обоих этих случаях) будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере. Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта ли

от бури, или боронения земнаго боронима, не может *възвратитися* въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоа лодья мы, русь, допроводим с куплею их поздорову. Ти аще ключитися близъ земля Грецака. Аще ли ключитися тако же проказа лодьи русской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продают рухло тоя лодьи, и аще что может продати от лодья, *воволочим* мы, русь. Да егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодьи их. Аще ли лучитя кому от лодьи убеену быти от нас руси, или что взято любо, да повинни будутъ то створшии прежереченною епитемьею.

О тѣх, аще полоняникъ обою страну держим естъ или от руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ, ли греченинъ, да *искупятъ* и възратят искупное лице въ свою сторону, и возмут цѣну его купящии, или мнеться в куплю над нь челядиннаа цѣна. Тако же аще от рати ятъ будетъ от тѣх грекъ, тако же да *возратитя* въ свою страну, и *отдана* будет цѣна его, якоже речено естъ, якоже естъ купля.

Егда же *требуетъ* на войну ити, и сии хотятъ *почтити* царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотят остати у царя вашего своею волею, да будутъ.

О Руси о полонении множанши. От коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемымъ въ хрестьяны, и аще же и о хрестьянех о полоненых от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаемы бываютъ по 20 золота, и да приидут в Греки.

О том, аще украден будетъ челядинъ русский, или ускочит, или по нужи продан будетъ, и жаловати начнут Русь, да покажется таковое о челядинѣ и да поимуть *и* в Русь; но и гостие аще погубиша челядинъ и жалуютъ, да ищутъ, обретаемое да поимуть *е*. Аще ли кто искушенья сего не дастъ створити местникъ, да погубить правду свою.

И о работающихъ въ Грекох руси у хрестьянскаго царя. Аще кто умреть, не *урядивъ* своего имѣнья, ци своих не имать, да възратит имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковой, возметъ уряженое его, кому будетъ писал наследити имѣнье его, да наследит *е*.

О взимающихъ куплю руси.

от бури или противного ветра задерживается и не может *возвратиться* в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим с куплею их поздорову. — Это если случится около Греческой земли. Если же приключится такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю, и пусть (свободно) продают товары той ладьи (еще в Греции), так что если можно что продать из той ладьи, то пусть (беспрепятственно) вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту или что-нибудь будетъ взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возмут цену его купившие или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно, пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше, существующая по обычным торговым расчетам. Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по двадцати златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его. Если же кто-либо из тяжущихся не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное ему тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающихъ куплю.

О различных *ходящихъ* во Греки и *удолжающихъ*... Аще злодѣи не възратятся в Русь, да жалуютъ русь хрестьянску царству, и ятъ будет таковой, и възвращен будет, не хотя, в Русь. Си же вся да створять русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково.

На утверженъ же *и неподвижение* быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, подлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истиннаго бога *вашего*, извѣсти и дать нашим послом. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суца, яко *божие* здание, по закону и по *покону* языка нашего, не преступити нам, ни *иному* от страны нашей от уставленных главъ мира и любви. И таковое написание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совещаю, на утвержение и на извещение межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, *индикта 15*, в лѣто созданиа мира 6420».

Царь же Леонъ почти послы рускые дарми, златом, и паволоками и фофудьами, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыа и в них суцаа богатство, злата много и паволоки и камъне драгое, и страсти господня и венецъ, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я к вѣре своей и показующе им истинную вѣру. И тако отпусти а во свою землю с честью великою. Послании же Олгом послы приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, *иже бѣ* поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волхвовъ *и* кудесникъ: «От чего ми есть *умрети?*» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и вѣдиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ, си рѣче: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити *и* не водити его к нему, и пребы нѣколько лѣт не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «*Кде* есть конь мѣй, его же *бѣхъ* поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но *все то лъжа* есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще

О различных людях, *ходящихъ* в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою подлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Мѣсяца сентября 2, *индикта 15*, в год от сотворения мира 6420».

Царь же Леон почтил русских послов дарами — золотом, и паволоками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его

кости его голы и лобъ голъ, и сѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?». И вѣступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа *изо* лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людье вси плачемъ великим, и несоша и погребоша *его* на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, *словеть* могила Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ княжения его 33.

Се же не дивно, яко от волхвования *сбывается чародѣйство*. Якоже *бысть во* царство Доментианово, нѣкий волхвъ, именем *Аполоний, Тиянинъ*, знаемъ беаше, шествуа и творя всюду и въ градѣх и в селех бѣсовскаяа чюдеса. От Рима бо пришедъ въ Византию, умоленъ бывъ от живущих ту, сотворити сиа: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко *не* врежатися челоукомъ от них; ярость *коньскую* обуздавъ, егда схожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умоленъ бывъ от них, томимомъ бо антиахияном от скоропий и от комаръ, сотворивъ мѣдянь скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморен постави *надъ* ним, и повелѣ трость держати челоукомъ, и ходити по городу и звати, тростемъ трясомомъ: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же паки *о належащемъ* на градъ *трусѣ*, въздохну, списа на дщице сеа: «Увы тобѣ, оканный граде, яко потрясешися много, и огнем одержимъ будеши, *оплачетъ* же тя и *при* березѣ *сый Оронтии*». О нем же и великий Настасий божья града рече: «Аполонию же даже и донинѣ на нѣцех мѣстех *сбываются створенаа*, стоашаа *ова* на отвращение животенъ четверногъ, птица, могущи вредити *челоуки*, другыя же на воздержание струамъ рѣчнымъ, невоздержанно текущим, но ина нѣкаа на тлѣнье и вред челоукомъ сушаа на побѣжение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканным челоукомъ, бошею *крадомымъ* на таковаа от дьявола». Кто убо что *речеть о творящихся* волшвенным прелщениемъ дѣлех? Яко таковой гораздъ бысть волшебством, яко воину зазряще ведый Аполоний, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему рещи якоже «Азъ словомъ точью *творихъ*, их же хотяше», а не свершениемъ творити повелеваемаа от него. *Та же* и вся ослабленъемъ божьимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушатися нашаа православныа вѣры, аще тверда есть и искръ пребывающаа господевы, и *не* влекома врагомъ *мечетных* ради чюдес и сотонинъ дѣлъ, *творимыхъ* от врагъ и слугъ злобы. Еще же, но именемъ господнимъ, и *пророчествоваша* нѣции, яко

голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачемъ великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и донине, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. Не удивительно, что от волхвования *сбывается чародейство*. Так было и в царствование Доментиана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, его упросили живущие там сделать следующее: он отогнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обузда на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми — антиохиянцами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона, и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много тебя будет трясти земля, и огнем будешь популен, оплачет тебя и Оронтия на берегу». Об Аполлонии этом и великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, произведенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: некоторые из них сотворены, чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словомъ только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попущениемъ божьимъ и творениемъ бѣсовскимъ случается, — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и пребывает подле господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и именемъ господа пророчествуют, как

Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Иуда и сынове *Скевавли*. Убо и не на достойных *благодать дѣтельствуует* многажды, да етеры свидѣтельствууетъ, ибо Валам обоих бѣ *щюжь* — житѣа изящна и вѣры, но обаче *свѣдѣтельствова* в нем *благодать* инѣх ради смотрення. И Фараонъ таковой бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоносоръ законопреступный, но и сему паки во мнозѣх сущих последи же родъ открь, тѣмъ авляа, яко мнози, прекостни имуще умъ, пред образомъ Христовымъ знаменаютъ иною козную на прелестъ чловѣкомъ, не *разумѣвающимъ* добраго, якоже бысть Симонъ волхвъ, и *Менандръ и ини таковы, ихъ* ради поистѣнѣ рече: «Не чюдесы прелщати *подобаетъ...*».

В лѣто 6421. Поча княжити Игорьъ по Олзѣ. В се же время поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И древляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти.

В лѣто 6422. Иде Игорьъ на древляны, и побѣдивъ а, и возложи на *ня* дань болши Олговы. В то же лѣто прииде Семионъ Болгарскій на Царьград, и сотворивъ миръ, и прииде восвоаси.

В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ, пленяа Фракию, греки же послаша по печенѣги. Печенѣгом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расварившеся греческыа воеводы. Видѣвше печенѣзи, яко сами на ся *рѣтъ* имуть, отъидоша въсвоасы, а болгаре со грекы *соступишася*, и пересѣчени быша грекы. Семионъ же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во 3-хъ реках купався недуга избыту, сего *ради* град во имя свое нарече. Последи же Андрианъ кесарь ѥ обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ.

В лѣто 6424. В лѣто 6425. В лѣто 6426. В лѣто 6427.

В лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекох. А *Игорь* воеваше на печенѣги.

В лѣто 6429. В лѣто 6430. В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433.

В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436.

В лѣто 6437. Приде Семевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, в гордости, и створи миръ с *Романомъ* царемъ, и въратися въсвоаси.

В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441.

В лѣто 6442. *Первое* приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; *Романъ* сотвори миръ со угры.

Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее свидетельствовала в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих добраго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было по истине сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой.

В год 6423 (915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвоаси, а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Адрианополь, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона: ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостью, и сотворил мир с Романом-царем, и возвратился восвоаси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447.
В лѣто 6448.

В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идут Русь на Царьградъ, скѣдйи 10 тысящ. Иже придоша, и приплуша, и почаша воевати Вифиньскиа страны, и воеваху по Понту до *Ираклия* и до *Фафлогоньски* земли, и всю страну *Никомидийскую* поплѣнивше, и Судь весь пожьгоша; их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки странъ поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы вѣбивахуть *имѣ*. Много же святыхъ церквий *огневи* предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало от обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ от вѣстока, *Памѣфиръ* деместикъ съ 40-ми тысящъ, *Фока* же патрекий съ макидоны, *Федоръ* же стратилатъ съ фраки, с ними же и *сановници* боярстии, обидоша русь около. Съвѣщаша русь, изидоша, вѣружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зѣли, одва одоляша грѣци. Русь же вѣзратишася къ дѣружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в *лодѣи* и отбѣгоша. *Феофанъ* же сустрѣте я въ лядахъ со огнемъ, и пущати нача трубами огонь на лодѣ руския. И бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии вѣзвратишася вѣсвосяси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднѣмъ огни: «Якоже молонья,— рече,— иже на небесѣхъ, грѣци имуть у собе, и се *пуцающе* же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имѣ». Игорь же, пришедъ, нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки *хотя* поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на храваты, и побѣженъ бысть храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болгаромъ.

В лѣто 6451. Паки придоша угри на Царьградъ, и миръ створивше съ *Романомъ*, вѣзвратишася вѣсвосяси.

В лѣто 6452. Игорь же, совкупивъ вои многи—варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги *наа* и тали у нихъ поя, поиде на Греки в лодѣхъ и на конихъ, хотя мѣстити себе. Се слышавше корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: «*Се идутъ* русь, бе-щисла корабль, покрыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «*Идутъ русь*, и наяли суть к собѣ печенѣги». Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ бояре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще к той дани». Тако же и къ печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, и повѣда имѣ рѣчь цареву. Рѣша же дружина *Игорева*:

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары вѣсть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Судь весь пожгли. А кого захватили—одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили немало богатств. Затем пришли с востока воины—Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись—и так оставшиеся их возвратились домой. И, придя в землю свою, поведали—каждый своим—о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную,—говорили они,—имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарями.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились вѣсвосяси.

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев—и нанял печенегов, и заложников у них взял,—и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали вѣсть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей рѣчь цареву. Сказала же дружина Игорева:

«Да аще сиче глаголетъ царь, то что хотимъ боле того: не бившися имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обѣча смерть всѣмъ». Послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болгарьску землю; а самъ возьмъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратися въспять, и приде къ Киеву въсвосяси.

В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореву построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати и псати обоихъ рѣчи на харатьѣ.

«Равно *другаго* свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обѣчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передѣславинъ; Шихъбернъ Сфандръ, жены Улѣблѣ; Прасътѣнъ Турѣдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Турѣдовъ; Егри Евлисковъ; Воистъ Войковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купецъ: Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомоль, Куци, Емигъ, Турѣбидъ, Фурѣстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелдъ, Турѣбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилен, Апубьксаръ, Вузлѣвъ, Синко, Боричъ, послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людей Руския земля. И от тѣхъ заповѣдано обновити ветъхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола *разореный* от много лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью.

И великий князь нашъ Игорь, и боляре его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречскими на вся лѣта, дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоитъ. И иже помыслить от страны Руския разрушити такую любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да примутъ мечь от бога вседержителя, *осуженье* на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий.

«Если такъ говоритъ царь, то чего намъ еще нужно,— не бившися, взять золото, и сребро, и паволоки? Разве знаетъ кто—кому одолеть: намъ ли, имъ ли? Или с моремъ кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всемъ общая смерть». И послушалъ ихъ Игорь и повелелъ печенегамъ воевать Болгарскую землю, а самъ, взявъ у грековъ золото и паволоки на всехъ воиновъ, возвратился назадъ и пришелъ къ Киеву восвосяси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефанъ пословъ къ Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорилъ с ними о мире. И послалъ Игорь мужей своихъ къ Роману. Романъ же созвалъ бояр и сановников. И привели русскихъ пословъ и велели имъ говорить и записывать речи техъ и другихъ на хартию.

«Списокъ с договора, заключеннаго при царяхъ Романе, Константине и Стефане, христолюбивыхъ владыкахъ. Мы—от рода русскаго послы и купцы, Ивор, посолъ Игоря, великаго князя русскаго, и общие послы: Вуефастъ от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянника Игоря; Улебъ от Володислава; Каницаръ от Предславы; Шихбернъ Сфандръ от жены Улеба; Прастенъ Тудоровъ; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастенъ Акунъ от племянника Игоря; Кары Тудковъ; Каршевъ Тудоровъ; Егри Евлисковъ; Воистъ Войковъ; Истръ Аминодовъ; Прастенъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купцы Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Улебъ, Фрутанъ, Гомоль, Куци, Емигъ, Туробидъ, Фуростенъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игелдъ, Турбернъ, Моне, Руальдъ, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексаръ, Вузлевъ, Синко, Боричъ, посланные от Игоря, великаго князя русскаго, и от всякаго княжья, и от всехъ людей Русской земли. И имъ поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много летъ ненавидящимъ добро и враждолюбцемъ дьяволомъ, и утвердить любовь между греками и русскими. Великий князь нашъ Игорь, и бояре его, и люди все русские послали насъ къ Роману, Константину и Стефану, къ великимъ царямъ греческимъ, заключить союзъ любви с самими царями, со всемъ боярствомъ и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияетъ солнце и весь миръ стоитъ. А кто с русской стороны замыслитъ разрушить эту любовь, то пусть те из нихъ, которые приняли крещение, получаютъ возмездие от бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из нихъ, которые не крещены, да не имеютъ помощи ни от бога ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погубнутъ они от мечей своихъ, от стрелъ и от иного своего оружья, и да будутъ рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь русский и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотятъ, со слы и с гостями, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣль есть князь *вашь* посылати *грамоты* ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ *посли* и гостье, да *приносятъ* грамоту, пишюче сице: яко «послахъ корабль *селико*». И от тѣхъ да увѣмы *и мы*, оже съ миромъ *приходятъ*. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ *намъ*, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю *вашему*. Аще ли руку не дадять, и противятся, *да* убѣни будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть русь без купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтитъ князь сломъ своимъ и приходящимъ руси сде, да *не* творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *наше*, да испишетъ имяна ваша, тогда возмутъ мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное, первое от города Києва, паки изъ Чернигова и *ис* Переяславля *и исъ прочихъ городовъ*. Да входятъ в городъ одинѣми ворота со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, *и* паки да исходятъ; *и мужъ* царства *нашего* да хранить я, да аще кто от Руси или от Грекъ *створить* криво, да оправляеть то. Входяще же русь в *градъ*, да *не* творять *пакости* *и* не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто крнеть, да показываетъ цареву мужю, и *ть я* запечатаеть и дастъ имъ. И отходящей руси отсюда *взимають* от насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возвращаются съ спасениемъ въ страну свою; да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы.

Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь же придуть въ страну царствия *нашего*, и у святаго Мамы аще будетъ, да поймутъ и; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ.

Аще ли кто от людей царства *нашего*, ли от города *нашего*, или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашъ къ вамъ, и принесеть что, да въспятять ѱ опять; а еже что принеслъ будетъ все цѣло, и да возьметъ от него золотника два *имечнаго*.

Аще ли кто покусится от руси взяти что от людей царства *нашего*, иже то створить, покажнень будетъ вельми;

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, и с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылат грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: «Послал столько-то кораблей». И из этих грамот мы узнаем, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И когда придут, пусть живут у церкви святаго Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Києва, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по пятьдесят, и торгуют, сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по пятидесяти золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святаго Мамонта зимовать да не имеют права. Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну нашу, и если окажется у святаго Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по две паволоки за челядина. Если же кто из челядинов наших царских или города нашего или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут из него два золотника за поимку. Если же кто покусится из русских взяти что-либо у наших царских людей, то тот, кто делает это, пусть будет сурово наказан;

аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубо; и аще створить *то же* грѣчинъ русину, да приметъ ту же казнь, якоже приялъ есть и онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грѣчину от руси, достойно есть да *возворотитъ* ѓ не точью едино, но и цѣну его; аще украденое обрящется *продаемо*, да вдасть и цѣну его сугубо, и тѣ показнень будетъ по закону гречьскому, и по *уставу* и по закону рускому.

Елико хрестеянъ от власти нашея плѣнена приведуть русь, ту аще будетъ уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть ѓ; *аще ли есть средовѣчь*, да вдасть златникъ 8 и поимуть ѓ; аще ли будетъ старъ, или дѣтешъ, да вдасть златникъ 5.

Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще ли суть плѣнници, да *искупають* ѓ русь по 10 златникъ; аще ли купилъ ѓ *будетъ* грѣчинъ, подъ хрестомъ достоить ему, да возьметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ.

А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь руский, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, и тогда, аще просить вой у насъ князь руский, да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требъ.

И о томъ, аще обрящють русь кубару гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея. Аще ли от нея возьметъ кто что, ли человѣка поработитъ, или убьетъ, да будетъ повиненъ закону руску и гречьску.

Аще *обрящють* въ вустѣ Днѣпрьскомъ русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже.

И да не имѣють власти русь зимовати въ вустѣ Днѣпра, Бѣльбережи, ни у святого Ельферья, но егда придетъ осень, да идуть въ дома своя в Русь.

А о сихъ, оже то приходятъ чернии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не *пуцаеть*: *пакостять* странѣ его.

Ци аще ключится проказа *нѣкака* от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего да приметъ, якоже будетъ створилъ.

Аще убьетъ хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будетъ створивый убийство от ближнихъ убьенаго, да убьютъ ѓ.

Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будетъ имовитъ, да возмутъ имѣнье его ближнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ *створивый убийство* и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьенъ будетъ.

если уже возьмет, пусть заплатитъ вдвойне; и если сделаетъ то же грек рускому, да получитъ то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь рускому у греков или греку у русских, то следуетъ возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернетъ цену его вдвойне и будетъ наказан по закону греческому и по уставу и по закону рускому.

Сколько бы пленниковъ христиан нашихъ подданныхъ ни привели русские, то за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши даютъ десять золотниковъ и берутъ их, если же среднего возраста, то пусть дадутъ имъ восемь золотниковъ и возьмутъ его; если же будетъ старикъ или ребенокъ, то пусть дадутъ за него пять золотниковъ.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будутъ пленники, пусть выкупаютъ ихъ русские по десяти золотниковъ; если же окажется, что они куплены грекомъ, то следуетъ ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько онъ далъ за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеетъ права князь руский воевать в техъ странахъ, во всехъ городахъ той земли, и та страна да не покоряется вамъ, и если с другой стороны попроситъ у насъ воиновъ князь руский, чтобы воевать, — дамъ ему, сколько ему будетъ нужно.

И о томъ: если найдутъ русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берегъ, да не причинятъ ему ущерба. Если же кто-нибудь возьметъ изъ него что-либо или обратитъ кого-нибудь изъ него в рабство или убьетъ, то будетъ подлежать суду по закону рускому и греческому.

Если же застанутъ русские корсунцевъ в устьѣ Днѣпра за ловлей рыбы, да не причинятъ имъ никакого зла.

И да не имеютъ права русские зимовать в устьѣ Днѣпра, в Белобережье и у святого Ельферья; но с наступлениемъ осени пусть отправляются по домамъ в Русь.

И об этихъ: если придутъ черные болгары и станутъ воевать в Корсунской стране, то приказываемъ князю рускому — чтобы не пускалъ ихъ, иначе причинятъ ущербъ и его стране.

Если же будетъ совершено злодеяние кем-нибудь изъ греков — нашихъ царскихъ подданныхъ, — да не имаете права наказывать ихъ, но по нашему царскому повелению пусть получитъ тотъ наказание в меру своего проступка.

Если убьетъ нашъ подданный руского или руский нашего подданного, то да задержатъ убийцу родственники убитого и да убьютъ его.

Если же убежитъ убийца и скроется, а будетъ онъ обладать собственностью, то пусть родственники убитого возьмутъ имущество его; если же убийца окажется неимущимъ и также скроется, то пусть ищутъ его, пока не найдется, а когда найдется, да будетъ убитъ.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо ору-
жьемъ русинъ грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля грѣ-
ха заплатитъ сребра литръ 5 по закону рускому; аще ли есть
неимовитъ, да како можетъ в только же проданъ будетъ, яко
да и порты, в нихъ же *ходить*, да и то с него сняти, а о процѣ
да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти
такъ пущенъ будетъ.

Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противя-
щаяся намъ, да *пишемъ* къ великому князю вашему, и послеть
к намъ, елико же хотимъ: и оттоле увѣдятъ ины страны, како
любовь имѣють грѣци съ русью.

Мы же *свещание се* написахомъ на двою харатью, и едина ха-
ратья есть у царства нашего, *на ней же есть крестъ и имена*
наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А от-
ходяче послом царства нашего да допроводятъ къ великому
князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти, принимающе
харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ,
напсахомъ *на харатью сию, на ней же суть имена наша напи-*
сана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью свя-
таго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и подлежащемъ честнымъ
крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано
на ней, не преступити от него ничтоже; а иже преступитъ се
от страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ или не-
крещенъ, да не имуть помощи от бога, и да будетъ рабъ
въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будетъ своимъ
оружьемъ.

А некрещении русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги,
обручѣ своѣ и *прочаа* оружья, да кленутся о всемъ, яже суть
написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ бо-
ляръ и от всѣхъ людей от страны Руския въ прочая лѣта и
воину.

Аще ли же кто от князь или от *людей* русских, ли хресте-
янъ, или не хрестеянъ, преступитъ се, еже есть писано на
харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и
да будетъ клять от бога и от Перуна, яко преступи свою
клятву.

Да аще будетъ добрѣ *устроилъ миръ* Игорь великий князь,
да хранити си любовь правую, да не разрушится, дондеже
солнце съяетъ и весь миръ стоитъ, в нынешния вѣки и в
будущая».

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореву со слы гречь-
скими, и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же при-
зва слы гречьския, рече имъ: «Глаголите, что вы казалъ
царь?». И рѣша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть
миру, хочеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любьве.

Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо ору-
жием русский грека или грек русского, то за то незаконные
пусть заплатит виновный пять литр серебра по закону рус-
скому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него
все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он
ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть при-
несет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только то-
гда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших про-
тивников, да напишем о том великому князю вашему, и выш-
лет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают
в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и
русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия
хранится у нас, царей,—на ней есть крест и имена наши
написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А ко-
гда послы наши царские выедут, — пусть доставят их к вели-
кому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хар-
тию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договори-
лись и о чем написали на хартии этой, на которой написаны
имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись
церковью святого Ильи, в предлжании честного креста и
хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нару-
шать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей
страны — князь ли или иной кто, крещеный или некреще-
ный, — да не получит он помощи от бога, да будет он рабом
в загробной жизни своей и да будет заклан собственным ору-
жием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи,
обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что напи-
сано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боя-
рами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы
и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан
или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой,— да
будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят
от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот,— да хра-
нит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор,
пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и
во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами гречески-
ми и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал
греческих послов и спросил их: «Скажите, что приказал вам
царь?». И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадо-
ванный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским.

Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насѣ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ». Обѣщася Игорьъ сице створити. Заутра призва Игорьъ слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорьъ ротѣ и люди его, елико поганыхъ руси; а хрестеяную русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды, и козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестеяни. Игорьъ же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скорою, и чалядью и воскомъ, и отпусти я; сли же придоша ко цареви, и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь южѣ къ грекомъ.

Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань.

В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игоревы: «Отроки Свѣнльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорьъ, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьмавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возвращающюся, похожую и еще». Пустити дружину свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорьъ, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорьъ, и есть могила его у Искорьстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, — то же отецъ Мистишинъ. Рѣша же деревляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хожемъ». И послаша деревляне лучшии мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолъ горы Киевския, и на подольи не съдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ демьстиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень,

Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их; послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам. Игорь же начал княжить к Киеву, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудеши, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мистиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем.

И повѣдаша Ользѣ, яко древляне придоша, и возва ѿ Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри госте придоша». И рѣша древляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради придосте сѣмо?». Рѣша же древляне: «Посла ны Дервьска земля, рѣкуще сице: мужа твоего убихомъ, бѣше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю дервьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочу вы почтити наутрия предъ людьми своими, а ныне идѣте в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рѣцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы в лодьи»; и отпусти ѿ в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокую на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодьи». Рѣша же княгине: «Намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгини наша *хочетъ* за вашъ князь»; и понесоша ѿ в лодьи. Они же сѣдяху в перегьбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша ѿ на дворъ к Ользѣ, и, несѣше, винуша ѿ в яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?». Они же рѣша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати ѿ живы, и посыпаша ѿ.

И пославши Ольга къ древляномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене люде киевьстии». Се слышавше древляне, *избраша* лучьшии мужи, иже дервѣжаху Дервьску землю, и послаша по ню. Древляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рѣкуще сице: «Измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережъгоша истопку, и влѣзоша древляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи ѿ отъ дверей, ту изгорѣша вси.

И посла къ древляномъ, рѣкущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю тризну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши *мало* дружины, легъко идуци приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ тризну творити. Посемъ сѣдоша древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. И рѣша древляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?».

И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, — поиди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье», — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовёт вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все. И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?»

Она же рече: «Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася древляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ *своей* съчи *древляны*; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возвратися Киеву, и пристрой вои на прокъ ихъ.

Начало княженья Святославля, сына Игорева.
В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша древляне противу. И *снѣмъшеся* обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на *древляны*, и копье летѣ сквозѣ уши коневы, и удари в ноги коневы, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почаль; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша *древляны*. Древляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на *Искоростѣнь градъ*, яко *тѣе бяху убили мужа ея*, и ста около града с сыномъ своимъ, а древляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хотите досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хотите изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Древляне же рекоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мѣщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ мѣстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творихъ тризну мужевы своему. А уже не хоцю мѣщати, но хоцю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же древляне: «Што хоцещи у насъ? Ради даемъ медомъ и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Азъ бо не хоцю тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в *осадѣ*, да сего у васъ прошю мала». Древляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я *завтра отступлю от града*, и *поиду* въ градъ свой». Древляне же ради бывше, внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людемъ въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ *къ коемуждо* голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, ниткою поверзывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ.

Она же ответила: «Идутъ за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокамъ своимъ пити за ихъ честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли ихъ пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княженья Святослава, сына Игорева.
В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенелд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев.

Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, вработѣе же подѣ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идеже не горяше и не бѣ лъзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а. Яко взя градъ и пожьже ѿ, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их *остави* платити дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья *Вышегороду* к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерѣвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; *и* суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и уставы по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; *и* ловища ея суть по всей земли, знамяня и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселе. И изрядивше, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любви.

В лѣто 6456. В лѣто 6457. В лѣто 6458. В лѣто 6459. В лѣто 6460. В лѣто 6461. В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь *Костянтинъ, сынъ Леоновъ*; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градъ с нами». Она же, разумѣвши, рече ко царю: «Азъ погана есмь, да аще мя хочещи крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю царь с патрархомъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душою и тѣломъ; и поучи ю патрархъ о вѣрѣ, *и* рече ей: «Благословенна ты в женахъ русскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии *и* в послѣдний родъ внукъ твоихъ». И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимаючи ученья; *и* поклонивши патрарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти неприязньны». Въ же речено имя ей во крещеньи Елена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. *И* благослови ю патрархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь, и рече ей: «Хочю тя пояти собѣ женѣ». Она же рече: «Како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя *дщерюю*? А въ хрестянехъ

Голуби же и воробьи полетели в свои гнѣзда: голуби в голубятни, а воробьи под стрѣхи, и такъ загорелись — где голубятни, где клѣти, где сарай и сеновалы, и не было двора, где бы ни горело, и нельзя было гасить, такъ какъ сразу загорелись все дворы. И побежали люди изъ города, и приказала Ольга воинамъ своимъ хватать ихъ. И такъ взяла городъ и сожгла его, городскихъ же старейшинъ забрала в плен, а другихъ людей убила, третьихъ отдала в рабство мужамъ своимъ, а остальныхъ оставила платити дань.

И возложила на нихъ тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо былъ Вышгородъ городомъ Ольги. И пошла Ольга с сыномъ своимъ и с дружиною по Дрѣвлянскою земле, устанавливая распорядокъ даней и налоговъ; и сохранились места ея стоянокъ и охот до сихъ пор. И пришла в городъ свой Киевъ с сыномъ своимъ Святославомъ и пребыла здѣсь год. В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новугороду и установила по Мсте погосты и дани и по Лугѣ — оброки и дани, и ловища ея сохранились по всей землѣ, и есть свидетельства о ней, и места ея и погосты, а сани ея стоятъ в Псковѣ и поныне, и по Днѣпру есть места ея для ловли птицъ и по Деснѣ, и сохранилось село ея Ольжичи до сихъ пор. И такъ, установивъ все, возвратилась к сыну своему в Киевъ и тамъ жила с нимъ въ любви. В год 6456 (948). В год 6457 (949). В год 6458 (950). В год 6459 (951). В год 6460 (952). В год 6461 (953). В год 6462 (954). В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовалъ тогда цесарь Константинъ, сынъ Льва, и пришла к нему Ольга, и увидѣвъ царя, что она очень красива лицомъ и разумна, подивился царь ея разуму, бесѣдуя с нею, и сказалъ ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумевъ смыслъ этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня самъ — иначе не крещусь». И крестилъ ее царь с патриархомъ. Просветившись же, она радовалась душою и теломъ; и наставилъ ее патриархъ в верѣ и сказалъ ей: «Благословенна ты в женахъ русскихъ, такъ какъ возлюбила светъ и оставила тьму. Благословятъ тебя русские потомки в грядущихъ поколенияхъ твоихъ внуковъ». И далъ ей заповѣди о церковномъ уставѣ, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о соблюдении тела в чистотѣ. Она же, наклонивъ голову, стояла, внимая ученью, какъ губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыко, пусть буду схранена отъ сетей дьявольскихъ». И было наречено ей в крещеньи имя Елена, какъ и древней царицѣ — матери Константина Великаго. И благословилъ ее патриархъ и отпустилъ. После крещенья призвалъ ее царь и сказалъ ей: «Хочю взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Какъ ты хочешь взять меня, когда самъ крестилъ меня и назвалъ дочерью? А у христианъ

того нѣсть закона, а ты сам вѣси». И рече царь: «Переключала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дѣщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: «Людые мои погани и сынъ мой, дабы мя богъ съблюлъ от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо вѣрное! Во Христа крестилася еси, и во Христа облечеса, Христосъ имать схранити тя: якоже схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от звѣрий, тако и тя избавить от неприязни и от сѣтий его»; и благослови ю патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица эфиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамяня: тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости *божья*, но она человѣчески, а си божья. «Ищущи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходящихъ поется, на путехъ же дерзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаетъ, во вратѣхъ же градныхъ дерзаючи глаголетъ: елико бо лѣтъ *незлюбиви* держатся по правду...». Си бо отъ вѣзраста блаженная Ольга искаше мудростью, *что есть лучше всего* въ свѣтѣ семь, налѣзе бисеръ *многоцѣненъ*, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: «Желанье благовѣрныхъ *наслаждаетъ* душу»; и «Приложиши сердце твое в разумъ»; «Азь любящая мя люблю, и ищущи мене обрящуть мя». Господь рече: «*Приходящаго* ко мнѣ не *изжену* вонъ».

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь греческий, глаголя, яко «Много дарихъ ты. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возвращаюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь». Отвѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: «Аще ты, рыци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамъ». И отпусти слы, съ рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть ѿ матери креститися, и не *брежаше* того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство есть»; «Не смыслиша бо, ни разумѣша во тѣмъ ходящи», и не вѣдятъ славы господня; «*Одебелѣша* бо сердца ихъ, ушюма тяжько слышати, а очима видѣти». Рече бо Соломанъ: «*Дела* нечестивыхъ *далече* от разума», «Понеже звахъ вы, и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отмѣтасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте»; «Възненавидѣша бо премудрость, а страха господня

не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков в печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела свидетельства его многомудрия: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Наклонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда-де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме, и не ведают славы господней»; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, направил слова и не внимали мне, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха божьего

не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья». Якоже бо Ольга часто глаголаше: «Азь, сыну мой, бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоваться почнешь». Онъ же не внимаше того, глаголя: «Како азь хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина *моа* сему смѣяться начнутъ». Она же *рече* ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити». Он же не послуша матери, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матери не послушает, в бѣду впадает, якоже *рече*: «Аще кто отца ли матери не послушает, то смерть приметъ». Се же к тому гнѣвашеся на мать. Соломанъ бо *рече*: «*Кажай* злыя приемлетъ собѣ досаженье, *обличай* нечестиваго поречеть *собѣ*; обличенья бо нечестивымъ *мозолие* суть. Не *обличай* злыхъ, да не *възненавидятъ* тебе». Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рѣкущи: «Воля божья да будетъ; аще богъ хоцетъ помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ, да възложитъ имъ *на* сердце обратитися къ богу, якоже и мнѣ богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его.

В лѣто 6464. В лѣто 6465. В лѣто 6466. В лѣто 6467. В лѣто 6468. В лѣто 6469. В лѣто 6470. В лѣто 6471.

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя възъ по собѣ не возяше, ни котля, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ *ядяше*, ни шатра имяше, но подъкладъ *постлавъ* и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и *рече* вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ по щелягу от рала даемъ».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася *битися, и бывши* брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касоги.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеву, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяхе Переяславци, и затворися Волга въ градъ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градъ Киевѣ. И оступиша *печенѣзи* градъ в силѣ велицѣ, бесчислено множество около града, и не бѣ лъзѣ изъ града

не избрали для себя, не приняли совета моего, презрели все обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых — язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля божья; если захочет бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия. В год 6464 (956). В год 6465 (957). В год 6466 (958). В год 6467 (959). В год 6468 (960). В год 6469 (961). В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись битися, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенегу на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киевѣ. И осадили печенегу город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было

вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣе гладомъ и водою. Собравшеся людѣе оная страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ лъзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И вѣстужиша людѣе въ градъ и рѣша: «*Нѣсть* ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и речи имъ: *аще не подступите завтра*, предатися имамъ печенѣгомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и *ристаше* сквозъ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?». Бѣ бо умѣя печенѣжски, и мняхуть ѿ своего. И яко приближися к рѣцѣ, *свергъ* порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оная страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша ѿ в лодью и привезоша ѿ къ дружинѣ. И рече имъ: «*Аще не подступите* завтра къ городу, предатися хотятъ людѣе печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичъ: «Подъступимъ завтра в лодьях, и, попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну. *Аще ли сего не створимъ*, погубити ны иматъ Святославъ». Яко бысть завтра, всѣдъше в лодьи *противу* свѣту и вѣструбиша вельми, и людѣе въ градъ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разноту от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвъ же се князь печенѣжский, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичу и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «*Людѣе* оная страны». И рече князь печенѣжский: «А ты князь ли еси?». Онъ же рече: «Азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, и по мнѣ идетъ полкъ со княземъ, бе-щисла множество». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжский къ Прѣтичу: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенѣжский князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. И *отступиша* печенѣзи от града, и не бяше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, и матеръ твою и дѣти твои. *Аще не пондеши*, ни обратиши насъ, да паки ны возмутъ. *Аще ти не жаль очины своя*, ни матери, стары суца, и дѣтий своих?» То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матеръ свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вон, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся:

ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врасыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага:

от Грекъ золото, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медъ и челядъ. Рече ему Волга: «Видиши мя болну сущю; камо хочещи отъ мене ити?» — бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему; «Погребъ мя *иди*, ямо же хочещи». По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущая крестьянствѣй земли, аки *деньница* предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо съяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ чловѣцехъ свѣтящеса, аки бисерьъ в калѣ: кални бо бѣша *грѣхомъ*, неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеса *греховныя одежда* ветхаго чловѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христось. Мы же рцѣмъ к ней: «Радуйся, руское познанье къ богу, начатокъ примиренью быхомъ». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирают, якоже рече Соломанъ: «*Похваляему праведному възвеселятся людье*», бесъсмертье бо есть память его, яко от бога познавается и от чловѣкъ. Се бо вси чловѣци прославляют, *видяще лежащую* в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо пророкъ: «Прославляющая мя прославлю». О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: «В память *вечную* праведникъ будетъ, от слуха зла не убоится; готово сердце его уповати на господя, утвердися сердце его и не подвижется». Соломанъ бо рече: «Праведници въ вѣки *живуть*, и отъ господя мзда имъ есть и строенье вышняго. Сего ради примуть царствие красотѣ и вѣнецъ добротѣ от руки господня, яко десницею покрыеть я и мышцею защититъ я». *Защитилъ* бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣхъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы *пошелъ* кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ *Добрынѣ*, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: «Вѣдай ны Володимера». Онъ же рече имъ: «Воты вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ *Добрынею*, уемъ своимъ, Ноугороду, а Святославъ Переяславъцю.

из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней трызны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же зываем к ней: «Радуйся, русское познание бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Веселится народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророкъ: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на господя; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от господя и попечение о них у всевышняго. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки господя, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не поидете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополкъ и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малкъ Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ градъ. И излѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и *одоляху* болгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!». И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей». И рѣша грѣци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грѣци, лѣстяче подѣ Русью; *суть бо грѣци лѣтвы и до сего дни*. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящъ». И прирече 10 тысящъ, бѣ бо руси 10 тысящъ *толко*. И пристроиша грѣци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видѣвше же русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предѣ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И рѣша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грѣци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоять* и до днешняго дне *пусты*. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?». И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ ѣ, любѣзливъ ли есть злату, ли *паволокамъ*?». И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грѣци с поклономъ. И рече: «Въведѣте ѣ сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *возрѣ* на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искусѣ ѣ еще, послѣ ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, примъ, нача хвалити, и любити, и *цѣловати* царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужъ *хочеть* быти, яко имѣнья не брежетъ, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи»;

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмогу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разошлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костью, ибо мертвые не принимают позора. Если же побегим — позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь»;

за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеных, глаголя, яко «Род его возметъ». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с *похвалою* великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбыють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку. И рече: «Понду в Русь, приведу боле *дружины*».

И посла слы ко цареви въ *Деревьстръ*, бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочю имѣти миръ с *тобою* твердъ и любовь». Се же слышавъ *царь* радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть *царь*, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градъ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои *множайша*, поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ *Деревьстръ*, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же рѣша: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи *Святослави* на харатью. Нача глаголати соль вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глагола сице:

«Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи рустѣмъ, и при Свѣналѣдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщанѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со *всякимъ* великимъ царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашу, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья. Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ *не* съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ *золоти*, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ.

ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславецъ со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины». И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочю иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенегии с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдём на Царьград». И была любва речъ эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочю иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писецъ писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь руский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочю вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною боляре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем.

Се же имѣйте во истину, якоже *сотворихомъ* нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечатахомъ».

Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень *Свѣналдъ*: «Поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его и поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идетъ вы Святославъ в Русь, возьмѣ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ *маломъ* дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лъзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвъши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашу, *оковавшие* лобъ его, и пяху из него. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловъ *дѣющею* Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис Киева, гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ ѿ Олегъ, и рече: «Кто се есть?». И рѣша ему: «Свѣналдичъ». И заѣхавъ, уби ѿ, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть *межю* ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. *Поиде* Ярополкъ на Ольга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и *ополчистася*. Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшию же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бѣше чересь гроблю мостъ ко *вратомъ* граднымъ, тѣснячеся, другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони челоуѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; и искавъше его, не обрѣтоша. И рече единъ древлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трупья, *вынесоша* ѿ, и положиша ѿ на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече *Свеналду*: «Вижь, сего ты *еси* хотѣлъ!». И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручого. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бѣше была черницею; бѣ бо привелъ ѿ отецъ его Святославъ, и вда ѿ за Ярополка,

Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам нынѣ и написали в хартии этой и скрепили своими печатями». Заклучив мир с греками, Святослав в ладьяхъ отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельдъ: «Обойди, князь, пороги на коняхъ, ибо стоятъ у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьяхъ. А переяславцы послали к печенегамъ сказать: «Вот идетъ мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забравъ у греков много богатства и пленныхъ без числа». Услышавъ об этомъ, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогамъ, и нельзя было ихъ пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у нихъ еды, и былъ у нихъ великий голодъ, такъ что по полугривне платили за конскую голову, и тутъ перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогамъ. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, *оковавъ* его, и пили из него. Свенельдъ же пришел в Киев к Ярополку. А всехъ летъ княженья Святослава было двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополкъ.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именемъ Лютъ, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросилъ своихъ: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напавъ, убил его Олег, такъ как и сам охотился тамъ же. И поднялась оттого ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополкъ походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел противъ него Олег, и исполнились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополкъ Олега. Олег же со своими воинами побежал в городъ, называемый Овручъ, а через ров к городскимъ воротамъ былъ перекинут мостъ, и люди, теснясь на немъ, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ровъ. Много людей падало туда, причемъ кони давили людей. Ярополкъ, войдя в городъ Олеговъ, захватилъ власть и послалъ искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказалъ одинъ древлянинъ: «Виделъ я, какъ вчера спихнули его с моста». И послалъ Ярополкъ найти брата, и вытаскивали трупы изъ рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополкъ, плакалъ над нимъ и сказалъ Свенельду: «Смотри, этого ты и хотѣлъ!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовалъ власть его Ярополкъ. У Ярополка же была жена гречанка, а передъ темъ была она монахиней, в свое время привелъ ее отецъ его Святославъ и выдалъ ее за Ярополка,

красоты ради лица ея. Слышав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486. В лѣто 6487.

В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: «Володимеръ ти *идеть* на тя, *пристраивайся* противу битъся». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогѣволоду Полотъску, глаголя: «Хочю пояти *дщерь* твою собѣ женѣ». Онъ же рече *дщери* своей: «Хочеш ли за Володимера?». Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогѣволодъ пришель и-заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогѣнѣдину, *дщери Рогѣволожѣ*, князя полотъскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдъ и кривичи, и поиде на Рогѣволода. В се же время *хотячу* Рогѣнѣдъ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогѣволода и сына его два, и дѣчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Попрियाй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмеш от мене: не язъ бо почаль братью бити, но онъ. Азъ же того убоявьяся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: «Азъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство». О злая леть челоѣческа! Якоже Давидъ глаголетъ: «Ядый хлѣбъ мой, възвеличилъ есть на мя леть». Се бо лукавствоваше на князя свего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадутъ от мыслей своих; по множеству нечестья ихъ *изрини а*, яко прогнѣваша тя, господи». И паки *той* же рече Давидъ: «Мужъ въ крови льстивъ не припловить дний своих». Се есть *совѣтъ* золь, иже свѣщеваютъ на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на *погубленье*, горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приемъ от него чѣти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ *Ярополкомо*, летья ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристрянити къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка,

красоты ради лица ея. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним битъся». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочеш ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочю разуть сына рабыни, но хочю за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О злая ложь челоѣческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многу честь: потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как,

граждане же не бѣ лъзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити ѿ, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань изъ града. Рече же Блудъ Ярополку: «Кияне слюются къ Володимеру, глаголюще. «Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка». Побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ пред нимъ, затворися въ градъ Родни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не перебороти. Твори миръ съ братомъ своимъ»; лъстя подъ нимъ, се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити ѿ». Володимеръ же, то слышавъ, вышедъ въ дворъ теремный отень, о нем же прежде сказахомъ, сѣде ту с вои и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то язъ приму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжко: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеша вои»; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста ѿ два варяга мечьми подъ пазусъ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. *Варяшко же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби ѿ, заходивъ к нему ротъ. Володимеръ же залеже жену братню грекиню, и бѣ непрадна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣичиць бысть убо. Тѣмъ и отецъ его не любяще, бѣ бо от двою отцю,—от Ярополка и от Володимера.*

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се градъ нашъ; мы прияхомъ ѿ, да хотимъ имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от чековѣка». И рече им Володимеръ: «Пождѣте, даже вы куны сберутъ, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша варязи: «Сольстиль еси нами, да покажи ны путь въ Греки». Онъ же рече имъ: «Идѣте». И избра от нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «Се идут к тебѣ варязи, не мози их держати въ градъ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи ѿ разно, а сѣмо не пушай ни единого».

опасаясь горожан, открыто его убитъ он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим»,—так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убитъ его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата—гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня золь плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира. Однажды, уже после, сказали варязи Владимиру: «Это наш город, мы его захватили,—хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варязи: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варязи, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю *требами* своими. И осквернися кровью земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся.

Володимерь же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимерь побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимья: Рогънѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в *Бѣлѣгородѣ*, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ насытъ блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицъ растляя. Бѣ бо женолюбецъ, якоже и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложницъ 300. Мудръ же бѣ, а наконецъ погибе; се же бѣ невѣголось, а наконецъ обрѣте спасенье. «Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!». Зло бо есть женьская прелестъ, якоже рече Соломанъ, покаявся, о женахъ: «Не вѣнмай злѣ женѣ, медь бо каплетъ от устъ ея, жены любодѣици, во время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае золчи *обрящеши...* *Прилѣпляющися ей вѣнидутъ съ смертью въ вадъ...* На пути животныя не находятъ, блудная же теченья ея неблагоприятна». Се же рече Соломанъ о прелюбодѣицахъ; а о добрыхъ женахъ рече: «*Дрожайши* есть каменя многоцѣнна. Радуется о ней *мужь* ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши *волну и ленъ*, творить благопотребная *рукама* своя. *Бысть* яко корабль, куплю *дѣющи*, *издалеча* собираетъ *собѣ* богатство, и *въстаетъ* от нощи, и даетъ брашно *дому* и *дѣла рабынямъ*. Видѣвши стяжанье куповаше: от дѣль руку своею насадить тяжанье. Препоясавши крѣпко чресла своя, *утвердить мышцы* своа на дѣло. И вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угасаетъ свѣтилникъ ея всю ночь. Руцѣ свои простираетъ на полезная, локъти своя устремляетъ на вретено. Руцѣ свои простираетъ убогому, плодъ же простре нищему. Не печется мужь ея о дому своемъ, егда

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему. Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден вожделием, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках; а о добрых женах сказал он так: «Дороже она многоценного камня. Радуется на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью, и раздает пищу в доме своем и урочное рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит мышцы свои на дело. Она чувствует, что трудиться хорошо, и не угасает свечильник ее всю ночь. Руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что,

гдѣ будетъ, вси свои ея одѣни будутъ. *Сугуба* одѣнья *сотворить* мужеву своему, очервлена и багряна собѣ одѣнья. Взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея, внигда аще сядетъ на сонмищи съ старци и съ жители земли. Опоны створи и отдасть в куплю. Уста же свои отверзе смыслено, в чинъ молвить языкѣмъ своимъ. Въ *крѣпость* и в *лѣпоту* облечеса. *Милостини* же ея *въздвигоша* чада ея и обогатиша, и мужъ ея похвали ю. Жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо *господню* да похвалить. Дадите ей от плода устьяну ея, да хвалятъ во вратѣхъ мужа ея».

В лѣто 6489. Иде *Володимеръ* к ляхомъ и зая грады их, *Перемышль*, *Червенъ* и ины грады, *иже* суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди, и възложи на *ня* дань от *плуга*, якоже и отецъ его имаше.

В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на *ня* *Володимиръ*, и победи *я* второе.

В лѣто 6491. Иде *Володимеръ* на *ятвягы*, и побѣди *ятвягы*, и взя землю их. И иде Киеву и творяше *требу* кумиромъ с людьми своими. И рѣша старци и боляре: «Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая богородица, юже сдѣла *Володимеръ*. Бѣ же варягъ *той* пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеянскую. И бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и *сей* бяшетъ ему аки тернь въ сердци, и тыщашеся потребити оканьный, и наустити люди. И рѣша пришедше посланни к нему, яко «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ *требу* богомъ». И рече варягъ: «Не суть *то* бози, *но* древо; днесъ есть, а утро изъгнетъ; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ. А богъ есть единъ, ему же служатъ грѣци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человекъ, и даль есть ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шедше *повѣдаша* людемъ. Они же, взявше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Вдай сына своего, да вдамы *и* богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози, то единого себе послють бога, да имуть сынъ мой. А вы чему претребуете *имъ*?». И *кликнуша*, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша *я*. И не свѣсть никтоже, гдѣ положиша *я*. Бяху бо тогда человекъци невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тыщашеся погубити родъ *хрестьяньскій*, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в *инѣх* странахъ;

где бы он ни был,—все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделаетъ мужу своему, а червленые и багряные одеяния—для самой себя. Муж ее замеченъ всем у ворот, когда сядетъ на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделаетъ она и отдастъ в продажу. Уста же свои открываетъ с мудростью, когда следуетъ говорить языкомъ своимъ. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносятъ дети ее и ублажаютъ ее; муж хвалитъ ее. Благословенна разумная жена, ибо похвалитъ она страхъ божий. Дайте ей от плода устъ ее, и да прославятъ мужа ее у воротъ».

В год 6489 (981). Пошел *Владимир* на поляков и захватил города их, *Перемышль*, *Червен* и другие города, которые и донныне под Русью. В том же году победил *Владимир* и вятичей и возложилъ на них дань—с каждого плуга, как и отецъ его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них *Владимир* и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел *Владимир* против *ятвягов*, и победил *ятвягов*, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирамъ с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроковъ и девицъ, на кого падетъ он, того и зарежемъ в жертву богамъ». Былъ тогда варягъ один, а дворъ его стоялъ там, где сейчасъ церковь святой Богородицы, которую построилъ *Владимир*. Пришелъ тотъ варягъ изъ Греческой земли и исповедовалъ христианскую веру. И былъ у него сын, прекрасный лицомъ и душею, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпелъ его дьяволъ, имеющийъ власть надъ всеми, а этотъ былъ ему какъ терние в сердци, и пытался сгубить его окаянный и натравилъ людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе бози, чтобы мы принесли жертву богамъ». И сказалъ варягъ: «Не бози это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниетъ; не едятъ они, не пьютъ, не говорятъ, но сделаны человеческими руками изъ дерева. Богъ же один, ему служатъ греки и поклоняются; сотворилъ онъ небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначилъ его жить на земле. А эти бози что сделали? Сами они сделаны. Не дамъ сына своего бесамъ». Посланные ушли и поведали обо всемъ людемъ. Те же схватили оружье, пошли на него и разнесли его дворъ. Варягъ же стоялъ на сѣняхъ с сыномъ своимъ. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесемъ его богамъ». Онъ же ответилъ: «Если бози они, то пусть пошлютъ одного изъ боговъ и возьмутъ моего сына. А вы-то зачемъ совершаете имъ требы?» И кликнули, и подсекли подъ ними сени, и такъ ихъ убили. И не ведаетъ никто, где ихъ положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьяволъ же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Такъ пытался онъ погубить весь родъ христианский, но прогнанъ былъ честнымъ крестомъ изъ иныхъ странъ.

зде же мняшеса оканьный: яко зде ми есть жилище, зде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка, глаголюща: «И нареку не люди моя люди моя»; о апостолѣх бо рече: «Во всю землю изидоша вѣщанья их, и в конець вселенья глаголи ихъ». Аще и тѣлом апостоли не суть *сдѣ* были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, *их* же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подѣ нози, якоже попраста и си *отечника, приемша вѣнецъ* небесный съ святыми мученики и праведники.

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волчьий Хвостъ, и посла ѿ Володимеръ передъ собою, Волчьья Хвоста; сѣрѣте *радимичи* на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волчьий Хвостъ. Тѣмъ и Русь корятея радимичемъ, глаголюще: «Пищанцы волчьья хвоста бѣгають». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ *Добрынею*, съ *уемъ* своимъ, в лодьяхъ, а торьки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди *болгары*. Рече Добрына Володимеру: «Сѣглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ. Симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будетъ межю нами мира, *оли* камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть». И приде Володимеръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болгары *вѣры* бохъмичѣ, глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашъ и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «Како есть вѣра ваша?». Они жерѣша: «Вѣруемъ богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную*. Дастъ Бохмитъ комуждо по семидесять женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена. *Здѣ* же, рече, достоинъ блудъ творити всякъ. На семь свѣтѣ аще *будеть* кто убогъ, то и *тамъ*», и ина многа лестъ, ея же нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ не любо: обрѣзанье удовъ и о неяденъи мясь свинныхъ, а о питьи *отнудъ*, рѣка: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Потом же придоша нѣмьци от *Рима*, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа»; и рѣша ему: «Рекль ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтѣ есть: кланяемся богу, *иже* створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье,

«Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостола, здесь и пророки ничего не предрекли», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не были здесь апостола сами, однако учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага — дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньше.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдём, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселье пить, не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит,

а бози ваши — древо суть». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?». Они же рѣша: «Пощенье по силѣ; «Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божию», рече учитель нашъ Павел». Рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя *кождо* вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю». И рече Володимеръ: «Что есть законъ вашъ?». Они же рѣша: «Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити». Он же рече: «То гдѣ есть земля ваша?». Они же рѣша: «Въ Ерусалимѣ». Онъ же рече: «То *тамо* ли есть?». Они же рѣша: «Разъгнѣвася богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Он же рече: «То како вы инѣх *учите*, а сами отвержени от бога и расточени? Аще бы богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте *расточени* по чужимъ землямъ. Еда *и* намъ тоже мыслите прияти?».

Посемъ же прислаша грѣци къ Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на *ня* же пусти господъ каменье горяще, и потопа я, и погрязоша, яко и сихъ ожидаетъ день погибели их, егда придетъ богъ судить земли и *погубити* вся творящая безаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажутся, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушаютъ». Си слышавъ Володимеръ *плюну* на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломъ с нами развращена: служатъ бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же богъ не преда, но *повелѣ* хлѣбомъ служити, и преда апостоломъ приемъ хлѣбъ, *рек*: «Се есть тѣло мое, ломимое за вы...», тако же и чашю приемъ, рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта», си же того не творять, суть не *исправили* вѣры». Рече же Володимеръ: «Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грѣци вѣрують, его же мы распяхомъ». Философъ же рече: «Вѣистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а въ 3-й день вскреснути и на небеса *взити*. Они же *тыи* пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться прореченье сихъ, съниде на землю, и распятыя прия, и въскресъ на небеса *взиде*, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не

а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу Божию», — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил господъ горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же самих пророки предсказывали, что родится бог, а другие, — что распят будет и погребен, но в третий день воскресет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не

покаяшася, и посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ». Рече же Володимерь: «То что ради сниде богъ на землю, и страсть *такову* прия?». Отвѣщав же философъ, рече: «Аще хочещи послушати, да *скажу* ти из начала, чьсо ради сниде богъ на землю». Володимерь же рече: «Послушаю рад». И нача философъ глаголати сице:

«Въ начало створи богъ небо и землю въ первый день. И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды. Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь. А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна. Въ 4-й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси богъ небо. Видѣв же первый от ангель, старѣйшина чину ангелску, помысли въ себе, рекъ: «Сниду на землю, и преиму землю, и буду подобенъ богу, и поставлю престоль свой на облацѣхъ сѣверьскихъ». И ту абье сверже ѿ небесе, и по немь *спадоша* иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотонаиль, в него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы *первыя*, наречеся противникъ богу. Посем же въ 5-й день створи богъ киты, и рыбы, гады, и птица пернатая. Въ 6-й же день створи богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человекъ. Въ 7-й же день почи богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота. И насади богъ рай на вѣстоцѣ въ Едемѣ, въведе ту человекъ, его же созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же единого не ясти, еже есть разумѣти добру и злу. И бѣ Адамъ в раи, видяше бога и славяше, егда ангели славяху. И възложи богъ на *Адама сонъ*, и успе Адамъ, и взя богъ едино ребро у Адама, и створи ему жену, и въведе ю в рай ко Адаму, и рече Адамъ: «Се кость от кости моя, а плоть от плоти моя, си наречеся жена». И нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ, и самѣма ангель повѣда имяна. И покори богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всѣми, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволъ, яко почти богъ человекъ, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде къ Евзѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, сущаго посреде рая?». И рече жена къ змиѣ: «Рече богъ: не имата ясти, *аще* ли, да умрета смертию». И рече змия к женѣ: «Смертию не умрета; вѣдяше бо богъ, яко в он же день яста от него, отверзетася очи ваю, и будета яко и богъ, *разумѣюща* добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и взявши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листовиемъ смоковнымъ препоясанье. И рече богъ: «Проклята земля в дѣлѣхъ твоихъ, и в печали яси вся дни живота своего».

покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так: «В начале, в первый день, сотворил бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь (видимое небо) посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их возшла на твердь, а половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского, и подумал: «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас же был свергнут с небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником богу. Затем, в пятый день, сотворил бог киты, рыбы, гады и птицы пернатые. В шестой день сотворил бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил бог от дел своих. И насадил бог рай на востоке в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания добра и зла — не есть. И был Адам в раю, видел бога и славил его вместе с ангелами. И навел бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел ее в рай к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам и дал имена даже самим ангелам. И подчинил бог Адаму звери и скоты, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?» И сказала жена змию: «Сказал бог: не ешьте, если же съедите, то смертию умрете». И сказал жене змий: «Смертию не умрете; ибо знает бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как бог, познав добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоим, и поняли они, что наги, и сшили себе препоясанье из листвы смоковницы. И сказал бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни».

И рече господь богъ: «Егда како прострета руку, и возмета от древа животънаго, и живета въ вѣки». И изгна господь богъ Адама из рая. И съде прямо *раа*, плачась и дѣлая землю, и порадовася сотона о проклятии земля. Се на ны первое паденье и горкий отвѣтъ, отпаденье ангельскаго житья. Родил Адамъ Каина и Авеля; бѣ Каинъ ратай, а Авель пастухъ. И несе Каинъ от плода земли къ богу, и не прия богъ даровъ его. Авель же принесе от агнецъ первенець, и прия богъ дары *Авелевы*. Сотона же влѣзе в Каина, и пострѣкаше Каина убити Авеля. И рече Каинъ: «*Изидевъ* на поле» Авелю, и *послуша* его Авель, и, яко *изыдоста*, вѣста Каинъ и хотяше убити ѱ, и не умяше, како убити ѱ. И рече ему сотона: «Возми камень и удари ѱ». Воземъ камень и уби ѱ. И рече богъ Каину: «Кде есть братъ твой?». Он же рече: «Еда стражь есмь брату своему?». И рече богъ: «Кровь брата твоего вопьетъ ко мнѣ, будещи стена и *трясыйся* до живота своего». Адамъ же и Ева плачущася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рька: «Се, его же богъ почти, азъ створилъ ему отпасти бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ». И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его; и не умяста его погresti. И повелѣньемъ божьимъ птенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе ѱ. Видѣвша же се Адамъ и Ева, ископаста яму, и вложиста Авелия, и погребоста съ плачемъ. Бывъ же Адамъ лѣтъ 200 и 30 роди Сифа и 2 *дщери*, и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того челоуѣци расплодишася и умножишася по земли. И не познаша створьшаго ѱ, исполнишася блуда и всякоя нечистоты, и убийства и *зависти*, живяху скотьски челоуѣци. Бѣ Ной единъ праведенъ в родѣ семь. И роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече богъ: «*Не* имать духъ мой пребывати в челоуѣцѣхъ», и рече: «Да потреблю, его же створихъ, от челоуѣка до скота». И рече господь богъ Ноеви: «Створи ковчегъ в долготу локоть 300, а в ширину 80, а възвышише 30 локоть»: *египти* бо локтемъ сажень зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, и посмѣхася ему. Егда сдѣла ковчегъ, и рече господь Ноеви: «Влѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохи твои, и введи к собѣ по двоему от всѣхъ скотъ, и от всѣхъ птицъ и от всѣхъ гадъ». И введе Ной, яже заповѣда ему богъ. Наведе богъ потопъ на землю, потопе всяка плотъ, и ковчегъ плаваше на водѣ. Егда же посяче вода, излѣзе Ной, и сынове его и жена его. От сихъ расплодися земля. И быша челоуѣци мнози и *единогласни*, и рѣша другъ къ другу: «Съзижемъ столпъ до небесе». Начаша здати, и бѣ старешина *Неврод*, и рече богъ: «Се умножишася челоуѣци

И сказал еще господь бог: «Когда прострете руки и возьмете от дерева жизни,—будете жить вечно». И изгнал господь бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и воздѣлая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельскаго жития. Родил Адам Каина и Авеля; Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву богу плоды земные, и не принял бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И послушал его Авель, и когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не знал, как это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля. И сказал бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого бог почтил, а я того заставил отпасть от бога и вот ныне плачь ему наделал». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением божьим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было двести тридцать лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде этом. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал господь бог Ною: «Построй ковчег в длину триста локтей, в ширину восемьдесят, а в вышину тридцать»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною господь: «Войди в него ты, и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов». И ввел Ной кого приказал ему бог. Навел бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на едином языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». Начали строить, и был старейшина их Неврод; и сказал бог: «Вот умножились люди

и помысли их суетни». И сниде богъ, и размѣси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не *отъятъ* у Авера: *той* бо единъ *не* приложися къ безумью их, рекъ сице: «Аще бы человекомъ богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ богъ словомъ, якоже створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая». Сего ради того языкъ не *пременися*; от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и каждо своя норovy прияша. По дьяволу *научению* ови *рощениемъ*, кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша бога. От Адама же и до потопа лѣтъ 2242, а от потопа до раздѣленья языкъ лѣтъ 529. Посемъ же дьяволъ в большее прельщенье вверже человекъ, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзии мраморяны, а иные златы и сребрены; *и* кланяхуся *имъ*, и привожаху сыны своя и дѣщери, и *закалаху предъ* ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо бѣше кумиротворенью *Серухъ*, *творяшеть* бо кумиры во имена мертвыхъ человекъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волхвомъ, и женамъ *прелюбодѣицамъ*. Се же Серухъ роди *Фару*, Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, *и* Арона. Фара же *творяше* кумиры, навѣкъ у отца своего. Аврамъ же, *пришедъ въ умъ*, возрѣ на небо, и видѣ звѣзды и небо, и рече: «Воистину *той* есть богъ, *иже сотворилъ небо и землю*, а отецъ мой прельщаетъ человекъ». И рече Аврамъ: «Искушу бога *отца* своего»; и рече: «Отче! Что прельщаеши человекъ, творя кумиры древяны? *Той* есть богъ, иже створи небо и землю». Приимъ Аврамъ огонь, зажъже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Аронъ, брат Аврамовъ, ревнуя по идолахъ, *хотѣ* вымчати идолы, а самъ сѣгорѣ ту Аронъ, и умре пред отцемъ. Предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцемъ, но отецъ предъ сыномъ, от сего начаша умирати сынове предъ *отци*. Возлюби богъ Аврама, и рече богъ Авраму: «Изиди из дому отца своего в землю, и ню же ти покажу, и створю тя въ языкъ великъ, благословятъ тя колѣна земная». И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему богъ. И поя Аврамъ сыновца своего Лота,— бѣ бо ему Лотъ шюринъ и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню *дщерь* Арону, Сару. И приде в землю Хананѣйску къ дубу высокому, и рече богъ ко Авраму: «Сѣмени твоему дамъ землю сию». И поклонися Аврамъ богу. Аврамъ же бѣше лѣтъ 70 и 5, егда изиде от Хараона. Бѣ же Сара неплоды, болящи неплодскимъ. Рече Сара Авраму: «Влѣзи къ рабѣ моей». И поемши Сара Агарь, вѣдасть ю мужю своему и влѣзъ Аврамъ к Огари. Зачать и роди сына Агарь,

и замыслы их суетны». И сошел бог, и разделил речь их на семьдесят и два языка. Язык же Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу и сказал так: «Если бы бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы то словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменялся его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на семьдесят один язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рошам, колодцам и рекам и не познали истинного бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет. Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных; и кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых ставил прежним царям, других — храбрым людям, и волхвам, и женам-прелюбодѣйкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо, и увидел звезды и небо, и сказал: «Воистину тот бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего», и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но Аарон тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойдти в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему и шурин и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал бог Аврааму: «Потомству твоему дамъ землю эту». И поклонился Авраам богу. Аврааму же было семьдесят пять лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына,

и прозва ѿ Аврамъ Измаиломъ; Аврамъ бѣ лѣтъ 80 и 6, егда родися Измаиль. Посем же зачехши Сара роди сына, и нарече имя ему Исакъ. И повелѣ богъ Авраму обрѣзати отрока, и обрѣза ѿ въ 8 день. Возлюби богъ Аврама и племя его, и нарече ѿ в люди себе, и отлучи ѿ от языкъ, нарекъ ѿ люди своя. Сему же Исаку възмогъшю, Авраму же жившю лѣтъ 100 и 70 и 5, и умре и погребенъ бысть. Исаку же бывшю лѣтъ 60, и роди 2 сына, Исавъ и Яковъ. Исавъ же бысть лукавъ, а Яковъ праведенъ. Сей же Яковъ работа у уя своего иза дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7, и не дасть ему ея Лаванъ, уй его, рекъ: «Старейшую поими». И вдасть ему Лию, старѣйшую, а изъ другоѣ рекъ ему: «Работай другую 7 лѣтъ». Онъ же работа другую 7 лѣтъ изъ Рахили. И поя собѣ 2 сестреници, от нею же роди 8 сыновъ: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, и Заулону, Иосифа и Венямина, и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от сихъ расплодишася жидове. Ияковъ же сниде въ Еюпетъ, сый лѣтъ 100 и 30, с родомъ своимъ, числомъ 60 и 5 душъ. Поживе же въ Еюптѣ лѣтъ 17 и успе, и поработиша племя его за 400 лѣтъ. По сихъ же лѣтехъ възмогша людѣ жидовьстии, и умножишася, и насилаху имъ еюптяне работою. В си же времена родися Моисѣй въ жидѣхъ, и рѣша волхъви египетьстии царю: «Родился есть дѣтище въ жидѣхъ, иже хоцетъ погубити Еюпетъ». Ту абѣ повелѣ царь ражающая дѣти жидовьския въметати в рѣку. Мати же Моисѣева, убоявшися сего губленья, взявши младенца, положи ѿ в корзину и отнесла и поставила его на заливномъ лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеемъ и вскормила. Былъ же тотъ мальчикъ красивъ, и когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон, увидевъ Моисея, полюбилъ мальчика. Моисей, хватаясь какъ-то за шею царя, сронилъ с царской головы венецъ и наступилъ на него. Волхвъ, увидевъ это, сказалъ царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубитъ онъ самъ весь Египетъ». Царь же не только его не послушалъ, но, больше того, приказалъ не губить еврейскихъ детей. Моисей възмужалъ и сталъ великимъ мужемъ в доме фараона. Когда же сталъ в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убивъ египтянина, обижавшего еврея, бежалъ изъ Египта и пришелъ в землю Мадьямскую, и ходя по пустыни и научися от ангела Гаврила о бытїи всего мира, и о первѣмъ челоуѣцѣ, и яже суть была по немъ и по потопѣ, и о смѣшенїи языкъ, аще кто колько лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число,

и назвалъ его Авраамъ Измаиломъ; Аврааму же было восемьдесятъ шесть лѣтъ, когда родился Измаиль. Затемъ зачала Сара, и родила сына, и назвала его Исаакъ. И приказалъ богъ Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбилъ богъ Авраама и племя его, и назвалъ его своимъ народомъ, и, назвавъ своимъ народомъ, отделилъ его отъ другихъ племенъ. И възмужалъ Исаакъ, а Авраамъ жилъ сто семьдесятъ пять лѣтъ, и умеръ, и былъ погребенъ. Когда же Исааку было шестьдесятъ лѣтъ, родилъ онъ двухъ сыновей: Исавъ и Иаковъ. Исавъ же былъ лживъ, а Иаковъ — праведенъ. Этотъ Иаковъ работалъ у своего дяди семь лѣтъ, добываясь руки его младшей дочери, и не далъ ее ему Лаванъ — дядя его, сказавъ такъ: «Возьми старшую». И далъ ему Лию, старшую, а ради другой, сказалъ ему, работать еще семь лѣтъ. Онъ же работалъ еще семь лѣтъ ради Рахили. И такъ взялъ себе двухъ сестеръ и родилъ отъ нихъ восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулону, Иосифа и Венямина, и отъ двухъ рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И отъ нихъ пошли евреи. Иаковъ же отправился, когда ему было сто тридцать лѣтъ, в Египетъ, вместе со всемъ родомъ своимъ, числомъ шестьдесятъ пять душъ. Прожилъ онъ в Египте семнадцать лѣтъ и умеръ, а потомство его находилось в рабствѣ четыреста лѣтъ. По прошествїи же этихъ лѣтъ усилились евреи и умножились, а египтяне держали ихъ в рабствѣ. В эти времена родился у евреевъ Моисей, и сказали волхвы египетскому царю: «Родился ребенокъ у евреевъ, который погубитъ Египетъ». И тотчасъ же повелѣлъ царь всехъ рождающихся еврейскихъ детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребленїя, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла и поставила его на заливномъ лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеемъ и вскормила. Былъ же тотъ мальчикъ красивъ, и когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон, увидевъ Моисея, полюбилъ мальчика. Моисей, хватаясь какъ-то за шею царя, сронилъ с царской головы венецъ и наступилъ на него. Волхвъ, увидевъ это, сказалъ царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубитъ онъ самъ весь Египетъ». Царь же не только его не послушалъ, но, больше того, приказалъ не губить еврейскихъ детей. Моисей възмужалъ и сталъ великимъ мужемъ в доме фараона. Когда же сталъ в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убивъ египтянина, обижавшего еврея, бежалъ изъ Египта и пришелъ в землю Мадьямскую, и когда шелъ черезъ пустыню, узналъ онъ от ангела Гаврила о бытїи всего мира, о первомъ челоуѣцѣ и о томъ, что было после него и после потопа, и о смѣшенїи языковъ, и кто сколько лѣтъ жилъ, и о движенїи звездъ и о числѣ ихъ,

землену мѣру и всѣку мудрость. Посем же явился ему богъ в купинѣ огнемъ, и рече ему: «Видѣхъ бѣду людей моихъ въ Еюптѣ, и *низлѣзохъ* изяти я от руки еюпетьски, извести я от земля тоя. Ты же *иди* к фараону, царю еюпетьску, и речеши ему: Испусти Израиля, да три дни положить *требу* богу. Аще не послушает тебе царь еюпетьский, побью я всѣми чудесы моими». Пришедшю Моисѣви, не послуша его фараонъ, и попусти богъ 10 казний на фараона: 1. рѣки въ кровь; 2. жабы; 3. мышьць; 4. песья *мухи*; 5. смерть на скоть; 6. прыщеве *горющи*; 7. градъ; 8. пружи; 9. тьма 3 дни; 10. моръ в человекѣхъ. Сего же ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьски. Егда же бысть моръ въ Еюптѣ, рече фараонъ Моисѣви и брату его Арону: «Отъидѣта въскорѣ». Моисий же, събравъ люди жидовьския, поиде от землѣ Еюпетьски. И ведяше я господь путемъ по пустыни къ Черьмному морю, и предъидяше предъ ними ночью столпъ огненъ, а въ день — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по них, и притисну я къ морю. Видѣвъше же людье жидовьстии, вопиша на Моисѣя, ркуще: «Почто изведе ны на смерть?». И возпи Моисѣй къ богу, и рече господь: «Что вопьеши ко мнѣ? Удари жезломъ в море». Створи Моисѣй тако, и раступися вода надвое, и вънидоша сынове Израилеви в море. Видѣвъ же фараонъ, погна по них, сынове же Израилеви преидоша по суху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И возлюби богъ Израиля, и идоша от моря 3 дни по пустыни, и придоша в Меренъ. Бѣ ту вода горка, и возропташа людье на бога, и показа имъ господь древо, и вложи Моисѣй въ воду, и усладишася воды. Посем же паки возропташа на Моисѣя и на Арона, ркуще: «*Луче* ны бяше въ Еюптѣ, *идеже* ядыхомъ мяса, лукъ и хлѣбы до сыти». И рече господь къ Моисѣви: «Слышахъ гугнанье сыновъ Израилевъ», и вдасть имъ ману ясти. Посем же дасть имъ законъ на горѣ Синайстѣй. Моисѣви въшедшю на гору къ богу, они же, сольявше телчю главу, поклонишася аки богу, ихъ же Моисий *иссѣче 3 тысячи*. И посем паки *возропташа* на Моисѣя и Арона, *еже* не бысть воды. И рече господь къ Моисѣви: «Удари жезломъ в камень», рекъ: «Егда и-сего не испустиве воды?». И разгнѣвася господь на Моисѣя, яко не възвеличи господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведе я на гору Вамьску, и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисий ту на горѣ. И прия власть Иисусъ Навгинъ; *сии* приде в землю обѣтованую, и изби Хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сына Израилевы. Умершю же Иисусу, бысть судья в него мѣсто Иуда;

и о мере земли, и всякую премудрость. Затем явился Моисею бог в горящем терновом кусте и сказал ему: «Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: «Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они потребу богу». Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил бог на него десять казней: во-первых, окровавленные реки; во-вторых, жаб; в-третьих, мошек; в-четвертых, песьих мух; в-пятых, мор скота; в-шестых, нарывы; в-седьмых, град; в-восьмых, саранчу; в-девятых, трехсуточную тьму; в-десятых, мор на людей. Потому напустил бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди них огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними и прижал их к морю. Когда же увидели это евреи, возопили к Моисею: «Зачем повел нас на смерть?» И воззвал Моисей к богу, и сказал господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море посуху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на бога, и показал им господь древо, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей, как богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал господь Моисею: «Ударь жезлом в камень». И ответил Моисей: «А что, если не испустит он воду?» И разгневался господь на Моисея, что не возвеличил господа, и не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамскую и показал землю обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин; этот пришел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда;

и инѣхъ судий бысть 14, при нихъ же, забывше бога, изъведшаго я изъ Еюпта, начаша служити бѣсомъ. И разгнѣвався богъ, предашеть я иноплеменьникомъ на расхищенье. Егда ся начинаху каяти, и помиловашеть их; егда избавяшеть ихъ, паки укланяхуться на бѣсослуженье. По сихъ же судяше Илий жрецъ, и по семь Самоилъ пророкъ. И рѣша людье Самоилу: «Постави намъ царя». И разгнѣвався господь на Израиля, и постави над нимъ царя Саула. Таче Саулъ не изволи ходити в законъ господни, и избра господь Давыда, и постави царя надъ Израилемъ, и угоди Давыдъ богу. Сему Давыду кляся богъ, яко от племени его родитися богу. Первое нача пророчествовати о воплощеньи божьѣ, рекъ: «И-щрева прежде деньница родих тя». Се же пророчествова лѣтъ 40, и умре. И по немъ пророчествова сынъ его Соломанъ, иже възгради церковь богу, и нарече ю Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но наконецъ поползеса; царьствовавъ лѣтъ 40 и умре. По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ. При семь раздѣлися царство надвое жидовско: въ Ерусалимѣ едино, а другое в Самарии. В Самарии же царствова Иеровамъ, холопъ Соломанъ, иже створи двѣ коровѣ златѣ, постави едину въ Вефилѣ на холмѣ, а другую въ Еньданѣ, рекъ: «Се бога твоя, Израилю». И кланяхуся людье, а бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ начаша забывати бога и поклонятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй, и забыша бога отецъ своих. И нача богъ посылати к нимъ пророки. Пророци же начаша обличати я о безаконьи их и служеньи кумиромъ. Они же начаша пророки избивати, обличаеми от них. Разгнѣвався богъ на Израиля и рече: «Отрину от себе, призову ины люди, иже мене послушаютъ. Аще согрѣшатъ, и не помяну безаконья их». И нача посылати пророки, глаголя имъ: «Прорицайте о отверженьи жидовствѣ и о призваньи странъ».

Первое же нача пророчествовати Осѣй, глаголя: «Преставлю царство дому Израилева ... Съкрушу лукъ Израилевъ ... И не приложю помиловати паки дому Израилева, но, отмѣтая, отвергуся их», глаголетъ господь, «И будутъ блудяще въ языцѣхъ». Иеремья же рече: «Аще станетъ Самоилъ и Моисѣй ... не помилую ихъ». Паки той же Иеремия рече: «Тако глаголетъ господь: Се, кляся имянемъ моимъ великомъ ... аще будетъ имя мое имянуемо отселе гдѣ в вустѣхъ нюдѣйскихъ». Иезикииля же рече: «Тако глаголетъ господь Аданай ...: Расъсѣю вы, вся останки ваша во вся вѣтры ... Зане святая моя осквернисте всѣми негодованиями твоими; азъ же тя отрину ... и не имамъ тя помиловати паки». Малахья же рече: «Тако глаголетъ господь: Уже нѣсть ми хотѣнья у васъ ... Понеже от вѣстока и до запада имя мое прославися въ языцѣхъ, на всякомъ мѣстѣ

а иныхъ судей было четырнадцать, при нихъ забыли евреи бога, выведшего ихъ изъ Египта, и стали служить бесамъ. И разгнѣвался богъ и предалъ ихъ иноплеменникамъ на расхищение. Когда же начинали они каяться,—миловалъ ихъ богъ; а когда избавлялъ ихъ,— снова уклонялись на служение бесамъ. Затемъ былъ судья Илья-жрецъ, а затемъ пророкъ Самуилъ. И сказали люди Самуилу: «Поставь намъ царя». И разгнѣвался господь на Израиля и поставилъ имъ царя Саула. Однако Саул не захотелъ подчиниться закону господню, и избралъ господь Давида и поставилъ его царемъ Израилю, и угодилъ Давидъ богу. Давиду этому обещалъ богъ, что родится богъ от племени его. Онъ первый сталъ пророчествовать о воплощеньи божьемъ, говоря: «Изъ чрева прежде утренней звезды родилъ тебя». Такъ онъ пророчествовалъ сорокъ летъ и умер. А вследъ за нимъ пророчествовалъ сынъ его Соломонъ, который создалъ храмъ богу и назвалъ его Святая Святыхъ. И былъ онъ мудръ, но подъ конецъ согрѣшилъ; царствовалъ сорокъ летъ и умер. После Соломона царствовалъ сынъ его Роваоамъ. При немъ раздѣлилось еврейское царство надвое: в Иерусалимѣ одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовалъ Иеровоамъ, холопъ Соломона; сотворилъ онъ два золотыхъ тельца и поставилъ—одного в Вефилѣ на холмѣ, а другого в Данѣ, сказавъ: «Вотъ боги твои, Израиль». И поклонялись люди, а бога забыли. Такъ и в Иерусалимѣ стали забывать бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря—Арею; и забыли бога отцовъ своихъ. И сталъ богъ посылать к нимъ пророковъ. Пророки же начали обличать ихъ в беззаконьи и служении кумирамъ. Они же, обличаемые, стали избивать пророковъ. Богъ разгнѣвался на Израиля и сказалъ: «Отвергну отъ себя, призову иныхъ людей, которые будутъ послушны мнѣ. Если и согрѣшатъ, не помяну беззаконья ихъ». И сталъ посылать пророковъ, говоря имъ: «Пророчествуйте об отверженьи евреевъ и о призваньи новыхъ народовъ».

Первымъ сталъ пророчествовать Осия: «Положу конецъ царству дома Израилева... Съкрушу лукъ Израилевъ... Уже не буду более миловать дома Израилева, но, отметаая, отвергнусь ихъ»,—говоритъ господь. «И будутъ скитальцами между народами». Иеремия же сказалъ: «Хотя бы предстали передо мной Самуилъ и Моисей... не помилую ихъ». И еще сказалъ тотъ же Иеремия: «Такъ говоритъ господь: «Вотъ я поклялся именемъ моимъ великимъ, что не будетъ имя мое произносимо устами евреевъ». Иезекииль же сказалъ: «Такъ говоритъ господь Адонаи...: «Рассею васъ, и весь остатокъ вашъ развею по всемъ ветрамъ... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя». Малахия же сказалъ: «Такъ говоритъ господь: «Уже нетъ моего благоволения к вамъ... Ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и на всякомъ месте будутъ приносить

приноситься кадила имени моему и жертва чиста, зане велье имя мое въ языцѣхъ». «Сего ради дамъ вас на понось и на пришествие во вся языки». Исая же великий рече: «Такъ глаголетъ господь: Простру руку свою на тя, истлю тя, и расѣю тя, паки не приведу тя». И паки той же рече: «Возненавидѣхъ праздники ваша и начатки мѣсяць ваших, суботь вашихъ не приемлю». Амосъ же пророкъ рече: «*Слышите* слово господне: Азъ приемлю на вы плачь, домъ Израилевъ падеся и не приложи вѣстати». Малахия же рече: «Такъ глаголетъ господь: Послю на вы клятву, и проклену благословенье ваше ... разорю, и не будетъ в васъ». И много пророчествоваша о отверженьи их.

Сим же пророкомъ повелѣ богъ пророчествовати о призваньи инѣхъ странъ въ нихъ мѣсто. Нача звати Исаия, тако глаголя: «Яко законъ от мене *изидеть*, и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидет ..., и на мышцу мою страны уповаютъ». Иеремия же рече: «Такъ глаголетъ господь: Положу дому Иудину завѣтъ новъ ... Дая законы в *разумѣнн*я их, и на сердца ихъ напишу, и буду имъ богъ, и ти будутъ мнѣ в люди». Исаия же рече: «Ветхая мимоидоша, а новая възвѣщаю, преже възвѣщанья явлено бысть вамъ. Пойте богу пѣснь нову». «Работающимъ *ми* прозвется имя ново, *еже* благословится по всей земли». «Домъ мой домъ молитвъ прозвется всѣмъ языкомъ». Той же Исаия глаголетъ: «Открыеть господь мышцу свою святую предо всѣми языки, и узрять вси концы земля спасенье от бога нашего». Давидъ же: «Хвалите господа вси языци, и похвалите его вси людье».

Такъ богу возлюбившу новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ, явится человекомъ плотью и пострадати за Адамово преступленье. И начаша прорицати о воплощеньи божьи, первое Давидъ, глаголя: «Рече господь господеви моему: Сяди одесную мене, дондеже положю враги твои подножью ногамъ твоима». И паки: «Рече господь ко мнѣ: Сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя», Исая же рече: «Ни соль, ни вѣстникъ, но самъ богъ, пришедъ, спасет ны». И паки: «Яко дѣтишь родится намъ, ему же бысть начало на рамя его, и прозвется *имя его* велика свѣта ангель ... Велика власть его, и миру его нѣсть конца». И паки: «Се дѣвица въ утробѣ зачнетъ, и *прозовуть* имя ему *Еммануилъ*». Михѣя же рече: «Ты Вифлеоме дома Ефрантовъ, *еда не мѣногъ* еси быти в тысящахъ Иудовахъ? ис тебе бо изидеть старѣйшина быти въ князехъ во Израили, исходъ его от дний вѣка. Сего ради дасться до времена ражающая родить, и прочии от братья его обратятся на сыны Израилевы». Иеремия же рече: «Съ богъ нашъ, и не вмѣнится *инъ* к нему. Изобрѣте всякъ путь художества, и дасть

фимиами имени моему и жертву чистую, так как велико будет имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов». Исая же великий сказал: «Такъ говоритъ господь: «Простру руку свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя». И еще сказал тот же пророкъ: «Возненавидел я праздники и новомесячные ваши, и суббот ваших не принимаю». Амос же пророкъ сказал: «Слушайте слово господне: «Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более». Малахия же сказал: «Такъ говоритъ господь: «Пошлю на вас проклятие и проклянута ваше благословение... разрушу его и не будет с вами». И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исая, так говоря: «От меня произойдет закон и суд мой поставлю во свет для народов: Правда моя близка и восходит... и на мышцу мою надеются народы». Иеремия же сказал: «Такъ говоритъ господь: «Заклучу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу, и буду им богом, а они будут моим народом». Исая же сказал: «Прежнее миновало, а новое возведу,— прежде возвещения, оно было показано вам. Пойте богу новую песнь». «Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле». «Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророкъ Исая говорит: «Обнажитъ господь святую мышцу свою перед глазами всех народов,— и все концы земли увидят спасение бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении бога, раньше других Давид: «Сказалъ господь господе моему: «Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих». И еще: «Сказалъ мне господь: «Ты сын мой; я ныне родил тебя», Исая же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам бог, придя, спасет нас». И еще: «Младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему великого света ангел... Велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и происхождение которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее

Иякову отроку своему ... По сих же явися на земли, и съ человекѣки поживе». И паки: «Человѣкъ есть: кто увѣсть, яко богъ есть? яко человекъ умираетъ». Захарья же рече: «Не послушаша сына моего, и не услышу их, глаголетъ господь». И Осѣй рече: «Тако глаголетъ господь: плоть моя от нихъ». Прорекоша же и страсти его, рекуще, якоже рече Исая: «У лють души ихъ! понеже свѣтъ золъ свѣщаша, рькуще: свяжемъ праведника». И паки той же рече: «Тако глаголетъ господь ... Азъ не супротивлюся, ни глаголю противу. Хребетъ мой дахъ на раны, а ланитѣ мои на заушенье, и лица своего не отвратих от стыдѣнья ... заплеванья». Иеремия же рече: «Придѣте, вложимъ древо въ хлѣбъ его, истребимъ от земля животь его». Моисѣй же рече о распятѣи его: «Узрите жизнь вашу висящую предъ очима вашима». И Давидъ рече: «Въскую шаташася языци». Исая же рече: «Яко овца на заколенье веденъ бысть». Ездра же рече: «Благословенъ богъ; руцѣ распростеръ свои, спасъ *Иерусалима*».

И о воскресенѣи рекъша, Давидъ: «Въстани, боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ странахъ». И паки: «Въста, яко спяй, господь». И паки: «Да воскреснетъ богъ, и да разидутся врази его». И паки: «Воскресни, господи боже мой, да възнесетъ рука твоя». Исая же рече: «Сходящеи въ страну и сѣнь смертную, свѣтъ восияетъ на вы». Захарья же: «И ты въ крови завѣта твоего испустилъ еси *ужники* своя ото рѣва, не имуща воды».

Много пророчествовала о немъ, еже сбысться все».

Рече же Володимеръ: «То в кое время сбысться? И было ли се есть? Еда ли топерво *хочеть* быти се?» Онъ же отвѣщавъ рече ему, яко «*Уже* преже сбысться все, егда богъ воплотися. Якоже бо преже рекохъ, жидомъ пророки избивающимъ, царемъ ихъ законы престапующимъ, предасть я в расхищенье, и въ плѣнь ведени быша во Осурию, грѣхъ ихъ ради, и работаша тамо лѣтъ 70. И посемъ възвратишася в землю свою, и не бѣ у нихъ царя, но архиерѣи обладаху ими до Ирода иноплеменника, иже облада ими».

В сего же власть, в лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назаретъ къ дѣвицѣ Марьи, от колѣна Давыдова, рещи ей: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!» И отъ слова сего зачатъ слово божье в вутробѣ, и породилъ сына, и нарече имя ему Иисусъ. И се вольсви придоша от востока, глаголюще: «Кде есть рожийся царь жидовскъ? Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ, и приходомъ поклонитися ему». Услышавъ же се царь *Иродъ*, смятеся, и весь *Иерусалимъ* с нимъ, призвавъ книжники и старци людския, и въпраша ихъ: «Кде Христосъ раждается?» Они же рѣша ему: «Въ Вифлевомѣ жидовствѣмъ». Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: «Избийте младенца сущая 2 лѣтъ». Они же, шедше, избивша младенца.

отроку своему Иякову... После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он бог? ибо умирает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит господь». И Осия сказал: «Так говорит господь: плоть моя от нихъ». Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исая: «Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит господь: «...Я не воспротивляюсь, не возражаю. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевания». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятѣи его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исая же сказал: «Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен бог, распростерший руки свои и спасший *Иерусалим*». И о воскресенѣи сказал Давид: «Восстанъ, боже, суди землю, ибо ты наследуешь все народы». И еще: «Как бы от сна воспрянул господь». И еще: «Да воскреснет бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, господи бог мой, да възнесетъ рука твоя». Исая же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ты ради крови завета твоего освободил узников своих изо рва, в котором нет воды».

И много пророчествовали о нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их престапали законы, преданы были они на расхищение, и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там семьдесят лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать».

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к девѣ Марии, родившейся в колѣне Давыдовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!» И от слов этих понесла она в утробѣ Слово божье, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейскій? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклонитися ему». Услышав об этом, Ирод царь смутился, и весь *Иерусалим* с ним, и, призвавъ книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме еврейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев.

Марья же, убоявшись, съкры отроча. Иосифъ же съ Марьею, поимъ отроча, бѣжа въ Еюпетъ, и бысть *ту* до умертвия Иродова. Въ Еюпте же явился ангелъ Иосифу, глаголя: «Въставъ поими отроча и мать его, иди в землю Израилеву». Пришедъ-шю же ему, вселися в Назаретъ. Възрастъшю же ему и бывшю лѣтъ 30, нача чудеса творити и проповѣдати царство небесное. И избра 12, яже *ученики* собѣ нарече, и нача чудеса велика творити, мертвыя въскрешати, прокаженныя очищати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнне творити, и ина многа чудеса велья, якоже быша пророци прорекли о нѣмъ, глаголюще: «То недуги наша ицѣли, и болѣзни подъя». И *крестися* въ Ерданъ от Иоана, показа новымъ людемъ обновленье. Крестившю же ся ему, и се отверзошася небеса, и духъ сходящъ зракомъ голубинымъ на нь, и гласъ глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленный, о нем же благоизволих». И *посылаше* ученики своя проповѣдати царство небесное, покаянне в оставленье грѣховъ. Хотя исполнити пророчество, и нача проповѣдати, яко подобаетъ сыну чловѣчьскому пострадати, распяту быти и въ третий день воскреснути. Учащю же ему в церкви, архиерѣи и книжници исполнишася зависти, искаху убити ѱ, и имѣше ѱ, ведоша къ гѣмону Пилату. Пилатъ же, испытавъ, яко без вины приведоша ѱ, хотѣ испустити ѱ. Они же рѣша ему: «Аще сегопустиши, не имаша быти другъ *кесареви*». Пилатъ же повелѣ, да ѱ распнутъ. Они же, поимше Иисуса, ведоша на мѣсто краньево, и распяша ѱ ту. Бысть тьма по всей земли от 6-го часа до 9-го, и при девятом часѣ испусти духъ Иисусъ. Церковная запона раздрася надвое, мертвии всташа мнози, имѣ же повелѣ в рай ити. Сънемше ѱ со креста, положиша ѱ въ гробъ, и печатями запечатльша гробъ люди жидовьстии, стражи поставиша, рѣкуще: «Еда украдутъ ѱ ученици его». Онъ же въ 3-й день воскресе. Явился ученикомъ, воскресъ из мертвыхъ, рекъ имъ: «Идѣте во вся *языки*, и научите вся страны, *крестяще* во имя отца и сына и святаго духа». Пребысть с ними 40 дний, являясь имъ по воскресеньи. Егда исполнися 40 дний, повелѣ имъ ити в гору Елевоньскую. И ту явился имъ, благословивъ ѱ, и рече имъ: «Сядѣте въ градъ Ерусалимъ, дондеже послю обѣтованье отца моего». И се рекъ, възношашеся на небо. Они же поклонишася ему. И възвратишася въ Ерусалимъ, и бяху воину в церкви. Егда кончашася *дни* 5-десятьни, сниде духъ святой на апостолы. Приимше обѣтованье святаго духа, и разидошася по вселенѣй, учаще и крестяще водою».

Рече же Володимеръ: «Что ради от жены родися, и на древъ распяты, и водою крестися?». Он же рече ему: «Сего ради,

А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему тридцать лет, начал он творить чудеса и проповедовать царство небесное. И избрал двенадцать, и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и дух сошел под видом голубиным, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, к нему же мое благоволение». И посылал он учеников своих проповедовать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает сыну человеческого пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и искали убить его, и, захватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели его без вины, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом цезарю». Пилат и приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил их, и сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование отца моего». И сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел дух святой на апостолов. А когда приняли обетование святого духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою». Владимир же спросил: «Зачем родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему: «Вот

понеже исперва родъ человеческий женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евою Адама, и отпаде рая; тако же и богъ, отместье дая дьяволу, женою *первое* побѣженъ бысть дьяволу, женою бо первое испаде Адамъ из рая; от жены же воплотился, богъ повелѣ в рай внити вѣрнымъ. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко от древа вкушъ и испаде породы; богъ же на древѣ страсть прия, да древомъ дьяволъ побѣженъ будетъ, и от древа животнаго примуть праведнии. А еже водою обновленъ, понеже при Нои умножившемся грѣхомъ в человецѣхъ, наведе богъ потопъ на землю, и потопа челоуѣки водою, сего ради рече богъ: «Понеже погубих водою челоуѣки грѣхъ ихъ ради, ныне же паки водою очищу грѣхи челоуѣкомъ, обновленъ водою»; ибо жидовский род в мори очистишася от еюпетскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть первое; рече бо: «Духъ божий ношашеся веру воды»; еже бо и нынѣ крестятся водою и духомъ. *Преображение* бысть первое водою, яко же Гедивонъ преобрази посемь. Егда приде к нему ангелъ, веля ему ити на мадимьянъ, он же, искушая, рече къ богу; положивъ руно на гумнѣ, рекъ: «Аще будетъ по всей земли роса, а на рунѣ суша...» И бысть тако. Се же преобрази, яко иностраньни бѣша преже суша, а жидове руно, послѣже на странахъ роса, еже есть святое крещенъе, а на жидѣхъ суша. И пророци проповѣдаша, яко водою *обновленъе* будетъ.

Апостоломъ же учащемъ по вселенѣй вѣровати богу, их же ученъе *мы*, грѣци, *прияхомъ*, вселеная *вѣруеть* учению их. Поставилъ же есть богъ единъ день, в не же хошетъ судити, пришедъ с небесе, живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченну, веселье бес конца, и не умирати въ вѣки; грѣшникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и муцѣ не будетъ конца. Сица же будутъ мученъя, иже не вѣруеть къ богу нашему Иисусу Христу: мучими будутъ в огни, иже ся не крестить». И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуша в рай, а о шуюю грѣшники идуша в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: «Добро симъ о десную, горе же симъ о шуюю». Онъ же рече: «Аще хощеша о десную съ праведными стати, то крестися». Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: «Пожду и еще мало», хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же, сему дары многи вдавъ, отпусти ѥ с честью великою.

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градскиѣ, и рече имъ: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рѣкуще: «Прими законъ нашъ». Посем же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣже придоша

зачем! Вначале родъ человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и отпал тот от рая, так и бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, так как через жену первоначально был изгнан Адам из рая; через жену же воплотился бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом был побежден дьявол, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей,— водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетских злодеяний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: дух божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое прообразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз следующим способом: однажды пришел к нему ангел, веля ему идти к Мадиям, он же, испытывая, обратился к богу; положив руно на гумне, сказал: «Если будет по всей земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же прообразовало, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на других странах стала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду. Когда апостолы учили во всем мире веровать богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам — царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же — мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево — грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Пожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою. В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли

грѣци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказаше от начала миру, о бытии всего мира. Суть же хитро сказаше, и чудно слышати их, любо комуждо слышати их, и другий свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣеть, в нашу вѣру ступит, то паки, умеръ, *въстанеть*, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старцы: «Вѣси, княже, яко своего никтоже не хулитъ, но хвалитъ. Аще хочещи испытати горздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай кождо их службу, и кто како служитъ богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру их». Они же идоша, и пришедше видѣша скверная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавшѣ церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, рад бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патрарху, глаголя сице: «Придоша русь, пытающе вѣры наша, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися въ святительския ризы, да видятъ славу бога нашего». Си слышавъ патрархъ, повелѣ *созвати* крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила возжгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показаше красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоанье дьяконъ, сказаше имъ служенье бога своего. Они же во изумѣнии бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: «Идѣте в землю вашу», и отпустиша я с дарами велики и съ честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече: «Скажете пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмъ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть *добръ* законъ ихъ. И придохомъ в нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И *придохомъ* же въ Греки, и ведоша ны, идеже служатъ богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати;

греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»,— и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом,—

токмо то вѣмы, яко онѣдѣ богъ с челоуѣки пребываетъ, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо челоуѣкъ, аще *вкуситъ* сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не *имамъ* сде быти». Отвѣщавше же бояре *рекоша*: «Аще бы лихъ законъ греческий, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ челоуѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «Гдѣ крещенье приемемъ?» Они же *рекоша*: «Гдѣ ти любо». И минувшую лѣту.

В лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град греческий, и затворишася корсуняне въ градъ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града *стрѣлище* едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градъ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди *воа своа*, и повелѣ *приспу сыпати* къ граду. Симъ же *спущимъ*, корсуняне, подъкопавше стѣну градскую, крадуше сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюше посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И *се* мужъ корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же, се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудет, и самъ ся крещю». И ту абѣ повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко *царема*, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще ѣѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створи». И *слышавша* царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяномъ за поганья *даяти*. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное примеш, и с нами единовѣрникъ будеш. Аще ли сего не хочещи створити, не можемъ дати *сестры* своее за тя». Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ от царю: «Глаголите царема тако; яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми *люба* вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тебѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ,— рече,— иду, *луче* бы ми сде умрети». И рѣста ей *братя*: «Еда како обратитъ

знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо». И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воини же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это,— крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единовеверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя́ мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит

богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще, не идещи, то же имуть створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатъ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляеться, что створити. И посла к нему царица, рѣкуще: «Аще хочещи избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «Да аще истина будет, то поистинѣ великъ богъ будет хрестянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсунский с попы царицины, огласивъ, крести Володимира, Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави бога, рекъ: «Топерво *уведѣхъ* бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестисася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градъ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоит и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицу на браченъе. Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, *ини* же рѣша: *в Василеве*; друзии же инако скажутъ. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру хрестяньску, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

«Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли», до конца вѣру сию. И паки: «Вѣрую въ единого бога отца нерожена, и въ единого сына рожена, въ единъ святой духъ *исходящ*: три собѣства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ и *собѣствьнымъ собѣствомъ*, а не *божествомъ*, *раздѣляетъ бо ся не* раздѣлно, и совкупляется неразмѣсно. Отецъ, богъ отецъ, присно сый пребываетъ во отчѣствѣ нероженъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, единѣмъ *нероженемъ* старѣй сый сыну и духови; от него же рождается сынъ прежде всѣхъ вѣкъ, исходитъ же духъ святой безъ времени и безъ тѣла; вкупѣ отецъ, вкупѣ сынъ, вкупѣ духъ святой есть. Сынъ *подобосущенъ* отцю, роженемъ точью разньствуя отцю и духу. Духъ есть пресвятой, отцю и сыну *подобносущенъ* и *соприсносущенъ*. Отцю бо отецество, сыну же сыновство, *святому* же духу исхоженъе. *Ни* отецъ бо въ сынъ ли въ духъ *преступаетъ*, ни сынъ во отца и в духа, *ни духъ* въ сынъ ли во отецъ; неподвижена бо свойствия ... Не трее бози,

тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла надѣлала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: «Теперь узнал я истинного бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святаго Василья, а стоит церковь та в городе Корсунѣ посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого бога отца вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры. И еще: «Верую во единого бога отца нерожденного и во единого сына рожденного, в единый дух святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, бог отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем сын и дух; от него же рождается сын прежде всех времен, дух же святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть отец, вместе сын, вместе и дух святой. Сын же подобосущен отцю, только рождением отличаясь от отца и духа. Дух же пресвятой подобосущен отцю и сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо отцю отцовство, сыну сыновство, святому же духу исхождение. Ни отец переходит в сына или духа, ни сын в отца или духа, ни дух в сына или в отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога,

единъ богъ, *понеже* едино божество въ трехъ лицахъ. Хотѣнъемъ же отца и духа свою спасти тварь, отческихъ ядръ, ихъ же не *отступи*, съшедь, и въ *дѣвичьское* ложе пречистое, аки божье сѣмя, вшедь, плоть съдушну, словесну же и умну, не преже бывшую, примъ, изиде богъ воплощенъ, родися неизречьнѣ и дѣвство мати схрани нетлѣнно, не смятенъ, ни размѣшенъ, ни измѣненъ пострадавъ, но *пробывъ* еже бѣ, бысть, еже не бѣ, примъ рабий зракъ истинною, а не мечтанъемъ, всячьски, развѣ грѣха, намъ *подобенъ* бывъ ... Волею бо родися, волею взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истинною, а не мечтанъемъ; *вся естѣственаа*, неоклеветаны *страсти* челоуѣчества. Распятъ же ся, смерти вкуси безгрѣшный, възкресъ въ своей плоти, не видѣвши истлѣнья на небеса взиде, и сѣде одесную отца, придетъ же паки съ славою судити живымъ и мертвымъ; якоже взиде съ *своею* ... плотью, тако *сидеть* ... Къ симъ едино крещенъе исповѣдаю водою и духомъ, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, *вѣрую* во истину тѣло и кровь ... приемлю церковная преданья, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному, и всякому кресту, святымъ мощемъ, и святымъ *сѣсудомъ*. Вѣрую же и *седму* сборъ святыхъ отецъ, иже есть первый въ Никии 300 и 18, иже прокляша Арья, и проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Второй сборъ в Константиноградѣ святыхъ отецъ 100 и 50, иже *прокляша* Макидонья духоборца и проповѣдаша троицу единосущну. Третий же сборъ въ Ефесѣ святыхъ отецъ 200 на Несторья, его же *прокленше*, проповѣдаша святую богородицу. Четвертый сборъ въ Халкидонѣ святыхъ отецъ 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, ею же прокляша святии отци, и сѣгласивше *свершена* бога и свершена челоуѣка *господа* нашего Иисуса Христа. 5-й сборъ во Царѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 60 и 5 на *Оригенова* преданья и на Евагрия, их же прокляша святии отци. 6-й сборъ во Цариградѣ святыхъ отецъ 100 и 70 на Сергия и Кура, ихъ же прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никии святыхъ отецъ 300 и 50, прокляша, иже ся не поклонят иконамъ».

Не премай же ученья от латынъ, ихъ же ученъе развъращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонятся, и, поклонився, напишетъ крестъ на земли и цѣлует, вставъ простъ, станеть на немъ нагами; да легъ цѣлуетъ, а вставъ попирает. Сего бо апостоли не предаша; предали бо сут апостоли крестъ поставленъ цѣловат и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ.

но один бог, так как божество едино в трех лицахъ. Желанием же отца и духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления взошел на небеса, и сел справа от отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее трехсот восемнадцати отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе ста пятидесяти святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедовавшего единосущную троицу. Третий же собор в Эфесе, двухсот святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую богородицу. Четвертый собор в Халкидоне шестисот тридцати святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив господя нашего Иисуса Христа совершенным богом и совершенным челоуком. Пятый собор в Царьграде ста шестидесяти пяти святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде ста семидесяти святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее трехсот пятидесяти святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам».

Не принимай же ученья от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но стоя кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостоли; апостоли учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука-евангелист первый написал икону и послал ее в Рим.

«Яко же глаголетъ Василий: икона *на* первый образъ приходитъ. Паки же и землю глаголють *материю*. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи богъ небо, таже землю. Тако глаголють: Отче нашъ, иже еси на небеси. Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матеръ свою? Да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящеса от Рима и от всѣхъ престолѣ. На первомъ бо сборѣ, *иже* на Арья в Никѣи, от Рима Силвестръ посла епископы и презвутеры, от Олександрѣя Офонаси, от Царягорода Митрофанъ посла епископы от себе; тако исправляху вѣру. На второмъ же зборѣ от Рима *Дамасъ*, а от Олександрия Тимофѣй, от *Антиохия* Мелетий, Курилъ Ярусалимский, Григорий Богословець. На третьемъ же сборѣ *Келестинъ* Римский, Курилъ Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомъ же сборѣ Левонтий *Римский*, Анаталій Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомъ сборѣ Римский *Вилигий*, *Евтухий* Царягорода, Аполинарій Олександрьский, Домнинъ *Антиохийский*. На 6-мъ сборѣ от Рима Агафонъ, *Георгий* Царягорода, *Феофанъ Антиохийский*, от *Александриа* Петръ мнихъ. На 7-мъ сборѣ Ондрейанъ от Рима, Тарасий Царяграда, Политианъ Олександрьский, Федоритъ *Антиохийский*, Илья Ерусалимский. И си вси *со* своими епископы сходящеса *исправляху вѣру*. По семь же сборѣ Петръ Гугнивый *со* инѣми шедъ в Римъ и престолѣ вѣсхвативъ, и разврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олександрьскаго, и Царяграда и Антиохийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно. Ови бо попове одною женою *оженивъся* служатъ, а друзии до *7-ми женъ* *поимающе* служатъ, их же блюстися ученья. Працають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранитъ тя от сего».

Володимеръ же посемъ поемъ *царицу*, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима сѣсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в *Корсуни* на горѣ, *идѣже* сѣсыпаша средѣ града, *крадуще*, приспу, яже церкви стоитъ и до сего дне. *Вся же* *ида мѣдянѣ* двѣ капищи, и 4 *кони* мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суца. Вдасть же за вѣно грекомъ *Корсунь* опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы *исѣщи*, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневы къ *хвосту* и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа

«Какъ говоритъ Василий: чествование иконы переходит на ее первообразъ». Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо,—изначала сотворил богъ небо, также и землю. Такъ говорятъ: «Отче нашъ, иже еси на небеси». Если, по ихъ мнению, земля мать, то зачемъ плюете на свою мать? Тутъ же ее лобзаете и оскверняете? Этого преже римляне не делали, но постановляли правильно на всехъ соборахъ, сходясь из Рима и со всехъ епархий. На первый соборъ в Никее противъ Ария папа римский Силвестръ послалъ епископовъ и пресвитеровъ, от Александрии Афанасий, а от Царьграда патриархъ Митрофанъ послали от себя епископовъ; и такъ исправляли веру. На второй же соборъ — от Рима Дамасъ, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кириллъ Иерусалимский, Григорий Богословъ. На третьемъ же соборе — папа римский Келестинъ, Кириллъ Александрийский, патриархъ иерусалимский Ювеналий. На четвертомъ же соборе — папа римский Левъ, патриархъ константинопольский Анатолий, Ювеналий Иерусалимский. На пятомъ соборе — папа римский Вигилий, патриархъ константинопольский Евтихий, патриархъ александрийский Аполлинарий, патриархъ антиохийский Домнинъ. На шестомъ соборе — от Рима Агафонъ, Георгий изъ Константинополя, Феофанъ Антиохийский, от Александрии монахъ Петръ. На седьмомъ соборе — от Рима Адрианъ, Тарасий изъ Константинополя, Политианъ Александрийский, Феодоритъ Антиохийский, Илия Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого послѣдняго собора Петръ Гугнивый вошелъ с другими в Римъ, захватилъ престолъ и развратилъ веру, отвергнувшись от престола иерусалимскаго, александрийскаго, константинопольскаго и антиохийскаго. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение. Одни священники служатъ, будучи женаты только на одной женѣ, а другия, до семи разъ женившись, служатъ; и следуетъ остерегаться ихъ ученья. Прощаютъ же они и грехи во время приношения даровъ, что хуже всего. Богъ да схранитъ тебя от этого». После всего этого Владимиръ взялъ царицу, и Анастаса, и священниковъ корсунскихъ с мощами святаго Климента, и Фива, ученика его, взялъ и сосуды церковныя и иконы на благословенье себе. Поставилъ и церковь в Корсунѣ на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю изъ насыпи; стоитъ церковь та и донныне. Отправляясь, захватилъ онъ и двухъ медныхъ идоловъ и четырехъ медныхъ коней, что и сей часъ стоятъ за церковью святой Богородицы и про которыхъ невежды думаютъ, что они мраморныя. Корсунъ же отдалъ грекамъ какъ вѣно за царицу, а самъ вернулся в Киевъ. И когда пришелъ, повелѣлъ опрокинуть идолы — однихъ изрубить, а другихъ сжечь. Перуна же приказалъ привязать къ хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу къ Ручью и приставилъ двенадцать

пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, же прелщаше симъ образомъ челоуѣкы, да възмездье приметь от челоуѣкѣ. «*Велий еси, господи, чудна дѣла твоя!*». Вчера чтимъ от челоуѣкѣ, а днесъ поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша ѿ въ Днѣпрѣ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь его». Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже ѿ вѣтрѣ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящется кто *завтра* на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли». Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскими на Днѣпрѣ, и снисдеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси* от берега, друзии же *младенци* держаще, свершени же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяхе си *видѣти* радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стения глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикѣ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо в дома своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, *рече*: «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, господи, увѣдѣти тебе, истиннаго бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣясь на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребности князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и *люди* на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ, нача поимати у *нарочитые* чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвецѣ плакахся.

мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,—чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святаго крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку—будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб,—будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царициными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стения: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помози, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святаго Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Сим же раздаяномъ на ученѣе книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны дни услышат глухшии словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ». Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей помилова богъ, якоже рече пророкъ: «*Помилую, его же аще хочу*». Помилова бо ны «Паки банею бытъя и обновленьемъ духа», по изволенью божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ господь Иисусъ Христосъ, иже възлюбилъ новыя люди, Русьскую землю, и просвѣтилъ ю крещеньемъ святымъ. Тѣмъ же и мы припадаемъ къ нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти въздамы о всѣхъ, яже въздаси намъ, грѣшникомъ намъ сущемъ? Недоумѣемъ противу даромъ твоимъ въздаянья въздати».

«Велий бо еси и чудна дѣла твоя, величью твоему нѣсть конца. В родъ и родъ възсхвалить дѣла твоя». Реку же съ Давыдомъ: «Придѣте, възрадуемъся господеву, възкликнемъ богу и спасителю нашему. Варимъ лице его въ *исповѣданье*». «Исповѣдающееся ему, яко *благъ*, яко в вѣки милость его», яко «избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ», рекъше отъ идолъ суетныхъ. И паки рцѣмъ съ Давыдомъ: «Въспойте господеву пѣснь нову, воспойте господеву вся земля. Воспойте господеву, благословите имя его. *Благовестите* день отъ дне спасение его. Възвѣстите во языцѣхъ славу его, во всѣхъ *людехъ* чудеса его, яко велий господь и хваленъ зѣло», «И величью его нѣсть конца». Колика ти радость! не единъ, ни два спасается. Рече бо господь: «Яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся». Се же ни единъ, ни два, но бесчисленное множество къ богу приступиша, святымъ крещеньемъ просвѣщени. Якоже и пророкъ рече: «Въскроплю на вы воду чисту, и очиститесь и отъ идолъ вашихъ и отъ грѣхъ вашихъ». Паки другой пророкъ рече: «Кто яко богъ отъемля грѣхы и преступая неправды? Яко хотяй милостивъ есть. Той обратитъ и ущедритъ ны, и погрузитъ грѣхы наша въ глубинѣ». Ибо *апостолъ* Павелъ глаголетъ: «Братья! Елико насъ крестися въ Иисуса Христа, въ *смерть* его крестихомся; и погребомся убо съ нимъ крещеньемъ въ смерть; да якоже вѣста Христосъ отъ мертвыхъ съ славою отчею, якоже и мы въ обновленнѣи житья поидемъ». И паки: «Вѣтхая мимоидоша, и се быша новая». «Нынѣ приближися намъ спасенье... ношъ успѣ, а день приближися». «Имъ же приведенье обрѣтохомъ вѣрою въ благодать сию, имъ же хвалимся и стоимъ». «Нынѣ же *свободившеся* отъ грѣха, поработившеся господеву, имате плодъ вашъ въ священье». Тѣмъ же долъжни есмы работати господеву, радуящеся ему. Рече бо Давыдъ: «Работайте господеву съ страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ». Мы же възопьемъ къ господу богу нашему, глаголюще: «Благословенъ господь, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ ихъ! ... Сѣть расторгнулася,

Когда отданы были въ учение книжное, то темъ самымъ сбылось на Руси пророчество, гласившее: «Въ те дни услышатъ глухшии слова книжные, и ясенъ будетъ языкъ косноязычныхъ». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устройению и по милости своей помиловалъ ихъ богъ; какъ сказалъ пророкъ: «*Помилую, кого хочу*». Ибо помиловалъ насъ святымъ крещеньемъ и обновленьемъ духа, по божьему изволенью, а не по нашимъ деламъ. Благословенъ господь Иисусъ Христосъ, возлюбившій Русьскую землю и просветившій ее крещеньемъ святымъ. Вотъ почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисусъ Христосъ! Чемъ смогу въздать тебѣ за все, что воздалъ намъ грѣшнымъ? Не знаемъ, какое воздаяние дать тебѣ за дары твои».

«Ибо великъ ты и чудны дела твои: нетъ предела величью твоему. Родъ за родомъ възсхвалятъ дела твои». Скажу вместе съ Давыдомъ: «Придите, възрадуемъся господу, възкликнемъ богу и спасителю нашему. Предстанемъ лицу его со славословиемъ»; «Славьте его, ибо онъ *благъ*, ибо вѣкъ милость его», ибо «избавилъ насъ отъ врагъ нашихъ», то есть отъ языческихъ идоловъ. И еще скажемъ вместе съ Давыдомъ: «Воспойте господу пѣснь нову, воспойте господу вся земля; пойте господу, благословляйте имя его, благовестуйте со дня на день спасение его. Возвѣщайте въ народахъ славу его, во всехъ людяхъ чудеса его, ибо великъ господь и достохваленъ», «И величью его нетъ конца». Какая радость! Не одинъ и не два спасаются. Сказалъ господь: «Радость бываетъ на небеси и объ одномъ покающемся грѣшникѣ». Здѣсь же не одинъ и не два, но бесчисленное множество приступили къ богу, просвѣщенные святымъ крещеньемъ. Какъ сказалъ пророкъ: «Окроплю васъ водою чистой, и очиститесь и отъ идолопоклонения вашего, и отъ грѣховъ вашихъ». Также и другой пророкъ сказалъ: «Кто богъ, какъ ты, прощающій грѣхи и не вменяющій преступленія? ибо хотящій того — милостивъ. Тотъ обратитъ и умилосердится надъ нами и ввергнетъ въ пучину морскую грѣхи наши». Ибо апостолъ Павелъ говоритъ: «Братья! Все мы, крестившеся въ Иисуса Христа, въ смерть его крестились; и такъ мы погреблись съ нимъ крещеньемъ въ смерть; дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперъ все новое». «Нынѣ приблизилось къ намъ спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Черезъ него получили мы верою доступъ къ благодати этой, которой хвалимся и стоимъ». «Нынѣ же, когда освободились отъ грѣха и стали рабами богу, плодъ вашъ есть святость». Вотъ почему должны мы служить богу, радуясь ему. Ибо сказалъ Давыдъ: «Служите господу со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ». Мы же възкликнемъ къ господу богу нашему: «Благословенъ господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ! ... Сѣть расторгнулася,

и мы избавлени быхом» от прельсти дьяволя. «И погибе память его с шумом, и господь в вѣкы пребываетъ», хвалимъ от русьскихъ сыновъ, пѣваемъ въ троици, а дѣмони проклинаеми отъ благовѣрныхъ мужъ и отъ вѣрныхъ женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ, новии людье хрестьянѣстии, избрании богомъ».

Володимерь же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородъ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровъ, а Ярослава Ростовъ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородъ, посадиша Ярослава Новѣгородъ, а Бориса Ростовъ, а Глѣба Муромъ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. И рече Володимерь: «Се не добро, еже мало городъ около Киева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по *Трубежеви*, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужъ лучшиѣ от словень, и от кривичъ, и от чюди, и от вятичъ, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ.

Въ лѣто 6497. Посемъ же Володимерь живяше въ законѣ хрестьянѣстѣ, помысли создати церковь пресвятыя богородица, и пославъ приведе мастера от Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу *Корсунянину*, и попы корсунскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсунѣ: иконы, и съсуды, и кресты.

Въ лѣто 6499. Володимерь заложил градъ Бѣлгородъ, и нарубилъ въ нь от инѣхъ городовъ, и много людей сведе во нь; бѣ бо любя градъ съ.

Въ лѣто 6500. Иде *Володимерь* на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимерь же поиде противу имъ, и сретѣ ѿ на *Трубежи* на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимерь на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжскыи к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударитъ моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужъ ударитъ, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимерь же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномъ?». И не обрѣтѣся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужъ приведоша, а у нашихъ не бысть. И поча тужити Володимерь, сля по всѣмъ воемъ, и приде

и мы избавились» отъ обмана дьявольскаго. «И исчезла память ихъ с шумомъ, но господь пребываетъ вѣкъ», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаятся благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущенье греховъ,— новые люди хрестiane, избранные богомъ».

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянскій землѣ, Всеволода во Владимирѣ, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чюди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). Затем жил Владимир в хрестianском законѣ, и задумал создать церковь пресвятой богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунскихъ священниковъ, дав ей все, что взял перед этим в Корсунѣ: иконы, сосуды и кресты.

В год 6499 (991). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежскыи к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел

единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми ѿ сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череву руками». Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша ѿ ко князю, и князь повѣда ему вся. Сей же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли со нь, и да *искусите* мя: нѣту ли быка велика и силна?». И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимерь: «Можеша с *нимъ* бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашъ доспѣлъ». Володимерь же повелѣ той ноци *облещися* въ *оружие*, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ ѿ печенѣзинъ и посмѣяся,— бѣ бо середний тѣломъ. И размѣривше межю обѣма полкома, пустиша я к собѣ. И ястася, и почаста ся *крѣпко* держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имъ о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я. Володимерь же радъ бывъ, заложил городъ на *бродѣ* томъ, и нарече ѿ Переяславль, зане перея славу отроко тѣ. Володимерь же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимерь же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

В лѣто 6502. В лѣто 6503.

Въ лѣто 6504. Володимерь видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолился богу, глаголя: «Господи боже! «Призри с небесе, и вижь. И посѣти винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя», новыя люди си, им же обратилъ еси сердце в разум, познати тебе, бога истинного. И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный рабъ твой, въ имя рожьшая тя матере, приснодѣвья богородица. Аже кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя богородица». И помолившюся ему, рекъ сице: «Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: «Аще кто сего посудитъ, да будет проклятъ». И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тѣ день боляром и старцемъ *градским*, и убогим раздая имѣнье много.

По сих же придоша печенѣзи к Васильеву, и Володимерь с *малею дружиною изыде противу*. И съступившимся, и не могъ

к князю один старый мужи сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился богу, говоря так: «Господи боже! Взгляни с неба, и воззри. И посети сад свой. И охраняй то, что насадила правая рука твоя— новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, заступление ради пречистой богородицы». И, помолившись богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав завет в церкви этой в следующих словах: «Если кто отменит это,— да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

Затем пришли печенеги к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог

стерпѣти противу, подъбѣгъ, ста подѣ мостом, одва уккрыся противных. И тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевъ святого Преображенья, бѣ бо въ тѣ день Преображенье господне, егда си бысть съча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздник великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣм градомъ, и люди многы, и раздая убогим 300 гривень. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святая богородица, и ту паки сотворяше праздник великъ, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душею и тѣлом. И тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою еуангелъе чтомо: «Блажени милостивии, яко ти помиловани *будуть*»; и паки: «Продайте имѣнья ваша и дадите нищим»; и паки: «Не скрываете собѣ скровищ на земли, идеже тля тлеть и татье подъкопывают, но скрываете собѣ скровище на небесѣх, идеже ни тля тлеть, ни татье крадутъ»; и Давыда глаголюща: «Блаженъ мужъ милуя и дая»; Соломона же слыша глаголюща: «Вдаяй нищему, богу в заимъ дает». Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходи на дворъ княжь и взимати всяку *потребу*, питье и яденье, и от скотъницъ кунами. Устрой же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могут долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелках, а въ других квасъ, возити по городу, въпрашающим: «Кде болнии и нищъ, не могы ходити?». Тѣмъ раздаваху на потребу. Се же паки творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскимъ, и десятицким, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бѣше по изобилью от всего. Егда же подѣпяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревянными лѣжицами, а не серебряными». Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ серебряны ясти дружинѣ, рек сице, яко «Сребромъ и золотом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и золото, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм, и бѣ живя съ князи околними миромъ, и съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ. И бѣ миръ межю ими и любви. Живяше же Володимеръ в страсъ божьи. И умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи

устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва уккрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение господне. Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте имения ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает займы богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходиться на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Сребром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду сребро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и сребра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы

Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?». Он же рече имъ: «Боюся грѣха». Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытаньемъ». Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископы и старцы: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимеръ: «*Тако буди*». И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню.

В лѣто 6505. Володимеру же шедшу Новгороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагограда. И не дадяху выльѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множество много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хотимъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да лучше ли ны померети? *Вѣдадимся* печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвятъ; уже помираем от глада». И тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и *взпрашаше*: «Что ради вѣче было?». И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градскыя, и рече им: «Слышавъ, яко хотите ся передати печенѣгомъ». *Они же рѣша*: «Не стерпятъ людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубѣ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и *вставити* тамо кадъ, и нальяти цѣжа кадъ. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадъ, и повелѣ искати меду. Они же, шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и вльяти в кадъ в друзѣмъ колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимѣте к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашемъ». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучшиѣ мужи в *родѣхъ* и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городѣ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣт, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима».

Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не наказываешь ихъ?» Он же ответил: «Боюсь грѣха». Они же сказали ему: «Ты поставлен богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — Сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадъ и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадъ, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадъ в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете престоить нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами».

И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядят сами». Людѣ же наляша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, и вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И, варивше, яша князи печенѣзстии и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, вѣсташа от града, вѣсвоися идоша.

В лѣто 6506. В лѣто 6507.

В лѣто 6508. Преставися Малѣфрѣдъ. В се же лѣто преставися и Рогнѣдъ, мати Ярославля.

В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Володимерь.

В лѣто 6510.

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

В лѣто 6512. В лѣто 6513. В лѣто 6514.

В лѣто 6515. Пренесени святии въ святую Богородицю.

В лѣто 6516. В лѣто 6517. В лѣто 6518.

В лѣто 6519. Преставися царица Володимеря Анна.

В лѣто 6520. В лѣто 6521.

В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающею Киеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. И тако даяху вси посадници новѣгородстии, а Ярославъ сего не даяше к Киеву отцу своему. И рече Володимерь: «Требите путь и мостите мость»,— хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, привеле варягы, бояся отца своего; но богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ. Печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша ѱ, бѣ бо Святополкъ Киевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проймавше помость, обертѣвше в коверъ ѱ, ужи сѣвѣсиша на землю; възложыше ѱ на сани, везыше поставиша ѱ въ святѣй Богородици, юже бѣ сздадъ самъ. Се же увѣдѣвше людѣ, бе-щисла снисдошася и плакашася по немъ, бояре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша ѱ в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя.

И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеге. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвоися. В год 6506 (998). В год 6507 (999).

В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В год 6510 (1002).

В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В год 6512 (1004). В год 6513 (1005). В год 6514 (1006).

В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В год 6516 (1008). В год 6517 (1009). В год 6518 (1010).

В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.

В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему. Аще бо бѣ и прежде на сквернѣную похоть желая, но послѣже прилежа к покаянью, якоже апостолъ вѣщавае: «Идеже умножится грѣхъ, ту изобильствуеъ благодать». Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оногo възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили богу за нь, в день преставленья его, и видя бы богъ тщанье наше к нему, прославилъ бы ѿ: намъ бо достоить за нь бога молити, понеже тѣмъ бога познахом. Но дажь ти господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желаше царства небеснаго. Дажь ти господь вѣнецъ с праведными, в пици райстѣй, веселье и ликѣствованье съ Авраомъ и с прочими патриархы, якоже Соломонъ рече: «Умершю мужю праведну, не погыбаеъ упованье».

Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляютъ бога въ молитвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще господеву, новии людье, просвѣщени святымъ духомъ, чающе надежи великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченную радость, юже буди уллучити всѣмъ хрестьяномъ.

Объеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде к нему: «Отець ти умерлѣ». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго: аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто». И се слышавше, вои разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же, исполнивъсь безаконья, Каиновъ смыслъ примъ, посылая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамъ ти»; а лстыя поднимъ, како бы ѿ погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородскыѣ боярьцѣ, и рече имъ: «Приете ли ми всѣмъ сердцемъ?». Рече же Путша с вышегородцы: «Можемъ главы своя сложити за тя». Онъ же рече имъ: «Не повѣдуче никомуже, шедше, убийте брата

То новый Константинъ великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него богу в день его смерти, то бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует молить за него бога, так как через него познали мы бога. Пусть же господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе господь царство небесное вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их господу, новые люди, просвещенные святым духом, ожидая надежды нашей, великого бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Объиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата

моего Бориса». Они же вскорѣ общашася ему се створити. О сяковыхъ бо *Соломонъ* рече: «Скори суть пролити кровь... бес правды. Ти бо *общаются* крови, собираютъ собѣ злая. Сихъ путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлютъ». Послании же придоша на Лѣто ночью, и подѣступиша ближе, и слышаша блаженнаго Бориса поюща заутреню: бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотятъ погубити ѱ. И, вставъ, нача пѣти, глаголя: «Господи! Что ся умножиша стужающии мнѣ. Мнози вѣстають на мя»; и паки: «Яко стрѣлы твоя унѣзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть»; и паки глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою». И кончавъ *ексапсалма*, увидѣвъ, яко послании суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя, яко «Обидоша мя унци тучни... И *соборъ* злобивыхъ осѣде мя. Господи, боже мой, на тя уповах, и спаси мя, и от всѣхъ гонящихъ мя избави мя». Посемъ же нача канунъ пѣти. Таче, кончавъ заутреню, помолися, глаголя, зря на икону, на образъ владычень, глаголя сице: «Господи Иисусе Христе! Иже симъ образомъ явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и примъ страсть грѣхъ ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, господи, в семь грѣха». И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своем. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша ѱ копья, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ. Бѣ бо *сей* любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ угърскъ, именовъ Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предѣстояше пред нимъ. Избиша же и ины отроки Борисовы многы. *Георгиеви* же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша *гривну, а главу отвергоша прочь*; тѣмже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша ѱ, и еще дышущю ему. *Увѣдѣвъ* же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два варяга прикончатъ его. Онѣма же пришедшема и *видѣвшема*, яко и еще живъ есть, единъ еѳ извлекъ мечъ, пронъзе ѱ къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ *примъ* от Христа бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с лики мученичьскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченную радость, воспѣвая съ ангелы и веселяся *с лики* святыхъ. И положиша тѣло его,

моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О такихъ сказал Соломонъ: «Спешатъ они на пролитие крови без правды. Ибо принимаютъ они участие в пролитии крови и навлекаютъ на себя несчастья. Таковы пути всехъ, совершающихъ безаконие, ибо нечестиемъ изымаютъ свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поетъ заутреню, такъ какъ пришла ему уже вѣсть, что собираются погубить его. И, вставъ, началъ онъ петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстаютъ на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готовъ к бедамъ, и скорбь моя предо мною»; и еще говорилъ онъ: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в судъ с рабомъ твоимъ, потому что не оправдается предъ тобой никто из живущихъ, такъ какъ преследуетъ врагъ душу мою». И, окончивъ шестопсалмие и увидевъ, что пришли посланные убить его, началъ петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... Скопище злыхъ обступило меня»; «Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всехъ гонителей моихъ избавь меня». Затемъ началъ онъ петь канон. А затемъ, кончивъ заутреню, помолился и сказалъ такъ, смотря на икону, на образъ владыки: «Господи Иисусе Христе! Какъ ты в этомъ образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею давъ пригвоздить руки свои на кресте, и принялъ страдание за наши грѣхи, такъ и меня сподобь принять страдание. Я же не от враговъ приимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, господи, это в грѣхъ». И, помолвившись богу, возлегъ на постель свою. И вотъ напали на него, какъ звери дикіе, из-за шатра, и просунули в него копья, и пронзили Бориса, а вместе с нимъ пронзили и слугу его, который, защищая, прикрылъ его своимъ теломъ. Ибо былъ онъ любимецъ Бориса. Былъ отрокъ этотъ родомъ венгръ, по имени Георгій; Борисъ его сильно любилъ, и возложилъ онъ на него гривну золотую большую, в которой онъ и служилъ ему. Убили они и многихъ другихъ отроковъ Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди труповъ. Убивъ же Бориса, окаянные завернули его в шатеръ, положили на телегу и повезли, а онъ еще дышалъ. Святополкъ же окаянный, узнавъ, что Борисъ еще дышитъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его. Когда те пришли и увидели, что онъ еще живъ, то одинъ изъ нихъ извлекъ мечъ и пронзилъ его в сердце. И такъ скончался блаженный Борисъ, принявъ с другими праведниками вѣнецъ вечной жизни от Христа бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмомъ мучениковъ, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его

принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья. Оканьнии же си убийць придоша къ Святополку, *аки хвалу* имуще, незаконьници. Суть же имена симъ законопреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшкко, отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ, бѣси бо на злое посылаемы бываютъ, ангели на благое посылаемы. *Ангели* бо человеку зла не творять, но благое мыслять ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають от супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человекъ богомъ *почтена*, и завидяще ему, на зло слемы скоры суть. Золь бо человекъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо бога боятся, а золь человекъ ни бога боится, ни человекъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боять господня, а человекъ золь ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: «Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?». И *приимъ* помысль Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: «Поиди вборзѣ, отецъ ты зоветь, не сдравить бо велми». Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломил ему ногу мало. И приде Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зрѣмо, и ста на Смядинѣ в насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьень от Святополка». Се слышавъ, Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: «Увы мнѣ, господи! Луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказанья. Да аще еси получилъ дерзновенье у бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ. Луче бы ми было с тобою *умрети*, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ *жити*». И сице ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу. И ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ и обнажиша оружье. Отроки Глѣбови уныша. Оканьный же посланный Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именовъ Торчинъ, вынезъ ножъ, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно. Принесеса на жертву богу, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнецъ, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаннаго брата своего, и радовашеся с нимъ неиздреченною радостью, юже улущиста братолюбьемъ своимъ. «Се коль добро, и коль красно еже жити братома вкупѣ!». Оканьнии же

в церкви Василья, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу возымеv от людей, незаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талець, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие бывают слуги-бесы; бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы уловляют человека на злое, завидуя ему; и так как видят, что человек от бога в чести,—потому и завидуют, а посылаемые на злое—скоры на его выполнение. Злой человек, усердствуя злomu делу, хуже беса, ибо бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста господня боятся, а человек злой и креста не боится. Святополкъ же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именовъ Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия божия, войдя в небесныя обители, и увидел там желаннаго брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой достиг своим братолюбием. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же

възвратишася въспять, якоже рече Давыдъ: «Да возвратятся грѣшници въ адъ». Онѣмъ же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку, яко «Створихом повелѣнная тобою». Онъ же, слышавъ, възнесся сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: «Что ся хвалиши о злѣбѣ, сильный? безаконье весь день... умысли языкъ твой».

Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ между двѣма колодами, посемь же взявше везоша ѿ, и положиша ѿ у брата своего Бориса у церкви святаго Василья.

И съвкуплена *тѣлома*, паче же душама, у владыки всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтъ неиздреченнѣмъ, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ странымъ с вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверженье, печальнымъ *утѣху*, напастнымъ избавленье. И еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмъ же и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова, молящася прилѣжно к нима, рекуще: «Радуйтася, страстотерпца Христова, *заступника* Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящимъ к *вама* вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленная служителя, верста единообразна, святымъ единомудушна; тѣмъ стражующимъ всѣмъ ицѣленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя воды живоносныя ицѣленья, истѣкають вѣрнымъ людямъ на ицѣленье. Радуйтася, лукаваго змия поправша, *луча* свѣтозарна явистася, яко свѣтилъ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклонною. Радуйтася, недрѣманное око стяжавша, душа на свершенье *божьихъ* святыхъ *заповедей* примша в сердце своемъ, блаженая. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, в славѣ неувядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, божьими свѣтлостями явѣ *облистаема*, всего мира обиходита, бѣсы отгоняюща, недуги ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая, суца съ богомъ, божественными лучами ражизаема воину, добляя страстника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людемъ. Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любви небесная; тѣмъ красныхъ всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмъ жити, славу, и райскую пищу, и свѣтъ разумный, красныя радости. Радуйтася, яко вся напаяюща сердца, горести и болѣзни отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровными, святыми очервивша багряницу, славная, ту же красноносяща съ Христомъ царствуета всегда, молящася за новыя

возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василья.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтася, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтася, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями богу, единообразной четой, святым единомушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтася, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтася, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтася, заслужившие незасыпающее око, души свои к исполнению святых божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтася, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтася, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесы отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтася, потому что напояете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых

люди хрестьяньскыя и сродники своя. Земля бо *Руска* благословися ваю кровью, и мощми лежаща *въ церкви* духомъ *божественъ* просвѣщаета, в ней же съ мученикы яко мученика за люди своя молитася. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящи. Но христоролюбивая страсотерпця и заступника наша! покорита поганя подъ нозѣ княземъ нашим, молящася къ владыцѣ богу нашему мирно пребывати в совокуплении и въ сдрави, *избавляюща* от усобныя рати и от пронырства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжество, въ вся вѣкы до скончанья».

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою, и прииму власть русьскую единъ». Помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдый яко «Богъ даетъ власть, ему же хоцетъ; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хоцетъ, дать». Аще бо кая земля управится пред богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраетъ, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правдивы бываютъ в земли, то много отдаются согрѣшенья *земли*, аще ли зли и лукави бываютъ, то больше зло наводитъ богъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людей». «Лютъ бо граду тому, в немъ же князь унъ», любяй вино пити съ гуслыми и съ младыми свѣтники. Сяковыя бо богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, якоже Исаия глаголетъ: «Отъиметь господь от Иерусалима крѣпкага исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, *и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива*. Поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими».

Святополкъ же оканьный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество. Ярослав же не вѣдушю отънѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, *и обльстивъ я исѣче*. В ту же ношъ приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику». Се слышавъ, печалень бысть о отци, *и о братѣи*, и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ

христианскихъ людей и сродниковъ своих. Благословила съ земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвѣщаете вы церковь эту духомъ божественнымъ, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утромъ восходящие! Христоролюбивые же страсотерпцы и заступники наши! Покорите поганыхъ под ноги князьямъ нашим, молясь владыке богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобныхъ войн и от пронырства дьяволя, удостойте и нас того же, поющихъ вам и почитающихъ ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополкъ же окаянный и злой убил Святослава, пославъ к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополкъ думать: «Перебью всехъ своихъ братьев и стану одинъ владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «богъ даетъ власть кому хоцет, ибо поставляетъ цесаря и князя всевышний тому, кому захочетъ дать». Если же какая-нибудь страна станетъ угодной богу, то ставитъ ей богъ цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и даруетъ властителя и судью, судящаго суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощаетъ стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылаетъ богъ на страну ту, потому что князь глава земли. Ибо такъ сказалъ Исаия: «Согрѣшили от головы и до ногъ», то есть от цесаря и до простыхъ людей. «Горе городу тому, в которомъ князь юнъ», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Такихъ князей даетъ богъ за грехи, а старыхъ и мудрыхъ отнимаетъ, какъ сказалъ Исаия: «Отниметъ господь у Иерусалима крепкаго исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивнаго советника, и мудрого художника, и разумнаго, живущаго по закону». «И дамъ имъ юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими».

Святополкъ же окаянный сталъ княжить в Кыеве. Созвавъ людей, стал он имъ давать кому плащи, а другимъ деньгами, и роздалъ много богатствъ. Ярослав же не зналъ еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и творили они насилье новгородцамъ и женамъ ихъ. Новгородцы восстали и перебили варяговъ во дворе Поромоньемъ. И разгневался Ярослав и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послалъ к новгородцамъ сказать: «Мне уже техъ не воскресить». И призвалъ к себе лучшихъ мужей, которые перебили варягов, и, обманувъ ихъ, перебил в свой черед. В ту же ношъ пришла ему вѣсть из Кыева от сестры его Предславы: «Отець твой умер, а Святополкъ сидитъ в Кыеве, убилъ Бориса, а на Глеба послалъ, берегись его очень». Услышавъ это, печален былъ Ярослав и об отце, и о братьяхъ, и о дружине. На другой день, собравъ остатокъ

новгородец, Ярославъ рече: «О, любя моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе». Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Кыевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочихъ вой 40 000, и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: «Не я почяхъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмѣстникъ богъ крове братья моя, зане безъ вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную. Егда и мнѣ сиче же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святополка. *Слышавъ же* Святополкъ идуща Ярослава пристрой бе-щисла вой, руси и печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

Начало княженья Ярослава Кыевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу оба полъ Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяць 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромовѣ рубити нашихъ». Се слышавше новгородци, рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его». Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межю двѣма озеромъ, и всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И *выседше* на брегъ, отринуша лодьѣ от берега, и пондоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру, и вѣступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, *видѣв же* Святополкъ и побеже, и *одолѣ* Ярослав. Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отъни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

В лѣто 6525. Ярославъ иде в Киевѣ, и погорѣ церкви.

В лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы, Ярославъ же, совокупивъ русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Буда, нача укаряти Болеслава, глаголя: «Да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое». Бѣ бо Болеславъ великъ, и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бѣше смыслень. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: «Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». Всѣдъ на конь, вбрѣде в рѣку и по немъ вой его.

новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши,— можем за тебя бороться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а другихъ воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды и сказав: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Пожалуй, и со мной то же сделает? Рассуди меня, господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днѣпра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днѣпра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами ударим на него». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли против неприятелей, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, *видев же это*, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не оскорбляет попрек этот, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его,

Ярослав же не утягну исполчиться, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покорьмъ», и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодьъ Ярославлѣ, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевъ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по *городомъ*, избивайте я». И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиннаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людей множество веде с собою, и города червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевъ. И поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множество вой, и *изыде* противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, владыко! Мъсти от крове праведнаго сего, якоже мъстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь». Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломъ *отошла* отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се-ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша *поле* Летьское обои от множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, възходящю солнцю, и сступишася обои, бысть съча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче *сечахуся*, и сступашася трижды, яко по удолюемъ крови тещи. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти *на кони*, и несяхуть ѳ на носилѣхъ. Принесоша ѳ къ *Берестью*, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: «Побѣгните со мною, женуть по насъ!». Отроки же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?». И не бѣ никогоже вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Он же в немощи лежа, и възсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, *о женуть*, побѣгните». Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой *в томъ мѣсте*. «Его же по правдѣ, яко *неправедна*, суду нашедшю на нь, по *отшествии* сего свѣта прияша муки, оканьнаго. Показоваше

Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеславъ Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорьмъ»; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек лодьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от старост по десять гривен, а от бояр по восемнадцати гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополкъ сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестер его, а Настаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополкъ же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополкъ к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополкъ с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет: так возложи и на этого». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга и покрыли поле Альтинское множеством воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополкъ бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он

явѣ... посланая пагубная рана, въ смерть немилостиво вѣгна», и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золь. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьским, да аще снѣ еще сице же створять, *се слышавше, ту же казнь примут; но и большѣ сее, понеже, вѣдая се, створять* также зло убийство. 7 бо мстѣй прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ невѣдый мщенья прѣяти от бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, *бывшую* на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ къ своимъ женама: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношу въ язву мнѣ, тѣмъ же, рече, 70 мстѣй на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; *сей* же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже избѣ братью свою, сыны Гедеоны; тако и съ бысть.

Ярославъ же съде Кыевъ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родился у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимерь.

В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, на Новгородъ, и зая Новгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полоцьску опять. И пришедшу ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже ѥ ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полоцьску.

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестю. Въ си же времена Мьстиславу сущю *Тмуторокани*, поиде на касогы. Слышавъ же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивъ дружину межи собою? Но *снудеве* ся сама бороть. Да аще одолѣши ты, то возмешѣ имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пречистая богородице, помози ми. Аще бо *одолѣю* сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю. И вынзе ножъ, и зарѣза Редедю. И шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложѣ церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмуторокани.

муки окаянного: показало очевидно... посланная на него богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит из нее смрад ужасен. Все это бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще бѣольшую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщенье от бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: «Мужа убил во вред мне и, юношу убив, нанес сам себе беду, потому, сказал он, и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополкъ — новый Ламех, родившийся от прелюбодѣянья и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к Судомири-реке, и Ярослав из Кыева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестю. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружьем будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касоги.

В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву, и не прияша его кыяне. Онъ же, шедъ, сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто вѣсташа волѣсви в Суздали, избиваху старую чадъ по дьяволу наущению и бѣсованью, глаголюще, яко си держатъ гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша *жито*, и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъймавъ волхвы, расточи, а *другыя* показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю голодом, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже». И възвративъся Ярославъ, приде *Новугороду*, и посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ *съ лѣпнѣ*, и луда бѣ у него золотомъ истъкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномъ на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемъ на ня». И поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ, и сступися чело сѣверъ съ варягы, и *трудишася варязи секуще сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варязи*. И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣв же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своих сѣверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не радъ? Се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мьстиславъ по *Ярослава*, глаголя: «Сяди в своемъ Кыевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смирилася. И сѣдѣше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. *В семъ же лѣтѣ* родися у *Ярослава* другой сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

В лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися 3-й *сынъ* Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадъ, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варязи, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Кыеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Кыеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дали имя ему Святослав.

В лѣто 6536. Знаменье *змиево* явися на небеси, яко видѣти всей земли.

В лѣто 6537. Мирно бысть.

В лѣто 6538. Ярославъ *Белзы* взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семь же лѣтъ иде Ярославъ на чюдъ, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. В се же время умре Болеславъ Великий в Лясъхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь.

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣливша я. Ярославъ посади *своя* по Ръси, и суть до сего дне.

В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити города по Ръси.

В лѣто 6541. Мьстиславичъ Еустафій умре.

В лѣто 6542. В лѣто 6543.

В лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре. И положиша *й в церкви* у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ: бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще *рукою* досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья на щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новгороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородъ, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородъ, вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоятъ Кыевъ. Ярославъ събра вой *многы*, варягы и словѣни, приде Киеву и вниде в городъ свой. И бѣ печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, и постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ новгородци; и сташа пред градомъ. Печенѣзи *приступати* почаша, и сступишася на *мѣсте*, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополя русская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И *побѣгоша* печенѣзи разно, и не вѣдахуся, камо бѣжати, и *овии бѣгающе* тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в *порубѣ*, брата своего, Плесковъ, оклеветанъ к нему.

В лѣто 6545. Заложил Ярославъ городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святая Софья, митрополю, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ *святая Богородица* благовѣщенье, посемь святаго Георгия монастырь

В год 6536 (1028). Знамение змиево явилось в небе, так что видно было его по всей земле.

В год 6537 (1029). Мирно было.

В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.

В год 6541 (1033). Мстиславич Евстафий умер.

В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всей его областью Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполчил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове — был тот оклеветан ему.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы благовещения, затем монастырь святого Георгия

и святых Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодится и раширяти, и черноризцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая е часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книги многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслаждаются ученья божественаго. Якоже бо се нѣкто землю *разореть*, другой же насѣть, ини же пожинають и ядят пищу бескудну,— тако и сѣ. Отецъ бо сего Володимерьъ землю взорá и *умягчи*, рекше крещеньемъ просвѣтивъ. Сѣ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываетъ полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходяща *мудрости*; книгамъ бо есть неищетная глубина: сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и *Соломонъ хвалаше ю*, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселих свѣтъ и разумъ и *смыслъ* азъ призвах. Страхъ господень... Мои свѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость. Мною цесарева царствуютъ, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищущи мене обрящють *благодать*». Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящещи велику ползу души своей. Иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ с богомъ или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и евангельская ученья и апостолская, и жития святыхъ отецъ, въсприемлетъ *души* велику ползу.

Ярославъ же *сей*, якоже *рекохом*, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю златомъ и серебромъ и *сосуды* церковными, в ней же обычныя пѣсни богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено богомъ, и приходити часто къ церквамъ. И умножишася прозвутери и людье хрестьяньстии. Радовашеся Ярославъ, *видя* множество церквей и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣждаемъ новыми людьми хрестьяньскими.

В лѣто 6546. Ярославъ иде на ятвягы.

В лѣто 6547. Священа бысть церкы святыхъ Богородица, юже созда Володимерьъ, отецъ Ярославль, митрополитомъ *Феопемптомъ*.

В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву.

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовшаны, въ лодьяхъ.

и святой Ирины. И стала при немъ вера хрестьянская плодиться и раширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любилъ Ярославъ церковныя уставы, поповъ любилъ немало, особенно же черноризцевъ, и книги любилъ, читая ихъ часто и ночью и днем. И собралъ писцовъ многихъ, и переводили они с греческаго на славянскій языкъ. И написали они книгъ множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учениемъ божественнымъ. Какъ если бы одинъ землю вспашетъ, другой же засеетъ, а иные жнутъ и едятъ пищу неоскудевающую,— такъ и этотъ. Отецъ ведь его Владимиръ землю вспахалъ и размягчилъ, то есть крещеньемъ просветилъ. Этотъ же засеялъ книжными словами сердца верующихъ людей, а мы пожинаемъ, учение принимая книжное. Велика ведь бываетъ польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от словъ книжныхъ обретаемъ мудрость и въздержанье. Это ведь — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгахъ ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утѣшаемся; они — узда въздержанья. Велика есть мудрость; ведь и Соломонъ, прославляя ее, говорилъ: «Я, премудрость, вселила свѣтъ и разумъ, и смыслъ я призвала. Страхъ господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя сила. Мною цесари царствуютъ, а сильные узаконяютъ правду. Мною вельможи величаются и мучители управляютъ землею. Любящихъ меня люблю, ищущи меня найдутъ *благодать*». Если прилежно поищешь в книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читаетъ книги, тотъ бесѣдуетъ с богомъ или со святыми мужами. Тотъ, кто читаетъ пророческыя бесѣды, и евангельскыя и апостольскыя поучения, и жития святыхъ отцовъ, получаетъ душе великую пользу.

Ярославъ же, какъ мы уже сказали, любилъ книги и, много ихъ написавъ, положилъ в церкви святой Софии, которую создал самъ. Украсилъ ее золотомъ, серебромъ и сосудами церковными, и возносятъ в ней к богу положенныя песнопения в назначенное время. И другыя церкви ставилъ по городамъ и по мѣстамъ, поставляя поповъ и давая от богатствъ своихъ жалованье, веля имъ учить людей, потому что имъ поручено это богомъ, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди хрестьянскыя. И радовался Ярославъ, *видя* множество церквей и людей хрестьянскихъ, а врагъ сетовалъ, побеждаемый новыми людьми хрестьянскими.

В год 6546 (1038). Ярославъ пошелъ на ятвяговъ.

В год 6547 (1039). Освящена была митрополитомъ Феопемптомъ церковь святой Богородицы, которую создалъ Владимиръ, отецъ Ярослава.

В год 6548 (1040). Ярославъ пошелъ на Литву.

В год 6549 (1041). Пошелъ Ярославъ на мазовшанъ в ладьяхъ.

В лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямь, и побѣди я. И помроша кони у вой Володимеръ, яко и еще дышущимъ конемъ, съдираху хзы с нихъ: толкъ бо бѣ моръ в коних.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вой *многы*, а *воеводство* поручи Вышатъ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, *воевода Ярославль*. Прочии же вой Володимери *вывержени* быша на брегъ, числомъ 6000, и *хотящемъ* поити в Русь, и не идяше с ними *никтоже* от дружины княжее. И рече *Вышата*: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля к нимъ, и рече: «Аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть гръкомъ, яко избило море русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по немъ, вѣспятивъся, изби оляди гречьскыя, и възвратися в Русь, всѣдъше в корабль своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По трехъ же лѣтѣхъ, миру бывшо, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу. В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, *яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава*.

В лѣто 6552. *Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости еѹ, и положиша я въ церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вѣлхованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровь пролитье.

В лѣто 6553. Заложил Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

В лѣто 6554.

В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби *Моислава*, и покори я Казимиру.

В лѣто 6556. В лѣто 6557.

В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.

В лѣто 6559. Поставил Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы.

И се да скажемъ, *чего* ради прозвася Печерскый монастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящую Берестовое и церковь ту сущую святыхъ Апостоль, и попы многы набдящую,

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославич на Ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней!

В год 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царьграду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разби ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Прочих же воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадили к ним с корабля и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси. И была вѣсть грекам, что море разбило ладьи руси, и послал царь, именем Мономах, за русью четырнадцать ладей. Владимир же, увидев с дружиною своею, что идут за ними, повернув, разби ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: «Эту сорочку навяжи на него, пусть носит ее до смерти». И носит ее на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046).

В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покори их Казимиру.

В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).

В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава.

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим,

в них же бѣ прѣзвутерь, именовъ Ларионъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ. И хожаше с Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя с Берестоваго, отпѣваше часы и моляшеся ту богу втайне. Посемъ же богъ князю вложи въ сердце, и постави ѿ митрополитомъ в святѣй Софѣи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкый человекъ, именовъ мирьскимъ, от града Любча; и възложи сему богъ в сердце въ страну ити. Онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря *суцая*, и обиходивъ, възлюбивъ чернечскый образ, приде в монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже ѿ, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечскому образу, и рече ему: «Иди в Русь опять, и буди благословенъ от Святыя Горы, яко от тебе мнози чернцы быти имуть». Благослови ѿ, и отпусти его, рекъ ему: «Иди с миромъ». Антоний же приде Къеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по монастыремъ, и не възлюби, богу *не* хотящу. И поча ходити по дебремъ и по *горамъ*, ища кдѣ бы ему богъ показалъ. И приде на холмъ, идѣ бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не, и нача молитися богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословенъ Святыя Горы и моего игумена, иже мя постригль». И поча жити ту, моля бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то же чересь день, и воды в мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и ночь, в трудѣхъ пребывая, въ бдѣнѣи и в молитвахъ. Посемъ же увѣдѣша добрии человекъ, и приходяху к нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ. И прослу якоже великий Антоний: приходяще к нему *просяху* у него благословенья. Посемъ же, преставльшюся великому князю Ярославу, прия власть сынъ его Изяславъ и сѣде Къевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Русьскѣй земли; Изяславъ же, увѣдѣвъ житие его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великий Антоний и чтимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я, и собрася братья к нему числомъ 12 и ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымъ монастыремъ. Совъкупленъ же братья, рече имъ Антоний: «Се богъ васъ, братья, *совокупи*, и от благословенья есте Святыя Горы, имъ же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенъ на васъ перво от бога, а второе от Святыя Горы». И се рекъ имъ: «Живѣте же о собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ

среди которыхъ былъ прѣсвитер, именовъ Иларион, мужъ благодный, книжный и постник. И ходил он из Берестоваго на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерскый, и там молитву творил, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестоваго, пел там церковные часы и молился богу втайне. Затем бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и возникла. И немного дней спустя оказался некий человек, мирянин из города Любеча, и положил ему бог мысль на сердце идти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел там монастыри, и обошел их, полюбив монашество, и пришел в один монастырь, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-чернечески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословенъ Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами». Благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миромъ». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и не възлюбил их, так как бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, ища места, которое бы ему указал бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и възлюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет здесь благословенъ Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдени и в молитвах. Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав,—приял власть сын его Изяслав и сел в Къеве. Антоний же прославлен был в Русской земле; Изяслав, узнав о святой жизни его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стала приходит к нему братья, и начал он принимать и постригати их, и собралось к нему братии числомъ двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословию Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал—да будет благословенъ на вас, первое от бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а самъ

хочю въ ону гору ити единъ, якоже и прежде бяхъ обыкль, уединивъся, *жити*». И постави имъ игуменомъ Варлаама, а самъ иде в гору, и ископа пещеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ, в ней же сконча животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис пещеры лѣтъ 40 *никаможе*, в ней же лежатъ мощь его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ *живяху в пещере*. И умножившимся братья в пещерѣ *и не имущимся вмѣстити*, и помыслиша поставити внѣ пещеры монастырь. И приде игумень и братья ко Антонию, и рекоша ему: «Отче! Умножилось братѣвъ, а не можемъ ся вмѣстити в пещеру; да бы богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковью внѣ пещеры». И повелѣ имъ Антоний. Они же поклонишася ему, и поставиша церковью малу надъ пещерою во имя святая богородица Успенье. И нача богъ умножати черноризцѣ молитвами святая богородица, и свѣтъ створиша братья со игуменомъ поставити монастырь. И идоша братья ко Антонию, и рѣша: «Отче! Братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити монастырь». Антоний же, радъ бывъ, *рече*: «Благословенъ богъ о всемъ, и молитва святая богородица и сущихъ отецъ иже в Святѣй Горѣ да будетъ с вами». И се рекъ, посла единого от братѣвъ ко Изяславу князю, река тако: «Княже мой! Се богъ умножаетъ братью, а мѣстье мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ пещерою». Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужъ свой, и вда имъ гору ту. Игумен же и братья заложиха церковь велику, и монастырь огородиша столпемъ, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ *почася* Печерский монастырь, имъ же бѣша жили чернцы прежде в пещерѣ, а от того прозвася Печерский монастырь. Есть же монастырь Печерский от благословенья Святая Горы пошелъ. Монастыреви же свершену, игуменьство держащу Варламови, Изяславъ же постави монастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлаама на игуменьство к святому Дмитрию, хотя створити вышній сего монастыря, надѣяся богатству. Мнози бо монастыри от цесарь и от боярь и от богатства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшу к святому Дмитрию, свѣтъ створше братья, идоша к старцу Антонию и рекоша: «Постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «Кого хотите?». Они же рѣша: «Кого хочетъ богъ и ты». И рече имъ: «Кто болий въ васъ, акъ же *Феодосий*, послушливый, кроткый, смѣренный, да съ будетъ вамъ игумень». Братья же ради бывше, поклонишася старцу, и поставиша Феодосья игуменомъ братѣвъ числомъ 20. *Феодосиеви* же приемшу монастырь, поча имѣти въздержанье,

я хочу уединиться в этой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никуда из пещеры в течение сорока лет; в ней лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, помыслили поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, и не можем вместиться в пещере; если бы бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой богородицы. И начал бог, по молитве святой богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен бог во всем, и молитва святой богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы. Когда укрепился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святаго Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же ответили: «Кого хочет бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия — послушного, кроткого, смиренного, — да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом двадцать. Когда же Феодосий принял монастырь, стал он следовать воздержанию,

и велико *пощенье*, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечьскаго и обрѣтесе тогда Михаилъ, чернецъ монастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и нача у него искати устава чернецъ студийскихъ. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ монастыри своемъ, како пѣти пѣнья монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный *и на трапезѣ сѣданье*, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемъ. Феодосий все то изобрѣтъ, предасть монастырю своему. От того же монастыря переяша вси монастыреве уставъ: тѣмъже почтенъ есть монастырь Печерский *старей всѣхъ*. Феодосьеви же живущю в монастыри, и правящю добродѣтельное житье и чернечьское правило, и принимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почаль быти монастырь, и что ради зовется Печерский. А о *Феодосьевѣ* жити *наки* скажемъ.

В лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль *старей*, Новгородѣ, и положенъ бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ.

В лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ гръкынѣ.

В лѣто 6562. Преставися великий князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ, и *покорить* вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами, *и погубите* землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да *той* вы будетъ в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а *Игорю Володимеръ*, а Вячеславу Смоленскъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: «Аще кто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, *Всеволоду* же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче *всехъ* братьи, *его же* имяше присно у себе.

и строгимъ постамъ, и молитвамъ со слезами, и стал собирать многихъ черноризцевъ, и собралъ брати числомъ сто. И стал искать устава монашескаго, и нашелся тогда Михаилъ, монахъ Студийскаго монастыря, пришедшій изъ Греческой земли с митрополитомъ Георгиемъ,—и стал у него Феодосий спрашивать уставъ студийскихъ монаховъ. И нашел у него, и списал, и ввелъ уставъ в монастыре своемъ—какъ петь пѣния монастырския, и какъ класть поклоны, и какъ читать, и какъ стоять в церкви, и весь распорядокъ церковный, и на трапезе поведение, и что вкушать в кыя дни—все это по уставу. Найдя этотъ уставъ, Феодосий далъ его в свой монастырь. От того же монастыря переняли все монастыри этотъ уставъ, оттого и почитается монастырь Печерский старше всехъ. Когда же жилъ Феодосий в монастыре, и велъ добродетельную жизнь, и соблюдалъ монашеския правила, и принималъ всякого, приходящаго к нему,—пришелъ к нему и я—худой и недостойный рабъ,—и принялъ меня, а летъ мне было от роду семнадцать. Написалъ я это и определилъ, в какой годъ начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерскимъ. А о житии Феодосия скажемъ после.

В годъ 6560 (1052). Преставился Владимиръ, старшій сынъ Ярослава, в Новгороде и положенъ былъ в святой Софьи, которую воздвигъ самъ.

В годъ 6561 (1053). У Всеволода родился сынъ от дочери царской, гречанки, и нарекъ имя ему Владимиръ.

В годъ 6562 (1054). Преставился великий князь русьскый Ярославъ. Еще при жизни далъ онъ наставление сыновьямъ своимъ, сказавъ имъ: «Вотъ я покидаю миръ этотъ, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, богъ будетъ в васъ и покоритъ вамъ враговъ. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распряхъ и ссорахъ, то погыбнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дедовъ своихъ, которые добыли ее трудомъ своимъ великимъ; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вотъ я поручаю столъ мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ слушались меня, пусть будетъ онъ вамъ вместо меня; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимиръ, а Вячеславу Смоленскъ». И такъ раздѣлилъ между ними города, запретивъ имъ переступать предѣлы другихъ братьевъ и сгонять со стола, и сказалъ Изяславу: «Если кто захочетъ обидѣть брата своего, ты помагай тому, кого обижаютъ». И такъ наставлялъ сыновей своихъ жить в любви. Самъ уже онъ былъ боленъ тогда и, приехавъ в Вышегородъ, сильно расхворался. Изяславъ тогда былъ... а Святославъ во Владимирѣ. Всеволодъ же былъ тогда при отце, ибо любилъ его отецъ больше всехъ братьевъ и держалъ его всегда при себе.

Ярославу же приспѣ конецъ житья, и предасть душу свою богу, в субботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложыше на сани везоша ѿ Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немъ людье; и, *принесше*, положиша ѿ в рацѣ мороморянѣ, в церкви святаго Софѣ. И плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Начало княженья Изяслава Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ съде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяслави. Игорь Володимери, Вячеславъ Смолинскѣ. В се же лѣто иде Всеволодъ на торкы *зимѣ к Воиню* и побѣди торкы. В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася *половци* вспять, отнюду же пришли.

В лѣто 6564.

В лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолинскѣ, и посадиша Игоря Смолинскѣ, из Володимера *выведше*.

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голяди.

В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша строя своего *Судислава* ис поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемъ.

В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. В семь же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ *совокупниша* вои бещислены, и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислено множество, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божьимъ гнѣвомъ гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ божьимъ. Тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ.

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволодъ же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавшие отыдоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль.

В лѣто 6570.

В лѣто 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша ѿ церкви святаго Георгия. В се же лѣто Новгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ.

В лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль, и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородского. И, пришедъ, выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ съде в него мѣсто.

В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю. Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявша

И приспел конецъ жизни Ярослава, и отдал душу свою богу в первую субботу поста святаго Федора. Всеволодъ же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Плакали по немъ люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по немъ Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя в Киев, Изяслав сел на столе, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернцем.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор,—так и перемерли в бегах, божьим гнѣвомъ гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судомъ божьимъ. Так избавил бог христиан от поганых.

В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русьскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, пововав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искаль.

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви святаго Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожже Всеслав город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгна Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, что

его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего паки Глѣба, и възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ, паки выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же съде Тмуторокани. В се же лѣто Всеславъ рать почалъ.

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, възходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ *многы* и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитѣе. В си же времена бысть дѣтищъ вверженъ в *Сѣтомль*; его же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша ѿ в воду. Бяшетъ бо сице: на лицѣ ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же не вѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ, якоже древле, «при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на въздухѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы *имущемъ одежа*, и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженъе Антиохово, нашествие *рати* на Иерусалимъ. Посемь же при Неронѣ цесари в том же Иерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копийный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженъе рати от римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистающую, и бысть блистающи дний 20; посемь же бысть звѣздамъ теченъе, с вечера до заутрѣя, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и паки солнце без лучъ съяше: се же проявляше крамолы, недужи человѣкомъ умертвие бяше. Паки же при Маврикии цесари бысть сице: жена дѣтищъ роди безъ очью и без руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ прирослъ; и песь родися шестоногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другой о двою главу. Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци *цари*, сына Леонова: теченъе звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящим мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлияся повелику; в Сурии же бысть трусъ великъ, земли расѣдшиися трий поприщъ, изиде дивно и-землѣ мѣска, человѣчьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитѣе языка, еже и бысть»: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не *на благо бывають*; но знаменья сица на зло бывають, ли проявленъе рати, ли гладу, ли смерть *проявляють*.

испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.

В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещая крови пролитѣе. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно объедено. Знаменья эти бывають не к добру, мы потому так думаем, что именно так случилось в древности, «при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, полки обеих сторон являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья; это предвещало нашествие римского войска. И снова так было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни людям, смерти. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, а к бедрам у него рыбий хвост прирос; и песь родился шестиногий; в Африке же двое детей родилось: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при царе Константине Иконоборце, сыне Леонова, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное; в Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и, дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказывавший нашествие иноземцев, как и случилось потом»: напали сарацины на Палестиньскую землю. Знаменья ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывають; но знаменья эти ко злу бывають: или войну предвещають, или голод, или смерть.

В лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющую дань у касогъ и у инѣхъ странъ, сего же убоявшеся грѣци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшетъ ѿ Ростиславъ. Единою же пьющую Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочу на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дасть князю *пити*, дотиснувъся пальцемъ в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенъе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семага. Оному же испившю, котопан же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сий день умереть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша каменемъ корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратенъ, возрастомъ же лѣпъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскъ, и зая Новгородъ. Ярославичи же трие,—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ,—совокупивше вой, идоша на Всеслава, зимъ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градъ. Си же братья взяша Мѣнескъ, и исѣкоша мужъ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, и поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣявъся цѣлованью креста, *перѣха* в лодьи чересь Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидушю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинъска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади ѿ в порубъ съ двѣма сынома.

В лѣто 6576. Придоша иноплеменици на Русьску землю, половци мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто. И бывши ноци, подъидоша противу собѣ. Грѣх же ради нашихъ пусти богъ на ны поганья, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половци.

Наводитъ бо богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако, скрушенымъ имъ, въспоманутся къ богу; усобная же рать бываетъ от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хочетъ зла человекомъ, но блага; а дьяволъ радуется злomu убийству и крови пролитю, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнъе, клеветы. Земли же *согрешивши* которѣй любо, казнить богъ смертью, ли гладомъ, ли *наведенъемъ* поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казнями; аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велитъ жити, глаголетъ бо пророкомъ намъ:

В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу,—он вошел к нему в доверие, и Ростислав почтил его. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, предсказав ему смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в великий мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца иуля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав вошел первым в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу и двух сыновей его.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменики на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит бог, в гневe своем, иноплемеников на землю, и только в горе люди вспоминают о боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и крови пролитю, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покались, ибо бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка:

«Обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ». Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмъ присно каляющесея, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ нам глаголетъ: «*Разумѣхъ*,— рече,— яко жестокъ еси, и шия желѣзная твоя», того ради «Удержажъ от васъ дождь, предѣль единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше»; «И поразихъ вы зноемъ и различными казнями; то и тако не обратитесь ко мнѣ». Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ господь, а злобъ вашихъ не могахъ истерти. «Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя», и на скоты казнь свою послахъ, «то и ту не обратитесь», но рѣсте: «Мужаемъся». Доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь от пути моего, глаголетъ господь, и соблазнили многы; сего ради «Буду свѣдѣтель скорь на противныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мзды *наимника*, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ. Почто не сдержастесь о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитесь ко мнѣ,— и обращаюся к вамъ, глаголетъ господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращу от васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имуть изнемоци виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй богу». Тѣмже «Усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоитъ мене». Сего ради, их же просимъ, не приемлемъ; «Будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не *послушаю* васъ». Взидете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ; да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ *въ дождя* мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, наших ради злобъ. Аще ли ся покаемъ от злобъ наших, то «Акы чадомъ своимъ дастъ нам вся прошенья, и *одождитъ* намъ дождь ранъ и позденъ. И наполнятся гумна ваша пшеницѣ. Пролѣются точила винная и масляная. И въздам вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хрустове, и гусѣница; сила моя великая, юже послах на вы», глаголетъ господь вседержитель. Си слышаще, въстягнѣмъся на добро, взидѣте суда, избавите обидимаго, на покаянне придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся господи божѣ нашемъ, постомъ, и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенья *наша*, не словомъ нарицающесея хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, *ли* единецъ, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо

«Обратитесь ко мне всемъ сердцемъ вашимъ, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховномъ вечно марающаяся, и так пребываемъ. Устами того же пророка говоритъ нам господь: «Знаю,— говорит,— что ты жесток и шея твоя желѣзная», поэтому «не пустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло». «И поразил вас зноемъ и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне». «Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я,— говоритъ господь,— а злобъ вашихъ не могъ в васъ изничтожить». «Послал на васъ различныя болѣзни и смерти ужасныя и на скотъ послалъ казнь свою, но и тут не обратились ко мне, но сказали: «Не поддадимся». Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего,— говоритъ господь,— и соблазнили многы»; поэтому: «Буду свидетелемъ скорымъ противъ враговъ, и прелюбодеевъ, и клянущихся именемъ моимъ ложно, и лишающихъ мзды наемника, чинящихъ насилие надъ сиротами и вдовами и уклоняющихъ судъ отъ правды. Почему не покаетесь в грѣхахъ вашихъ? Но искажаете законы мои и не соблюдаете ихъ? Обратитесь ко мне — и я обращаюся к вамъ,— говоритъ господь,— и разверзу вамъ хляби небесныя и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой, пока не будетъ у васъ всего в изобилии и не станутъ истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: «Ничтоженъ служащий богу!» Поэтому: «Устами чтуть меня, а сердце ихъ далече отстоитъ отъ меня». Оттого, чего просимъ, не приемлемъ. «Будетъ же такъ,— говоритъ,— когда призовете меня, я не стану васъ слушать». «Будете искать меня в бѣдѣ — и не обрящете, ибо не восхотели ходити по путемъ моимъ», отчего и затворяется небо или, напротивъ, жестоко разверзается, градъ вместо дождя испуская или морозомъ плоды побивая и землю зноемъ томя, за наши злодеяния. Если же покаемся в злодеянияхъ наших, то, «какъ роднымъ детямъ своимъ, дастъ онъ намъ все просимое и одождитъ рано или поздно. И наполнятся гумна ваши пшеницею. Пролѣются давила винныя и масляныя. И возмещу вамъ за годы, в которые поели у васъ саранча и жуки и гусеницы; сила моя велика, которую я послалъ на васъ»,— говоритъ господь вседержитель. Слыша все это, обратимся к добру; взидѣте праведнаго суда, избавьте обижаемого; обратимся къ покаянью, не воздавая зломъ на зло, клеветой за клевету, но возлюбимъ господа бога нашего, постомъ, и рыданиемъ, и слезами омывая все прегрѣшенья наши, не такъ, что словомъ только называемся христианами, а живемъ, какъ язычники. Вотъ разве не по-язычески мы живемъ, если во встречу веримъ? Ведь если кто встретитъ черноризца, то возвращается, такъ же поступаетъ и встретивъ кабана или свинью,— разве это не по-язычески? Это ведь

по дьяволу наученю кобъ сию держать; друзии же и закиханью вѣрують, еже бываетъ на *здравье* главѣ. Но сими дьявольстити и другими нравы, всячьскими лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людей много множество *на них*, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленого дѣла, а церкви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от бога всячскыя и нахоженье ратных, по божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших.

Мы же на предълежащее *наки* възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье киевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И *начаша* людие *говорити* на воеводу на Коснячка; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячислава и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася надвое: *половина* ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, *начаша* прѣтися со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ *стоящи* у князя, рече Туки, братъ Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; послы, ать Всеслава блюдутъ». И се ему глаголющю, другая половина людей приде от погреба, отворивше погребѣ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; послы ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть ѿ мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша ѿ средѣ двора кнѣжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцемъ воюющим около Чернигова, Святослав же собравъ дружины нѣколько, изиде на *ня* ко Сновску. И узрѣша половци идущъ полкъ, пристроишася противу. И видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти». И удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бѣеми, а друзии потопоша въ *Снови*, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноябрия. И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ.

по наущению дьявола держатся эти приметы; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове! Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслими и русалиями. Видим ведь игрища, на которых топчутся, и людей множество на них, так что давят друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные,— а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от бога и набеги врагов; по божьему повелению принимаем наказание за грехи наши.

Но возвратимся к своему повествованию. Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячислава и сказали: «Поидем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сених совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чюдина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же вырубил Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу. Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули по коням, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половець было двенадцать тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их руками взяли в 1-й день ноябрия. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сѣде Кыевѣ. Се же богъ яви силу крестную: понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ и я ѿ; тѣмже наведе богъ поганья, сего же явѣ избави крестъ честный. В день бо Въздвигенья Всеславъ, вздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную *на* показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступитъ кто, то и здѣ приметъ казнь и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣдени бывають силы бѣсовскыя, *крестъ* бо княземъ в бранехъ пособитъ, въ бранехъ крестомъ согражаеми вѣрнии людье побѣждаютъ супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляетъ от напастей призывающимъ его с вѣрою. Ничтоже ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Кыевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянь, бѣжа из Бѣлагорода Полотъску. Заутра же *видѣвши* людье князя бѣжавша, възвратиса Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се *ведеть* на ны Лядьскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: *зажегше* градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю». И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хоцеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволодъ посласта к Изяславу, *глаголюща*: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола». То слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславомъ, мало ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстиславъ, исѣче *кияны*, иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклономъ, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай; и възвратиса в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору и прогна Всеслава ис Полотъска, посади сына своего Мьстислава Полотъскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата *его* Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

Всеслав же сидел в Киеве; в этом бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывають побеждаемы силы бесовские, крест князьямъ в сраженияхъ помогает, крестом охраняемы в битвахъ, верующие люди побеждаютъ супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающихъ его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывають от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их отгоняють. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдём на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь держать гнев и погубить город, то знай, что нам будет жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числомъ семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил,— без следствия. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою. Изяслав же перегнал торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В лѣто 6578. Родися у Всеволода сынъ, и нарекоша именем Ростиславъ. В се же лѣто заложена бысть церкви святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи.

В лѣто 6579. Воеваша половци у Ростовьця и у Неятина. В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си же времена приде волхвъ, прелщень бѣсомъ; пришедъ бо Киеву глаголаше, сиче повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися. Его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же смеяхуться, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти.

Бѣси бо подѣтокше на зло вводятъ; посем же насмисаються, ввергъше ѿ в пропасть смертную, научивше глаголати, яко же се скажемъ бѣсовское наущенье и дѣйство.

Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Въ свѣвѣ, кто обилье держитъ». И пойдоста по Волзѣ; кдѣ *приидуча* в погостъ, ту же *нарекаста* лучшиѣ жены, глаголюща, яко «Си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, *вынимаста* любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отымашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у нею *людий инѣхъ* 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Ян же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромятъ тя». Он же повелѣ взять оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимъ, и поиде к нимъ к лѣсу. Они же сташа, исполчившися, противу. Яневи же идущю с топорцемъ, выступиша от них 3 мужа, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида идещи на смерть, не ходи». Оному повелѣвшю *бити* я, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ. Янъ же, оборотя топоръ, удари ѿ тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же, вшедъ в градъ к бѣлозерцемъ, рече имъ: «Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же, шедше, яша я, и приведоша я къ Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико челоуѣкъ?» Онѣма же рекшема,

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была Всеволодом церковь святаго Михаила в монастыре.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, оболщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеяются, ввергнув их в погибель смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янъ же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янъ же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янъ шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янъ же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янъ же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янъ же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали,

яко «Ти держать обилье, да аще истребивъ сихъ, будетъ гобино; аще ли хочещи, то *предъ* тобою вынемъве жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «Поистинъ лжа то; створилъ богъ человекъ отъ земль, сставленъ костыми и жылами отъ крове; нѣсть в немъ ничтоже и не вѣсть ничтоже, но токьмо единъ богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть человекъ створенъ». Он же рече: «Како?». Она же рекоста: «Богъ мывъся в мовници и вспотивъся, *отерся вѣхтемъ*, и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомъ, кому в немъ створити человекъ. И створи дьяволъ человекъ, а богъ душу *во нь* вложи. Тѣмже, аще умреть человекъ, в землю идетъ тѣло, а душа к богу». Рече има Янь: «Поистинъ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему богу вѣруета?». Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кдѣ есть?». Она же рекоста: «Сѣдитъ в безднѣ». Рече има Янь: «Какый то богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а богъ есть на небеси, *сѣдай* на престолѣ, славимъ отъ ангель, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти. Сихъ бо ангель сверженъ бысть, его же вы глаголетъ антихрестъ, за величанье его низверженъ бысть с небесе, и есть в безднѣ, якоже то вы глаголетъ, жда, егда придетъ богъ с небесе. Сего имъ антихреста, свяжетъ узами и посадитъ ѣ, емъ его, с слугами *его* и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можещи нама створити ничтоже». Он же рече има: «Лжють вама бози». Она же рекоста: «Нама стати предъ Святославомъ, а ты не можещи створити ничтоже». Янь же повелѣ бити ѣ и *поторгати* брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганъ проскъпомъ, рече има Янь: «Что вама бози молвятъ?» Онѣма же рекшема: «Стати нама предъ Святославомъ». И повелѣ Янь вложить рубль въ уста има и привязати ѣ къ упругу, и пусти предъ собою вѣ лодѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вамъ бози молвятъ?» Она же рѣста: «Сице нама бози молвятъ, не быти нама *живымъ* от тебе». И рече има Янь: «То ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «Но аще *ны* пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, много печаль примещи и зло». Он же рече има: «Аще ваю пущу, то зло ми будетъ от бога; *аще ль вас погублю, то мзда ми будетъ*». И рече Янь повозникомъ: «Ци кому васъ кто родинъ убьенъ от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженъе». Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убиша ѣ и повѣсиша ѣ на дубѣ: *отмъстье приимша* от бога по правдѣ. Яневи же идущую домови, в другую ночь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущенъемъ бѣсовскимъ, инѣмъ *ведуца*, а *свога* пагубы на вѣдуче. Аще ли

что «они держатъ запасы, и если истребимъ ихъ, будетъ изобилие; если же хочещи, мы передъ тобою вынемъ жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказалъ: «Поистине ложь это; сотворилъ богъ человека изъ земли, составленъ онъ изъ костей и жилъ кровяныхъ, нетъ в немъ больше ничего, никто ничего не знаетъ, одинъ только богъ знаетъ». Они же сказали: «Мы знаемъ, какъ человекъ сотворенъ». Он же спросилъ: «Какъ?» Они же отвечали: «Богъ мылся в бане и вспотелъ, отерся ветошкой и бросилъ ее с небесъ на землю. И заспорилъ сатана с богомъ, кому изъ нее сотворить человека. И сотворилъ дьяволъ человека, а богъ душу в него вложилъ. Вотъ почему, если умретъ человекъ,— в землю идетъ тело, а душа к богу». Сказалъ имъ Янь: «Поистине прельстилъ васъ бесъ; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихресту!» Он же сказалъ имъ: «Где же онъ?» Они же сказали: «Сидитъ в бездне». Сказалъ имъ Янь: «Какой это богъ, коли сидитъ в бездне? Это бесъ, а богъ на небесахъ, восседаетъ на престоле, славимый ангелами, которые предстоятъ ему со страхомъ и не могутъ на него взглянуть. Одинъ изъ ангеловъ былъ свергнутъ— тотъ, кого вы называете антихрестомъ; низвергнутъ былъ онъ с небесъ за высокомерие свое и теперь в бездне, какъ вы и говорите; ожидаетъ онъ, когда сойдетъ с неба богъ. Этого антихриста богъ свяжетъ узами и посадитъ в бездну, схвативъ его вместе со слугами его и теми, кто в него веруетъ. Вамъ же и здѣсь принять муку от мене, а по смерти— тамъ». Те же сказали: «Говорятъ намъ боги: не можешь намъ сделать ничего!» Он же сказалъ имъ: «Лгутъ вамъ боги». Они же ответили: «Мы станемъ передъ Святославомъ, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелѣлъ битъ ихъ и выдергивать имъ бороды. Когда ихъ били и выдирали расщепомъ бороды, спросилъ ихъ Янь: «Что же вамъ молвятъ боги?» Они же ответили: «Стать намъ передъ Святославомъ». И повелѣлъ Янь вложить рубли в уста имъ и привязать ихъ к мачтѣ лодки и пустилъ ихъ передъ собою в ладѣ, а самъ пошелъ за ними. Остановились на устьѣ Шексны, и сказалъ имъ Янь: «Что же вамъ теперь боги молвятъ?» Они же сказали: «Такъ намъ боги молвятъ: не быть намъ живымъ от тебя». И сказалъ имъ Янь: «Вотъ это-то они вамъ правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если насъ пустишь, много тебе добра будетъ; если же насъ погубишь, много печали примещи и зла». Он же сказалъ имъ: «Если васъ пущу, то плохо мне будетъ от бога, если же васъ погублю, то будетъ мне награда». И сказалъ Янь гребцамъ: «У кого изъ васъ кто изъ родни убитъ ими?» Они же ответили: «У меня мати, у того сестра, у другого дочь». Он же сказалъ имъ: «Мстите за своихъ». Они же, схвативъ, убили ихъ и повесили на дубѣ: такъ отмщенье получили они от бога по правдѣ! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь възлѣзъ, угрызъ ихъ и съелъ. И такъ погыбли они по наущению бесовскому, другимъ пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы

быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се; идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мыслящу убити я? Но се есть бѣсовское наученье; бѣси бо не вѣдятъ мысли *человѣчьскыя*, но влагають помысль въ *человѣка*, тайны не свѣдуше. Богъ единъ свѣсть помышленья *человѣчьская*, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже; суть бо немощни и худи взоромъ.

Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченъи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него. Он же по обычаю своему нача призывать бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше *оцепѣвъ*, и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же, вставъ, рече *новгородцю*: «Бози не смѣють прити, нѣчто имаша на собѣ, его же боятся». Он же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое. Он же нача опять призывать бѣсы. Бѣси же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: «Что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?». Онъ же рече: «То есть знаменье небеснаго бога, его же наши бози боятся». Он же рече: «То каки суть бози ваши, кде живутъ?». Онъ же рече: «В безднахъ. Суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще; всходятъ же и подъ *небо*, слушающе ваших боговъ. Ваши бо бози на небеси суть. Аще кто умреть от ваших людей, то возносимъ его на небо; аще ли от наших умираетъ, то носимъ к нашимъ богамъ в бездну». Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ сущи, ждуще муки вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водворяются со ангелы.

Сице ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь. Тѣмже прельщаютъ *человѣки*, веляще имъ глаголати видѣнья, являющесе имъ, несвершеннымъ вѣрою, являющесе во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвуютъ наученьемъ бѣсовскимъ. Паче же женами бѣсовская волшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же — мужа, тако в си роди много волхвуютъ жены чародѣствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовскими кознями. Но и мужи прелщени бывають от бѣсовъ невѣрнии, яко се въ *первыя роды*, при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, *иже* творяше волшествомъ псомъ глаголати *человѣчьски*, и самъ премѣняшется, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, в мечтаньи. Сице творяше *Аньний и Мамврий*, волшвеньемъ чюдеса противу Моисею, но вскорѣ не възмогоста противу Моисею, но и *Кунопъ* творяше мечтанье бѣсовско, яко и по водамъ ходити, и ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ.

ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знаютъ мыслей человека, а только влагають помыслы в человека, тайны его не зная. Богъ одинъ знаетъ помышленья *человѣчскыя*. Бесы же не знаютъ ничего, ибо немощны они и скверны видомъ. Вот и еще расскажем о виде ихъ и о наважденияхъ ихъ. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прити в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхвованья его. Тот же по обычаю своему началъ призывать бесов в дом свой. Новгородецъ же сидел на пороге того дома, а кудесникъ лежал в оцепенении, и вдруг ударил имъ бесъ. И, вставъ, сказал кудесникъ новгородцу: «Боги не смеютъ прити,—имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на немъ крестъ, и, отойдя, положил его вне дома того. Кудесникъ же началъ вновь призывать бесов. Бесы же, подбрасывая его, поведали то, ради чего пришел новгородецъ. Затем новгородецъ стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крестъ на себе мы носимъ?» Он же сказал: «Это знаменье небеснаго бога, которого наши бози боятся». Новгородецъ же сказал: «А каковы бози ваши, где живутъ?» Кудесникъ же сказал: «В безднахъ. Обличьемъ они черны, крылаты, имеютъ хвосты; взбираются же и подъ небо послушать ваших боговъ. Ваши ведь бози на небесахъ. Если кто умретъ из вашихъ людей, то его возносятъ на небо, если же кто из нашихъ умираетъ, его несутъ к нашимъ богамъ в бездну». Такъ ведь и есть: грѣшники в аду пребываютъ, ожидая муки вечной, а праведники в небесномъ жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличье ихъ, и слабость. Тем-то они и прельщаютъ людей, что велятъ имъ рассказывать видения, являющесе имъ, нетвердымъ в верѣ, однимъ во снѣ, а другимъ в мечтании, и такъ волхвуютъ наученьемъ бесовскимъ. Больше же всего черезъ женъ бесовскыя волхвованья бывають, ибо искони бесъ женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуютъ женщины чародѣствомъ, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывають прельщаемы бесами, какъ это было в прежние времена. При апостолахъ ведь былъ Симонъ Волхвъ, который заставлялъ волшествомъ собакъ говорить по-человѣчески и самъ оборачивался то старымъ, то молодымъ или кого-нибудь оборачивал в иной образъ, в мечтании. Такъ творили Ананий и Мамврий: они волхвованьемъ чюдеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать равное ему; такъ и Кунопъ напускалъ наваждение бесовское, будто по водамъ ходитъ, и иные наваждения делалъ, бесомъ прельщаемъ, на погибель себе и другимъ.

Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творясь акы богъ, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко «Провѣде вся»; и хуля вѣру хрестыанскую, глаголашеть бо, яко «Переиду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же, возма топоръ подъ скутом, приде к волхву и рече ему: «То вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера?». Он же рече: «Провѣде вся». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что *ти* хочеть быти днесь?». «Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же, вынемъ топоръ, ростя ѿ, и паде мертвъ, и людье разидошася. Он же погыбе тѣломъ, и душею предавъся дьяволу.

В лѣто 6580. *Пренесоша* святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславскый, *Михаилъ Гургевскый*, Феодосий же игуменъ Печерскый, Софроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, и преложиша я в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. И взяше первое Бориса в древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, взяше на рама своя, понесоша, предъидущем черноризцем, *свеща* держаще в рукахъ, и по них дьякони с кадилы, и посемъ презвитери, и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкви, *воня* благы; видѣвше же се, прославиша бога. И митрополита ужась обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша ѿ в раку камену. Посем же взяше Глѣба в рацѣ каменѣ, вставиша на сани и, емше за ужа, везоша ѿ. Яко быша въ дверех, ста рака и не иде. И повелѣша народу възвати: «Господи помилуй», и повезоша ѿ. И положиша я мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, объдаша братья на скупъ, каждо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посем же разидошася всвояси.

В лѣто 6581. Въздвиге дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоша в Кыевъ, мѣсяца марта 22,

Такой волхвъ объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людемъ, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, уверяя, будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля веру хрестыанскую, уверял, что «переиду по Волхову перед всем народом». И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» — «Чюдеса великие сотворю», — сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертвъ, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав, Всеволод, — митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святаго Михаила, Герман игумен святаго Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены, — и устроили праздник, и праздновали свѣтло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, схватившись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их мѣсяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковь Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Кыева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев мѣсяца марта 22-го

и съдоста на столѣ на Берестовомъ, *преступивша* заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало выгнанию братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя, яко «Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не *варивѣ*, имать *насѣ прогнати*». И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в ляхы со имѣньемъ многимъ, глаголя, яко «Симъ налѣзу вои». Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святославъ съде Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же божью. Велий бо есть грѣхъ *преступати* заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣтъ отмщенье прияша от бога, от племени бо Сифова суть еврѣи, *иже* избивше Хананѣйско племя, восприяша свой жребий и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чужего. В се же лѣто основана бысть церкви Печерская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, *митрополиту* Георгию тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Киевѣ съдящу.

В лѣто 6582. Феодосий, игумень печерский, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Феодосий бо обычай имяше, *приходящу* постному времени, в недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ, како проводить постное время, в молитвахъ ношних и дневных, блюстися от помыслъ скверныхъ, от бѣсовскаго насѣянья. «Бѣси бо, — рече, — насѣвають черноризцемъ помышленья, похотѣнья лукава, *вжагающе* имъ помыслы, и тѣми врежаемы бываютъ имъ молитвы; да приходящая таковыя мысли възбраняти знаменемъ крестнымъ, глаголюще сице: «Господи Иисусе Христе, боже нашъ, помилуй нас, аминь». И к симъ воздержанье имѣти от многаго брашна; въ яденьи бо мнозѣ и пити безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии, помысломъ же въздрасъшимъ стваряется грѣхъ». «Тѣмже, — рече, — противитесь бѣсовскому действию и *пронырѣству* ихъ, блюстися от лѣности и от многаго сна, бодрю быти на пѣнье церковное, и на преданья отечская и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаеть черноризцемъ, — симъ бо прогонити бѣсовское унынье, паче же имѣти в собѣ любовь всѣмъ меньшимъ и к старѣйшимъ покоренье и послушанье, старѣйшимъ же к меньшимъ любовь и наказанье, и образъ бывати собою въздержаньемъ и бдѣньемъ, хоженьемъ и смѣреньемъ; тако наказывати *меншая*, и утѣшати я и тако проводить постъ». Глаголетъ бо сице, яко «Богъ далъ есть намъ 40 дний сию на очищенье души; се бо есть десятина, даема от *лѣта* богу: дний бо есть от года до года 300 и 60 и 5, а от сихъ дний десятый день въздаяти богу десятину, еже есть постъ 40-тний, в ня же дни очистившися душа, празднуеть

и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение приняли от бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, нехорошо ведь вступать в предел чужой! В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий игумен Печерский преставился. Скажем же о кончине его вкратце. Феодосий имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь, — говорил, — вкладывают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая им желанья, и тем испорчены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знаменем крестным, говоря так: «Господи, Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас, аминь». И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и питья безмерного возрастають помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому, — говорил он, — противьтесь бесовскому действию и пронырѣству их, остерегайтесь лени и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобаеть черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, больше иметь в себе любви ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения, трудолюбия и смирения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо, — говорил он, — бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует

свѣтло на Вскресенье господне, веселящихся о бозѣ. Постное бо время очищает умъ челоуѣку. Пощенье бо исперва *проображено* бысть: Адаму первое не вкушати от древа единого; постивъ бо ся Моиси дний 40, сподобися прияти законъ на горѣ Синаистѣй и *видѣ* славу божью; постомъ Самоила мати роди; постившеся ниневгитяне гнѣва божья избыша; *постився* Даниль видѣнья велика сподобися, постивъся Илья акы на небо взятъ бысть в пищу породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и господь 40 дний, намъ *показа* постное время; постомъ апостоли *искорениша* бѣсовское ученье; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, иже сияютъ и по смерти, показавше труды великия и вздержанье, яко *сей* великий Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци, их же мы поревнуемъ, братья». И сиче поучивъ братью, цѣлова вься по имени, и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижекъ; *и* вшедъ в пещеру, и затворяше двери пещерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никомуже; аще ли будяше нужное орудье, то оконцемъ малым бесѣдоваше в субботу ли в недѣлю, а воины дни пребываше в постѣ и в молитвах, вздержася крѣпко. И приходяше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазаревъ; *в сей* бо день кончается постъ 40 дний, начинаем от перваго понедѣльника *наставши* Феодоровы недѣли, кончаваеъ же ся в пятокъ Лазаревъ; а страстная недѣля уставлена естъ поститися страстий ради господень. Феодосьеви же пришедшу по обычаю, братью *цѣлова*, и празднова с ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, впаде в болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю дний 5, посемь, бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, взявше ѣ на сани, поставиша ѣ прямо церкви. Он же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше в било, и собращася вси. Он же рече имъ: «Братья моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от вас, якоже яви ми господь в постное время, в пещерѣ сущю ми, изити от свѣта сего. Вы же кого хотите игуменом имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ быхъ ему?». Они же речекоша *ему*: «Ты еси намъ всѣмъ отецъ, да его же изволиши самъ, то намъ буди отецъ и игумень, и *послушаемъ* его, яко и тебе». Отецъ же нашъ Феодоси рече: «Шедше кромѣ мене, нарьцѣте, его же хотите, кромѣ двою брату, Николы и Игната; в прочихъ кого хотите, от старѣйшихъ и до меньшихъ». Они, послушавше его, *отступниша* мало къ церкви, сдумавше, послаша брата два, глаголюще сиче: «Его же изволить богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци». Феодосий же рече имъ: «Да аще от мене

светло день воскресения господня, радуясь богу. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропустившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в пищу райскую; постясь, трое отроков погасили силу огненную; постился и господь сорок дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и этот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых последуем, братья». И так поучив братию, Феодосий прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере и засыпал их землею и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, строго воздерживаясь. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровской недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в страстную неделю установлено поститься в память страданий господних. И в этот раз Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день воскресения, по обычаю праздновал его светло и впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братья же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братья мои, и отцы мои, и дети мои! Вот я ухожу от вас, как это открыл мне господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? — я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Идите без меня и назовите сообща кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих, кого захотите, от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посоветовавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назначь». Феодосий же сказал им: «Если уж от меня

хотите игумена прияти, то азъ створю вам не по своему изволеню, но по божью строеню»; и нарече имъ Иякова презвитера. Братя же нелюбо бысть, глаголюще яко «Не здѣсть постригань». Бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братом своимъ Паулом. И начаша братя просити Стефана деместника, суца тогда ученика Феодосьева, глаголюще, яко «Се съ взроль есть подь рукою твоею, и у тебе послужилъ есть; сего ны вдай». Рече же имъ Феодосий: «Се азъ по божью повелѣнью нареклъ бяхъ Иякова; се же вы свою волю створити хотите». И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будетъ имъ игумень. И благослови Стефана, и рече ему: «Чадо! Се предаю ти монастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроишь въ службахъ, то держи. Преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырскому». И посемъ взяше ѿ братя, несоша в кѣлю и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну суцю велми, приде к нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема *има* у него, рече ему Феодосий: «Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на сблюденъе, еда будетъ что смятенъе в немъ. И се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду». Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пешися монастыремъ, и иде от него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и братю, уже изнамагающю, и нача имъ глаголати сице: «Аще по моему ошествию свѣта сего, аще буду богу угодилъ, и приялъ мя будетъ богъ, то по моему ошествию монастырь *ся* начнетъ строити и прибывати в немъ: то вѣжьте, яко приялъ мя есть богъ. Аще ли по моей смерти оскудѣвати *начнетъ* монастырь черноризци и потребами монастырскими, то вѣдуще *будете*, яко не угодилъ есмь богу». И се ему глаголющю, плакахуся братя, глаголюще: «Отче! Молися за ны к богу; вѣмы бо, яко богъ труда твоего не презритъ». И пресѣдящи братѣ ночь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2-ю субботу по Пасцѣ, въ часъ 2 дне, предасть душу в руцѣ божии, мѣсяца мая въ 3 день, индикта в 11 лѣто. Плакашася по немъ братя. Бѣ же Феодосий заповѣдалъ положити ся в печерѣ, идѣже показа труды многи, рекъ сице: «В ночь похороните тѣло мое», якоже и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, братя взяше тѣло его, и положиша ѿ в печерѣ, проводивше с пѣсньми, с свѣщами, честно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержащю монастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий... такы чернѣцѣ, яко свѣтила в Руси сѣяють, ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнъе, ови на кланянье колѣнное, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ с водою, ини зелье варено, друзии сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемъ и с послушаньемъ великимъ.

хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по божественному промыслу». И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана деместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосий: «Вот я по божью повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братя, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосий: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение. И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосий, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я богу угоден и примет меня бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться; так и знайте, что принял меня бог. Если же по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я богу». И когда он говорил это, плакали братя и сказали: «Отче! Молись за нас богу, ибо знаем, что бог созданного тобой не презрит». И просидела братия всю ту ночь у него, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки божьи, месяца мая 3-го, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить себя в пещере, где явил труды многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда приспел вечер, братя взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила в Руси сияют: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные — овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим.

Тако же и старѣйшии *имяху* любовь к меншимъ, наказуху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенъе впаде, утѣшаху, и епитимью *единого брата раздѣляху* 3 ли, 4, за великую любовь: тако бо бѣше любви в брати той *и* вздержанъе велико. Аще братъ етеръ выидяше из монастыря, вся братья *имяху* о томъ печаль велику, посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в монастырь с радостью. Тази бо бѣша любовници, и *въздержнѣнници*, и постници от них же намѣню нѣколко мужъ чудных.

Яко се первый Демьянъ пресвутеръ, бѣше тако постникъ и въздержник, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтищъ боленъ, кацѣмъ любо недугом одержим, принесяху в монастырь, ли *свершенъ* человекъ, кацѣм любо недугом одержим, приходяше в монастырь къ блаженному Феодосью, повелѣваше сему *Дамьяну* молитву створити болящему; и абѣ створяше молитву, и масломъ помазаше, и приимаху ицѣленъе приходящии к нему. Разболѣвшю же ся и конецъ прияти лежащю ему в немощи, приде ангелъ к нему въ образѣ Феодосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его. Посем же приде Феодосий с братьею, и присѣдаху у него, оному же изнемогающю, възрѣвъ на игумена, рече: «Не забывай, игумене, еже *ми* еси обѣщаль». И *разумѣ* великий Феодосий, яко видѣнъе видѣлъ, и рече ему: «Брате Дамьяне! Еже есмь обещаль, то ти буди». Он же сомжаривъ очи, предасть духъ в руцѣ божии. Игумен же и братья похорониша тѣло его.

Такъ же бѣ и другой брат, именемъ Еремия, иже помняше крещенъе землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ от бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше в помышленъи, обличаше ѥ втайнѣ, и наказаше блюстися от дьявола. Аще который братъ умышляше ити из монастыря, и узряше ѥ, пришедъ к нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата. Аще *кому* что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово.

Бѣ же и другой старецъ, именемъ Матфѣй, бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю в церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по брати, иже стоять поюще по обѣма странама *на крилосѣ*, и видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ ляха, в лудѣ, и носяща в приполѣ *цвѣтѣкъ*, иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ, в поющихъ от братья, мало постоявъ и расслабленъ умом, вину створъ каку любо, изидяше ис церкви, шедъ в кѣлью, и усняше, и не възвратяшется в церковь до отпѣтя;

Также и старшие любовь имели к младшему, поучали их, утешая, как детей възлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо, из великой любви: вот какие были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь удалялся из монастыря, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, звали его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал, и получали исцеление приходящие к нему. Когда же разболелся он и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братиею и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосий, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, отдал дух в руки божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил блюстись дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря и Еремия замечал это, то, придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветов, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-за пазухи цветов и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал и не возвращался в церковь до конца службы;

аще ли вержаше на другога, и не приляше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпок в пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда изидяше в кѣлью свою. Се же вида старецъ, повѣдаше брати своей. Паки же видѣ старецъ се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ, съ же старецъ послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему *единою*, сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подале церкви, видѣ се, яко толпа поиде от воротъ, възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старецъ: «Камо идете?». И рече сѣдя на свиньи бѣсъ: «По Михалю по Тольбековича». Старецъ же знаменася крестнымъ знаменемъ и приде в кѣлью свою. Яко бысть свѣтъ, и разумѣ старецъ, рече кѣлейнику: «Иди, впрашай, ели Михаль в кельи?». И рѣша ему, яко «Давѣ скочиль *есть* со столпя по заутрени». И повѣда старецъ видѣнье се игумену и брати. При сем бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игумень, и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ *есть* игумень. Тако же и ина многа видѣнья *провидѣ* старецъ, и *почи* в старости добрѣ в монастыри семь.

Яко се бысть другый черноризецъ, именемъ Исакий, якоже и еще сущю ему в мирѣ, в жити мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ, родомъ торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующимъ и монастыремъ, и иде к великому Антонию в пещеру, моляся ему, дабы ѱ створилъ черноризцемъ. И приять ѱ Антоний, и възложи на нь порты чернецкыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь. Сей же Исакий восприять житѣ крѣпко: облече бо ся во власяницу, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одра мѣхомъ козелъ, и *възвлече* на власяницу, и осше около его кожа сыра. И затворися в пещерѣ, въ единой уличу, въ кельици малѣ, яко четыре лакотѣ, и ту моляше бога со слезами. Бѣ же ядь его проскура едина, и та же чересь день, воды в мѣру пьаше. Приносяшетъ же ему великий Антоний, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука, тако принимаше пищу. И того створи лѣтъ 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не лѣгавъ, но, сѣдя, мало принимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, почла кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдяше на сѣдалѣ своемъ. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапно свѣтъ восья, яко от солнца, в пещерѣ, яко зракъ вынимая челоуѣку. И пойдоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею, акы солнце, и *глаголаста* к нему: «Исакие! Въ есвѣ ангела, а се идетъ к тебѣ Христос, падъ, поклонися ему». Он же не разумѣ

если же бросалъ цветокъ на другога и к тому не прилипалъ цветокъ, тот оставался стоять крѣпко на службѣ, пока не отпоят утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старецъ поведалъ об этомъ брати своей. Другой разъ виделъ старецъ следующее: какъ обычно, когда старецъ этотъ отстоялъ заутреню, братия передъ рассветомъ шла по келиямъ своимъ, а этотъ старецъ уходилъ изъ церкви после всехъ. И вотъ однажды, когда онъ шелъ такъ, приселъ онъ отдохнуть подъ биломъ, ибо была его келья поодаль отъ церкви, и вотъ видитъ, какъ толпа идетъ отъ воротъ; поднялъ глаза и увидѣлъ кого-то верхомъ на свиньѣ, а другыя идутъ около него. И сказалъ имъ старецъ: «Куда идете?» И сказалъ бесъ, сидевшій на свиньѣ: «За Михалемъ Тольбековичемъ». Старецъ осенилъ себя крестнымъ знаменемъ и пришелъ в келью свою. Когда рассвело и понялъ старецъ, в чемъ дело, сказалъ онъ келейнику: «Поди спроси, в кельѣ ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, перескочилъ черезъ ограду». И поведалъ старецъ о видении этомъ игумену и брати. При этомъ старце Феодосий преставился, и Стефанъ сталъ игуменомъ, а по Стефанѣ Никонъ: все это при старце. Стоитъ онъ какъ-то на заутрене, подымаетъ глаза, чтобы посмотрѣть на игумена Никона, и видитъ осла, стоящаго на игуменовомъ мѣстѣ; и понялъ онъ, что не вставалъ еще игуменъ. Много и другихъ видений виделъ старецъ, и почилъ онъ в старости почтенной в монастыре этомъ.

А былъ еще и другой черноризецъ, именемъ Исакий; былъ онъ, когда еще жилъ в миру, богатъ, ибо былъ купецъ, родомъ торопчанинъ, и задумалъ онъ стать монахомъ, и роздалъ имущество свое нуждающимся и монастырямъ, и пошелъ къ великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постригъ его в монахи. И принялъ его Антоний, и возложилъ на него одеяние чернеческое, и далъ имя ему Исакий, а было ему имя Чернь. Этотъ Исакий повелъ строгую жизнь: облечеся во власяницу, велелъ купить себѣ козла, ободралъ его мехъ и наделъ на власяницу, и обсохла на немъ кожа сырая. И затворился в пещере, в одномъ изъ проходовъ, в малой кельице, в четыре локтя, и тамъ молилъ бога со слезами. Была же пища его просфора одна, и та черезъ день, и воды в меру пилъ. Приносилъ же ему пищу великий Антоний и подавалъ ее черезъ оконце — такое, что только руку просунуть, и такъ принималъ пищу. И такъ подвизался онъ летъ семь, не выходя на светъ, никогда не ложась на бокъ, но, сидя, спалъ немного. И однажды по обычаю, с наступлениемъ вечера, сталъ класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставалъ, сиделъ на своемъ сиденьѣ. Однажды, когда онъ такъ сидѣлъ по обыкновению и погасилъ свечу, внезапно светъ воссиялъ в пещере, какъ от солнца, точно глаза вынимая у челоуѣка. И подошли к нему двое юношей прекрасныхъ, и блистали лица ихъ, какъ солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а тамъ идетъ к тебѣ Христос, поклонись ему до земли». Онъ же, не понявъ

бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, *выступивъ* поклонися, акы Христу, бѣсовску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашъ еси, Исакие, уже»; и введше ѱ в кѣльицю, и посадиша ѱ и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христось: «Възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ат ны Исакий спляшетъ». И удариша в сопѣли и в гусли, и в бубны, и начаша имъ играти. И утомивше ѱ, оставиша ѱ *оле жива*, и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшую свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоний по обычаю ко оконцю, и глагола: «Господи, благослови, отче Исакие!». И не бысть отвѣта; и рече Антоний: «Се уже преставился естъ». И посла в монастырь по Феодосья и по братью. И *откопавше*, кде бѣ загражено устье, пришедше взяша ѱ, мертва мняще и вынесше положиша ѱ пред пещерою. И узрѣша, яко живъ естъ. И рече игумень Феодосий, яко «Се имать быти от бѣсовскаго дѣйства». И *положиша* ѱ на одрѣ и служаше около его Антоний. В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья за Всеслава. И *приславъ Святославъ*, вночь поя Антонья Чернигову. Антоний же, *пришедъ к Чернигову*, възлюбил Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели. И естъ ту монастырь святое Богородици на Болдиных горахъ и до сего дни. Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний шель Чернигову, шедъ с братьею взя Исакия и принесе ѱ к *собѣ* в кѣлью, и служаше около его, бѣ бо расслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ, подъ ся *поливаше*, многожды и червье въкыняхуся подъ бедру ему с моченья и с полѣванья. Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть ѱ, за 2 лѣта *се сотвори около его. Се же бысть дивно чюдно; яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни от какаго брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глух лежа за 2 лѣта.* Феодосий же моляше бога за нь, и молитву творяше над нимъ день и ноць, дондеже на 3-е лѣто проглагола, и слыша, и на ноги нача вставати акы младенецъ, и нача ходити. И не брежаше в церковь ходити, нужею привлечухуть ѱ к церкви; и *так по малу научиша ѱ.* И посем научи ѱ на тряпезницу ходити, и *посажуху* ѱ кромѣ братьи, и положиша пред ним хлѣбъ, и не възмьаше его, но ли вложити в руцѣ ему. Феодосий же рече: «Положите хлѣбъ пред ним, а не вкладайте в руки ему, атъ сам ѣсть», и не *бреже* за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти, и тако избави ѱ Феодосий от козни дьяволя. Исакий же восприять въздержанье паки жестоко. Феодосью же преставльшюся, и Стефану в него мѣсто бывшую,

бесовскаго дела и забыв перекреститися, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому делу. Бесы же закричали: «Наш ты, Исакий, уже!» И, введя его в кельицу, посадили и стали сами садиться вокруг него, и была полна келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, так называемый «Христос»: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним. На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцю и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. И, прокопав там, где был засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что «случилось это от бесовскаго действия». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня. Феодосий же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на боку, мочился под себя, так что от мочения и черви завелись у него под бедрами. Феодосий же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни языком не проглаголал, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молился богу за него и молитву творил над ним день и ноць, пока тот на третий год не заговорил и не начал слышать и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он на трапезу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосий же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам естъ»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись, стал откусывать хлеб; так научился он естъ, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же опять стал придерживать воздержания жестоко. Когда же скончался Феодосий и на его месте был Стефан,

Исакий же рече: «Се уже прелстил мя еси былъ, дьяволе, съдѣща на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя в монастырѣ». И облечеса въ власяницу и на власяницу свиту вотоляну, и нача уродство творити, и помагати поча поваром, варя на братью. И на заутреню входя преже всѣх, стояше крѣпко и неподвижимо. Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, *стояше* в прабошнях в черевьях в протоптанных, яко примерзняшета нозѣ его к камени, и не движаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше в поварьницу, и *приготоваше* огонь, воду, дрова и придаху прочии повари от братѣ. Един же *поварѣ* бѣ, такоже бѣ именем тѣм же — Исакий, и рече посмихаяся Исакию: «Оно ти съдѣти вранѣ черный, иди, ими ѱ». Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ, я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася *и* повѣдаша игумену и братѣ, и начаша братѣ чтити ѱ. Он же, не хотя славы челоувѣчскыя, нача уродство творити *и* пакостити нача ово игумену, ово братѣ, ово мирьским челоувѣкомъ, да друзии раны ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродом ся творя. Вселися в печеру, в ней же преже былъ, уже бо бѣ Антоний преставился, и совкупи к собѣ уных, и вскладаша на нь порты чернечскыя, да ово от игумена Никона приимаше раны, ово от родитель тѣхъ дѣтских. *Сей* же то все терпяше, приимаше раны и наготу, *и* студень день и ночь. Въ едину бо ночь вжегъ пещь в ыстобцѣ у пещеры, яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма, ста на пламени, дондеже изгорѣ пещь, *и* излѣзе. И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ бых. И тако взя побѣду на бѣсы, яко мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ, глаголашеть бо к нимъ: «Аще мя бѣсте прелстили в печерѣ первое, понеже не вѣдахъ козний ваших и лукавства; нонѣ же имамъ господа Иисуса Христа и бога моего и молитву отца моего Феодосья, надѣюся на Христа, имам побѣдити вас». Многожды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: «Нашъ еси и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ». Он же глаголаше: «Вашъ старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣсы есте». *И* знаменаше лице свое крестнымъ образом, и тако ищезняху. Овогда же пакы в нощи прихожаху к нему, страхъ ему творяче в мечтѣ, яко се многъ народъ, с мотыками *и* лыскарѣ, глаголюще: «Раскопаемъ печеру сию и сего загребем здѣ». Ини же глаголаху: «Бѣжи, Исакие, хотятъ *тя* загрести». Он же глаголаше к нимъ: «Аще бысте челоувѣци *были*, то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ». *И* знамена я крестомъ, *и* ищезнуша. Другоици бо *страшашуть* ѱ въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремъ, ово вълломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, *и* мыши

Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и готовил огонь, воду, дрова, и затем приходили прочие повара из братии. Один же повар, по имени тоже Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон там сидит ворон черный, ступай возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах, и те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить по миру, также юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде, — Антоний уже умер к тому времени, — и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел, выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и когда разгорелась печь, запылахал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам очевидцем был. И так он победил бесов, как мух, ставя ни во что их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною господь Иисус Христос и бог мой и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы». И осенял лицо свое крестным знаменем, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если б вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял их крестом, и исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами

и всякъ гадъ. И не могоша ему ничтоже створити, и рѣша ему: «Исакие! Побѣдил еси нас». Онъ же рече: «Якоже бѣсте мене вы *первое* побѣдили въ образѣ Иисусѣ Христовѣ и въ ангельствѣ, недостойни *сущи* того видѣнья; но се поистѣнѣ являетесь топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотьемъ, и змеями, и гадом, аци же и сами есте *скверни и зли в видѣнннх*». И абие погибоша бѣси от него, и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше се яко «Се бысть ми за 3 лѣта брань си». Потомъ поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти, пощенье и бдѣнье. И тако живуцю ему, сконча житье свое. И разболѣся в печерѣ, и несоша ѿ болна в монастырь, и до осмаго дне о господѣ скончася. Игумен же Иоанъ и братья спрятавшѣ тѣло его, и погребоша ѿ.

Тацн ти быша черноризци Феодосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молятъ бога за сдѣ сущою братью, и за мирскую братью, и за приносящая въ монастырь, в нем же и доннѣ добродѣтельное житье живутъ, обще вси вкупѣ, в пѣннх и в молитвахъ и послушаннх, на славу богу всемогущему, и Феодосьевами молитвами соблюдаеми, ему же слава *в вѣки*, аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ; изъ основанья бо Феодосий почалъ, а на *основаннх* Стефанъ поча; и кончана бысть на третее лѣто, мѣсяца иуля 11 день. В се же лѣто придоша снн из нѣмцевъ къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показавъ имъ богатство свое. Они же видѣвшѣ бесчисленное множество, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: «Се ни въ что же есть, се бо лежитъ мертво. Сего сущѣ кметье луче. Мужн бо ся доищють и болше сего». Снн се похвали Иезекий, царь иудѣйскъ, к *посломѣ* царя асурійска, его же вся взята быша в Вавилонъ; тако и по сего смерти все имѣнье расыпаса разнн.

В лѣто 6584. Ходн Володимеръ, сынъ Всеволождъ, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхомъ в помочъ на чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, от рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса. И сѣде по немъ Всеволождъ на столѣ, мѣсяца генваря *в 1 день*.

В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволождъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 днн, и бѣжа Тмутороканю к Романовн. Всеволождъ же *иде* противу брату Изяславу на Волынъ, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день, Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

В лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю от Всеволода, мѣсяца априля *10*. В се же лѣто убьенъ бысть

и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И тотчас погибли от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам поведал об этом, что «вот была у меня с ними три года война». Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братья убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят бога за живущую здесь братию, и за мирскую братию, и за жертвующих в монастырь, в котором и доннѣ добродетельной жизнью живут все вместе, сообща, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу богу всемогущему, соблюдаемые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца иуля в 11-й день. В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужн добудут и больше того». Так похвалился Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Иезекии все имущество его пропало.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у святаго Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него. Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь днн, и бежал в Тмуторокань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынъ; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца иуля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца априля в 10-й день. В этом же году убит

Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии. Бѣ же Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговъ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Съдящю Святюполку в него мѣсто Новѣгородъ, сыну Изяславлю, Ярополку съдящю Вышегородъ, а Володимеру съдящю Смолинскъ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русскую землю, и поидоста на Всеволода с половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша половци русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичъ, и Туки, Чюдинъ братъ, *Порѣй*, и ини мнози, *мѣсяца августа* въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянскую, ея же крове взищеть богъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за *погубленыя* душа хрестьянскы. Всеволодъ же приде к брату своему Изяславу Киеву, *цѣловавшася* и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И паки, кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своею? Не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ бѣхъ, не створихъ зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будетъ нама причастье в Русьскѣй земли, то объма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою за тя». И се рек, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вой от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и черниговци затворишася в градъ. Олегъ же и Борисъ *не* бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, от Стрешени, и отя врата, и *взяша* градъ околний, и пожгоша ѥ, людемъ же вбѣгшимъ въ дѣнѣшний градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивше, поидоста от града противу Олгови. Рече же Олегъ к Борисови: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четверемъ княземъ, но *посливѣ* с молбою къ *стрыема* своимъ». И рече ему Борисъ: «Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ»; похваливѣся велми, не вѣдый, яко богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать, да не *хвалиться* сильный силою своею. И *поидоста* противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатиной нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю въ пѣщихъ, и внезапно приѣхавъ единъ, удари ѥ копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. *Продолжене* бывъши сѣчи, побѣже

был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца иуля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святюполк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске,—привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы Русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Туки, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели совещаться. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложю голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрешени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдём против них, не можем мы противостать четверем князьям, но пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех». Похвалился он сильно, не ведая, что бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они у села на Нѣжатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял с пехотинцами, внезапно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал

Олеги в малѣ дружинѣ, и одва утече, бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день. И взяше тѣло его, привезоша ѿ в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Киевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша ѿ, съ пѣснми попове и черноризци понесоша ѿ в град. И не бѣ лзѣ слышати пѣннѣ во плачи велицѣ и вопли; плака бо ся по немъ весь градъ Киевъ, Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти примъ от людей и от брата своея? Се же погыбе не от брата, но за брата своего положи главу свою». И, принесше, положиша тѣло его в церкви святая Богородица, вложивше ѿ в раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немъ лсти, но простъ мужъ умом, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть вы: съчець исъче, то не съ то створи, но сынъ его. Паки же брата его прогнаста ѿ, и ходи по чюжей земли, блудя. И сѣдящю ему паки на столѣ своемъ, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, не рече ему: «Колико от ваю прияхъ?», не вдасть зла за зло, но утѣши, рек: «Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столѣ мой и нарек мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положу главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колико зла створиста мнѣ, и се нонѣ тобѣ ся склочи», не рече: «Се кромѣ мене», но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая апостола, глаголюща: «Утѣшайте печалныя». По истинѣ, аще что створилъ есть в свѣтѣ семь, етеро согрѣшенъе, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣннѣ хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо господь рече: «Да кто положить душу свою за други своя». Соломон же рече: «Братья в бѣдахъ пособива бывають». Любы бо есть выше всего. Яко же Иоан глаголетъ: «Богъ любви есть, пребывая в любви, в бозѣ пребываетъ, и богъ в немъ пребываетъ». О семь свершается любви, да достоянъе имам в день судный, да якоже онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любви вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученъе имать. «Бояй же ся нѣсть свершенъ в любви. Аще кто речеть: люблю бога, а брата своего ненавижу, ложъ есть. Не любяй бо брата своего, его же видитъ, бога, его же не видитъ, како можетъ любить? Сню заповѣдь имам от него, да любяй бога любить брата своего». В любви бо все свершается. Любве ради и грѣси расыпаются. Любве бо ради

Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежав в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от брата своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложъ ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили,— и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом за зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя»,— как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду. О таких-то господь сказал: «Кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превышает всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в боге пребывает, а бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученъе. «Боящийся не совершенен в любви». Если кто говорит: «Люблю бога, а брата своего ненавижу», это — ложъ. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий бога любил и брата своего. В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради

сниде господь на землю и распягься за ны грѣшныя, вземь грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовское. Любве ради мученици проляша крови своя. Любве же ради сий князь проля кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь господню.

Начало княжения Всеволожа в Киеве. Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, *примъ* власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровѣ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, и убиша ѿ половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ *лежаще тамо*, сына Святославля, внука Ярославля. А Олга емше *козары* поточиша ѿ море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

В лѣто 6588. Заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла *на ня* сына своего Володимера. Володимеръ же, шедъ, побѣди тѣркъ.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревичъ Давыдъ с Володаремъ Ростиславичемъ мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

В лѣто 6590. Осень умре, половецкый князь.

В лѣто 6591. Приде Олегъ из Грекъ Тмутороконю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмуторокани. И исѣче *козары*, иже бѣша свѣтници на *убьенье* брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и *пришедша* прогнаста Ярополка, и посла *Всеволодъ* Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. Всеволодъ же, пославъ, приведе ѿ, и вда ему Дорогобужь.

В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Се *увѣдавъ*, Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ мать свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшу Лучьску, и вдашася лучане. Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а мать Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву, и имѣнье вземъ его.

В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромъ, и иде Володимеръ въспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдев мало *дний*, иде Звенигороду. И не дошедшу ему града, и прободенъ бысть от проклятаго

и господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воину. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море к Царьграду. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В год 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.

В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил греков в Олешьи и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобужь.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И, не дойдя до города, пронзен был проклятым

Нерадця, от дьяволя наученья и от злыхъ человекъ. Лежащю ему ту на возѣ, саблею с коня прободѣ ѿ, мѣсяца ноямбрю въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великимъ гласомъ: «Охъ, тот мя враже улови». Бѣжа Нерадецъ *треклятый* Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка взяше отроки на конь передъ ся, Радько, Вьнкина и инии мнози, несоша ѿ Володимерю, а оттуду Киеву. И изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своимъ сыномъ, с Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре, и блаженный митрополитъ Иоан с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над нимъ, со псалмы и пѣснями проводиша ѿ до святаго Дмитрея, спрятавшѣ тѣло его, с честью положиша ѿ в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды примъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приять, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бѣше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше бога всегда, глаголя: «Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу, от чюжую руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, и избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии». Его же прошенья не лиши его благый богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человекъ не взиде, еже уготова богъ любящимъ его.

В лѣто 6595.

В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Ивановъ, а игуменьство тогда держащю того монастыря *Лазъреви*. Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В се же лѣто умре Никонъ игумень Печерский. В се же лѣто възяша болгаре Муром.

В лѣто 6597. Священа бысть церкви Печерская святая Богородица монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ, Исаемъ, Черниговскимъ епископомъ, при благороднѣмъ князи Всеволодѣ, *державнемъ* Русьскыя земля, и чаду его, *Володимерѣ* и *Ростиславѣ*, воеводство держащю киевскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Иоану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. В се лѣто иде Янька в Греки,

Нерадцем, наученнымъ дьяволомъ и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополкъ, выдернул из себя саблю и возопил громкимъ голосомъ: «Охъ, поймал меня враг тот». Бежал Нерадецъ *треклятый* в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиромъ и Ростиславомъ, и все бояре, и блаженный митрополитъ Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне великое оплакивание сотворили над нимъ, с псалмами и молитвами проводили его до святаго Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святаго апостола Петра, которую сам когда-то началъ воздвигать. Многие беды испытавъ, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горкую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Такъ былъ блаженный князь этотъ тихъ, кротокъ, смиренъ и братолюбивъ, десятину давалъ святой богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил бога, говоря: «Господи, боже мой! Приими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьямъ моимъ Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетнаго этого света и мятежнаго, от сети вражеской». Просимого имъ не лишил его милостивый богъ: получил он блага те, какихъ ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал богъ любящимъ его.

В год 6595 (1087).

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святаго Михаила в монастыре Всеволодовомъ митрополитомъ Иоанномъ, а игуменьство того монастыря былъ тогда Лазарь. В том же году пошелъ Святополкъ из Новагорода в Туровъ жить. В том же году умеръ Никонъ, игумень Печерский. В тот же годъ взяли волжские болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевомъ монастыре Иоанномъ митрополитомъ и Лукою, белгородскимъ епископомъ, Исаемъ, черниговскимъ епископомъ, при благородномъ, державномъ князе Русской земли Всеволоде и детяхъ его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысящи держалъ Янь, а игуменьство держалъ Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополитъ. Былъ же Иоанн сведущъ в книгахъ и в учении, милостивъ к убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому, богатому и убогому, смиренъ же и кротокъ, молчаливъ, речистъ, от святыхъ книгъ утѣшая печальныхъ; такой не былъ преже на Руси, и после него не будетъ такой. В тот же годъ пошла в Греческую землю Янька,

дщи Всеволода, реченая прежде. И приведе Янка митрополита Иоана скопчину, его же *видѣвшие* людье вси рекоша: «Се *навѣе* пришелъ». От года бо до года пребывъ, умре. Бѣ же *сей* мужь не книженъ, но умомъ простъ и *просторѣкъ*. В се же лѣто священа бысть церкы святого Михаила *Переяславская* Ефрѣмом, митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо прежде в Переяславли митрополю, и пристрой ю великою пристрою, украсивъ ю всякою красотою, церковными *сосуды*. Сий бо Ефрѣмъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ. Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святого Михаила, заложилъ церковь на воротѣхъ городскихъ во имя святого мученика Феодора, и посемь святого Андрѣя у церкве от воротъ и строенье банное *камено*, сего же не бысть прежде в Руси. И град бѣ заложилъ камень, от церкве святого мученика Феодора, и *украси город Переяславский зданьи церковными* и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игумень и черноризци свѣтъ створше, рѣша: «Не добро есть лежати отцю нашему Феодосьеви кромѣ монастыря и церкве своей, понеже *той* есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ». Свѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идеже положити мощь его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицы тремя деньми, повелѣ игумень рушити, кдѣ лежатъ мощь его, отца нашего Феодосья, его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидецъ: еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ начальникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: «Поидевъ в пещеру к Феодосьеви». Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому, разглядавшя, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: «Не мози повѣдати никому *от братьи, да не увѣдасть никтоже*; но поими, его же хочещи, да ти поможетъ». Азъ же пристроихъ *семь* дни рогалие, ими же копати. И въ вторникъ, вечер в суморок, пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущю никому, приход в пещеру, и отпѣвъ псалмы, почях копати. И *утрудився* вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, взявъ рогалью, начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: «Удариша в било». И азъ в тѣ чинъ прокопах на мощь Феодосьевы. Оному глаголющю ко мнѣ: «Удариша в било»; мнѣ же рекущю: «Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начах звати: «Господи помилуй!». О се чинъ же сѣдята 2 брата в монастыри, еда игумень, утаивъся, нѣ с *кымъ* пренесеть его отай, к пещерѣ зряща. Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, идеже положенъ бысть Феодосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игумень,—

дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок телом. Много он тогда зданий воздвиг; докончил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и строение каменное, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Федора и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, сотворив совещание, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал и черноризцев собрал». Посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, повелению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, в тайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать,— в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и в тайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем в сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой почивал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!» И я в это мгновение докопался до мощей Феодосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия,

в се же время бысть епископъ,— видѣ въ своемъ монастыри *чрес* поле зарю велику надъ печерою; мнѣвъ, яко несутъ Феодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемъ единѣмъ, и сжаливѣси, яко безъ него *преносятъ* и, всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поимъ с собою *Климента*, его же игумена постави в свое мѣсто. И идяста, видуче зарю велику. И яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста к печерѣ, и не видѣста ничтоже, и придоста дну в печеру, нам сѣдящемъ у мощий его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «Приди да вынемемъ ѱ». Игумен же приде з двѣма братама; и прокопах велми, и влѣзохом, и *видѣхом* лежащъ мощьми, но *состави* не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. И взложше ѱ на вариманѣтью и, *вземше на рамо*, вынесоша ѱ предъ пещеру. На другой же день собращася епископы: Ефрѣмъ Переяславскій, Стефанъ Володимерьскій, Иоан Черниговскій, *Маринъ Гурьгевскій*, игумени отъ всѣхъ монастыревъ с черноризци; придоста и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Феодосьевы с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесше положиша ѱ в церкви своей ему, в притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта... И праздноваша свѣтло въ тѣ день.

Се же повѣмъ мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево. Игуменьство бо Феодосью держащю в животѣ своемъ, правящю стадо, порученое ему богомъ,— черноризци, не токмо *же* си едины, но и мирьскими печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися, паче же о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, *другоци* в дома ихъ приходя и благословенье имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домъ Яневъ къ Яневи и к подружью его Марьи,— Феодосій бо бѣ любя ѱ, зане же живяста по заповѣди господни и в любви межи собою пребывааста,— единою же ему пришедшю к нима, и учашеть ѱ о милостыни къ убогимъ, о цесарьствии небеснѣмъ, еже прияти праведником, а грѣшникомъ муку, и о смертнѣмъ часѣ. И се ему глаголющю о положении тѣла в гробѣ има, рече ему *Яневая*: «Кто вѣсть, кдѣ си мя положить?». Рече же ей Феодосій: «Поистинѣ идѣже лягу азъ, ту и ты положена будеши». Се же събысться. Игумену же бо преставляшюся преже, о 18 лѣто се събысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемъ Марья, мѣсяца августа 16 день, и пришедше черноризци, пѣвше обычныя пѣсни, и, принесше, положиша ѱ в церкви святой Богородицы, противу гробу Феодосьеву, на шюей странѣ. Феодосій бо положенъ бысть въ 14, а *сия* въ 16. Се же събысться прореченье блаженнаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овцы нелицемерно, с кротостью и с рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за *ня*, моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьянскыя, за землю Русскую, иже и по *отшествии* твоёмъ от сея жизни

а теперъ былъ уже епископомъ, видел в своемъ монастыре за полемъ зарю великую надъ пещерою; решивъ, что несутъ Феодосия, так как за день до того было ему возвѣщено об этом, и пожалевъ, что переносятъ безъ него, Стефанъ сел на коня и быстро поехал, взявъ с собою Климента, которого он потом поставил вместо себя игуменомъ. И когда они ехали, видели они великую зарю. И когда приблизились, увидели свечей множество надъ пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послалъ я к игумену: «Приходи, вынемъ его». Игуменъ же пришелъ с двумя братьями; и я сильно раскопал, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распалились, и волосы на голове присохли. И, положивъ его на мантию и поднявъ на плечи, вынесли его передъ пещеру. На другой же день собралась епископы: Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимирскій, Иоанн Черниговскій, Маринъ Юрьевскій, игумены изъ всехъ монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы, с тѣмьяномъ и со свѣщами. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, мѣсяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года... И праздновали свѣтло день тот.

Теперь коротко поведаю о томъ, какъ събылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосій былъ живъ и держалъ игуменьство, управляя стадомъ черноризцевъ, порученнымъ ему богомъ, пекся онъ не только о нихъ, но и о мирянахъ— о душахъ ихъ, какъ бы имъ спастись, особенно о духовныхъ сынахъ своихъ, утѣшая и наставляя приходящихъ к нему, а иногда приходя в дома ихъ и благословение имъ подавая. Однажды, придя в домъ Яневъ к Яню и к жене его Марье,— ибо Феодосій любилъ ихъ за то, что они жили по заповѣди господней и в любви между собой пребывали,— однажды, зайдя к нимъ, поучалъ онъ ихъ о милостыне убогимъ, о царствии небесномъ, которое заслужатъ праведники, тогда какъ грѣшники муку, и о смертномъ часѣ. И когда онъ говорилъ о положении телъ ихъ во гробъ, сказала ему жена Яня: «Кто знаетъ, где меня похоронятъ?» Сказалъ же ей Феодосій: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и събылось. Игуменъ умеръ раньше ея, а на восемнадцатый годъ это и събылось: ибо в тотъ годъ преставилась жена Яня именемъ Марья, мѣсяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ея в церкви святой Богородицы, противъ Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосій былъ похороненъ 14-го, а та 16-го.

Такъ събылось пророчество блаженнаго отца нашего Феодосия, добраго пастуха, пасшего словесныя овцы нелицемерно, с кротостью и со вниманиемъ, наблюдая за ними и опекая ихъ, моляся за порученное ему стадо и за людей хрестьянскихъ, за землю Русскую, за которыхъ, и по отшествии от сего света,

молишися за люди вѣрныя и за своя ученики, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, и прославляют бога. Азь же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: «Радуйся, отче нашъ и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомъ житьи, всяко собѣ принесенье божественое принеслъ еси, пощеньемъ превозвышься, плотьскыхъ страстей и сласти възненавидѣвъ, красоту и желанье свѣта сего отринувъ, вслѣдуя *стопама* высокомысленымъ отцемъ, ревнуя *им*, молчаньемъ възвышаяся, смѣреньемъ украшаяся, в словесѣхъ книжныхъ веселуяся. Радуйся, укрѣплься надежею вѣчныхъ благъ, *их же* примъ, умертвивъ плотскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бѣсовьскыхъ *козней* избѣгъ и от сѣти его. С праведными, отче, почилъ еси, възприимъ противу трудомъ своимъ възмездье, отцемъ наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученю ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше великому Феодосью нравомъ и житьемъ, подобяся житью его и въздержанью ревнуя, послѣдствуя обычаю его, и переходя от дѣла в дѣло уньшее, и обычныя молбы богу въздая, в воню благоуханья принося кадило молитвенное, темьянъ благовонный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродержца князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни, побѣдникъ явися, противнымъ его стрѣламъ и гордымъ помысламъ ставъ супротивно, укрѣпивъсь оружиемъ крестнымъ и вѣрою непобѣдимою, божьею помощью. Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблуди мя твоими молитвами».

В се же лѣто *бысть* знаменье в солици, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць *бысть*, в час 2 дне, мѣсяца мая 21 день. В се же лѣто *бысть*: Всеволоду ловы дѣющю звѣрныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змий от небесе, и ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лѣто волхвъ явися Ростовъ, иже вскорѣ погыбе.

В лѣто 6600. Предивно *бысть чудо* Полотьскѣ в мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человекъ рищюще бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемъ же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди *полоцкыя* и его область. Тѣмъ и человекъ глаголаху, яко *навье* бьютъ полочаны. Се же знаменье поча быти от

молишися за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое: «Радуйся, отче наш и наставник! Мирской шум отвергнув, молчание возлюбив, богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские страсти и наслаждения возненавидел, красоту и желания света сего отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие. Радуйся, укрепившись надеждою на вечные блага, приняв которые, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, получив по трудам твоим возмездие, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию нравом и образом жизни, подражая его житию и в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, и положенные молитвы к богу вознося, вместо благоухания принося кадило молитвенное, темьянъ благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца — князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противопостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимою, божьею помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеския, и от противника-врага сблуди меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погыбнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышегородом и были уже закинуты тенета и кличане кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхвъ объявился в Ростове и вскоре погыб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение

Дрюютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посреде неба превеликъ. В се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстамъ; и рать велика бяше от половець и отсюду; взяша 3 грады: Пѣсочень, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша по обѣма странама. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ. В се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. В си же времена мнози челоуѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко «Продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды. Се же наведе на ны богъ, веля нам покаяться и воздерживаться от грѣха, и от зависти, и от прочих злыхъ делъ дьявольскихъ.

В лѣто 6601, индикта I лѣто, преставися великий князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь, мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли суци тогда страстнѣй и дни суцю четвертку, в онъ же положенъ бысть в гробъ в величѣй церкви святыя Софѣя. Сий бо благоверный князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье имъ. Бѣ же и самъ въздержася от пьянства и от похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемъ, то егда богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеша, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться глаголъ отца его, якоже глаголалъ бѣ. Сему примшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, сѣде Кыевъ княжа. Быша ему печали больше паче, неже сѣдящю ему в Переяславли. Сѣдящю бо ему Кыевъ, печаль бысть ему от сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти *ов сея, ово же другие; сей же, омиряя их раздаваша власти* имъ. В сихъ печали всташа и недузи ему, и приспѣваше старость к симъ. И нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своя первыя, и людем не доходити княже правды, начаша ти уни грабити, людий продавати, сему не *вѣдущу* в болѣзняхъ своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суца, и *плакася*. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, прешедшю же часу, преставися тихо и кротко и *приложися* ко отцемъ своимъ, княживъ лѣт 15 Кыевъ,

с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половець и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам. В тот же год ходили войною половецы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филипова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, веля нам покаяться и воздерживаться от грѣха, и от зависти, и от прочих злыхъ делъ дьявольскихъ.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимиров, месяца априля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то когда бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Были у него огорчения бѣльшия, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образъ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве пятнадцать лет,

а в Переяславли лѣто, а в Черниговѣ лѣто. Володимерь же плакавъся с Ростиславомъ, братом своимъ, спрятаста тѣло его. И собращася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и бояре, и прости людье, и взявше тѣло его, со обычными пѣснями положиша ѿ въ святѣй Софьи, якоже рекохом преже.

Володимерь же нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имам рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ преже отца его былъ». И, размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшую велику дни, прешедши Празднѣй недѣли, в день антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Къеву. И изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша ѿ с радостью, и сѣде на столѣ отца своего и строя своего. В се же время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, свѣтъ створи с пришедшими с нимъ, и изъймавъ слы, всажа ѿ в-истобѣку. Слышавше же се половци, почаша воевати. И придоша половци мнози и оступиша Торцийскый град. Святополкъ же пусти слы половецкыѣ, хотя мира. И не всхотѣша половци мира, и ступиша половци воюючи. Святополкъ же почаша сбирати вое, хотя на ня. И рѣша ему мужи смыслени: «Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой». Он же рече: «Имѣю отрокъ своихъ 700, иже могутъ противу имъ стати». Начаша же друзии несмыслени глаголати: «Поиди, княже». Смыслени же глаголаху: «Аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячъ, не лихо ти есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ». Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла к Володимеру, да бы помоглъ ему. Володимерь же собра вой свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшю Къеву, совокупиастася у святаго Михаила, и взяста межю собою распря и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ межю собою, половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смыслени: «Почто вы распря имата межю собою? А погани губять землю Русьскую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганымъ любо с миромъ, любо ратью». Володимерь хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати. И поиде Святополкъ, и Володимерь, и Ростиславъ къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же, и Володимерь и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чресъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимерь, яко «Сдѣ стояче чресъ рѣку, в грозѣ сей, створимъ миръ с ними». И пристояху совѣту

а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакавъ его с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел к Чернигову, а Ростислав к Переяславлю. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих семьсот, которые могут им противостоять». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и восемь тысяч, и то было бы не плохо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю,— и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир, что «пока за рекою стоим, под угрозой, заключим мир с ними». И присоединились к совету

сему смыслению мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша *совѣта сего*, но рекоша: «Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки». И възлюбиша *свѣтъ* съ и преидоша Стугну рѣку. Бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша. И идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посреде же бѣ Ростиславъ. И, минуше Треполь, проидоша валъ. И се половци идяху противу, и стрѣлци *противу* пред ними; нашимъ же ставшимъ межи *валома*, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стяги своѣ, и *налегоша* первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья, и *послеже* побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ *и вои его*. И побѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбрѣде Володимеръ с Ростиславомъ, *и нача* утапати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же *пребредѣ* рѣку с малою дружиною,— мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша,— и перешедѣ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, *и иде* Чернигову печалень зѣло. Святополкъ же вбѣже в Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же, видѣвше *одолѣвше*, пустиша по земли воююще, а друзии възвратишася к Торцьскому. Си же ся злоба склочи въ день Възнесенья господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же, искавше, обрѣтоша в рѣцѣ *и*, взявше, принесоша ѿ Киеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, уности его ради. И собращася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша ѿ у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся торкомъ и крѣпко борющимся из града, убиваху многы от противных. Половци же начаша налѣгати и отѣмаху воду, и изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: «Аще не пришлѣши брашна, преда- тия имамы». Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися в градъ множествомъ вой ратных. *И стояша* около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: *едини* сташа у града, рать борю- ще, а друзии поидоша Киеву, *и* пустиша на воропъ межи Киевѣ и Вышегородѣ. Святополкъ же *выиде* на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань. И побѣ- гоша наши пред иноплемьеники, *и* падаху язвени предъ вра- ги нашими, и мнози погыбоша, *и быша* мертви, паче неже у Трѣполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третій, а половци возвратишася к Торцьскому. Быша си злая мѣсяца иуля въ 23.

этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захо- тели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перей- дем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно вздулась она тогда водою. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, по- средине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрельцы их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двину- лись стрельцы из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поста- вили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и взломили полк его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом и воины его. И прибе- жали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах у Владимира. И захотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Рос- тислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с малою дружиною,— ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали,— и, перейдя на ту сторону Днѣпра, плакал по брате своем и по дружине своей и пошел в Чернигов сильно опеча- ленный. Святополк же вбежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Рос- тислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлѣшь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятель- ских. И стояли около города девять недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и сделали набег между Киевом и Вышегородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и поднялось сражение. И побежали наши от ино- племенников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Трѣполя. Свя- тополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца иуля в 23-й день.

Наутрия же въ 24, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ в градѣ, а не радость, грѣхъ ради наших великихъ и неправды, за умноженъе беззаконий наших.

Се бо на ны богъ попусти *поганья*, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженъемъ поганыхъ; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздники богъ нам наводитъ сѣтованъе, якоже ся створи в се лѣто первое зло на Възнесенъе господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради пророкъ глаголаше: «Преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданъе». *Сотвори бо ся плачь великъ в земли нашей*, опустѣша села наша и города наши, быхомъ бѣгаючи предъ врагы нашими. Якоже пророкъ глаголаше: «Падете предъ врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побѣгнете, никому женущю вас. Скрушу руганъе гордыни вашей, и будетъ в тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй мечь, и будетъ земля ваша пуста, и двори ваши пуси будут. Яко вы худи есте и лукави, и азъ пойду к вамъ яростью лукавою». Тако глаголетъ господь богъ израилевъ. *Ибо* лукавии сынове измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдится никтоже о семъ: «Идеже множество грѣховъ, ту видѣнья всякого показанъе». Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простресея, сего ради земля мучена бысть: ови ведутъся полонени, друзии посѣкаемы бывають, *друзии на мечь даемы бывають*, горкую смерть приемлюще, друзии трепечють, зряще убиваемыхъ, друзии гладомъ умаряемы и водною жажею. Едино прѣщенье, едина казнь, многовещныя имуще раны, различныя *печали* и страшны муки, овы вяжемы и пятами пхаемы, и на зимѣ держими и ураняемы. И се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьянъствѣ родѣ страхъ и колѣбанъе и бѣда упространися. Праведно и достойно есть! Тако да накажемъся, тако вѣру имем, кажеми есмы: подобаше намъ «*Преданнымъ быти* в руки языку странну и беззаконнѣйшю всея земля». Рцѣмъ велегласно: «Праведенъ еси, господи, и прави суди твои». Рцѣмъ по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхомъ». Рцѣмъ и со Иовомъ: «Яко господеву любо бысть, тако и бысть; буди имя господне благословено в вѣкы». Да *нахоженемъ* поганыхъ и мучими ими владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ; прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывше, не поработаемъ; породившеся, не яко отца постыдѣхомся, согрѣшихом, и казними есмы. Якоже створихомъ, тако и стражемъ: города вси опустѣша, села опустѣша; преидемъ поля, идеже пасомы бѣша стада конь, овця и волове,

Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. Для этого в праздники бог посылает нам сетование, как в этом году случилась на Вознесение господне первая напасть у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба; это есть новый праздник Русской земли. Вот почему пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и были в бегах мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побегите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, и двори ваши будут пусты. Так как вы дурны и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой». Так говорит господь бог Израилев. Ибо лукавые сыны Измаила пожигали села и гумна и многие церкви запалили огнем, да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и народ подвергся мучениям: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на мечь, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом умерщвляют и жаждою. Одно наказание, одна казнь, разнообразные имеющая бедствия, различны печали и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны. И тем удивительнее и страшнее, что в христианском роде страх, и колебанье, и беда распространились. Праведно и достойно, когда мы так бываем наказываемы. Так будем веру иметь, если будем наказываемы: подобало нам «преданным быть в руки народа чужого и самого беззаконного на всей земле». Скажем громко: «Праведен ты, господи, и правы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как господу угодно было, так и случилось; да будет имя господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем владыку, которого мы прогневали: прославлены были — и не прославили его, чествуемы были — и не почтили его, просвещали нас — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и не усостились его как отца, согрешили — и наказаны теперь. Как поступили, так и страдаем: города все опустели; села опустели; пройдем через поля, где паслись стада коней, овцы и вола,

все *тще* нонѣ видимъ, нивы поростыше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣмъся на милость божью; кажетъ бо ны добръ блaгый владыка, «Не по безаконью нашему створи нам и по грѣхомъ нашимъ въздасть намъ»; тако подобаетъ благому владыцѣ казати не по множеству грѣховъ. Тако господь створи нам: созда, падшая *въстави*, Адамле преступленье прости, баню нетлѣнья дарова и свою кровь за ны изля. Якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе нам сущую рать и скорбь, да *и* не хотяще всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость в будущий вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мьститъ бо господь дважды о томъ. О неиздреченному челоуѣколюбю! якоже видѣ ны *неволею* к нему обращающа. О тмами любви, еже к нам! понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий его. Се уже не хотяще терпим, се с *нужею*, *и* понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиление? Нонѣ же вся полна суть слезь. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися избьеныхъ ради, иже избиша безаконнии.

Половци воеваша много, и възвратишася к Торцьскому, и изнемогаша людье в градѣ гладомъ и предашася ратнымъ. Половци же, приемше град, запалиша ѿ огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша в вежѣ к сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ; мьного роду хрестьяньска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвши лица, почернѣвши телесы; *незнаемою* страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имущи сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бѣхъ сего города», и други: «А язъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюще, очи возводяще на небо к вышнему, свѣдущему тайная.

Да никтоже дерзнетъ рещи, яко ненавидими богомъ есмы! Да не будетъ! Кого бо тако богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы. Якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, владычню волю *въдуше*, и презрѣвши, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогиѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октябрия въ 1 день; а погребенъ бысть ноябрия въ 16, в церкви святыя Богородицы Десятинныя.

В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половци и поа собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго. Том же лѣтѣ приде Олегъ с половци ис Тьмуторокона, и приде

и все бесплоднымъ ныне увидимъ; нивы заросшии стали жилищемъ зверямъ. Но надеемся все же на милость божью; наказываетъ насъ хорошо благой владыка, «не по беззаконью нашему соделалъ намъ, но по грехамъ нашимъ воздалъ намъ». Такъ подобаетъ благому владыке наказывать не по множеству греховъ. Такъ господь сотворилъ намъ: создалъ насъ и падшихъ поднялъ, Адамово преступление простилъ, нетление даровалъ и свою кровь за насъ пролил. Вотъ и насъ видя в неправдѣ пребывающими, навелъ на насъ эту войну и скорбь, чтобы и те, кто не хочетъ, в будущей жизни получили милость; потому что душа, наказываемая здѣсь, всякую милость в будущей жизни обрящеть и освобождение от мукъ, ибо не мститъ господь дважды за одно и то же. О неизреченное челоуѣколюбие! ибо виделъ насъ, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к намъ! ибо сами захотели уклониться от заповѣдей его. Теперь уже и не хотимъ, а терпимъ — по необходимости и поневоле, терпимъ, но какъ бы и по своей воле! Ибо где было у насъ умиление? А ныне все полно слезъ. Где у насъ было въздыханье? А ныне плачь распространился по всемъ улицамъ из-за убитыхъ, которыхъ избили безаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагамъ. Половцы же, взявъ городъ, запалили его огнемъ, и людей поделали, и много хрестьянского народа повели в вежи к семьямъ своимъ и сродникамъ своимъ; страждущи, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жаждѣ и бѣдѣ, с осунувшимися лицами, почерневшимъ теломъ, в неизвестной странѣ, с языкомъ воспаленнымъ, голые бродя и босые, с ногами, опутанными терниемъ, со слезами отвечали они другъ другу, говоря: «Я былъ из этого города», а другой: «А я — из того села»; такъ вопрошали они другъ друга со слезами, родъ свой называя и въздыхая, взоры возводя на небо к вышнему, вѣдающему все сокровенное.

Да никто не дерзнетъ сказать, что ненавидими мы богомъ! Да не будетъ! Ибо кого такъ любитъ богъ, какъ насъ възлюбилъ? Кого такъ почтилъ онъ, какъ насъ прославилъ и превознесъ? Никого! Потому вѣдь и сильнее разгневался на насъ, что больше всехъ почтены были и хуже всехъ совершили грехи. Ибо больше всехъ просвѣщены были, зная волю владычнюю, и, презревъ ее, какъ подобаетъ, больше другихъ наказаны. Вотъ и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто согрѣшаю во все дни!

В тот же годъ скончался Ростиславъ, сынъ Мстислава, внукъ Изяслава, мѣсяца октябрия в 1-й день; а погребенъ былъ 16 ноября, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В годъ 6602 (1094). Сотворилъ миръ Святополкъ с половцами и взялъ себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкаго. В тот же годъ пришелъ Олегъ с половцами из Тьмуторокани и подошелъ

Чернигову, Володимеръ же затворися в градъ. Олегъ же приде к граду и пожже около града, и монастырь пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не *възбраняюще*, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе поганья на землю Русьскую, его же грѣха дабы и богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лѣто придоша пружи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днѣхъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ час 6 ноци, бывъ преже игумень Печерьскому монастырю.

В лѣто 6603. Идоша половци на Гръкы с Девгеничемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь ѿ Девгенича, и повелѣ и слѣпити. В то же лѣто придоша половци, Итларь и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валомъ с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть в градъ с лѣпшею *дружиною*. В то же время бѣше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка *на нѣкое орудие*; и начаша думати дружина Ратибора со княземъ Володимером о погубленъи *Итларевы* чади. Володимеру же не *хотящу* сего створити, отвѣща бо: «Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, *рекоша* Володимеру: «Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они, всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають бесперестани». И послуша ихъ Володимеръ, и в ту ноць посла Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торкы межи валы. И выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареву в ту ноць лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею и не *вѣдущю*, что ся надѣ Кытаномъ створи. Наутрия же, в недѣлю, заутрени *сущи* годинѣ, пристрой Ратиборъ отроки въ оружьи, и истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадѣ, и рече Бяндюкъ Итлареву: «Зовет вы князь Володимеръ, рекль тако: обувшеся в теплѣ избѣ и заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ». И рече Итларь: «Тако буди». И яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша *верхъ*, и тако Ольбегъ Ратиборичъ *приимъ* лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ час 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день.

к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слышано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ноци, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на Греческую землю с Девгеничем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгенича и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратибора с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадѣ, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ноць послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда суботный, а Итларь в ту ноць лежал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюкъ Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в истобку, так и заперли их. Взлезши на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так бедственно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день.

Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, *веляща* ему пойти на половци с собою. Олегъ же обѣщавъся с нима, и пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, и полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста ѿ в землю свою. И начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшоу ему с нима на поганя. И *посласта* Святополкъ и Володимеръ къ Ольгови, глаголюще сиче: «Се ты не шельеси с нама на поганя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тебе есть Итларевичъ: любо убий, любо ѿ дай нама. То есть ворогъ *нама* и Русьстѣй земли». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половци к Гургеву, и *стояша* около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири ѿ. Половци же *приидоша* за Рось, гюргевци же выбѣгоша и идоша къ Киеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, в свое имя нарекъ Святополчѣ городъ, и повелѣ епископу *Марину* съ *гургевци* съести ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци тощъ. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолиньску; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. И поемше ведоша ѿ Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». И пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и съде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородъ съде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимеръ, ис Курска к Мурому. И прияша ѿ муромци, и посадника я Олгова. В се же лѣто придоша пружи, *мѣсяца августа* въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ, *ядуще* траву и проса.

В лѣто 6000 и 604. Святополкъ и Володимеръ *посласта* къ Ольгови, глаголюща сиче: «Поиди къ Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец нашихъ, и пред людьми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сиче: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». И не въсхотѣ ити к братома своимъ, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста к нему: «Да се ты ни на поганя идиши, ни на свѣтъ к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочещи, а богъ промежи нами будетъ». Святополкъ же и Володимеръ *поидоста* на Олга Чернигову; Олег же выбѣже изъ Чернигова, *мѣсяца мая* въ 3 день, в субботу. Святополкъ же и Володимеръ *гнаста по нем, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ* оступиса ѿ в градъ, и бѣхутся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози от обоихъ.

Святополкъ же и Владимир послали к Олегу, веля ему ити на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополкъ же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополкъ и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополкъ же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополкъ же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимира, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватил Олега. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополкъ и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополкъ же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть бог рассудит нас». И пошли Святополкъ и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополкъ же и Владимир гнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополкъ же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон.

И бысть межю ими брань люта, и стояше около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье в градѣ. И выльзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекъше сице: «Иди к брату своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отецъ наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей град в земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положить». Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ.

В се же время приде Бонякъ с половци къ Киеву, в недѣлю от вечера, и повоева около Кыева, и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжь. В се же время воева Куря с половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день. Олегъ же выйде и Стародуба, и приде Смолинъску, и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню. Святополкъ же и Володимерь поидоста в свояси. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тестъ Святополчъ, к Переяславлю, мѣсяца мая 30 и ста около града, а переяславци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимерь поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, и ту перебродистася, и не очютиша ихъ половци, богу сохраню ихъ, и, исполчившеся, поидоста к граду; гражане же узрѣвше, ради быша, и поидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимерь вбредоста в Трубежь к половцемъ, Володимерь же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша в конѣ к противнымъ. Се видѣвше половци и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратных, сѣкуще противьныя. И сдѣя господь въ тѣ день спасенье велико: мѣсяца июля въ 19 день побѣжени быша иноплеменици, и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князя; мнози врази наши ту падоша. На заутрѣе же налѣзоша Тугоркана мертвого, и взя ѥ Святополкъ, акы тѣстя своего и врага; и привезше ѥ к Киеву погребоша ѥ на Берестовѣмъ, межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другимъ, в монастырь идущимъ. И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, 1 час дне, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, к Киеву внезапно, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и въжгоша Стефановъ монастырь, и деревнѣ, и Герьманы. И придоша на монастырь Печерскый, намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два пред враты монастырскими, намъ же бѣжащим задомъ монастыря, а другимъ възбѣгшим на полати. Безбожный же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху, аще что обрѣтаху в кельи; посемъ възжгоша домъ святыя владычицѣ нашей Богородицѣ, и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроению, и вторыя же

И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Кыева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тестъ Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но ударили по коням и бросились на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменики, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тѣстя своего и врага, и привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сынове Измаиловы вырубали врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святой владычицы нашей богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые —

к сѣверу, и влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, смлюще иконы, зажигаху двери и укаряху бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, еще бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: «Кдѣ есть богъ ихъ? Да поможетъ имъ и избавитъ я!». И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмехающеса, не вѣдуще, яко богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяномъ бо многими скорбми и напастми внити в царство небесное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтъ приемшим веселье и *пространство*, а на ономъ свѣтъ примуть муку, с дьяволом уготования огню вѣчному. Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемъмъ Выдобычи: то все оканнии половци запалиша огнемъ. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давиду, вопьемъ: «Господи боже мой! положи я яко коло, яко огонь предъ лицомъ вѣтру, иже попаляетъ дубравы, тако *пожнешши* я бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья». Се бо оскверниша и пожгоша святой дом твой, и монастырь матери твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо нѣколико от братья нашея оружьемъ безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ.

Ищли бо суть си от пустыня *Етривьская*, межю востокомъ и сѣвером; ищли же суть ихъ колѣнъ 4: *торкмене*, и печенѣзи, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Другии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаила творятся сарини, и прозваша *имя* собѣ саракыне, рекше: сарини есмы. Тѣмже хвалиси и болгаре суть от дочерю *Лотову*, иже зачаста от отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть *торкмении*, и печенѣзи, и торци и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустынь. И по сихъ 8 колѣнъ к кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскимъ нечистыя челоувѣкы. ...

Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюргята Роговичъ новгородецъ, глаголя сице, яко «Послахъ отрокъ свой в Печеру, люди, *иже* суть дань дающе Новгороду. И пришедшу отроку моему к ним, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и *сосѣдять* с Самоядью на полунощныхъ странах. Югра же рекоша отроку моему: «Дивно мы находимъ чудо, его же нѣ есмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же третье лѣто почла быти: суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще

на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосьева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть бог их? Да поможет им и спасет их!», и иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианамъ ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемомъ Выдубицкимъ: все это окаянныя половцы запалили огнемъ. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываемъ: «Господи, боже мой! Поставь их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурею твоею; исполни лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измаилеви, посланные в наказание христианамъ.

Вышли они из пустыни Етривской между востокомъ и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колѣн убежали, когда иссек их Гедеон, да восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Аммоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и называли себя сарацины, что значит: «Саринны мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колѣн, при конце мира, выйдут заклѣпанные в горе Александромъ Македонскимъ нечистые люди. ...

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюргята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они в луку морскую, высота у них как до неба, и в горахъ техъ стоит кликъ великий и говоръ, и секутъ гору, стремясь

высѣчися; и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли секиру, и *они* даютъ скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣмже не доходим ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии». Мнѣ же рекшу к Гюрятѣ: «Си суть людье заклепении Александром, Македонскимъ цесаремъ», якоже сказаеть о них Мефоди *Патарийскый, глаголя: «Александръ, царь Макидонскый, взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человекы нечистыя от племени Афетова, их же нечистоту видѣвъ: ядыху скверну всяку, комары, и мухы, котки, змиѣ, и мертвецъ не погрѣбаху, но ядыху, и женскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убося, еда како умножаться и осквернять землю, и загна их на полунощныя страны в горы высокия; и, богу повелѣвшю, сступишася о них горы великия, токмо не ступишася о них горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитом; и аще хотятъ взяти, не възмогутъ, ни огнем могутъ ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огонь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметъ. В послѣдняя же дни по сих изидутъ 8 коленъ от пустыня *Етривьскыя*, изидуть и си сквернии языки, *иже* сут в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью божию».*

Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхом преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдову Смолинску, и прити з братом своимъ Киеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поим вой, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идетъ к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалю, и Ростову, и по бѣлоозерци, и собра вой многы. И посла Олегъ слы своѣ к Изяславу, глаголя: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю, ту сѣдя, порядъ створити со отцемъ твоимъ. Се бо мя выгналъ из города отца моего. А ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи дати?». И не послуша Изяславъ словесъ сихъ, надѣяся на множество вой. Олегъ же надѣяся на правду *свою*, яко правъ бѣ в семь, и поиде к граду с вой. Изяславъ же исполчися предъ градомъ на поли. Олегъ же поиде к нему полкомъ, и сступишася обои, *и* бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволода, мѣсяця септября въ 6 день; прочии же вой побѣгоша, ови чересь лѣсъ, друзии в городъ. Олегъ же вниде в городъ, и прияша ѥ горожане. Изяслава же взяли и положиша ѥ в монастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша ѥ Новгороду, и положиша ѥ у святыѣ Софѣ, на лѣвѣй сторонѣ.

высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они вместо того дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским», как говорит о них Мефодий Патарский: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались синклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию».

Но мы к предыдущему возвратимся,— о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча люта. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволода, мѣсяця септября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святаго Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне.

Олег же, по прияти града, изъима ростовци, и бѣлозерци и суздальцѣ и покова, и устремися на Суздаль. И *пришедъ* Суздалю, и суздальци дашася ему. Олег же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дани поча брати. И посла к нему Мъстиславъ соль свой из Новагорода, глаголя: «Иди ис Суздаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди. И азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемъ моим. Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Олег же не всхотѣ сего *послушати*, но паче помышляше и Новъгородъ перести. И посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а сам стояше на поли у Ростова. Мъстислав же сдумавъ с новгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изъима даньники. Увѣдав же Ярославъ се, яко изъимани данници, Ярослав же стояше на Медвѣдици в сторожих, и побѣже той ноци, и прибѣже къ Олгови и повѣда ему, яко идет Мъстиславъ, а сторожѣ изъимани, и поиде к Ростову. Мъстислав же приде на Волгу и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мъстиславъ поиде по нем. Олегъ же приде к Суздалю, и слышавъ, яко идет по нем Мъстиславъ, Олег же повелѣ зажещи Суздаль город, токмо остана дворъ монастырьскый Печерьскаго монастыря и церкы, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы. Олег же побѣже к Мурому, а Мъстиславъ приде Суздалю, и сѣдя ту посылаше к Олгови, мира прося, глаголя: «Азъ есмъ мний тебе, слися к отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а язъ тебе во всем послушаю». Олег же посла к нему, с лестью хотя мира; Мъстислав же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селом. И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мъстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близъ бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мъстислав же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя от лсти. Олег же *установися* на Клязмѣ, мня, яко, *бояся его*, Мъстиславъ побѣгнетъ. Къ Мъстиславу же собращася дружина въ тѣ день и в другый, новгородци, и ростовци, и бѣлозерци. Мъстислав же ста пред градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мъстислава, ни Мъстиславъ на Олга и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мъстиславу вѣсть, яко «Послал ти отецъ брата Вячеслава с половци». И приде Вячеславъ в четвергъ *по* Феодоровы недѣли, в постъ. И в пятокъ приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мъстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци.

Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посадил посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мъстиславъ посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своею пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты,— не удивительно то: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожю, а сам стал на поле у Ростова. Мъстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторожю; Добрыня же прежде всего перехватал данщиков. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что данщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мъстислав, а сторожи схвачены, и пошел к Ростову. Мъстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мъстислав. Олег же пришел к Суздалю и, услышав, что идет за ним Мъстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырьскый Печерского монастыря и церковь тамошняя святаго Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мъстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мъстислав же поверил обману и распусти дружину по селам. И настала Федорова недѣля поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мъстислав сидел за обедом, пришла ему вѣсть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мъстислав, доверившись ему, не расставил сторожей,— но бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мъстислав побежит. К Мъстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мъстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мъстислава, ни Мъстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мъстиславу вѣсть, что «послал тебе отецъ брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четвергъ после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мъстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами.

И вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ половчину, именем Кунуи, и вдавъ ему пѣшьць, и постави ѿ на правѣмъ крилъ. И заведъ Кунуй пѣшьць, напя стягъ Володимеръ, и узрѣ Олегъ стягъ Володимеръ, и убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, *и поиде* Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешедъ пожаръ с новгородци, *и сседоша с коней новгородци*, и сступишася на Кулачьць, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимеръ, нача заходити в тылъ его, и убоявсья побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олег же прибѣже к Мурому, и затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи миръ *с муромци*, и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по *Олзѣ*. Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но пошлися к брати своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли. И азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ». Олег же обѣщася тако створити. Мстислав же възвративсья вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ *и* Володимеръ, *и* Давыдъ Игоревичъ, *и* Василко Ростиславичъ, *и* Давыдъ Святославичъ, *и* брат его Олегъ, *и* сняшася Любяти на устроенье мира, *и* глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, *и* ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, *и* блюдем Рускыѣ земли; каждо да держитъ отчину свою: Святополкъ Киевъ *Изяславлю*, Володимеръ *Всеволожю*, Давыдъ *и* Олегъ *и* Ярославъ *Святославлю*, а им же роздаялъ Всеволодъ города: Давыду Володимеръ, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Теробовль Василкови». И на том цѣловаша крѣст: «Да аще кто отселѣ на кого будет, то на того будем вси *и* крѣст честный». Рекоша вси: «Да будет *на нь крѣстъ честный* *и* вся земля Русьская». И цѣловавшася поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомъ Киеву, *и* ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печалень бяше о любви сей. И влѣзе сотона *в сердце* нѣкоторым мужем, *и* почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка *и* на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым *словесемъ*, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя *и* на тя, *и* сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ».

И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куную, *и* дал ему пехотинцев, *и* поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, *и* увидал Олег стяг Владимиров *и* испугался, *и* ужас напал на него *и* на воинов его. И пошли в бой обе стороны, *и* пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, *и* сошли с коней новгородцы, *и* соступились на реке Кѣлокше, *и* была сеча крепкая, *и* стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров *и* стал заходить в тыл ему, *и*, убоявсья, бежал Олег, *и* одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром *и* затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, *и* сотворил мир с муромцами, *и* взял своих людей, ростовцев *и* суздальцев, *и* пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами *и* взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к брати своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвративсья в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по мольбе преподобнаго епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополкъ, *и* Владимир, *и* Давыд Игоревич, *и* Василько Ростиславич, *и* Давыд Святославич, *и* брат его Олег, *и* собрались на совет в Любече для установления мира, *и* говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно *и* рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем *и* будем блюсти Русскую землю, *и* пусть каждый владеет отчиной своей: Святополкъ — Киевом, *Изяславовой* отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд *и* Олег *и* Ярослав — Святославовой, *и* те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теробовль». И на том целовали крѣст: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все *и* крѣст честной». Сказали все: «Да будет против того крѣст честной *и* вся земля Русская». И, попрощавсья, пошли восвояси.

И пришли Святополкъ с Давыдом в Киев, *и* рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, *и* стали они говорить Давыду Игоревичю, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка *и* на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня *и* тебя *и* соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове».

Святополкъ же смятесе умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвиши, богъ будет за тѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будет? И я вѣру Давыдови, и прелести Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевъ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноябрья, и перевезеса на Выдобычъ, и иде поклонитя къ святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары своя *постави* на Рудици; вечеру же бывшу приде в товаръ свой. И наутрия же бывшу, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могуждати: еда будет рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнитъ тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *самъ узриши*, аще ти не займетъ град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ *нынѣ* ѱ, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хочешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте ѱ дѣтський его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды целовали* крѣст, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будетъ крѣстъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будет». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ *товаромъ* поити переди». Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!» И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслѣся, и лѣсть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?» Они же рѣша ему: «Стоитъ на сѣнѣх». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноябрья; и оковаша ѱ въ двои оковы,

Святополкъ же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополкъ Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополкъ же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополкъ. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечъ, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополкъ, говоря: «Не ходи от именин моихъ». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополкъ, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езд, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополкъ, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополкъ: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополкъ: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополкъ: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сѣнѣх». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами,

и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва бояръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и *хощеть* тя убити и грады твоя зяти». И *рѣша* бояре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметъ *мечь* от бога и отвѣчает пред богомъ». И *увѣдѣша* игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣвъ же *се* Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, апустишь ѱ, то ни тобѣ *княжити*, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити ѱ, но Давыдъ не хотяше, блюдая его. И на ту ночь ведоша ѱ Бѣлугороду, иже град малъ у Киева, яко 10 верстѣ в дале, и привезоша ѱ на колѣхъ, окована суца, ссадиша ѱ с колѣ и ведоша ѱ в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина, *остряща* ножъ, и разумѣ, яко хотят ѱ слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ, конюх Святополчъ, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и *простерша* яста Василка и хотяща ѱ поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша ѱ, и связаша ѱ, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичъ и Дьмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша ѱ рамяно, яко персем трескотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ, и хотя ударити в око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари ѱ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взявше ѱ на коврѣ възложиша на кола яко мертва, повезоша ѱ Володимерю. И бысть везому ему, стаща с ним, перешедше мостъ Звиженскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву суцю, и вдаша *попадѣи* опрати. Попадѣя же, оправши, възложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадѣя, яко мертву суцю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмь?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталь пред богомъ». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день.

и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополкъ созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет мечь от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополкъ: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подущать на ослепление: «Если не сделаешь этого, апустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополкъ хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитръ, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитръ и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадѣе постирать. Попадѣя же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадѣя как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день.

Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша ѱ въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земли ни при дѣдѣх наших, ни при отцѣх наших, сякого зла». И ту абѣ посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли и в насъ, в братѣи, оже *вверженъ* в ны ножъ. Да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в нас, и начнетъ брат брата закалати, и погибнетъ земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родѣ нашемъ». И ту абѣ *собравша* воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящу в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси в Русьскѣй земли и вверглъ еси ножъ в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличил бы ѱ пред нами, и упрѣвъ бы ѱ, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичъ яко «Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе *хочетъ* убити и зяяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и *Погорину*, а заходилъ ротѣ с Володимером, яко състи Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери». А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель ѱ к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извѣта о семь не имѣи, яко Давыдъ есть слѣпилъ ѱ. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ ни слѣпленъ, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ, разидошася разно. Наутрия же хотящимъ чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Кыева, и не даша ему кыяне *побѣгнути*, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрствомъ, *побарающе* по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскыѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ, Володимеръ расплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ ю акы матеръ,

Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами. А, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сестъ Владимиру в Кыеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Кыева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискывая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И преклонился Владимир на мольбу княгинину, которую почитал как мать,

отца ради своего, бѣ бо любим отцю своему повелику, и в животѣ и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскій, не преслуша молбы его.

Володимеръ бо такъ бѣше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитомъ, и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя, и черницы любя, приходящая к нему питаше и напаяше, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шумна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и *утешаше*. Но мы на свое възвратимся.

Княгини же бывши у Володимера, приде Киеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и кияномъ, яко миръ будетъ. И начаша межю собою мужи слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку, яко «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени ѿ». Святополкъ же емъся по се, и *цѣловаша* крестъ межю собою, миръ створше.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину ношь присла по мя князь Давыдъ. И приходъ к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, реклъ тако: «Се слышу, оже идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдъ послушалъ, да бых послалъ мужъ свой к Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся сним что *молвилъ, и не поидеть*». Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хочещи послати мужъ свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль». Азь же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы. Он же рече: «Сего есмъ не молвилъ, но надѣюся на богъ. Пошлю къ *Володимеру*, да быша не прольяхи мене ради крови. Но сему ми дивно, дает ми городъ свой, а мой Теробовль, моя власть и ныне и пождавше»; якоже и бысть; вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди к Давыдови и рци ему: Пришли ми Кульмѣя, а ти пошлю к Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла мя паки река: «Нѣ ту Кулмѣя». И рече ми Василко: «Посѣди мало». И повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: «Се слышу, оже мя *хочетъ* дати ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моя, а се *хочетъ* боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азь бо ляхомъ много зла творих, и хотѣлъ *есмь* створити и мстити Русскѣй земли. И аще мя вдасть ляхомъ, не боюсь смерти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя богъ наведе за мое възвышенье;

памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за санъ святительскій, не ослушался мольбы его.

Владимиръ былъ полонъ любви: любовь имѣлъ онъ и къ митрополитамъ, и къ епископамъ, и къ игуменамъ, особенно же любилъ монашескій чинъ и монахинь любилъ, приходившихъ къ нему кормилъ и поилъ, какъ мать детей своихъ. Когда виделъ кого шумнымъ или в какомъ постыдномъ положеніи, не осуждалъ того, но ко всемъ относился съ любовью и всехъ утешалъ. Но вернемся къ своему повествованію.

Княгиня же, побывавъ у Владимира, вернулась въ Киевъ и поведала все, сказанное Святополку и киевлянамъ, что миръ будетъ. И начали слать другъ къ другу мужей и помирились на томъ, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, такъ ты иди, Святополкъ, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополкъ же согласился на это, и целовали крестъ другъ другу, заключивъ миръ.

Когда же Василько былъ во Владимирѣ, в прежде указанномъ мѣстѣ, и приближался Великій постъ, и я былъ тогда во Владимирѣ, однажды ночью прислалъ за мной князь Давыдъ. И пришелъ къ нему; и сидѣла около него дружина его, и, посадивъ меня, сказалъ мнѣ: «Вотъ молвилъ Василько сегодня ночью Улану и Колче: «Слышу, что идутъ Владимиръ и Святополкъ на Давыда; если бы Давыдъ меня послушалъ, чтобы я послалъ мужей своихъ къ Владимиру съ просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и онъ не поидетъ дальше». И вотъ, Василий, посылаю тебя, иди къ Васильку, тезке твоему, съ этими отроками и молви ему такъ: «Если хочешь послать мужей своихъ и если Владимиръ воротится, дамъ тебе любой городъ, который тебе любъ, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль». Я же пошелъ къ Васильку и поведалъ ему все речи Давыда. Онъ же сказалъ: «Того я не говорилъ, но надеюсь на бога. Пошлю къ Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но тому мнѣ дивно, что даетъ мнѣ городъ свой, но мой Теробовль — мое владѣние и ныне и въ будущемъ», что и сбылось, ибо вскоре онъ получилъ владѣние свое. Мнѣ же сказалъ: «Иди къ Давыду и скажи ему: «Пришли мнѣ Кульмея, да пошлю его къ Владимиру». И не послушалъ его Давыдъ, и послалъ меня опять сказать ему: «Нетъ тутъ Кульмея». И сказалъ мнѣ Василько: «Посиди немного». И повелѣлъ слугѣ своему ити вонъ, и сѣлъ со мною, и сталъ мнѣ говорить: «Вотъ слышу, что хочетъ меня выдать полякамъ Давыдъ; мало онъ насытился моею кровью, — хочетъ еще больше насытиться, отдавъ меня имъ. Ибо я много зла сделалъ ляхамъ и еще хотѣлъ сделать и мстити за Русскую землю. И если онъ меня выдастъ полякамъ, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правдѣ, что богъ на меня послалъ это за мою гордость;

яко приде ми вѣсть, яко идут къ мнѣ берендичи, и печенѣзи, и торци, и рекох въ умѣ своемъ: оже ми будут берендичи, и печенѣзи, и торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайте ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядскую, и мѣщю Русьскую землю. И посем хотѣлъ есмь переяти болгары дунайскыѣ и посадити я у себе, И посем хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо палѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложу за Русскую землю. Ино помышленье в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся богомъ и его пришествием, яко не *помыслилъ* есмь зла братии своей ни в чем же. Но за мое възнесенье низложи мя богъ и смири».

Посем же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте ѿ Володарь, брат Василковъ, у Божьска. И не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьскѣ, и Володарь оступи ѿ в городѣ. И нача Володарь молвити: «Почто зло створивъ и не каешися его? Да уже помянися, колико еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: «Ци я се створилъ, *ци* ли в моем городѣ? Я ся сам боялъ, аще быша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в свѣтъ, ходяче в руку». И рече Володарь: «Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти брат мой, и створю с тобою миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ ѿ дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И съде Василко Теревовли, а Давыдъ приде Володимерю. И наставши веснѣ, приде Володарь и *Василько* на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и проля кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю, и затворися Давыдъ в Володимери, и си оступиша град. И *посласта* к володимерцем, глаголя «*Вѣ не приидоховѣ* на град вашъ, *ни* на вас, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушал Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хотите за сих битися, да се мы готови, а любо *выдайте* врагы наша». Граждане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «Выдай мужи сия, не бьемся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли,— то отворим врата граду, а сам промышляй о собѣ». И неволя бысть выдати я. И рече Давыдъ: «Нѣту ихъ здѣ»; бѣ бо я послалъ Лучьску. Онѣм же пошедшим Лучьску,

пришла ко мне вѣсть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: землю Польскую буду завоевывать зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев— да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю. Другого замышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня бог и смирил».

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешися в нем? Вспомни наконец, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теревовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожю, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожа, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них битися, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем битися из-за них, а за тебя битися можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк,

Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскъ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: «Выдай, кого ти хотят. Аще ли,— то предаемыся». Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря, и дасть я. И створиша миръ в недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бѣше лѣпо створити, да бы богъ отмстник былъ, и взложити было на бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: «И вздам мечь врагом, и ненавидящим мя вздам, яко кровь сыновъ своихъ мщаетъ и мститъ, и вздасть мечь врагом и ненавидящим его». Сим же от града отшедшим, сею же *снемше* погребоша я.

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде к Берестью к Ляхом. Се слышавъ Давыдъ, иде в Ляхы к Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривен, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яко се вабит ны Святополкъ на снем, и ту умирим тя с Святополком». И послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью с Володиславом. И ста Святополкъ в градъ, а ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ с ляхы, и вдасть дары великы на Давыда. И рече Володиславъ Давыдови: «Не послушает мене Святополкъ, да иди опять». И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ, свѣтъ створи с ляхы, поиде к Пиньску, пославъ по воѣ. И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися в градъ, чая помощи в лясѣхъ, бѣша бо ему рекли, яко «Аще придут на тя русскыѣ князи, то мы ти будем помощници»; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи град, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: «Пусти мя из града». Святополкъ же обѣщася ему, и *цѣловаста* крестъ межи собою, и изиде *Давыдъ* из града, и приде в Червень, а Святополкъ вниде в град в великую субботу, а Давыдъ бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, *прогнавъ* Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата», и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, *вземша* крестъ, его же бѣ цѣловаль к нима на сем, яко «На Давыда пришелъ есмь, а с вама хочю имѣти миръ и любовь». И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестъ, глаголя, яко «Сего еси цѣловаль, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хочещи взяти душу мою. Да буди межи нами крестъ съ». И поидоша к собѣ к боеви, и сступишася полци, и мнози челоуѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковыи вой

Турякъ бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И слышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сядимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы бог был только мстителем, и надо было возложить на бога отмщение свое, как сказал пророк: «И вздам мечь врагам и ненавидящим меня вздам, ибо за кровь сынов своих мстит бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополкъ же, обещав прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Поиди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополкъ на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополкъ в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополкъ с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополкъ, иди снова». И пошел Давыд во Владимир, и Святополкъ, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополкъ же осадил город, и стоял Святополкъ около города семь недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополкъ же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червень; а Святополкъ вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу. Святополкъ же, прогнавъ Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочю иметь мир и любовь». И преступил Святополкъ крест, надеясь на множество своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполчившись обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись друг на друга в боевом порядке, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый

възвышья вельми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающим от обою полку, и видѣвъ Святополкѣ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю. Володарь же и Василко, побѣдивша, ста ста ту, *рекуща*: «Довлѣет нама на межи своей стати», и не идоста никаможе. Святополкѣ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкѣ же посади сына своего в Володимери Мстислава, иже бѣ ему от наложницѣ, а Ярослава посла в Угры, вабя угры на Володаря, а сам иде Киеву. Ярослав же, сынъ Святополчѣ, приде съ угры, и король *Коломанъ* и 2 пископа, и ста ша около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися в градѣ. Давыдъ бо в то чинь пришедъ из Ляховъ и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половцѣ. И устрѣте ѿ Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. Идущема же има, ста ша ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отѣха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови; яко «Побѣда ны есть на угры заутра». И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли ѿ на 3 полкы, и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунопу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ раздѣлился на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчашася на заступы, бѣ бо угръ числом 100 тысящ. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ угры, угри же погнаша по них. Яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка в тыль, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако *множицею* убивая, сбиша ѿ в мяч. Бонякъ же раздѣлился на 3 полкы, и сбиша угры акы в мяч, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ. И побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану. *И бѣжаще возлѣ Санѣ у гору, и спихаху другъ друга*, и гнаша по них 2 дни, сѣкуще. Ту же убиша и пископа ихъ Купана и от боярь многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящ.

Ярослав же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску и Червенъ, приде внезапу, и зая володимерцѣ, а Мстиславъ затворися в градѣ с засадою, иже бѣша у него берестьяне, пиняне, выгошевеци. И ста Давыдъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою *подступиша* к граду под *вежами*, онѣм же быющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы акы дождь. Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею,

над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обоих войск, Святополк, увидев, какой идет лютой бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завывало множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у самого триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же исполчились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад, и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана в гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из боярь многих, говорили ведь, что погыбло их сорок тысяч. Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок,

и сведоша ѱ, и на ту ночь умре. И таиша ѱ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «Се князь убьенъ; да аще ся вдамы, *Святополкъ* погубит ны вся». И послаша к Святополку, глаголя: «Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаем гладом. Да аще не придеси, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ же посла Путятю, воеводу своего. Путята же с вои пришелъ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротъ Святоша к Давыдови: «Аще поидет на тя Святополкъ, то повѣмъ ти». И не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовым воем облажающим град, в полуденъе, Давыдови спящю, и нападоша на нь, и почаша сѣчи. И горожане скочиша з града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята прияста град и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Киеву. Давыдъ побѣже в Половцѣ, и усрѣте ѱ Бонякъ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошу к Лучьску, и оступиша Святошу в градъ, и створиша миръ. И изиде Святоша из града, и приде къ отцу своему Чернигову. А Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю; посадник же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимеръ и сѣде в нем. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, в нем же и умре. А Святополкъ перея Володимеръ, и посади в нем сына своего Ярослава.

В лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ.

В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день.

В лѣто 6608. *Выиде* Мстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня в 10. В том же лѣте братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих, мѣсяца августа во 10 день. Того же мѣсяца въ 30, том же мѣстѣ, братья вся *сняшася*, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде к ним Игоревичъ Давыдъ, и рече к ним: «На что мя есте привабили? Осе есмь. Кому до мене обида?». И отвѣща ему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к нам: Хочу, братья, прити к вам, и пожаловатися своєю обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одном коврѣ: то чему не жалуешься? До кого ти нас жалоба?». И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конях;

и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сядимся, Святополкъ погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополкъ же послал Путятю, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если поидет на тебя Святополкъ, то поведаю тебе». И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины облегли город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд перехватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополкъ, Владимир, Давыд и Олег пригнали Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополкъ перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

В год 6607 (1099). Вышел Святополкъ на Давыда к Владимиру и прогна Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 12-й день.

В год 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополкъ, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополкъ, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях;

и ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разно, кромѣ себе. А Давыдъ Игоревичъ сѣдѣше кромѣ, и не припустяху его к собѣ, но особѣ думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путятю, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Сети молвят братья: «Не хотимъ ти дати стола Володимерьскаго, зане вверглъ еси ножъ в ны, его же не было в Русскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни *иного ти зла* не створим, но се ти даем: шед, сяди в Бужьскѣмъ въ *Острозѣ*, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривен, а Давыдъ и Олегъ 200 гривен». И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль. Да еще *вам* любо, да сѣдита, аще ли ни,— да пусти Василка сѣмо, да его кормим сдѣ. А холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володаръ, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же *и* умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, *полоцкий* князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи и иде на нь Святополкъ, и заста ѥ в градѣ, и емъ ѥ, и окова, и приведе ѥ Киеву. И молися о нем митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша ѥ у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша ѥ. Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотчи. И прислаша половци слы от всѣх князей ко всей брати, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «Да аще хотите мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца септября въ 15 день, и разидошася разно.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ ис Києва, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ ѥ на Нурѣ, и приведе ѥ къ отцю Святополку, и оковаша ѥ. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ *имѣлъ*, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немъ, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Киеву, и сѣдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдятъ *новгородци*, да поимше сына твоего и идутъ Новугороду, а Мстиславъ

и сталъ Святополкъ со своею дружиной, а Давыдъ и Олегъ каждый со своею отдельно. А Давыдъ Игоревичъ сиделъ в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешивъ, послали к Давыду мужей своихъ, Святополкъ Путятю, Владимиръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Такъ говорятъ тебе братья: «Не хотимъ тебе дать стола Владимирского, ибо бросилъ ты ножъ в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватимъ и никакого зла тебе не сделаемъ, но вот что даемъ тебе — отправляйся и садись в Божскомъ остроге, а Дубенъ и Чарторыйскъ даетъ тебе Святополкъ, а Владимиръ даетъ тебе двести гривен, и Давыдъ с Олегомъ двести гривен». И тогда послали пословъ своихъ к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будетъ вамъ одна волость, Перемышль. И если то вамъ любо, то сидите тамъ оба, если же нетъ, то отпусти Василька сюда, мы его прокормимъ здесь. А холоповъ нашихъ выдайте и смердовъ». И не послушались этого ни Володаръ, ни Василько. А Давыдъ селъ в Божске, и затемъ далъ Святополкъ Давыду Дорогобужь, где онъ и умер, а городъ Владимиръ отдалъ сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеславъ, *полоцкий* князь, мѣсяца апреля въ 14-й день, в девять часовъ дня, в среду. В тот же годъ поднялъ войну Ярославъ Ярополчичъ в Берестье, и пошелъ на него Святополкъ, и засталъ его в городе, и схватилъ его, и заковалъ, и привелъ его в Киев. И просили за него митрополитъ и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святыхъ Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В томъ же году собрались на Золотче все братья: Святополкъ, Владимиръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, братъ ихъ. И прислали половцы пословъ отъ всехъ князей ко всемъ братьямъ, прося мира. И сказали имъ русскыи князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на советъ у Сакова, и сотворили миръ с половцами, и обменялись заложниками, мѣсяца септября въ 15-й день, и разошлись в разные стороны.

В год 6610 (1102). Выбежалъ Ярославъ Ярополчичъ из Києва, мѣсяца октября въ 1-й день. Того же мѣсяца на исходе обманулъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, схватилъ его на Нуре и привелъ его к отцю Святополку, и оковали его. В томъ же году, мѣсяца декабря въ 20-й день, пришелъ Мстиславъ, сынъ Владимира, с новгородцами, ибо Святополкъ с Владимиромъ имелъ договоръ, что Новугороду быть за Святополкомъ и посадить тамъ сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришелъ Мстиславъ в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вотъ прислалъ Владимиръ сына своего, а вотъ сидятъ новгородцы, пусть возьмутъ сына твоего и идутъ в Новугород, а Мстиславъ пусть

да идетъ Володимерю». И рѣша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли ѱ; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шель от насъ». И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣм же не хотѣвшим, поимше Мстислава, придоша Новгороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от вѣстока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы от луны полны свѣтящся. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дуги, и быша другыя дуги хребты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнии *человѣци* со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичъ, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

В лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ рускимъ Святополку и *Володимеру*, и снястася думати на Долобьскѣ. И сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем *погубити смерды* и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «Дивно *ми*, дружино, оже лошадей жалуете, ею же *кто* ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ѱ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Се язъ готовъ уже». И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй». И *посласта* ко Олгови и Давыдови, глаголя: «Поидита на *половци*, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: «Не сдравлю». Володимеръ же, цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ. И поидоша на конихъ и в лодьях, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчех в Хортичем островѣ. И всѣдоша на конѣ, и *пѣщци* из людей *выседше* идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же, слышавше, яко идетъ Русь, собращася бе-щисла, и начаша думати.

идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас». И Святополкъ много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знаменья, благоверные люди с воздыханием молились богу и со слезами, чтобы бог обратил эти знаменья к добру: знаменья ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующий год вложил бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, под следующим годом. В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день.

В год 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополкъ с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?» И ничего не смогла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополкъ: «Вот я готов уже». И встал Святополкъ, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополкъ за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополкъ Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет Русь, собрались без числа много и стали совещаться.

И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣй земли». И рѣша унѣйшии Урособѣ: «Аще ты боишися Руси, но мя ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и примем грады ихъ, и кто избавить ѿ насъ?». Русскіи же князи и вои вси моляхуть бога, и обѣты vzdаху богу и матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогимъ, инии же манастыремъ требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою в сторожѣ Алтунопу, иже словяше в них мужествомъ. Тако же русскіи князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша русскіи сторожеве Олтунопу, и обиступивъше ѿ, и убиша Алтунопу и сущая с ним, и не избысть ни единъ, но *вся* избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и русь поидоша противу имъ. И богъ великій вложи ужасъ велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскихъ вой, и дрѣмаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха в ногахъ. Наши же с весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша к нимъ. Половци же, видѣвше устремленье русское на ся, не *доступивше*, побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, *секуще* я. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье богъ створи, а на врагы наша дастъ побѣду велику. И убиша ту в полку князей 20: Урусобу, Кчия, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князей ихъ, а Белдюзя захватили. Посем же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и привелоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скоть. Святополкъ же посла ѿ к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо *ходивше* ротѣ, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашет кровь хрестьянскую? Да се буди кровь твоя на главы твоей». И повелѣ убити ѿ, и тако расѣкоша ѿ на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «Съ день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся во нь»; яко господь избавилъ ны есть от врагъ нашихъ, и покори врагы наша, и «скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людемъ русскимъ». Взяха бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добыткомъ и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полономъ великимъ, и с славою и с побѣдою великою. Сем же лѣтъъ придоша пружи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и срубил городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли *половци*. Того же лѣта бися Ярославъ с мордвою, мѣсяца марта в 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будутъ битися с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишися руси, но мы не боимся. Перебивъ этихъ, поидем в землю ихъ и завладеемъ городами ихъ, и кто избавитъ ихъ от насъ?» Русские же князья и воины все молились богу и обеты давали богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогимъ, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторожкахъ Алтунопу, который славился у них мужествомъ. Также и русские князья послали сторожей своихъ. И подстерегли русские сторожа Алтунопу, и, обступивъ его, убили Алтунопу и техъ, кто былъ с ним, и ни одинъ не спасся, но всехъ перебили. И пошли полки какъ лесъ, конца имъ не было видно, и русь пошла противъ нихъ. И великій богъ вложилъ ужасъ великій в половцевъ, и страхъ напалъ на нихъ и трепетъ от лица русскихъ воиновъ, и оцепенели сами, и у коней ихъ не было быстроты в ногахъ. Наши же с весельемъ на коняхъ и пешие пошли к нимъ. Половцы же, увидевъ, какъ устремились на нихъ русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя ихъ. В день 4-го априля совершилъ богъ великое спасенье, а на враговъ нашихъ далъ намъ победу великую. И убили тутъ в бою двадцать князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочихъ князей ихъ, а Белдюзя захватили. После того сели братья совѣщаться, победивъ враговъ своихъ, и привели Белдюзя к Святополку, и сталъ Белдюзь предлагать за себя золото, и сребро, и коней, и скотъ. Святополкъ же послалъ его к Владимиру. И когда онъ пришелъ, началъ спрашивать его Владимиръ: «Знай, это клятва захватила васъ! Ибо сколько разъ, давъ клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не училъ ты сыновей своихъ и родъ свой не нарушать клятвы, но проливали кровь хрестьянскую? Да будетъ кровь твоя на голове твоей!» И повелелъ убить его, и такъ разрубили его на части. И затемъ собрались братья все на советъ, и сказалъ Владимиръ: «Вотъ день, который сотворилъ господь, возрадуемся и възвеселимся в этотъ день, ибо богъ избавилъ насъ от враговъ нашихъ, и покори враговъ нашихъ, и «скрушилъ головы змеинныя и передалъ достояние ихъ людемъ русскимъ». Ибо взяли тогда скотъ, и овецъ, и коней, и верблюдовъ, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенеговъ и торковъ с вежами. И вернулись на Русь с полономъ великимъ, и со славою, и с побѣдою великою. В томъ же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же мѣсяца в 18-й день пошелъ Святополкъ и срубилъ городъ Юрьевъ, который сожгли половцы. В томъ же году бился Ярославъ с мордвою, мѣсяца марта в 4-й день, и побежденъ былъ Ярославъ.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Цесарюгороду, мѣсяца июля въ 20. Томъ же лѣтъ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевича, августа въ 21 день. Том же лѣтъ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставился Вячеславъ Ярополчичъ въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столъ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путятю на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посреде круга крестъ, а посреде креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ, кромѣ круга, дуга рогама на сѣверъ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образомъ мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в ночь в лунѣ по 3 ноци.

В лѣто 6613. Постави митрополитъ епископа Анфилофия Володимерю мѣсяца августа въ 27 день. Томъ же лѣтъ постави Лазаря в Переславль ноября въ 12. Томъ же лѣтъ постави Мину Полотьску декабря въ 13 день.

В лѣто 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина: и угониша половцѣ и полонъ отяша. В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститъ; живъ по закону божью, не хужий бѣ первыхъ праведник. От него же и язъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огрѣбаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерскомъ монастыри, в притворѣ, идеже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца июня въ 24. В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяца декабря въ 6. В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. В то же лѣто пострижеся Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля въ 17 день. Том же лѣте побѣдиша зимѣгола Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеряя, мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтъ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогаша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша.

В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексинича, в Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. Расскажем же и это: на исходе того же года послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не успев, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславль, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали половцев и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописание этом, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегал всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Избыгнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, месяца февраля в 17-й день. В тот же год победила зимгола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие.

Наши же *почаша* съчи, женуши я, а другиѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша рускийи вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всояси с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерскый монастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья цѣловаша ѿ с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя богородица и святого отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, *оли* поклонивъся у гроба *Феодосиева* и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и ко другому Аепѣ, и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дочь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дочь, Гиргенеу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясется земля пред зорями в нощи.*

В лѣто 6616. Заложена бысть церкы святого Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, въ 11 иулия мѣсяца. И кончаша трапезницу Печерскаго монастыря при *Феоктистѣ* игуменѣ, иже ю и заложи повелѣньемъ Глѣбовым, иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи богъ в сердце *Феоктисту*, игумену печерскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ. И радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати по всѣм епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати ѿ на всѣх зборѣхъ. В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца иулия в 11. В се же лѣто кончаша верхъ святыя богородица на Кловѣ, *заложеньѣй* Стефаном игуменом печерскимъ.

В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском монастырѣ у дверей, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, идеже лежит тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичъ взя вежѣ половечскыѣ у Дону.

В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ. *Сей* же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста над гробомъ Феодосьевым

Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины мѣсяца августа в 12-й день, и вернулись русские восояси с победой великою. Святополкъ же пришел в Печерскый монастырь на заутреню на Успенье святой богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополкъ: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мати Святополка, мѣсяца января в 4-й день. В том же году, в том же мѣсяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргенеу внучку, мѣсяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила, Златоверхая, Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Катерина, дочь Всеволода, мѣсяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх святой Богородицы на Клове, заложеной Стефаном, игуменом Печерским.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, мѣсяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год мѣсяца декабря во 2-й день Дмитръ Иворовичъ захватил вежи половецкыя у Дона.

В год 6618 (1110). По весне ходили на половцев Святополкъ, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре в 11-й день февраля мѣсяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час нощи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постоявъ немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым,

и потом ступи на верхъ акы ко востоку *лицемъ*, и потом невидим бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангельскъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненным, ово же пламенем. Акоже рече Давыдъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огонь полящъ», и шлеми суть повелѣньем божьимъ, амо же хоцетъ владыка и творецъ всѣх. Ангелъ бо приходит, кдѣ благая мѣста и молитвенни домове, и ту *показаетъ* нѣчто мало видѣнья своего яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естества ангельскаго, яко и Моисей великий не возможе видѣти ангельскаго естества: водяшетъ бо я въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше пред ними в нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, *еже* и бысть на 2-е бо лѣто не съ ли ангелъ вожь бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече: «Ангелъ пред тобою предъидеть», и паки: «Ангелъ твой буди с тобою»?

Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимѣрѣ, княжащю ему Киевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта. А иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.

и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий», посылает их повелением божьим, куда хочет владыка и творец всех. Ангел же приходит туда, где есть благие места и молитвенные дома, и тут чуть являет свой вид, чтобы можно было людям увидеть его; ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это предсказывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось на второй год, ибо не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой». Игумен Сильвестр святаго Михаила написал книгу эту, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у святаго Михаила в 6624 (1116) году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти — помолись за меня.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СЪКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТЮЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

Древнерусский текст

Господи, благослови, отче.

«Родъ правыхъ благословится, — рече пророкъ, — и сѣмя ихъ въ благословении будетъ».

Сиче убо бысть малѣмъ преже сихъ. Суцю самодрѣжцю въсеи Русьскѣи земли Володимиру сыну Святослави, внуку же Игореву, иже и святымъ крещениемъ всю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сиче есть: сѣ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единой жены, нѣ отъ раснѣ матерѣ ихъ. Въ нихъ же бѣше старѣи Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святопѣлкъ, иже и убиство се зѣлое изобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чърницею, грѣкыни суши, и поялъ ю бѣ Яропѣлкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святопѣлка оканнаго. Володимиръ же, поганѣи еще, убивъ Яропѣлка и поятъ жену его непраздну суцю. Отъ нея же родися сии оканнии Святопѣлкъ, и бысть отъ дѣвою отцю и брату суцю. Тѣмъ же и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе ему суцю. А отъ Рогнеды 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мстислава, а отъ бѣлгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княженни, иже инде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканнаго Святопѣлка въ княженни Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нѣ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вѣлѣземъ, нѣ о немъ же начахъ, си съкажемъ убо сиче. Многомъ же уже дньмъ минувшемъ, и яко съконьчашася дньне Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Перевод

Господи, благослови, отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира —

кръщении, въпаде въ недугъ крѣпкъ. Въ то же время бяше пришелъ Борисъ изъ Ростова, печенегомъ же о онуду паки идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печалюшася. И призывавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмъ крѣщении Романъ, блаженааго и скоропослушливааго, предавъ воѣ многы въ руцѣ его, послаа ѿ противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велитъ воля сѣрдьца твоего». О таковыхъ бо рече Притѣчникъ: «Сынъ быхъ отьцю послушливъ и любимъ предъ лицемъ матере своея». Ошедъшию же ему и не обрѣтъшию супостатъ своихъ, възвративъшиюся въспятъ ему. И се приде вѣстьникъ къ нему, повѣдая ему отьцю сѣмръть, како преставися отьць его Василии, въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмъ крѣщении, и како Святопѣлкъ потаи сѣмръть отьца своего, и ночь проймавъ помостъ на Берестовѣмъ и въ ковѣръ обѣртѣвъше, сѣвъсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ, поставиша ѿ въ цѣркви святыя Богородица. И яко услыша святыи Борисъ, начатъ тѣлѣмъ утѣрпывати и лице его все слъзь испълнися, и слъзами разливаясь и не могый глаголати. Въ сѣрдьци си начатъ сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заря лица моего, бѣздо уности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отьче и господине мои! Къ кому прибѣгну, къ кому възърю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и наказания разума твоего? Увы мнѣ, увy мнѣ! Како заиде свѣте мои, не суцу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чѣстное твое тѣло своима рукама сѣпряталъ и гробу предалъ. Нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни сѣподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блаженниче, помяни мя въ покои твои! Сѣрдьце ми горитъ, душа ми сѣмыслъ сѣмущаеть и не вѣмъ къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отьца мѣсто? Нѣтъ, мнѣю, о суетии мирьскихъхъ поучаеться и о биении моемъ помышляеть. Да аще крѣвь мою пролѣбеть и на убийство мое потѣщитъся, мученикъ буду господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гѣрдымъ противитъся, сѣмѣреннымъ же даеть благодать». Апостоль же: «Иже рече — «Бога люблю», а брата своего ненавидитъ — лъжь естъ». И паки: «Боязни въ любви нѣсть, сѣвършенная любви вѣнъ измещеть страхъ». Тѣмъ же что реку или чѣто сѣтворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отьць — ты ми братъ и старѣи. Чѣто ми велиши, господи мои?»

И си на умѣ си помышляя, идяаше къ брату своему и глаголааше въ сѣрдьци своемъ: «То понѣ узърю ли си лице братьца моего мьнѣшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениамина?» И та вѣся полага въ сѣрдьци си: «Воля твоя да будетъ, господи мои». Помыш-

впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увy мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, господи!» Про себя же

ляше же въ умѣ своемъ: «Аще поиду въ домъ отца своего, то языци мнози превратятъ сѣрдьце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отецъ мой прежде святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины. То камо имамъ приити по ошѣствию моемъ отсюду? Какъ ли убо обрящюся тѣгда? Кыи ли ми будетъ отвѣтъ? Къде ли съкрыю множество грѣха моего? Чѣто бо приобрѣтоша прежде братия отца моего или отецъ мой? Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашна чѣстная и быстрыи кони, и домове красньи и велиции, и имѣния многа, и дани, и чѣсти бещисльны, и гърдѣния, яже о боярѣхъ своихъ? Уже все имѣ, акы не было николи же: вся съ нимъ ищезоша, и нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ — ни отъ имѣния, ни отъ множества рабѣ, ни отъ славы мира сего. Тѣмъ и Соломонъ, все прошѣдъ, вся видѣвъ, вся сътяжавъ и съвкупивъ, рече рассмотривъ все: «Суета и суетие суетию буди», тѣкмо помощь отъ добръ дѣлъ, и отъ правовѣрія, и отъ нелицемѣрныхъ любве».

Иды же путьмъ, помышляше о красотѣ и о добротѣ телесе своего, и слъзами разливаашеся вьсь. И хотя удръжатися и не можааше. И вси зряще его, тако плакаашеся о добродѣнѣмъ тѣлѣ и чѣстнѣмъ разумѣ въздроста его. И къждо въ души своей стонааше горестию сѣрдьчною, и вси съмущаахуся о печали.

Кѣто бо не въсплачется съмръти тоѣ пагубноѣ, приводя предъ очи сѣрдьца своего?

Образъ бо бѣаше уныльи его, възоръ и скрушение сѣрдьца его святаго, такъ бо бѣ блаженни тѣ правдивъ и щедръ, тихъ, крѣткъ, съмѣренъ, всѣхъ милуя и вся набѣдя.

Помышлять же въ сѣрдьци своемъ богоблаженни Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ,— брата моего зѣлу ради чловѣци понудяти и на убиство мое, и погубить мя, да аще пролѣтъ кровь мою, то мученикъ буду господу моему, а духъ мой приметъ владыка». Таче, забывъ скѣрбь съмрътнюю, тѣшааше *сѣрдьце свое о словеси божии*, «Иже погубити душу свою мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю въ животѣ вѣчнѣмъ съхранити ю». И поиде радѣстнѣмъ сѣрдьцѣмъ, «не презри мене, — рекыи, — господи премилостиве, уповающаго на тя, нѣ спаси душу мою».

Святопѣлкъ же, сѣдя Кыевѣ по отьци, призвавъ кыяны, многы дары имѣ давъ, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочу съ тобою любвѣ имѣти и къ отню ти придамъ». Льстбно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду ночь, отаи призѣва Путьшу и вышегородскыѣ мужѣ и рече имѣ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вьси мы можемъ главы своя положити за тя».

думал: «Если поиду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святаго крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытал, все виде, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред господом моим, и примет душу мою владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святопѣлкъ же, сев на княжение в Кыеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую вѣсть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святопѣлкъ, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Видѣвъ же дьяволъ и искони ненавидяи добра челоуѣка, яко вьсю надежу свою на господа положилъ есть святыи Борисъ, начатъ подвижнѣи бываати, и обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святопѣлкъ. По истинѣ вѣторааго Каина улови мысль его, яко да избиетъ вся наслѣдники отца своего, а самъ приметь единъ вьсю власть. Тогда призѣва къ себе оканьнии трѣклятыи Святопѣлкъ съвѣтники всему злу и начальники всеи неправдѣ, и отъверзъ пресквернѣная уста рече, испусти злыи гласъ, Путьшинѣ чади: «Аще убо главы своя обѣщастеся положити за мя, шедъше убо, братия моя, отаи, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрѣше время убите и». И обѣщашася ему тако створити. О таковыхъ бо рече пророкъ: «Скори суть крѣвь пролияти бес правды. Си бо обѣщаваются крѣви и събирають себе злая. Сихъ путѣе суть събирающей безаконие, нечистиеть свою душу обиемлютъ».

Блаженни же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтъ шатры. Ирѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыевъ на столѣ отни, се бо вси вои въ руку твоею суть». Онъ же имъ отъвѣщааваше: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старѣиша мене, его же быхъ имѣлъ, акы отца». Си слышавъше вои разидошася от него, а самъ оставькъмо съ отроки своими. И бяше въ днь суботнѣи. Въ тузѣ и печали, удручѣнѣмъ сьрдьцѣмъ и вѣлѣзъ въ шатръ свой, плакашеся съкрушенѣмъ сьрдьцѣмъ, а душею радостною, жалостно гласъ испущааше: «Сльзъ моихъ не презри, владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребии съ вьсѣми святыими твоими, яко ты еси богъ милостивъ, и тебе славу вьсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывшю убиению, и како святѣи Варварѣ отць свои убица бысть. И помышляаше слово премудрааго Соломона: «Правдѣици въ вѣкы живутъ и отъ господа мзда имъ и строение имъ от вышнѣяаго». И о семь словеси тѣчию утѣшаашеся и радоваашеся. Таче бысть вечеръ и повелѣ пѣти вечернѣю, а самъ вѣлѣзъ въ шатръ свой начатъ молитву творити вечернѣю съ слъзами горькими и частымъ въздыханиемъ, и стонаниемъ многымъ. По сихъ леже съпати, и бяше сьнъ его въ мьнозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ и тяжцѣ и страшнѣи: како предатися на страсть, како пострадати и течение съкопчати и вѣру съблюсти, яко да и щадимыи вѣнцѣ приметь от руки вьседержителя. И видѣвъ, възбьнувъ рано, яко годъ есть утрянни. Бѣ же въ святую недѣлю. Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начьни заутряню». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молиться къ господу богу.

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть. Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих безаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Поиди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботный. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от господа им награда и украшение им от всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым въздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к господу богу.

Послании же приидоша отъ Святопѣлка на Лѣто нощь и подѣступиша близъ, и слышаша гласъ блаженааго страсотѣрпца поюща Псалтырь заутрѣнюю. Бяше же ему и вѣсть о убиении его. И начатъ пѣти: «Господи, чѣто ся умножиша сътужающии, мѣнози вѣсташа на мя», и прочая псалмы, до коньца. И начатъ пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и унѣци тучьни одѣржаша мя». И пакы: «Господи, боже мои! На тя уповахъ, спаси мя». Таже по семь канонѣ. И коньчавъшю ему утрѣнюю, начатъ молитися зря къ иконѣ господни и рече: «Господи, Иисусъ Христе! Иже симъ образъмъ явися на земли изволивъ волею пригвоздитися на крестѣ и примъ страсть грѣхъ ради нашихъ, съподоби и мя прияти страсть!»

И яко услыша шпѣтъ зълъ окрестъ шатра и трѣпѣтънъ бывъ и начатъ слезы испущати отъ очию своею, и глаголаше: «Слава ти, господи, о вѣсемъ, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую сѣмьртъ и все претрадати любѣве ради словесе твоего. Не вѣсхотѣхомъ вѣзискати себе самъ; ничто же себе изволихъ по апостолу: «Любы вѣсе тѣрпѣть всему вѣру емлетъ и не ищѣтъ своихъ си». И пакы: «Боязливъ въ любѣви нѣсть — сѣвършеная бо любы вѣнъ отѣмещетъ боязнь». Тѣмъ, владыко, душа моя въ руку твоею вѣину, яко закона твоего не забыхъ. Яко господеви годѣ — бысть». И узрѣста попинъ его и отрокъ, иже служааше ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суща зѣло, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милыи господине наю и драгыи! Колико благности испълненъ бысть, яко не вѣсхотѣ противитися любѣве ради Христовы, а колики воѣ дѣржа въ руку своею!» И си рекъша умилистася.

И абие узрѣ текущихъ къ шатру, блистание оружия и мечное оцѣщение. И без милости прободено бысть чѣстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страсотѣрпца Бориса. Насунуша копии оканьнии: Путьша, Тальць, Еловичъ, Ляшко. Видѣвъ же отрокъ его, вѣржесе на тѣло блаженааго, реки: «Да не остану тебе, господине мои драгыи, да иде же красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду сѣконьчати животъ свои!»

Бяше же сѣ родъмъ угринъ, имьнъмъ же Георгии. И бѣаше вѣзложилъ на нь гривну злату, и бѣ любимъ Борисъмъ паче мѣры. И ту же и пронъзоша, и яко бысть ураненъ и искочи и-шатра въ оторопѣ. И нача глаголати стояще округъ его: «Чѣто стоите зряще! Приступивъше сконьчаимъ повелѣное намъ». Си слышавъ блаженыи, начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдаите, да понѣ помолюся богу моему». И вѣзрѣвъ на небо сѣ слезами и горѣ вѣздѣхнувъ начатъ молитися сицими глаголы: «Господи боже мои многомилостивыи

Посланные же Святополкомъ пришли на Альту нощю, и подошли близко, и услышали голосъ блаженного страсотѣрпца, поющего на заутрѣню Псалтырь. И получил он уже вѣсть о готовящемся убиении его. И началъ петь: «Господи! Какъ умножились враги мои! Многие восстаютъ на меня» — и остальные псалмы, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псовъ и тельцы тучные обступили меня», продолжилъ: «Господи боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутрѣню, стал молитися, взирая на икону господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Какъ ты, в этомъ образе явившійся на землю и собственною волею давшій пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня такъ принять страдание!»

И когда услышал онъ зловещій шепотъ около шатра, то затрепеталъ, и потекли слезы изъ глазъ его, и промолвилъ: «Слава тебе, господи, за все, ибо удостоилъ меня зависти ради прияти сию горькую смерть и претерпѣть все ради любви к заповѣдямъ твоимъ. Не захотѣлъ ты самъ избегнуть мукъ, ничего не пожелалъ себе, последуя заповѣдямъ апостола: «Любовь долготѣрпелива, всему веритъ, не завидуетъ и не превозносится». И еще: «В любви нетъ страха, ибо истинная любовь изгоняетъ страхъ». Поэтому, владыка, душа моя в рукахъ твоихъ всегда, ибо не забылъ я твоей заповѣди. Какъ господу угодно — такъ и будетъ». И когда увидели священникъ Борисовъ и отрокъ, прислуживающій князю, господина своего, объятаго скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господинъ нашъ! Какой благности исполненъ ты, что не восхотѣлъ ради любви Христовой воспротивитися брату, а вѣдь сколько воиновъ держалъ под рукою своею!» И, сказавъ это, опечалились.

И вдругъ увидѣлъ устремившихся къ шатру, блескъ оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было чѣстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженного Христова страсотѣрпца Бориса. Поразили его копьями окаянныи: Путьша, Талецъ, Еловичъ, Ляшко. Видя это, отрокъ его прикрылъ собою тѣло блаженного, воскликнувъ: «Да не оставлю тебя, господинъ мой любимый, — где увядаеть красота тѣла твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Былъ же онъ родомъ венгръ, по имени Георгий, и наградилъ его князь золотой гривной, и былъ любимъ Борисомъ безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочилъ онъ в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начавъ, завершимъ повелѣнное намъ». Услышавъ это, блаженный стал молитися и просить ихъ, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолитися богу». И возревъ на небо со слезами, и вознося вздохи горѣ, началъ молитися такими словами: «Господи боже мой многомилостивый

и милостивый и премилостивый! Слава ти, яко съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего льстѣнааго! Слава ти, прещедрыи живодавче яко сподоби мя труда святыхъ мученикъ! Слава ти, владыко челоуколюбче, сподобивый мя съконъчати хотѣние сѣрдьца моего! Слава ти, Христе, многому ти милосѣрдию, иже направи на правый путь мирныя ноги моя тещи къ тебе безъ съблзна! Призьри съ высоты святыня твоея, вижь болѣзнь сѣрдьца моего, юже прияхъ отъ сѣродника моего, яко тебе ради умьрщвямъ есмь въ сѣ днь. Въмѣниша мя, яко овьна на сѣнѣдъ, вѣси бо, господи мои, яко не противлюся ни въпреки глаголю, а имьи въ руку вься воя отьца моего и вься любимыя отьцемъ моимъ, и ничьто же умыслихъ противу брату моему. Онъ же елико въздвиже на мя възмогъ, да «аще бы ми врагъ поносилъ, протърпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вельречевалъ, укрылъ быхъ ся». Нъ ты, господи, вижь и суди межю мною и межю братьемъ моимъ и не постави имъ, господи, грѣха сего, нъ прими въ миръ душу мою. Аминь».

И възърѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и вьсь слъзами обливься рече: «Братие, приступивъше, съконъчаите службу вашу. И буди миръ брату моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ слъзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и многыхъ слъзъ. Нъ съ въздыханиемъ горькымъ жалостно глаголааху и плакаахуся и къждо въ души своеи стонааше: «Увы намъ, княже нашъ милый и драгий и блаженный, водителю слѣпымъ, одеже нагимъ, старости жьзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не възхотѣ славы мира сего, како не възхотѣ веселитися съ чьстными вельможами, како не възхотѣ величия, еже въ житии сѣмь. Къто не почюдитися великууму съмерению, къто ли не смѣрится, оного смѣрение видя и слыша?»

И абие усъпе, предавъ душу свою въ руцѣ бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландъ агуста.

Избиша же и отроки многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривны и отсѣкъше главу, отъвѣргоша ѿ кромѣ. Да тѣмъ и послѣдъ не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатъръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ възкланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплѣкъ, пославъ два варяга и прободоста ѿ мечемъ въ сѣрдьце. И тако съконъчася и възприятъ неувядаемыи вѣнць. И положиша тѣло его принесше Вышегороду у цѣркве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убиства оканьнии Святоплѣкъ, нъ и на большая неистовася, начатъ простиратися. И яко видѣся

и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, владыка-челоуколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него». Но ты, господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление.

желание сѣрдьце своего уже уллучивъ, абие не въспомяну зѣлааго своего убинства и многааго убо съблажнення, и ни малы понѣ на покаяние преклонися. Нѣ ту абие въниде въ сѣрдьце его сотона и начаты ѿ пострѣкати вящша и горьша сѣдѣяти и множайша убинства. Глаголаше бо въ души своей оканьнѣи: «Что сѣтворю? Аще бо до сѣде оставлю дѣло убинства моего, то дѣвоего имамъ чаяти: яко аще услышатъ мя братия моя, си же варивъше въздадутъ ми и горьша сихъ. Аще ли и не сиче, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отьца моего, и жалость землѣ моя снѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и кнѣжение мое приметъ инѣ и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живущааго. Зане его же господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣстится и съ правѣдными не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ». Яко же и бысть, еже послѣди съкажемъ. Нынѣ же нѣсть время, нѣ на предѣлежащее възвратимъся.

И си на умѣ си положивъ, зѣлыи сѣвѣтъникъ дияволь, посла по блаженааго Глѣба рекъ: «Приди въбѣрзѣ. Отьць зоветъ тя и несѣдравить ти вельми».

Онѣ же въбѣрзѣ, въ мале дружинѣ, въсѣдъ на конь поѣха. И пришедъ на Вѣлгу, на поле потѣчеся подѣ нимъ конь въ ровѣ, и наломи ногу малы. И яко приде Смолинъску и поиде отъ Смолинъска, яко зѣрѣимъ едино, ста на Смядинѣ въ кораблицѣ. И въ се время пришѣла бяше вѣсть отъ Передѣславы къ Ярославу о отьни сѣмьрти. И присла Ярославъ къ Глѣбу река: «Не ходи, брате! Отьць ти умьрлѣ, а братъ ти убиенъ отъ Святопѣлка».

И си услышавъ блаженныи възъпи плачѣмъ горькимъ и печалию сѣрдьчною и сиче глаголаше: «О увы мнѣ, господине мой, отъ двою плачу плачюся и стѣню, дѣвою сѣтованию сѣтую и тужю. Увы мнѣ, увы мнѣ! Плачу зѣло по отьци, паче же плачюся и отѣчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее сѣмьрти предася, како не отъ врага, нѣ отъ своего брата пагубу въсприятъ еси? Увы мнѣ! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ сѣмь житии пожити. Азъ мнѣхъ въбѣрзѣ узѣрѣти лице твое ангельское, ти се селика туга сѣстиже мя и унылѣ быхъ съ тобою умрети, господине мой! Нынѣ же что сѣтворю азъ, умиленыи, очюженыи отъ твоея доброты и отъ отьца моего мнѣногааго разума? О милый мой брате и господине! Аще еси уполучилъ дръзновение у господя, моли о моемъ унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ сѣвѣтъ сѣмь прельстѣнѣмъ».

И сиче ему стѣнющю и плачющюся и слѣзами землю омачающю съ въздыхании частыми бога призывающю, приспѣша

И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к безаконию безаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до господя, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая бога с частыми вздохами, внезапно появились

вънезапу посълании отъ Святопѣлка зѣлая его слугы, немилостивии крѣвопийцѣ, братоненавидѣнници люти зѣло, сверѣпа звѣри, душу изимающе.

Святыи же поиде въ кораблици и сѣрѣтоша ѿ устие Смядины. И яко узрѣ ѿ святыи, въздрадовася душею, а они узрѣвъше и омрачахуся и гребяхуся къ нему, а съ цѣлованія чаяше отъ нихъ прияти. И яко быша равнѣо пловуще, начаша скакати зѣлии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода. И абие въсѣмъ весла отъ руку испадѣша, и въси отъ страха омѣртвѣша. Си видѣвъ блаженни, разумѣвъ яко хотятъ его убити, възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и слъзами лице си умывая, съкрушенѣмъ срьдѣцьмъ, смѣренѣмъ разумѣмъ и частымъ въздыханиемъ, въсь слъзами разливаяся, а тѣлѣмъ утѣрпая, жалостно гласъ испущаше: «Не дѣйте мене, братия моя милая и драгая! Не дѣйте мене, ни ничто же вы зѣла сътворивѣша! Не брезѣте, братие и господѣе, не брезѣте! Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и господѣе мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ брату моему и господину. Помилуйте уности моеѣ, помилуйте, господѣе мои! Вы ми будѣте господие мои, азъ вамъ рабъ. Не пожнѣте мене отъ жития не съзрѣла, не пожнѣте класа, не уже съзрѣвъша, нѣ млеко безѣлобѣя носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрасѣша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убоитесь рекѣшааго усты апостольскы: «Не дѣти бываите умы, зѣлобиемъ же младенѣствуите, а умы съвършени бываите». Азъ, братие, и зѣлобиемъ и въздрасѣмъ еще младенѣствую. Се нѣсть убиство, нѣ сырорѣзание! Чѣто зѣло сътворихъ съвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си. Аще ли крѣви моеѣ насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю». И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нѣ яко же убо сверѣпни звѣрие, тако въсхытиша его. Онъ же видѣвъ, яко не вънемлютъ словесъ его, начатъ глаголати сице: «Спасися, милыи мои отѣче и господине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старѣшино уности моея, спасися и ты, брате и поспѣшителю Ярославѣ, спасися и ты, брате и враже Святопѣлче, спасетеса и вы, братие и дружино, въси спасетеса! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии семь, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею». И глаголаше плачася: «Василие, Василие, отѣче мои и господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мои, и призѣри и вижь приключѣшася чаду твоему, како безъ вины закалаемъ есмь. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши небо и вънуши земле. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отѣца моего Василия призѣвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочѣши мене послушати? Вижь скѣрбь сѣрдѣца моего и язву душа моея, вижь течение слъзъ моихъ, яко рѣку! И никто же не вънемлетъ ми, нѣ ты убо помяни мя

и помолися посланные Святополкомъ злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядины. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобья налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытитися хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись

о мнѣ къ общему владыцѣ, яко имѣя дѣрзновение и престою у престола его».

И начатъ, преклонь колѣнѣ, молитися сице: «Прещедрыи и премилостиве господи! Сльзъ моихъ не премълчи, нѣ умилися на мое уныние. Вижь сѣкрушение сѣрдьца моего: се бо закалаемъ есмь, не вѣмъ, чѣто ради, или за котерую обиду не сѣвѣдѣ. Ты вѣси, господи, господи мои! Вѣмъ тя рекъша къ своимъ апостоломъ, яко: «за имя мое, мене ради възложатъ на вы руки, и предани будете родѣмъ и другы, и братъ брата предасть на сѣмъртъ и умертвятъ вы имени моего ради». И паки: «Въ тѣрпѣнии вашемъ сѣтяжите душа ваша». Вижь, господи, и суди: се бо готова есть душа моя предѣ тобою, господи! И тебе славу вѣсылаемъ, отьцю и сыну и святууму духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Таче възрѣвъ къ нимъ умиленьмъ гласѣмъ и измѣклѣшьмъ грѣтаньмъ рече: «То уже сѣтворивъше приступльше сѣтворите, на не же посълани есте!»

Тѣгда оканьнии Горясѣръ повелѣ зарѣзати ѣ възбѣрзѣ. Поваръ же глѣбовъ, именѣмъ Тѣрчинѣ, измѣ ножъ и имѣ блаженаго и закла и яко агня непорочно и безлобиво, мѣсяца септября въ 5 днь, въ понеделникъ.

И принесеса жертва чиста господеву и благовонна, и възиде въ небесныя обители къ господу, и узрѣ желаемаго сибрата и възприяста вѣннца небесныя его же и възжелѣста, и въздрадовастася радостию великою неиздреченною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убойцѣ възвративъшеся къ посѣлавъшюуму ѣ, яко же рече Давидъ: «Возвратятся грѣшници въ адъ и вѣси забывающии бога». И паки: «Оружие извлекоша грѣшници, напругоша лукъ свои заклати правыя сѣрдьцѣмъ и оружие ихъ вѣнидетъ въ сѣрдьца, и луци ихъ сѣкрушатся, яко грѣшници погыбнуть». И яко сѣказаша Святопѣлку, яко «сѣтворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, възнесеса сѣрдьцѣмъ, и сѣбыстеса реченое псалмопѣвѣцѣмъ Давидѣмъ: «Чѣто ся хвалиши сильнии о зѣлобѣ? Безаконие въ сѣ днь неправду умысли языкъ твой. Възлюбилъ еси зѣлобу паче благостынѣ, неправду неже глаголаати правду. Възлюбилъ еси вѣся глаголы потопьныя и языкъ льстѣвъ. Сего ради раздрушитъ тя богъ до коньца, вѣстѣргнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего, и корень твой отъ земля живущихъ».

Убиену же Глѣбову и повѣржену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама. И господъ не оставляяи своихъ рабѣ, яко же рече Давидъ: «Хранитъ господъ вѣся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ сѣкрушится».

И сему убо святууму лежащю дѣлго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудъ пребыти неврежену, нѣ показа: овогда бо видѣша стѣлпъ огньнѣ, овогда сѣщѣ горущѣ

обо мне перед владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, господи боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: «За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, господи! И тебе славу возносим, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, закла его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Безаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы,

и паки пѣния ангельская слышааху мимоходящий же путьмъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще. Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярославъ, не тѣрпя сего зѣлааго убиства, движесе на братоубица оного, оканьнааго Святоплѣка и брани мѣногы съ нимъ съставивъ. И въсегда пособиемъ божиемъ и поспѣшениемъ святою, побѣдивъ елико брани състави, оканьныи посрамленъ и побѣженъ възвращашесе.

Прочее же съ трѣклятии прииде съ множествомъ печенѣгъ, и Ярославъ, съвкупивъ вой, изиде противу ему на Лѣто и ста на мѣстѣ, иде же бѣ убиенъ святыи Борисъ. И въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Се кровь брата моего въпиеть къ тебе, владыко, яко же и Авелева преже. И ты мести его, яко же и на ономъ положи стонание и трясение на братоубици Каинѣ. Еи молю тя, господи, да въсприимуть противу тому. Аще и тѣлѣмъ ошѣла еста, нѣ благодатию жива еста и господеву предѣстоита и молитвою помозѣта ми!»

И си рекъ, и поидоша противу собѣ и покрыша поле Лѣтское множествомъ вой. И съступишася, възходящю сѣлнцю, и бысть сѣча зла отинудъ и съступашася тришѣды, и бишася чересъ дѣнь вѣсь, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а съ оканьныи Святоплѣкъ побѣже. И нападе на нѣ бѣсь, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женушааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, възхопивъсѣ глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Лядску землю гонимъ гнѣвѣмъ божиемъ. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испроврѣже животь свои зѣлѣ. И приять възмѣздие отъ господа, яко же показася посѣланая на нѣ пагубная рана и по сѣмьрти муку вѣчьную. И тако обою животу лихованъ бысть: и сѣде не тѣкъмо княжения, нѣ и живота гонезе, и тамо не тѣкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нѣ и муцѣ и огню предасться. И естъ могила его и до сего дѣне, и исходитъ отъ неѣ смрадъ зѣлыи на показание чловѣкомъ. Да аще кто си сѣтворить слыша такавая, си же приметъ и вящѣша сихъ. Яко же Каинѣ, не вѣдыи мести прияти и едину прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седмьдесятицею мѣстисѣ ему. Така ти суть отѣмѣстия зѣлымъ дѣлателемъ, яко же бо Иулианѣ цесарь, иже мѣногы крѣви святыихъ мученикѣ пролиавъ, горькую и нечеловѣчьную сѣмьртъ прия: не вѣдомо отъ кого *прободенъ* бысть копиемъ въ сѣрдьце вѣдруженъ. Тако и сѣ бѣгая не вѣдыисѣ отъ кого зѣлострастѣну сѣмьртъ прия. И оттолѣ крамола преста въ Русьскѣ земли, а Ярославъ прея вѣсю волость Русьскую. И начатъ въпрашати о тѣльсѣхъ

охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволениемъ божьим и помощью святыхъ побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестию. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит также, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался. И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он спрашивать о телах

святою, како или кде положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ естъ. А о святѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдѣаху, яко Смоленскѣ убиенъ естъ. И тѣгда съказаша ему, яже слышаша от приходящихъ отъ туду, како видѣша свѣтъ и свѣщъ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посъла Смоленску на възискание презвутеры, рекыи, яко: «То естъ братъ мой». И обретоша ѿ иде же бѣша видѣли, и шѣдъше съ крѣсты и съ свѣщами мнѣозѣми и съ кандилы, и съ чѣстїю многою, и вѣложьше въ корабль, и пришедъше положиша ѿ Вышегородѣ, иде же лежитъ и тѣло преблаженнаго Бориса и раскопавъше землю, и тако же положиша и недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречѣстьнѣ.

Се же пречюдно бысть и дивно и памяти достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коего же плѣтоядца, ни бѣаше почърнѣло, яко же обычаи имуть телеса мѣртвыхъ, нѣ свѣтло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако богу съхранивъшю своего страсотѣрпца тѣло, и не вѣдяху мнози ту лежащю святою страсотѣрпцю телесу. Нѣ яко же рече господь: «Не можетъ градъ укрытїся врѣху горы стоя, ни свѣщъ вѣжьгъше спудѣмъ покрывають, нѣ на свѣтилѣ поставляють, да свѣтитъ тѣмьныя». Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ, премногими чудесы сияти въ Русьскѣи сторонѣ велицѣи, иде же множество стражующихъ съпасени бывають: слѣпїи прозирають, хромии быстрѣе сѣрны рищуть, сълущїи простѣрzenie приемлють.

Нѣ или могу вѣся съповѣдати или съказаати творимая чудесы, по истинѣ ни вѣсь миръ можетъ понести, яже дѣються предивная чудеса и паче пѣсѣка морьскааго. И не ту единде, нѣ и по вѣсѣмъ сторонамъ и по вѣсѣмъ зѣмлямъ преходяща, болѣзни вѣся и недугы отъгонита, сущїихъ въ тѣмьницахъ и въ узахъ посѣщающа. И на мѣстѣхъ иде же мученьчскимъ вѣнцѣмъ увязостася, създанѣ быста цѣркви въ имя ею. Да и ту тако же многа чудеса посѣщающа съдѣваета.

Тѣмъ же ваю како похвалити не съвѣмъ или чѣто рещи недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имъ же въскорѣ обрѣтаетася близъ скѣрбящихъ, нѣ плѣтѣскы на земли пожила еста въ чловѣчѣствѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчѣска ума преходита множѣствѣмъ чудесъ и посѣщенїемъ немощныхъ. Цесаря ли князя ли ва проглаголю, нѣ паче чловѣка убо проста и сѣмѣрена сѣмѣрzenie бо сътяжала еста, имъ же и высокая мѣста и жилища вѣселїстася.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищенїемъ князи наши противу вѣстающа дѣржавно побѣжають, и ваю помощїю хваляться. Вы бо тѣмъ и намъ оружїе, земля Русьскыя забрала и утвѣрzenie и меча обоюду остра, има же дѣрзость поганьскую низлагаетъ и дїаволя шатанїя въ земли попираемъ. По истинѣ

святыхъ — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так бог сохранил тело своего страсотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страсотерпцев. Но, как говорил господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее сѣрны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горные места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину

несумьньнѣ реши възмогу: вы убо небесная чловѣка еста, земльная ангела, стѣлпа и утвържение землѣ нашея. Тѣмъ же и борета по своемъ отьчѣствѣ и пособита, яко же и великий Димитрий по своемъ отьчѣствѣ. Рекъ: «Аще убо и веселящемъся имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ нимъ умьру». Нѣ обаче сии великий милъсърдыи Димитрии о единомъ градѣ сице извѣща, а вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нѣ о всеи земли Русьскѣи!

О блаженная убо гроба приемъши телеси ваю чьстьнѣи акы сѣкровище мьногоцѣннѣно! Блаженная църкы, вѣ ней же положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю, о Христова угодыника! Блаженѣ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ Русьскыхъ и вышии градъ, имьи вѣ себе таково сѣкровище. Ему же не тѣчнѣ ни вьсь мирѣ. Поистинѣ Вышегородъ наречеса — вышии и превышии городъ всѣхъ; вѣторыи Селунъ явися вѣ Русьскѣ земли, имьи вѣ себе врачество безмъздное, не нашему единому языку тѣкъмо подано бысть бѣгъмъ, нѣ и вьсеи земли спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почъреплють ицѣление, яко же и вѣ святыхъ евангелиихъ господь рече святымъ апостоломъ, яко: «туне приясте, туне и дадите». О сихъ бо и самъ господь рече: «Вѣруяи вѣ мя, дѣла, яже азъ творю и тѣ сѣтворитъ и больша тѣхъ». Нѣ о блаженная страсотърпца Христова, не забываита отьчѣства, иде же пожила еста вѣ тели, его же всегда посѣтмъ не оставяета. Тако же и вѣ молитвахъ вьсегда молитася о насъ, да не придетъ на ны зѣло, и рана да не приступитъ къ телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо даль естъ богъ о насъ молящася и ходатая къ богу за ны. Тѣмъ же прибѣгаемъ къ вама, и сѣ слъзами припадающе, молимъся, да не придетъ на ны нога гърдыня и рука грѣшнична не погубитъ насъ, и вьсяка пагуба да не наидеть на ны, гладъ и озѣлобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичьныя брани чюжа сѣтворита и вьсего грѣха и нападения заступита насъ, уповающихъ къ вама. И къ господу богу молитву нашу усърдно принесѣта, яко сѣгрѣшихомъ зѣло и безаконьновахомъ премъного, и бещиньствовахомъ паче мѣры и преизлиха. Нѣ ваю молитвы надѣющеса къ Спасу възъпиемъ глаголюще: «Владыко, единыи без грѣха! Призьри сѣ небесе святаго твоего на насъ убогихъ, елма же сѣгрѣшихомъ, нѣ ты оцѣсти, и безаконьновахомъ, ослаби, претѣкнухомъся по пременении, яко блудницю оцѣсти ны и яко мытоимьца оправи!

Да придетъ на ны милость твоя! Да вьсканеть на ны чловѣколюбие твое! И не ослаби ны преданомъ быти грѣхы нашими, ни усънути, ни умрети горькою сѣмъртию, нѣ искупи ны отъ настаящаго зла и дажь ны время покаянию, яко многа безакония наша предъ тобою, господи! Сѣтвори сѣ нами

и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в которой поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодыники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышегородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам господь говорил: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страсотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к господу богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Возри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, вправших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай!

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас челолюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, господи! Рассуди нас

по милости твоей, господи, яко имя твое нарицается въ насъ, нъ помилуй ны и ущедри и заступи молитвами пречьстною страсотърпцю твоею. И не сътвори насъ въ поносъ, нъ милость твою излѣи на овьца пажити твоея, яко ты еси богъ нашъ и тебе славу въсылаемъ отцю и сыну и святууму духу нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь».

О Борисѣ, какъ бѣ въ зрѣмъ.

Съ убо благовѣрныи Борисъ благога корене сии послушьливъ отцю бѣ, покаяся при всемъ отцю. Тѣлѣмъ бяше красьнъ, высокъ, лицѣмъ круглѣмъ, плечи велицѣ, тѣнѣкъ въ чресла, очима добраама, весель лицѣмъ, рода мала и усъ младъ бо бѣ еще, свѣтяся цесарьскы, крѣпѣкъ тѣлѣмъ, вьсячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвѣтыи въ уности своеи, в ратьхъ хрѣбѣрь, въ свѣтѣхъ мудръ и разумьнъ при вьсемъ и благодать божия цвѣтяше на немъ.

по милости твоей, господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страсотърпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты бог наш и тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покаяся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен—точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать божия цвела в нем.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Древнерусский текст

Господи, *благослови отъче.*

Благодарю тя, владыко мой, господи Иисусе Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнааго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ, се бо испърва писавъшю ми о житие и о погублении и о чудесъхъ святою и блаженою страстотръпцю Бориса и Глѣба, понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моя силы, ему же и не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумичьнъ. Къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ *никогждо* хытрости, нъ въспоманухъ, господи, слово твое, рекъшее: «Аще имате вѣру яко и зърно горушьно и речете горѣ сей: преиди и вѣврзися въ море, и абие послушаетъ васъ». Си на умѣ азъ грѣшнѣй Нестеръ примъ и оградивъся вѣрою и упованиемъ, яко вся възможна отъ тебе суть, начаткъ слову списания положихъ, еже о житии преподобнааго отца нашего Феодосия, бывъша игумена монастыря сего святая владычицѣ наша богородицѣ, его же и день усъпление нынѣ празднующе память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущю же съписану ни отъ *кого* же, печалию по вся дни съдржимъ бѣхъ и *моляхъся богу*, да сподобитъ мя по ряду съписати о житии богоноснааго отца нашего Феодосия. Да и по насъ сущей чьрноризци, *примъше писание и почитающе ѱ, тако видяще мужа доблестъ, възхвалятъ бога, и* възгодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляются, наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сий мужъ явися и угодинокъ божий. О семъ бо и самъ господь пророче: «Яко мнози приидуть отъ вѣстокъ и западъ и възлягутъ съ Авраамъмъ и съ Исакъмъ и Ияковъмъ въ царствии небесънѣмъ» и пакы: «Мнози будутъ послѣднии *прѣвши*», ибо сии послѣднии вящии прѣвыхъ отъць явися, житиемъ бо подражая святааго и пьрвааго начальника чьрньчьскууму

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Перевод

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, господи, слово твое, вещающее: «Если имеее веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодинок божий. Об этом и сам господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и починут с Авраамом, и с Исааком в царствии небесном», и еще: «Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому

образу, великааго мѣню Антония чьрньчьскууму образу. И се же чюдньѣ, якоже пишеть въ отьчьскихъ книгахъ: «Слабу быти послѣдньому роду»; сего же Христосъ въ послѣднимъ родѣ семь такого себе съдѣльника показа и пастуха инокимъ, бѣ бо измолода житиемъ чистымъ украшенъ, добрыми дѣлесе, вѣрою же и смысломъ паче. Его же нынѣ отъсюду уже начну съповѣдати еже отъ уны вѣрсты житие блаженааго *Феодосия*. Нѣ послушайте, братие, съ вьсяцѣмъ прилежаньемъ, испльнѣ бо есть пользы слово се вьсѣмъ слушающимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазрите паки грубости моей, съдржимъ бо сый любовью еже къ преподобьнууму, сего ради окусихъся съписати вься си яже о святѣмъ, къ симъ же и блюдый, да не къ мнѣ речено будетъ: «Зълый рабе лѣниый, подобаше ти дати сребро мое тьржьникомъ, и азъ *пришед* быхъ съ лихвою истязалъ е». Тѣмъ же якоже и нѣсть лѣно, братие, таити чюдесъ *божих* наипаче богу рекъшюуму ученикомъ своимъ: «Яко еже глаголю вамъ въ тѣмъ, повѣдите на свѣтѣ и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домѣхъ». Си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ съписати хоцю, и о сихъ бога славяще, мьзды отдание примете. Хотяцю же ми исповѣдати начати, преже молюся господеву, глаголя сиче: «Владыко мой, господи вьседръжителю, благымъ подателю, отче господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ и отвѣрзи устнѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление святааго вьгодника твоего, да прославится имя твое, яко ты еси помощникъ вьсѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы. Аминъ». Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попрыщъ, *именемъ Васильевъ*. Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крѣстьянѣстѣй живуца и всячьскимъ благочѣстиюмъ укршена. Родиста же блаженааго дѣтища сего, таче въ осмый днь принесоста ѥ къ святителю божию, якоже обычай есть крѣстьяномъ, да имя дѣтищу нарекуть. Прозвутерь же, видѣвъ дѣтища и сьрьдчьныма очима прозьря, еже о немъ, яко хоцеть измлада богу датися, Феодосиемъ того *нарицаеть*. Таче же, яко и минуша 40 дний дѣтищу, крѣщениемъ того освятиша. Отроча же ростяше, кѣрмимъ родителема своима, и благодать божия съ нимъ, и духъ святой измлада вьселися въ нѣ. Къто исповѣсть милосьрдие божие! Се бо не избѣра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокимъ, нѣ — да о семь прославится имя господне — яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися. О утаения тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятиса, оттудуже вьсия намъ деньница пресвѣтла, якоже отъ вьсѣхъ странъ видѣвъше свѣтѣние ея, тещи к ней, вся презрѣвъше, тоя единая свѣта насытитиса. О благости божия! Еже бо испьрва мѣсто назнаменаъ и благословивъ, пажить створи,

бытию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса божьи, — вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к богу со словами: «Владыка мой, господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец господа нашего Исуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти попрыщах от стольного города Кыева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святаго, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отроча, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие божие! Сперва место указав

на немъ же хотяше паствитися стадо богословесныхъ овецъ, донъдеже пастуха избъра.

Бысть же родителема блаженнаго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвшю, паче же реку — богу сице изволивъшю, да и тамо добляго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, отъ вѣстока дньница възидеть, събираючи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидаючи солнца правдѣнааго, Христа бога, и глаголюща: се азъ, владыко, и дѣти яже възпитахъ духовнымъ твоимъ брашньмъ; и се, господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого бога и господа, възлюбити. Се, о владыко, стадо богословесныхъ твоихъ овецъ, и имъ же мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бѣжъствнѣй твоей пажити, и сия ти приведохъ, съблюды чисты и непорочны. Таче господь къ нему: «Рабѣ благый, верьне умноживый преданный талантъ, тѣмъже прими уготованный тебе вѣнць и вѣниди въ радость господа своего». И къ ученикомъ его речеть: «Придѣте, благое стадо, добляго пастуха богословесная овчата, иже мене ради алкавшѣ и трудивъшеся примѣте уготованное вамъ царствие от съложения миру».

Тѣмъже и мы, братие, потѣщимъся рѣвнители быти и подражателе житию преподобнааго Феодосия и ученикомъ его, ихъ же тогда предъ собою къ господу посла, да тако сподобимъся слышати, гласъ он, еже отъ владыки и вседръжителя речеться: «Придѣте убо, благословении отъца моего, примѣте уготованное вамъ царствие».

Мы же пакы поидемъ на пръвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый убо тѣлѣмъ и душею влекомъ на любовь божию, и хожаше по вся дни въ църквѣ божию, послушая божьствныхъ книгъ съ всѣмъ вѣниманиемъ. Еще же и къ дѣтѣмъ играющимъ не приближашеся, якоже обычай есть унымъ, нѣ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема ѿ облещися въ одежду чисту и на игры съ дѣтми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нѣ паче изволи быти яко единъ от убогихъ. Къ симъ же и датися *веля* на учение божьствныхъ книгъ единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмъ его учении. Покорение же его и повинование кѣто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемъ не тѣкмо же къ учителю своему, нѣ и къ всѣмъ учащимъся *с нимъ*?

Въ то же время отъць его житию конць приять. Суцю же тѣгда божьствному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начать на труды паче подвижнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякимъ смѣрениемъ. Мати же его оставляше ѿ, не велящи ему тако творити, моляше ѿ пакы

и благословив, создал бог поле, на котором будет пасться стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, бога и господина. Вот, о владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоём поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости господа своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство».

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к господу, и да сподобимся услышать слово владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божьей, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражаались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его

облачитися въ одежду свѣтлу и тако исходити ему съ съвѣръстники своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томъ не слушающую ея, и *такоже* многашьды ей отъ великия ярости разгнѣваться на нь и бити ѿ, бѣ бо и тѣльмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующую, то начьняше мнѣти мужа ю суца.

Къ симъ же паки божьствьный уноша мысляше, како и кымь образьмь спасеться. Таче слыша паки о святыхъ мѣстѣхъ, идеже господь нашъ Иисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся богу, глаголя: «Господи Иисусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ ть, иже и видѣвъ я божьствьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и, аще богу велящю, хоцемъ въспяты уже ити. Святой же моляше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутника ѿ *сътворяютъ* съ собою. Они же обѣщашася пояти ѿ съ собою и допроводити ѿ до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженый *Феодосий*, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свой. И егда хотяху страньнии отъйти, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ ношию и не вѣдущю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, развѣ одежда, въ ней же хожаше, и та же худа. И тако изиде въ слѣдъ страньныхъ. Благый же богъ не попусти ему отъйти отъ страны сея, его же и-щрева матерья и пастуха быти въ странѣ сей богогласныхъ овецъ назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю, да опустѣетъ пажить, юже богъ благослови, и тьрние и вълчьць въздрасетъ на ней, и стадо разидеться. По трѣхъ убо дньхъ увѣдѣвши мати его, яко съ страньными отъиде, и абие погна въ слѣдъ его, тькъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьний блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мьногъ, ти тако пристигъша, яста ѿ, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши ѿ за власы, и повръже ѿ на земли, и своима ногама пѣхашети ѿ, и страньная же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зълодѣя вѣдущи съвязана. Тольми же гнѣвъмь одръжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити ѿ, дондеже изнеможе. И по сихъ же, ввѣдъши ѿ въ храмъ и ту привяза ѿ, и затворъши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вься си съ радостию примаше, и бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дньню отрѣши ѿ и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмь одръжима суци, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдуци, да не

одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предназначал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет тернием и бурьяном, и забредетъ стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь,

паки отъбѣжитъ отъ нея. Тако же сътвори дѣни многы ходя. По томъ же паки умилосердивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати ѿ, да не отъбѣжитъ отъ нея, любляше бо ѿ зѣло паче инѣхъ и того ради не тѣрпяше без него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъйти отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хоцетъ. Блаженный же Феодосій на пръвѣй подвигъ възвратися и хожаше въ цѣрквѣ божию по вся дѣни. Ти видяше, яко многашѣды лишаемѣ суци литургии, проскурнааго ради непечения, жаляшеси о томъ зѣло и умысли же самъ своимъ съмѣрениемъ отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начатъ бо печи проскуры и продаяти, и еже аще прибудае ему къ цѣнѣ, то дадаше нищимъ. Цѣною же паки купяше жито и, своима рукама измѣлъ, паки проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносятся въ цѣрквѣ божию отъ непорочнаго и несквърнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтъ или боле творя. Вси же съврѣстѣнии отроки его ругающесе ему, укаряхути ѿ о такоу дѣлѣ, и тоже врагу научающю я. Блаженный же вся си съ радостию приимаше, съ мѣлчаньемъ и съ съмѣрениемъ. Ненавидя же испѣрва добра золотѣй врагъ, видя себе побѣждаема съмѣрениемъ богословеснааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити ѿ отъ такоуаго дѣла. И се начатъ матери его поущати, да ему възбранитъ отъ такоуаго дѣла. Мати убо, не тѣрпящи сына своего въ такоу укоризнѣ суца, и начатъ глаголати съ любвѣию к нему: «Молю ти ся, чадо, останися такоуааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свой, и не тѣрплю бо слышати отъ всѣхъ укаряему ти суцю о такоу дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку суцю, такоуааго дѣла дѣлати». Таче съ съмѣрениемъ божѣствѣный уноша отъвѣщаваше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Иисусъ Христосъ самъ побожися и съмѣрися, намъ образъ дая, да и мы его ради съмѣримся. Паки же поруганъ бысть и опльванъ и заушаемъ, и вся претѣрпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ тѣрпѣти, да Христа приобрящемъ. А еже о дѣлѣ моемъ, мати моя, то послушай: егда господь нашъ Иисусъ Христосъ на вечери възлеже съ ученики своими, тѣгда приимъ хлѣбъ и благословивъ и преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за многы въ оставление грѣховъ». Да аще самъ господь нашъ плѣть свою нарече, то кольми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя съподобилъ господь плѣти своей быти». Си слышавъши мати его и чудивъшися о премудрости отрока и отътолѣ нача оставатися его. Нѣ врагъ не почиваше, остря ю на възбранение отрока о такоу дѣлѣ его съмѣрени. По лѣтъ же единомъ паки видѣвъши

как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечерѣ с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов». Если уж сам господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, подивилась мати мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев,

его пекуща проскуры и учърнивъшася от ожьжения пещьнаго, съжалиси зѣло, паки начатъ оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биючи ѿ, да ся останеть таковаго дѣла. Божьствьный же уноша въ скърби велицѣ бысть о томь, и недѣумѣя, чьто створити. Тьгда же, вѣставъ нощю отай *изиде* из дому своего, и иде въ инь градъ, не далече сушь *оттолѣ*, и обита у прозвутера, и дѣлаше по обычаю дѣло свое. Потомъ же мати его, яко его искавѣши въ градъ своемъ и не обрете его, съжалиси по немь. Таче... по дньхъ мнозѣхъ слышавѣши, кьде живеть, и абие устрьмися по нь съ гнѣвѣмъ великѣмъ, и пришедѣши въ прежереченый градъ и, искавѣши, обрете ѿ въ дому презвутерове, и имѣши, влечаше ѿ въ градъ свой биючи. И въ домъ свой приведѣши и запрети ему, глаголющи, яко «къ тому не имаше отити мене; елико бо аще камо идеши, азъ, шедѣши и обрѣтъши тя, съвязана биючи приведу въ сий градъ». Тьгда же блаженный Феодосий моляшеся богу, по вся дньи ходя въ църквѣвъ божию, бѣ же сѣмѣренъ сѣрдцьемъ и покоривъ къ всѣмъ. Якоже и властелинъ града того, видѣвъ отрока въ такомъ сѣмерении и покорении суца, възлюби ѿ зѣло и повелѣ же ему, да *пребываетъ* у него въ църкви, *вѣдасть* же ему и одежу свѣтлу, да ходитъ въ ней. Блаженный же Феодосий пребысть въ ней ходя мало дньий, яко нѣкую тяжесть на собѣ нося, тако пребываше. Таче сѣньмъ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пѣрты обѣлкься, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвъ ѿ тако ходяща, и паки ину вѣдасть одежу, вѣщью пѣрвыя, моля ѿ, да ходитъ въ ней. Онъ же сѣньмъ и ту отьда. Сице же многашьды сѣтвори, якоже судии то увѣдѣвѣшю, большимъ начатъ любити ѿ, чюдяся сѣмѣрению его. По сих же божьствьный Феодосий шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему желѣзо сѣчепито сѣковати, иже и възьмъ и препоясася имъ въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же узьку суцю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, яко ничсоже скърбьна от него приемля тѣлу своему. Таче, яко ишьдѣшемъ дньемъ мьногомъ и бывѣшю дньи праздничьну, мати его начатъ велѣти ему облещися въ одежу свѣтлу на служение всѣмъ бо града того вельможамъ, въ тѣ днь възлежащемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосию предѣстояти и служити. И сего ради поущашети ѿ мати его, да облечеться въ одежу чисту, наипаче же якоже и слышала бѣ, еже есть сѣтворилъ. Якоже ему облачающюся въ одежу чисту, простъ же сы умьмъ неже блюдысь ея. Она же прилѣжьно зьряше, хотящи истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его крѣвь суцю от вьгрызения желѣза. И раждѣгъшися гнѣвѣмъ на нь, и съ яростию вѣставѣши и растьрзавѣши сорочицю на немь, биючи же ѿ, отья желѣзо от чреслъ его. Божий же отрокъ, яко

как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника, и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созданным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок,

ничьсоже зъла приять от нея, обълкъся и, шедь, служаше предь възлежащими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени паки нѣкоторѣмь слыша въ святѣмь еуангелии господа глаголюща: «Аще кто не оставит отьца или матере и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ». И паки: «Придѣте къ мнѣ вьси тружающіеся и обременени, и азъ покою вы. Възмѣте ярѣмь мой на ся и научитесь от мене, яко крѣтъкъ есмь и сѣмѣренъ сѣрдьцьмь, и обрящете покой душамъ вашимъ». Си же слышавъ богодѣхновеный Феодосий и раждѣгься божѣствною рѣвностию и любовнію, и дышаниемъ божиемъ, помышляше, како или кде пострѣщися и утаитися матере своея. По случаяю же божию отѣиде мати его на село, и якоже пребыти ей тамо дѣни мѣногы. Блаженный же, радъ бывъ, помоливъся богу, и изиде отай из дому, не имѣй у себя ничьсоже, развѣ одежда, ти мало хлѣба немощи дѣля телесныя. И тако устрѣмися къ Киеву городу, бѣ бо слышалъ о монастырехъ ту сущихъ. Не вѣдый же пути, моляшеся богу, да бы обрѣлъ сѣпутьники, направляюща ѣ на путь желанія. И се по приключаяю божию бѣша идуще путемъ тѣмь купци на возѣхъ съ бремены тяжькы. Увѣдѣвъ же я блаженный, яко въ тѣ же градъ идутъ, прослави бога и идяшетъ въ слѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмь же ставшемъ на ношнѣмь становищи, блаженный же не доида, яко и зрѣимо ихъ, ту же опочиваше, единому богу сѣблюдающю ѣ. И тако идѣй трѣми недѣлями доиде прѣжереченааго града. Егда же пришедъ и обьходи вся манастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приять ими будетъ. Они же видѣвъше отрока простоты и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сиче же богу изволивъшю тако, да на мѣсто, идеже бѣ бѣгѣмь от уности позванъ, на то же ведешеся.

Тѣгда же бо слышавъ о блаженѣмь Антоніи, живущимъ въ пещерѣ, и окрилатѣвъ же умѣмь устрѣмися къ пещерѣ. И пришьдъ къ преподобному Антонию, его же видѣвъ и, падъ, поклонися ему съ слъзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великий же Антоній казаше и глаголя: «Чадо, видиши ли пещеру сию, скѣрбно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ. Ты же унѣ сѣй, якоже мню, и не имаши трѣпѣти на мѣстѣ семъ скѣрби». Се же не тѣкмо искушая ѣ глаголаше, нѣ и прозорочьными очима прозя, яко тѣ хотяше възградити самъ мѣстъ то и манастырь славнѣмь сѣтворити на сѣбѣрачне множеству чѣрнѣцъ. Богодѣхновеный же Феодосий отвѣща ему съ умилениемъ: «Вѣжь, чѣстнѣй отѣче, яко проразумѣникъ всячѣскихъ богъ приведе мя къ святости твоей и спасти мя веля, тѣмъже, елико ми велиши сѣтворити, сѣтворю». Тѣгда глагола ему блаженный Антоній: «Благословенъ богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тѣщание, и се мѣсто — буди въ немъ».

словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостойн». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!»

Феодосий же, паки падъ, поклонися ему. Таче благослови и старьць и повелъ великому Никону остръщи и, прозвутеру тому суцю и чьрноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыхъ отьць остригы и облече и въ мьнишьскую одежду.

Отьць же нашъ Феодосий предавъся богу и преподобьнууму Антонию, и оттолъ подаяшеса на труды телесьныя, и бдяше по вся ноци въ славословлении божиин, съньную тягость *отвръгъ*, къ въздържанию же и плътию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вся дьни псалмьское оно слово: «Вижь съмѣрение мое и трудъ мой и остави вся грѣхы моя». Тѣмъ весь съ вьсѣмъ въздържаниемъ душою съмѣряше, тѣло же паки трудѣмъ и подвижаниемъ дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмѣрению его, и покорению, и толику его въ уности благодѣяству, и укрѣпленю, и бдрости. И вельми о вьсемъ прослависта бога.

Мати же его много искавши въ градъ своемъ и въ окръстныхъ градѣхъ и яко не обрете его, плакашеса по немъ лютѣ, биющи въ пьрси своя яко и по мрътвѣмъ. И заповѣдано же бысть по всей странѣ той, аще кѣде видѣвъше такого отрока, да пришьдѣше възвѣстите матери его и велику мьзду примуть о възвещении его. И се пришьдѣше от Кьева и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомы и въ нашемъ градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомъ от монастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити. И нимало же помьдливъши, ни дѣлготы же пути убоявшися въ прежереченый градъ иде на възискание сына своего. Иже и пришедъши въ градъ тѣ, и обьходи вся монастыря, ищющи его. Послѣди же повѣдаша ей, яко въ пещерѣ есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобьнууму да изидеть. «Се бо многъ путь гьнавъши придохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвѣщено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видѣвши и поклонися ему. Таче съдѣшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отьче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мой. Много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть». Старьць же сый простъ умѣмъ и, не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сынъ твой, и не жалиси его ради, се бо живъ есть». То же она къ нему: «То чьто, отьче, оже не вижу его? Много бо путь шьствовавъши, придохъ въ сий градъ, тькмо же да вижу си сына своего. Ти тако възвращюся въ градъ свой». Старьць же к ней отвѣща: «То аще хочещи видѣти и да идеши нынѣ въ домъ, и азъ, шедъ, увѣщаю и, не бо рачить

Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, преодолевая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благодѣяству, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Кьева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет

видѣти кого. Ти въ утрѣй днь пришедъши, видиши ѱ». То же слышавъши, она отъиде, чаючи въ приидущий днь видѣти ѱ. Преподобный же Антоний, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосию, иже ѱ слышавъ, съжалиси зѣло, яко *не* може утаитися ея. Въ другой же днь прииде паки жена, старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти мать свою. Онъ же не въсхотѣ. Тьгда же старьць, ишьдъ, глагола ей, яко «много молихы ѱ, да изидеть къ тебе, и не рачить». Она же к тому уже не съ сьмѣрениемъ начать глаголати къ старьцю, съ гнѣвьмъ великъмъ въпияше о нуже старьца сего, яко имь сына моего и съкрывый въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трьплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зьлѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ двьрьми пещеры сея, аще ми не покажеша его». Тьгда Антоний, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляше блаженааго Антоний, да изидеть къ ней. Онъ же не хотя ослушатися старьца и изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣй скърби суца, бѣ бо уже лице его измѣнилось отъ многааго его труда и въздержания, и охопивъшися емъ плакашеса горко. И одѣва мало утѣшивъшися, сѣде и начать увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеши въ дому си по воли своей, тькмо же да не отьлучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеша тѣло мое, ты тьгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хочеша. Не трьплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженный же рече къ ней: «То аще хочеша видѣти мя по вся дньи, иди въ сий градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приимеша. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многими наказани пребывааше по вся дньи, увѣщаваая мать свою. Онъ же о томъ не хотящи, ни понѣ послушати его. И егда отьхожаше от него, тьгда блаженный, въшедъ въ пещеру, моляшеса богу прилѣжно о спасении матере своей и обращении сьрьдца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодняка своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ господъ призывающимъ въ истину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышитъ, и спасеть я». Въ единъ бо днь пришьдъши мати ему глаголя: «Се, чадо, велимая вься тобою сѣтворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свой, нѣ яко богу *волящю*, да иду въ манастырь женъ, и ту остригъшися прочая пребуду дньи своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сий маловременный». Си слышавъ, блаженный Феодосий въздрадовася духьмъ

никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаеться с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий днь увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой днь женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидатьься с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гнѣве крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидатьься с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед двьрьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал спрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушатися старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий днь уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодняка своего. Об этом так говорит пророкъ: «Рядом господъ с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий

и въшьдѣ съповѣда великому Антонию, иже, и услышавъ, прослави бога, обративъшааго сѣрдце ея на таковое покаяние. И шьдѣ къ ней и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и, възвѣстивъ о ней княгыни, пусти ю въ монастырь женъскый, именуемъ святааго Николы. И ту постриженѣ ей быти, и въ мнишьскую одежду облеченѣ ей быти, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ мирьмъ усъпе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны вѣрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его съповѣда единому от братия, именьмъ Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемъ Феодосии. Азъ же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающе ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я. Обаче и на прочее съказание отрока исправления поиду, съвршение же глаголь ми укажется благоисправляюще богу и словослову.

Сий убо отьць нашъ Феодосий святой побѣдоносць показася въ пещерѣ на злыя духы. По острижени же матере своей и по отвржени всякой мирьскыя печали большими трудами паче наченъ подвизатися на рвение божие. И бѣ видѣти свѣтила три суца въ пещерѣ разгоняща тьму бѣсовьскую молитвою и алканиемъ: мѣню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосия и великааго Никона. Си бѣша въ пещерѣ моляще бога, и богъ же бѣ съ ними; «иде бо,— рече,— 2 или трие съвкуплени въ имя мое, ту есмь посреде ихъ».

Въ то же время иже бѣ пръвый у князя въ болярѣхъ имьньмъ Иоан. И того сынъ часто приходаше къ преподобнымъ, наслажаяся медоточныхъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху изъ устъ отьць тѣхъ, и възлюби же я зѣло и яко възхотѣти ему жити съ ними и вся презрѣти въ житии семь, славу и богатство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емъ слово господне, рекшее, «яко удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, нежели богату въ царствие небесное вѣннити». Тьгда же повѣда единому Антонию мысль свою, глаголя: «Хотѣлъ быхъ, отьче, аще богу годно, мнихъ быти и жити съ вами». Глагола ему старць: «Благо хотѣние твое, чадо, и помысль исполненѣ благодати, нѣ блюди, чадо, да не богатство и слава мира сего възврати тя въспять. Господу рекъшу: «Никтоже възложъ руки своя на рало и зря възспять, управленѣесть въ царствии небеснѣмъ», тако и мнихъ възвращаяся къ миру мыслию и пекыися о мирьскыхъ не имать управитися въ жизнь вѣчную». И *ина* многа старць бесѣдова къ отроку и оному же сѣрдце боле остряшеся на любовь божию и тьгда отиде въ домъ свой.

И въ другой же днь одѣвъся въ одежду свѣтлу и славну и тако въсѣдъ на конь поеха къ старцю, и отроки бѣша окрестъ его едуще и другыя коня въ утвари вѣдуще пред ним, и тако

и, войдя въ пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сѣрдце ея на покаяние. И, выйдя къ ней, долго поучал ея на пользу и для спасения души ея, и поведал о ней княгине, и послал ея въ женскый монастырь святааго Николы. Там постриглась она, облеклась въ монашеское одеяние и, прожив много лет въ искреннемъ покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он въ пещеру, поведала мати его одному из братии, именьмъ Федору, который был келаремъ при отце нашемъ Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я къ дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш святой Феодосий вышел победителем въ борьбѣ со злыми духами въ пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению богу. И было тогда три светила въ пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постомъ: говорю я о преподобномъ Антонии, и блаженномъ Феодосии, и великомъ Никоне. Они пребывали въ пещере въ молитвахъ богу, и богъ былъ съ ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время былъ некто по имени Иоанн, первый из княжескихъ бояр. Сынъ же его часто приходил къ преподобнымъ, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими изъ уст отцовъ тех, и полюбил их, и захотел жить съ ними, отринувъ все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово господне, вещающее: «Легче верблюду пройди сквозѣ игольное ушко, нежели богатому войти въ царство небесное». Тогда поведал онъ одному лишь Антонию о своемъ желании, сказавъ ему: «Хотелъ бы, отецъ мой, если это угодно богу, стать монахомъ и поселиться съ вами». Отвечалъ ему старецъ: «Благое желаніе твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдругъ богатство и слава мира сего позовутъ тебя назад. Господь говоритъ: «Никто, возложивъ руки свои на плугъ и озирающийся, не найдетъ себе места въ царствии небесномъ»; такъ же и монахъ, если помыслы его возвращаются къ мирской жизни и печется онъ о мирскихъ делахъ, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовалъ старецъ съ отрокомъ, а сѣрдце того еще более разгоралось любовью къ богу, съ темъ и вернулся онъ въ домъ свой.

И на другой же день одѣлся въ праздничные и богатые одежды и, севъ на коня, поехалъ къ старцю, и отроки его ехали подле него, а другыя вели перед ним коня въ богатой упряжи,

въ славѣ велицѣ приеха къ печерѣ отецъ тѣх. Онѣмъ же изшедшим и поклонившимся ему, якоже есть лѣпо велможам, он же паки поклонися имъ до земля, потомъ же снемъ съ себе одежду боярскую и положи ю пред старцемъ, и також коня, сущаа въ ютвари, и постави пред нимъ, глаголя: «Се вся, отче, краснаа прельсть мира сего суть, и якоже хочещи, тако сътвори о них, азъ бо уже вся си прѣзрѣх и хочу мних быти и с вами жити в печерѣ сей, и к тому не имамъ възвратитися в дом свой». Старецъ же рече к нему: «Блюди, чадо, къ кому обѣщаваешися и чийъ вѣнъ хочещи быти, се бо невидимо предстоятъ аггели божии, приемлюще обѣщания твоя. Но егда како отецъ твой пришедъ съ многою властью и изведетъ тя отсюда, намъ же не могушимъ помощи ти, ты же пред богомъ явишися, якожъ ложь и отмѣтникъ его». И глагола ему отрокъ: «Вѣрую богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнетъ отецъ мой, не имамъ послушати его, еже възвратити мя къ миру. Молю же ти ся, отче, да въскорѣ острижеши мя». Тогда повелѣ преподобный Антоние великому Никону, да пострижетъ его и обличетъ въ мнишескую одежду. Он же, по обычаю, молитвовавъ, и остриже его, и въ мнишеския ризы облече его, Варлаамъ имя тому нарекъ.

Тогда же приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любим княземъ и предрѣжа у него вся, и молящеся старцю Антонию, и той хотя быти чръноризецъ. Его же поучивъ старецъ еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острижетъ. Он же и того остригъ, облече его въ мнишескую одежду и Ефрѣмъ имя тому нарекъ. Нѣсть же лѣпо таити, еже нанесе врагъ скръбь на преподобныя ею ради. Ненавидяй же добра врагъ, да диаволь, видя себе побѣждаема от святаго стада и разумѣвъ, яко оттолѣ хотяше прославленно быти мѣсто то, плакашеся своя погыбели. Начат же злыми своими козньми раждизати сердце князю на преподобныя, да поне тако то святое стадо распудитъ, но ни тако възможе, но сам посрамленъ бысть молитвами ихъ и въпадеся въ яму, юже сътвори. «Обратитъ болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его».

И увѣдавъ убо князь Изяславъ бывшее о бояринѣ и о каженицѣ его, разгнѣвався зѣло и повелѣ единого от нихъ привести предъ ся, дрѣзнувшя такоаа сътворити. И ту абие, скоро шедше, великаго Никона приведоша предъ него. Князь же, со гнѣвомъ възрѣвъ на Никона, глагола ему: «Ты ли еси остригый боярина и каженика безъ повелѣния моего?». Никонъ же отвѣща: «Благодатию божиею азъ есмь остригъ ихъ повелѣниемъ небеснаго царя и призвавшаго ихъ Исуса Христа на таковой подвигъ». Князь же рече то: «Или увѣщавъ ихъ в дом свой поити, или на заточение послю ты и сущаа съ тобою, и пещеру вашу раскопаю». Къ симъ же Никонъ отвѣща се:

и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьимъ воином хочешь стать, ведь невидимо предстоятъ тебе ангелы божии, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед богомъ явишися лжецомъ и отступникомъ его». И отвечал ему отрокъ: «Верю богу моему, отче; если даже начнетъ исгязать меня отецъ мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требуетъ обычай, прочел молитву, постригъ его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарекъ ему Варлаамъ.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим княземъ и всемъ управлялъ в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцемъ. Старец же, наставивъ его о спасении души, передалъ его Никону, чтобы тот постригъ его. Никон же и того постригъ, облечь его в монашескую одежду и нарекъ имя ему Ефремъ. Не следуетъ скрывать, что из-за нихъ двухъ навлекъ врагъ беды на преподобныхъ. Ненавидящий все доброе врагъ нашъ, дьяволъ, видя, что побеждаемъ он святымъ стадомъ, и понимая, что с этихъ пор прославится то мѣсто, оплакивалъ свою погыбель. И началъ он злыми козньми разжигать гневъ князя на преподобныхъ, чтобы такимъ образомъ разогнать святое стадо, но ни в чемъ не преуспѣлъ, и самъ былъ посрамленъ молитвами ихъ, и палъ в яму, которую самъ же выкопалъ. «На его же голову обратитъ злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узналъ князь Изяславъ, что произошло с бояриномъ и со скопцомъ его, то страшно разгневался и приказалъ привести к себе того, кто дерзнулъ все это сделать. Тотчасъ же пошли и привели великаго Никона к князю. Князь же, в гнѣве обратившись къ Никону, спросилъ его: «Ты ли тотъ, кто постригъ боярина и скопца безъ моего повелѣния?». Никонъ же отвечалъ: «По благодати божьей я постригъ ихъ, по повелѣнию небеснаго царя и Исуса Христа, призвавшаго ихъ на такой подвигъ». Князь же отвечалъ такъ: «Или убеди ихъ вернуться по домамъ, или же и ты заточенъ будешь, и те, кто съ тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никонъ отвечалъ такъ:

«Еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако сътвори, мнѣ же нѣсть лѣпо отвратити вѣинь от царя небеснаго». Антоний же и иже с ним, взявше одежда своа, отъидоша от мѣста своего, хотяще отъйти въ ину область. Князю же еще гнѣвающимся и укоряюще Никона, и се единь от отроковъ, вшед, поведаше, яко Антоний и иже съ нимъ отъходитъ отъ града сего въ ину область. Тѣгда глагола ему жена его: «Послушай, господи, и не гнѣвайся. Яко тако же бысть и въ странѣ нашей, отъбѣжавшемъ нѣкоея бѣды ради чрънымъ, много зѣла створися въ земли той ихъ ради, нѣ блюди, господи, да не тако въ области твоей будетъ». То же слышавъ князь и убоявѣся гнѣва божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою. По онѣхъ же посла, рекый, да съ мольбою възвратятся въспять. Иже едва по три дѣни увѣщани быша възвратитися въ свою пещеру, яко се нѣкотори храбри от брани, побѣдивъше супостата своего врага. И бѣша вѣину молящеся дѣнь и ношь къ господу богу. Нѣ ни тако не почиваше врагъ, боряся съ ними. Тѣгда бо увѣдѣвъ бояринъ Иоанъ, яко никоегоже имъ зѣла не створи христоролюбивый князь Изяславъ и раждѣгъся на ня гнѣвъмъ, сына ради своего, и поимъ отроки многы, и иде на святое стадо, иже и распудивъ я, и вѣшедъ въ пещеру, и имъ сына своего божѣствааго Варлаама извлече ѥ вѣнъ, таче сънѣмъ съ него святую мантию, и вѣврже ю въ дѣбрь, такоже и шлѣмъ спасения, иже бѣ на главѣ его, сънѣмъ, завърже ѥ. И тѣгда же ѥ облече въ одежду славну и свѣтлу, якоже е лѣпо бояромъ. Онъ же съврже ю долу, не хотя ни видѣти ея, и тако створи многашѣды. Тоже повелѣ отѣць его съ гнѣвъмъ съвязати ему руцѣ и одѣти ѥ въ прежереченую одежду, ти тако ити ему сквозѣ градъ въ домъ свой. Онъ же, иже поистинѣ теплый душею на божию любовь Варламъ, идый путьмъ узрѣ распалину, калну сущю, и скоро вѣшьдѣ въ ню и божиею помощию съврже одежду съ себе, и своиа ногама попирашеть ю въ калѣ, попирая съ тѣми и злыя помыслы и лукаваго врага. Таче по сихъ пришедъшемъ имъ въ домъ, повелѣ отѣць его сѣсти съ нимъ на трѣпезѣ. Оному же сѣдѣшю, и ничѣсоже въкуси отъ брашна, нѣ пребывааше нича и долу зря. По отѣядении же отъпусти ѥ въ своя храмы, приставивъ отроки блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его утворитися въ утварь всякую на прельщение отрока и служити предъ нимъ. Рабъ же Христовъ Варламъ вѣшедъ въ едину клѣтъ, сѣдѣ въ углѣ ея. Жена же его, якоже бѣ ей повелѣно, хожаше предъ нимъ и моляшети ѥ сѣсти на одрѣ своемъ. Видѣвъ же онъ неистовство жены и разумѣвъ, яко на прельщение ему уготова отѣць, моляшеся въ тайнѣ сѣрдца своего къ милосѣрдую богу, могущую спасти отъ прельсти тоя. Пребысть же на мѣстѣ томъ сѣдя три дѣни, не

«Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь утратился гнева божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь господу богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христоролюбивый князь Изяслав, то воспытал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру, и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести через весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к богу Варлаам — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня,

вѣстая от него, ни брашна же вѣкушая, ни вѣ одежду облечеса, нѣ вѣ единой свитѣ си пребывааше. Преподобный же Антоний и съ сущими съ нимъ и съ блаженнымъ Феодосиемъ бѣша вѣ печали мнозѣ его ради моляхуться богу за нь. Богъ же услыша молитву ихъ: «вѣзвѣаша бо,— рече,— правѣдныи, и господь услыша я и от вѣсѣхъ печалий ихъ избавить я. Близъ господь съкрушенныхъ сѣрдцьмъ и сѣмѣреня духъмъ спасеть». Видѣвъ убо благый богъ тѣрпѣние и сѣмѣрение отрока, обрати жестокое сѣрдце отца его на милость къ сыну своему. Тѣгда убо вѣзвѣстиша ему отроки, глаголюще, яко «се уже четвертый днь имать не вѣкушая брашна, ни вѣ одежду рачить облѣщися». То же слышавъ, отецъ его съжалиси зѣло его ради, блудый, да не гладъмъ и зимою умереть. Призвѣвавъ же и любьзно цѣловавъ и отпусти ѳ. Бы же тѣгда вещь пречюдна и плачь великъ, яко и по мрѣтвѣмъ. Рабы и рабыня плакахуться господина своего и яко отъхожааше отъ нихъ, иде жена, мужа лишающися плакашеса, отецъ и мати сына своего плакастася, яко отлучашеса отъ нихъ и тако съ плачьмъ великъмъ проважахути ѳ. Тѣгда Христовъ воинъ ишедъ из дому своего, яко птица ис пругла истѣргъшиися или яко сѣрна отъ тенета, тако скоро текый, и доиде пещеры оной. Его же видѣвъше отци ти вѣздрѣдовашася радостию великою и ставѣше прославиша бога, яко услыша молитву ихъ. То уже оттолѣ многымъ приходящемъ вѣ пещеру благословления ради еже от отць тѣхъ и друзии от нихъ бывааху чрънцы божиею благодатию.

Тѣгда же великий Никонъ и другой чрънецъ святаго Мины монастыря, болярина тако наречемъ, сѣвѣщавъшася, тако отъидоста, хотяща особѣ сѣсти. И пришьдѣша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе, якоже се апостола Павль и Варнава на проповѣдание Христово, якоже пишеться вѣ Дѣянихъ апостоль. Боляринъ же идый къ Костянтиню граду обрете островъ средѣ моря и ту вѣселися вѣ ньмъ. Поживе лѣта многа, трѣпя зиму и гладъ, и тако успе съ миръмъ. Се же и донынѣ островъ тѣ зовомъ естъ Боляровъ. Великий же Никонъ отъиде вѣ островъ Тмутороканьскый, и ту обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, сѣде на немъ. И божиею благодатию вѣздрѣсте мѣсто то и цѣрквѣ святаыя богородица вѣзгради на немъ, и бысть монастырь славный, иже и донынѣ естъ, прикладъ имый вѣ сий Печерский монастырь.

По сихъ же паки Ефремъ каженикъ отиде вѣ Костянтинь градъ и ту живяше вѣ единомъ монастыри. Послѣже же изведенъ бысть и вѣ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмъ вѣ городѣ Переяслави. Се же уже многыми наказани предъложение слову створихомъ, обаче отъселѣ на предълежащее слово вѣзвратимъся, кѣде бо се все мину и по отходѣ отць тѣхъ.

не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него бога. И бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и господь услышал их, и от всех печалей избавит их. Близок господь сокрушенным сердцем и спасет смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, перенося холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и донныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и донныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславе. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда же блаженный отец наш Феодосий поставленъ бысть презвутерьмъ повелѣниемъ преподобнаго Антония и бѣ по вся дѣни божьствѣную службу съвършая съ всякимъ смѣреніемъ, бѣше бо кроткъ нравѣмъ, и тихъ смѣслѣмъ, и простъ умѣмъ, и духовныя всея мудрости испълненъ. Любѣвъ же непорочну имѣя къ всей братии, бѣ бо уже съвѣкупилося братия яко до пяти-на-десяте. Преподобный же Антоний, якоже бѣ обыкль единъ жити и не трѣля всякого мятежа и мѣлвы, затворися въ единой келии пещеры, поставивъ въ себе мѣсто братии блаженаго Варлаама, сына боярина Иоана. И отътуда паки преселися на инъ хѣлмъ Антоний и, ископавъ пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и донынѣ чѣстное тѣло его лежитъ. Тогда же божьствѣный Варламъ постави надъ пещерою малу цѣрквицу въ имя святая богородица, веля, да ту братия събираются на божьствѣное словословіе. То уже всѣмъ явлено бысть мѣсто то, бѣ бо мнози суще прежде не вѣдомо.

А еже испърва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скѣрби и печали приша, тѣсноты ради мѣста того, богу единому съвѣдущо, а устомъ челоуѣчьскомъ не мощно исповѣдати. Къ симъ же и ядъ ихъ бѣ рѣжанъ хлѣбъ тѣкмо, ти вода. Въ субботу же ти въ недѣлю сочива вѣкушахуть; многашьды же и въ та дѣни не обрѣтѣшюся сочиву, зелие съваривъше едино и то ядыху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло: ово ли копытьца плетуше и клобуки, и ина ручьная дѣла строяще и тако, носяще въ градъ, продаяху и тѣмъ жито купяху, и се раздѣлахуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшетъ на състроение хлѣбомъ. Таче по томъ начаткъ пѣнию заутрѣнюму творяху и тако паки дѣлааху ручьное свое дѣло. Другоици же въ оградѣ копахуть зелиинаго ради растения, дондеже будяше годъ божьствѣнууму славословію, и тако вси вѣкупѣ съшедъшеся въ цѣркѣвъ, пѣния часомъ творяхуть, таче святую службу съврѣшивъше, и тако вѣкусивъше мало хлѣба и паки дѣлѣ ся своемъ къждо имяшетъ. И тако по вся дѣни трудящися, пребывахуть въ любѣви божии.

Отецъ же нашъ Феодосий смѣренѣмъ смѣслѣмъ и послушаниемъ вся преспѣвааше, трудѣмъ и подвижаниемъ и дѣлѣмъ телеснымъ, бѣше бо и тѣлѣмъ благъ и крѣпкъ и съ поспѣшѣствѣмъ всѣмъ служаше, и воду нося и дрѣва из лѣса на своею плещю, бѣдя же по вся нощи въ славословлении божии. И братии же на опочители суще, блаженный же възъмъ раздѣленное жито и кождо часть измѣль и поставляше на своемъ мѣстѣ. Другоици же, оваду суцу многу и комаромъ, въ нощи излѣзъ надъ пещеру и, обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцемъ и псалтырь же Давыдову поя. Отъ множества же овада и комара все тѣло его покрѣвено будяше, и ядыху плѣть его

Тогда блаженный отецъ нашъ Феодосий по повелению преподобнаго Антония былъ поставленъ священникомъ и во все дни со всяческимъ смиреніемъ совершалъ божьственную службу, ибо былъ кротокъ и тихъ, не изощренъ умомъ, но духовной мудрости исполненъ. И братію всю любилъ чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монаховъ. Преподобный же Антоній привыкъ одинъ жить, ибо не любилъ всяческихъ ссоръ и разговоровъ, и затворился в одной изъ келий пещеры, а игуменомъ поставилъ вместо себя блаженнаго Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоній на другой холмъ и, выкопавъ пещеру, жилъ в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаамъ построилъ надъ пещерою небольшую цѣрквушку во имя святой Богородицы, чтобы братія собиралась в ней для молитвы. Это место уже всемъ известно, а до тех поръ многие о немъ и не ведали.

А какова была сперва ихъ жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всякихъ невзгодъ в томъ месте — это одному богу ведомо, а устами челоуѣческими невозможно и рассказать. Къ тому же и еда ихъ была — одинъ ржаной хлѣбъ и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни варенные овощи. При этомъ и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и инымъ ремесломъ занимались, и носили сделанное в городъ, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолотъ для печения хлѣба. Потомъ служили заутрени, а затемъ снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставалъ часъ новой молитвы, и такъ все вместе сходились в цѣркѣвъ, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затемъ, поев немного хлѣба, снова обращались каждый къ своему делу. И такъ трудились день за днемъ в неугасимой любви къ богу.

Отецъ же нашъ Феодосий смиреніемъ и послушаниемъ всехъ превосходилъ, и трудолюбиемъ, и подвижничествомъ, и делами, ибо теломъ былъ могучъ и крепокъ и съ удовольствіемъ всемъ помогалъ, воду нося и дрѣва из лѣса на своихъ плечахъ, а ночи все бодрствовалъ, славя в молитвахъ бога. Когда же братія почивала, блаженный, взявъ выделенную каждому часть зерна, молотъ за нихъ и относилъ на то место, откуда взялъ. Иногда же, когда было особенно много оводовъ и комаровъ, ночью садился на склоне возлѣ пещеры и, обнаживъ свое тело до пояса, сидѣлъ, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его,

о немъ, пиюще кровь его. Отецъ же нашъ пребываше неподвижимъ ни вѣстая от мѣста того, дондеже годъ будяше утрянний, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ църкви. И ставъ на своемъ мѣстѣ непоступнъ сы, ни мятыйся умъмъ, божественное славословие съврѣшаше, ти тако паки и-църкве послѣже всѣхъ излажааше. И сего ради вѣси любляхути ѿ зѣло и яко отца имяхути ѿ, зѣло дивящеся смѣрению его и покорению.

Таче по сихъ божественный Варлаамъ, игумень сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княземъ повелѣниемъ въ монастырь святаго мученика Дмитрия и ту игуменьмъ поставленъ. Тъгда же братия ту сущая въ пещерѣ събравъшеся, изволениемъ всѣхъ, възвѣстивъше преподобноуму Антонию, блаженнаго отца нашего Феодосия игуменьмъ себе нарекоша, яко и чърньчскую жизнь управивъша и божия извѣсто заповѣди излиха вѣдуща.

Отецъ же нашъ Феодосий, аще и старѣйшинство примъ, не измѣни смѣрениа своего правила, на памяти господа имѣя, рекъша: «Иже аще кто въ васъ хоцетъ быти старѣй, буди всѣхъ убо мьний и всѣмъ слуга». Тѣмъ же смѣряшеся, мьний всѣхъ ся творя и всѣмъ служа, и собою образъ всѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исходя и въ чину святаыя литургия. И оттолѣ цвѣтяше и мьножашеся мѣсто то правдника молитвою. «Правдникъ бо, — рече, — яко и фуникъсь процвѣтетъ и яко и кедръ, иже въ Ливанѣ, умножиться». Умножаху бо ся оттолѣ братия и цвѣтяше мѣсто то добрыми нравами и молитвами ихъ и инѣми благочъстивыми нравами. И многымъ отъ вельможъ приходити къ нему благословения ради, и от имѣний своихъ малу нѣкаку часть подаючи имъ. Преподобный же отецъ нашъ, иже поистинѣ земельный ангелъ и небесный чловѣкъ, Феодосий видя мѣсто скърбно суще и тѣсно и еще же и скудно при всѣмъ, и братии мьножашися, църкви же малѣ сущи на съвѣкупление имъ, и николиже въпаде о томъ въ печаль, ни поскърбе о томъ, нѣ по вся дньи братию всю утѣшая, учаше и никакоже попечися о плътнѣмъ, но господень гласъ въспоминаше, имъ глаголя: «Не пыцѣтеся, чьто приемъ, или что ѣмъ, или въ что облечемъся: вѣсть бо отецъ вашъ небесный, яко требуетъ вся си, обаче ищите цесарства небеснаго и си вся приложатся вамъ». Блаженный же сице помышляше, богъ же все на потребу не скудно подаваше ему.

Тъгда бо сий великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече от пещеры суще, и разумѣвъ, яко довьльно есть на възгражение монастыря, и разбогатѣвъ *благодатию* божиею и оградивъся вѣрою и упованиемъ, испълнивъ же ся духа святаго, начатъ подвизатися въселити мѣсто то. И якоже богу помагающе ему, въ мало время възгради църквѣвъ на мѣстѣ томъ

и пили его кровь. Отецъ же нашъ пребывалъ недвижимъ, не вставая со своего места, пока не наступалъ часъ заутрени, и тогда раньше всехъ приходилъ въ церковь. И, ставъ на своемъ месте, не двигался и не предавался празднымъ мыслямъ, совершая божественное славословие, и также самымъ последнимъ выходилъ изъ храма. И за это все любили его и чтили, какъ отца, и не могли надивиться смиренію его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаамъ, игуменъ братии той, обитавшей въ пещере, по княжескому повелѣнію былъ поставленъ игуменомъ въ монастыре святаго мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившіе въ пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменомъ блаженнаго отца нашего Феодосия, ибо онъ и жизнь монастырскую уставилъ по чину и божественныя заповѣди зналъ, какъ никто другой.

Отецъ же нашъ Феодосий, хотя и сталъ старшимъ надъ всеми, не измѣнилъ своего обычнаго смиренія, помня о словахъ господнихъ, вѣщающихъ: «Если кто изъ васъ хоцетъ быти наставникомъ другимъ, то пусть будетъ скромнее всехъ и всемъ слуга». Поэтому и онъ оставался смиреннымъ, словно былъ младше всехъ и всемъ услужалъ, и для всехъ былъ образцомъ, и на всякое дело выходилъ первымъ, и на святаую литургию. И съ той поры стало процветать и умножаться чърноризцами мѣсто то по молитвамъ праведника. Вѣдь говорится: «Праведникъ, словно пальма, процвететъ и возрастетъ, словно кедръ ливанскій». И съ той поры умножалось число братии и процветало мѣсто то добронравіемъ ихъ, и молитвами ихъ, и всяческимъ благочестіемъ. И многіе вельможи приходили въ монастырь за благословеніемъ и отдавали ему какую-то долю своихъ богатствъ. Преподобный же отецъ нашъ Феодосий — поистинѣ онъ земной ангелъ и небесный чловекъ — видя, что мѣсто, где жили они, и печально, и тесно, и всемъ скудно, и возросшей числомъ братии уже трудно было вмещаться въ църкви, никогда изъ-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякій день братию утѣшалъ и поучалъ, чтобы не заботились они о земномъ, но напоминалъ имъ господни слова, говоря: «Не думайте о томъ, что пьемъ, или что едимъ, или во что одеты: ибо знаетъ отецъ вашъ небесный, въ чемъ нуждаетесь вы; но ищите царства небеснаго, а все прочее придетъ къ вамъ». Блаженный такъ думалъ, а богъ щедро давалъ ему все, въ чемъ была нужда.

Въ то время великий Феодосий присмотрѣлъ свободное мѣсто не вдалекѣ отъ пещеры, и рассчиталъ, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собралъ средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и духомъ сватымъ исполнившись, началъ готовиться къ переселенію на то мѣсто. И съ божьей помощью въ недолгое время построилъ на томъ мѣсте църковь

въ имя святыхъ и преславныхъ богородица и приснодѣвица Марія, и оградивъ и постави келиѣ многы, и тѣгда преселися от пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570. И оттолѣ божиею благодатию въздрате мѣсто то, и бысть монастырь славнѣ, се же и донинѣ есть Печерскый наричемъ, иже от святаго отьца нашего Феодосія съставленъ бысть.

По сихъ же посла единого отъ братія въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопцю, да весь уставъ Студийскааго монастыря, испсавъ, присълетъ ему. Онъ же преподобнааго отьца нашего повелѣная ту абие и створи, и весь уставъ монастырскый испсавъ, и посъла къ блаженному отьцю нашему Феодосію. И его же примъ отьць нашъ Феодосій, повелѣ почи сти предъ братію, и оттолѣ начатъ въ своемъ монастыри вся строити по уставу монастыря Студийскааго, якоже и донинѣ есть, ученикомъ его сице съвршаемъмъ. Всякому же хотящю быти чѣрноризьну и приходящюму къ нему, не отрѣвааше ни убога, ни богата, нѣ вся принимаше съ всякимъ усърдиемъ, бѣ бо и самъ въ искушении томъ былъ, якоже и выше речеса: егда бо приде отъ града своего, хотя быти мнихъ, якоже обходящю тому вся монастыря, не рачахуть бо того прияти — богу тако сътворьшо на искушение ему. Се бо си въспоминая благый, какова скѣрбь бываетъ чело вѣку, тѣгда хотящюму острѣщися, и сего ради вся съ радостию приходящая принимаше. Нѣ не ту абие постригаше его, нѣ повелѣваше ему въ своей одежи ходити, дондеже извыкнеше весь устрой монастырскый, таче по сихъ облечашети ѥ въ мѣнишьскую одежду и тако пакы въ всѣхъ службахъ искушашети ѥ, ти тѣгда остригы, и оболочашети ѥ въ мантию, дондеже пакы будяше чѣрнѣць искусьнѣ житиемъ чистѣмъ си, ти тѣгда сподобашети ѥ прияти святую скиму.

По вся же дѣни святыхъ мясопуць святый отьць нашъ Феодосій отхожаше въ святую свою пещеру, идеже и чѣстное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеса единъ до вѣрбныхъ недѣля, и въ пяткъ тоя недѣля, въ годъ вечерняя, прихожааше къ братіи и, ставъ въ двѣрхъ цѣрквѣныхъ, учааше вся и утѣшая, подвига ради и пощения ихъ. Себе же недостойна творя, якоже ни единая недѣлѣ, понѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скѣрбь и мѣчатание зѣлии дуси творяхуть ему въ пещерѣ той; еще же и раны наносяще ему, якоже и о святѣмъ и величѣмъ Антоніи пишеться. Нѣ явивыйся оному, дрѣзати веля тѣ, и сему невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Кто бо не почюдитъся убо блаженууму сему, еже въ такой тѣмнѣ пещерѣ пребывая единъ, мѣножьства пѣлковъ невидимыхъ бѣсовъ не убоися, нѣ крѣпко стоя, яко храбрѣ сильнѣ, бога моляше и господа Иисуса Христа на помощь себе призывающа,

во имя святой и преславной богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и донине называемы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием. Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и донине ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облакал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

На все дни святого мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до вѣрбной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не утратился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая себе на помощь господа Иисуса Христа.

И тако побѣди я Христовою силою, яко къ тому не съмѣти имъ ни приблизитися емъ, нъ и еще издалеча мьчты творящемъ ему. По вечерннимъ убо пѣнии съдъшю ему и хотящю опочинути, не бо николиже на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ еще коли хотящю ему опочинути, то съдъ на столѣ, и тако, мало поспавъ, встаняше пакы на нощное пѣние, и поклонение колѣномъ творя. Съдъшю же ему, якоже речеса, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ, якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другимъ же въ бубны биущемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, ти тако всѣмъ кличущемъ, якоже трястися пещерѣ отъ множества плища злыхъ духовъ. Отыць же нашъ Феодосій, вся си слышавъ, не убояся духъмъ, ни ужасеса сьрьдцьмъ, нъ оградивъся кръстнымъ оружиемъ и, вставъ, начатъ пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многый трусь не слышимъ бывааше. Таче по молитвѣ съдъшю ему, сепакы бецислныхъ бѣсовъ глас слышаашеса, якоже и преже. И преподобнууму же Феодосію ставшю и начьншю оно псалмское пѣние, глас онъ абие ищазааше. Сиче же по многы дни и нощи творяхуть ему зѣлии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дондеже благодатию Христовою побѣди я, и възять от бога власть на нихъ, якоже отътолѣ не съмѣти имъ ни прикоснутися ни къ мѣсту тому, идеже блаженный молитву творяше.

Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братия творяху: овогда муку расыпающе, овогда же положеный квасъ на състроение хлѣбомъ разливааху и ину многу пакость творяще бѣша. Тьгда же старѣй пекущимъ, шьдъ, съповѣда блаженууму Феодосію пакости нечистыхъ бѣсовъ. То же съ уповая, яко възять власть на нихъ отъ бога, вставъ вечеръ и иде въ храмъ ть, и затворивъ двѣри о себе, ту же пребысть въ немъ до утрянья, молитвы творя. Якоже отъ того часа не явится бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемъ преподобнааго и молитвою. Имѣяше же обычай сичъ великий отыць нашъ Феодосій, якоже по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсь, хотя увѣдѣти когождо ихъ како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тьгда, ставъ, прославяше о немъ бога, егда же пакы кого слышааше бесѣдующа дѣва ли или трие съшедшеса въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ двѣри ти, тако отхожааше, назнаменаваъ тѣмъ свой приходъ. Таче въ утрѣй днь призывавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ якоже издалеча притѣчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ богу тѣщание ихъ. Аще бо будяше братъ льгькъмъ сьрьдцьмъ и теплъ на любовьъ божию, то сий въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшеса, прощения прося отъ него прияти. Аще ли будяше пакы братъ *омрачениемъ* бѣсовьскимъ сьрьдце покръвено имы, то сий станяше, мьня,

И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с божьей помощью и не приобрел от бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосію о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещенія преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц, и кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает,

яко о иномъ бесѣдуютъ, самъ чистъ ся творя, дондеже блаженный обличашети ѿ, и епитимиею того утвърдяше, и отъпустяше. И тако вся прилѣжно учааше молиться къ господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерный молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нѣ въ своей келии бога молити, якоже кто можетъ и руками же своимъ дѣлати по вся дѣни, псалмы Давидовы въ устѣхъ своихъ имущи...

Тѣмъ же убо слышаще князи и бояре доброе ихъ житие приходяаху къ великому Феодосію, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу примѣше бо отъ того, отъходяаху, ти тако пакы приношааху ему нѣчто мало отъ имѣний своихъ на утѣшение братии, на състроение монастырю своему. Другии же и села въдавающе на попечение имѣ. Наипаче же зѣло любляше блаженааго христоролюбивый князь Изяславъ, предържай тѣгда столъ отъца своего, и часто же ѿ призываше къ собѣ, множицею же и самъ приходяаше к нему и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отъходяаше. Якоже отътолѣ тако богъ възвеличаше мѣсто то, умножая всѣхъ благыхъ въ немъ молитвами въгодника своего.

Отъць же нашъ Феодосій бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не отвръзаетъ вратъ никомуже, и никтоже пакы да не въходить въ монастырь, дондеже будяше годъ вечерный, яко да полуднию сущю почиють братия ношнихъ ради молитвѣ и утрняго пѣнія.

И въ единъ дѣнь полуднию сущю прииде по обычаю христоролюбець Изяславъ съ малѣмъ отрокомъ: егда хотяше поѣхати къ блаженному, тѣгда распустяше вся бояры въ дома своя, нѣ тѣкмо съ шестию или съ пятию отрокомъ приходяаше къ нему. Се же, яко рѣкъхъ, приѣхавъ и съѣде съ коня, ни бо николиже ѣха на дворъ монастырьскій, и приступивъ къ вратомъ повелѣ отъвръсти, вѣнити хотя. Онъ же отъвѣща ему, яко повелѣние есть великааго отъца не отъвръзати вратъ никомуже, дондеже годъ вечерный будетъ. Таче пакы христоролюбець възвѣщающа ему, да увѣсть, кѣто есть. И глаголаше: «Се бо азъ есмь, и мнѣ отъвръзи врата единому». Онъ же, не вѣдый, яко князь есть, отъвѣщавааше ему сице: «Рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь приидеть, не отъвръзи вратъ, то уже аще хоцещи, потрѣпи мало, дондеже годъ будетъ вечерный». Онъ же отъвѣща, яко «Азъ есмь князь, то или мнѣ не отъвръзещи». Тѣгда изникъ видѣтъ, и познавъ князя его суща, и въ страхъ бывъ, не отъвръзе вратъ, нѣ блаженному съповѣдать тече, оному же стоящю предъ враты и тѣрпящю, о семъ подражающю святаго и върховняаго апостола Петра: изведена бо бывъшю тому ангелѣмъ ис тѣмнищѣ и пришедшю ему къ дому, идеже бѣша ученици его и тѣлкнувъшю ему въ врата, и се рабыни изникнувъши, видѣ Петра стояща, и от радости же

что говорятъ о другомъ, и не чувствуетъ себя виноватымъ, пока блаженный не обличитъ его и не отпуститъ, укрепивъ его епитимьей. Вот такъ постоянно учил онъ молиться богу, и не беседовать ни с кемъ после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто можетъ — заниматься постоянно каким-либо ремесломъ, распевая при этомъ псалмы Давидовы...

Поэтому, услышавъ о славномъ ихъ житии, князья и бояре приходили къ великому Феодосію, исповедовались ему в грѣхахъ и уходили отъ него с великою для себя пользой, а также приносили ему что-либо отъ своихъ богатствъ, даря на утѣшение братии и на устройство монастыря. Другіе даже села свои дарили монастырю. Но особенно любилъ блаженного христоролюбивый князь Изяславъ, сидевшій тогда на столе отца своего, и часто призывалъ онъ к себѣ Феодосія, а нередко и самъ приходилъ к нему и, насытившись духовной бесѣдой с нимъ, возвращался восвояси. С техъ поръ прославилъ богъ место то, умножая все благое в немъ по молитвамъ своего угодника.

Отецъ же нашъ Феодосій повелелъ привратнику, чтобы после обеда не отворялъ бы никому вратъ и никто бы не входилъ въ монастырь до самой вечерни, такъ какъ в полуденные часы братія отдыхаетъ для ночныхъ молитвъ и утренней службы.

И вотъ какъ-то в полуденное время пришелъ по обыкновению христоролюбець князь Изяславъ с несколькими отроками: когда собирался ехать къ блаженному, то распускалъ по домамъ всехъ бояръ своихъ и отправлялся к нему с пятию или шестию отроками. И вотъ, какъ я сказалъ, приехалъ онъ и сошелъ съ коня, ибо никогда не въезжалъ верхомъ на дворъ монастырьскій, и, подойдя къ вратамъ, приказалъ открыть ихъ, намереваясь войти. Привратникъ же отвѣчалъ ему, что есть повелѣние великааго отъца не отворять вратъ никому, пока не наступитъ часъ вечерни. Тогда христоролюбець снова обратился къ нему, чтобы тотъ понял, с кемъ говоритъ. И сказалъ: «Это же я, и открой мнѣ одному врата». Тотъ же, не зная, что передъ нимъ князь, отвѣчалъ ему такъ: «Сказалъ тебе: повелѣно мнѣ игуменомъ, что если и самъ князь придетъ — не отворяй вратъ; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступитъ часъ вечерни». Тотъ в отвѣтъ: «Я же князь, неужели и мнѣ не откроешь?» Тогда привратникъ выглянулъ и, узнавъ князя, испугался, но не открылъ вратъ, а побѣжалъ предупредить блаженнаго, князь же въ то время стоялъ передъ вратами и ожидалъ, уподобившись святому върховному апостолу Петру: когда извелъ его ангелъ изъ тѣмнищы, и пришелъ онъ къ дому своему, где находились ученики его, и постучался въ врата, рабыня, выглянувъ, увидѣла стоящаго передъ нею Петра и от радости

не отворьзе воротъ, нъ текъши повѣда ученикомъ приходъ его. Тако же и съ от страха не отворьзе вратъ, нъ скоро текъ, повѣда блаженууму христолюбца. Таче блаженный ишедъ и видѣвъ князя и поклонися ему, и по сихъ начатъ глаголати ему христолюбць: «О како, отъче, запрещение твое, еже глаголетъ чьрноризьць сий, яко, аще и князь приидеть, не пустити его». Блаженный же отвѣща: «Сего ради глаголють, владыко благый, повелѣние то, якоже да въ годъ полудньный не исходятъ братия из монастыря, нъ починуть въ то время, ношънааго ради славословия. Твое же богъмъ подвижное тѣщание къ святѣй владычици нашей богородици благо и души твоей на успѣхъ. И мы же вельми радуемъся о прихождении твоёмъ», таче по сихъ шедъшема има въ църкъвь и сътворивъ молитву сѣдоста. Ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточныхъ тѣхъ словесъ и иже исхожааху от устъ преподобнааго отъца нашего Феодосия и велику пользу приимъ отъ него, иде въ домъ свой славя бога. И от того дъне большимии начатъ любити ѿ, тако имяше его, яко единого отъ прьввыхъ святыхъ отъць и вельми послушааше его и творяаше вся повелѣная ему отъ великааго отъца нашего Феодосия.

Божественный же Варлаамъ, сынъ Иоана боярина, игумень же монастыря святаго мученика Дмитрия, иже възгради христолюбивый князь Изяславъ, иде въ святыи градъ Иерусалимъ. Таче походивъ святаа та мѣста, възвратися въ свой монастырь и пакы по времени нѣкоторѣмъ иде въ Костянтинъ градъ, и ту такоже походи вся монастыря и искупивъ, еже на пользу монастырю своему, и тако поиде на конихъ въ страну свою. Идый же путьмъ и уже въ странахъ своихъ си, въпаде въ недугъ лють. Таче, яко доиде града Володимирия, въниде въ монастырь, ту сущий близъ города, иже наричюти и Святаа гора, ту же усьпе съ миръмъ и житию коньць приять. И заповѣдавъ сущимъ с нимъ, да доправятъ тѣло его въ монастырь святааго и блаженааго отъца нашего Феодосия и ту положить е, и вся сущая, яже бѣ искупилъ въ Костянтини градѣ — иконы и ино, еже на потребу, повелѣвъ туда, иде же самъ, ту же и то повелѣ въдати блаженууму, якоже заповѣда имъ. Ти тако донесъше тѣло его, положиша е въ монастыри блаженааго и преподобнааго отъца нашего Феодосия на деснѣй странѣ църкве, идеже и донынѣ есть гробъ его.

Тъгда же христолюбивый князь от монастыря великааго отъца нашего Феодосия избравъ единого отъ братия, иже въ чьрньчскѣмъ житии просиявъша, Исаяю наричемааго, того же изведъ, игумена постави въ монастыри своемъ у святааго мученика Дмитрия, иже и послѣже добрыхъ ради нравъ его, поставленъ бысть епискупъмъ Ростову городу.

не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христолюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христолюбец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя богом подвигаемая забота о святой владычице нашей богородице — благо есть, и твоей душе на пользу. И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христолюбивый князь насладился медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосий.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святаго мученика Дмитрия, построенного христолюбивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святыи места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, купив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святаа Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святаго и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что купил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и донине находится его гробница.

В то же время христолюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исаяю, и того поставил игуменом в своем монастыре святаго мученика Дмитрия; он впоследствии за достоинства свои был поставлен епископом города Ростова.

Тыгда же великий Никонъ, умъръшю Ростиславу князю острова того, умоленъ бысть отъ людей тѣхъ преити къ Святославу князю и молити ѿ, да пуститъ къ нимъ сына своего, да сядеть на столѣ томъ. Таче яко и пришьдъ, прииде въ монастырь блаженааго отьца нашего Феодосия, и яко видѣста другъ друга, падъша оба въкупѣ, поклонистася, и тако пакы охопистася, и надълзѣ плакастася, якоже много время не видѣвъшася.

По сихъ же моляшети ѿ святой Феодосий не отълучитися ему от него, дондеже еста въ плѣти. Тыгда же великий Никонъ обѣщася ему, глаголя, якоже «тѣкмо дошьдъ тамо и монастырь свой обрядивъ, и ту абие възвращуся въспять»; якоже и сътвори: дошьдъ бо съ князьмъ Глѣбѣмъ острова того, и оному сѣдъшю на столѣ въ градѣ томъ, Никонъ же възворотися въспять. Таче пришедъ въ монастырь великааго отьца нашего Феодосия, и въся своя благая предавъ блаженууму, самъ же бѣ съ всякою радостію покаяся ему, зѣло же любляшети ѿ богодѣхновенный Феодосий, яко отьца его себе имѣяшеть. Тѣмъже, аще и коли кѣде отъходя, поручаше тому братію и еже тѣхъ съблюдати же и поучати, якоже старѣйшю тому сущю всѣхъ. И егда же пакы самъ поучаше братію въ църкѣви духовными его словесы и повелѣвааше пакы великууму Никону, яко се ис кнѣигъ почитающе поучение *творити* братіи, таче и пакы преподобьнууму отьцу нашему Стефану, екснарху тыгда сущю, послѣже же игумену сущю того монастыря по смърти блаженааго Феодосия, таче по томъ епискупу въ Володимирскую оболость.

Се же и о сихъ съповѣдахъ, таче на послѣдъцѣ о единомъ блаженѣмъ отьци Феодосии словеси поиду и яже о немъ достойна своя ему исправления, божию благодатию исповѣдая свѣтила просвѣщенааго отьца нашего Феодосия.

Бѣаше бо поистинѣ чловѣкъ божий, свѣтило въ вѣсемъ мирѣ видимое и просиявъшее въ всемъ чърноризцѣмъ: съмѣренѣмъ, съмыслѣмъ и послушаниѣмъ, и прочими труды подвижаяся, дѣлая по вся дѣни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же и въ пещьницу часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духѣмъ, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпкѣ тѣлѣмъ и сильнѣ. Въся же стражующая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никакоже расслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

Въ единъ же от дѣний хотящемъ имъ праздѣникъ творити святыя богородица, и водѣ не сущи, преже же намѣненууму Феодору, сущю тыгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславнѣмъ мужи семь. Тѣ же, шедъ, повѣда блаженууму отьцу нашему Феодосию, яко нѣсть кѣто воды нося. То же блаженный, съ спѣхѣмъ въставъ, начатъ воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братія видѣвы ѿ воду носяща и, скоро шедъ,

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосий, чтобы не покинул его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинялся ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосий, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братію в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братіи; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Федор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братіи и поспешил

възвѣсти нѣколику братии, иже и съ тѣщаниемъ притекъше наносиша воды до избытка. И се же пакы дрьвомъ нѣколики приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздну, да, въшедъ, приготовить дръва, еже на потребу. То же блаженный отвѣща ему: «То се азъ празднъ есмь, и се пойду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възъмъ сѣчиво, нача сѣчи дръва. И се по отъядении излѣзше братия, ти видѣша преподобнааго игумена своего сѣкуща дръва и тако тружающася. И възять къждо сѣчиво свое, таже тако приговаша дръва, якоже тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дѣни.

Сице бо ти бѣ тѣщание къ богу блаженааго и духовнааго отца нашего Феодосия, имяаше бо сѣмѣрение и кротость велику, о семъ подражая Христосу, истиннааго бога, глаголавшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко крѣткъ есмь и сѣмѣренъ сѣрдцьемъ». Тѣмъже на таковое подвизание възирая, сѣмѣряшеся, послѣдний ся всѣхъ творя и службѣникъ, и собою всѣмъ образъ дая. На дѣло же прежде всѣхъ исходя, и въ църкви же прежде всѣхъ обрѣтаяся, и послѣже всѣхъ излазя. Многашды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книги, и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа сѣмѣрение и простость. И никтоже его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тѣкмо руцѣ умывающа. А одежда его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извъну же на ней и ина свита. И та же вельми худа сущи, и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явитися власяници сущи на нем. О сей одежи худѣи мнози несмысленни ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вся приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово господне и тѣмъ утѣшая веселяшеся: «Блажени бо, — рече, — есте, егда укорять вы, егда рекутъ всякъ зълъ глаголь на вы, лъжюще мене ради. Въздрадуйтесь въ тѣ дѣнь и възыграйте, се бо мзда ваша многа на небесѣхъ». Си възпомяна блаженный и о сихъ утѣшаяся, трпяше укоризну и досаждение от всѣхъ.

И се въ единъ дѣнь шедъшю великууму отцю нашему Феодосию нѣкаторааго ради орудия къ христоролюбцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришьдъ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христоролюбець, ношняаго ради посѣпания ему, на возѣ допроводити ѣ до монастыря его. И яко бысть идый путьмъ и возяй его, видѣвы ѣ въ такой одежи сущааго, и мнѣвъ, яко единъ от убогихъ есть, глагола ему: «Черноризъче! Се бо ты по вся дѣни порозднѣ еси, азъ же труднѣ сый. Се не могу на кони ѣхати.

поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они наколоты дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, вѣщавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, възирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в църковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клеветца на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот дѣнь, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Въспомина эти слова и утѣшаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христоролюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христоролюбець, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довести его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий дѣнь без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть.

Нъ сиче сътворивъ: да азъ ти лягу на возъ, ты же могый на кони ѣхати». То же блаженный съ всякимъ съмѣрениемъ вѣставъ, сѣде на кони, а оному же легъшу на возъ, и идяше путьмъ, радуясь и славя бога. И егда же въздрѣмаашеся, тѣгда же съсѣдъ, текъ, идяше въскрай коня, дондеже трудяшеся, ти тако паки на конь въсядяше. Таче же уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издавеча познавъше блаженааго и съсѣдъше съ конь, поклоняхуся убо блаженууму отцю нашему Феодосию. Тѣгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Въсяди на конь свой». Онъ же видѣвъ, еже тако вси поклоняхуться ему, и ужасеся въ умъ и, *трепетенъ сынъ*, вѣста и вѣсѣде на конь. Ти тако поиде путьмъ, а преподобнууму Феодосию на возъ сѣдящу. Вси же бояре, сѣрѣтъше, поклоняхуся ему. Таче дошѣдъшу ему монастыря, и се ишедъше вся братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ болми ужасеся, помышляя въ себе: кто съ есть, еже тако вси поклоняются ему? И емы ѥ за руку, въведе ѥ въ трапезницу, таче повелъ ему дати ѣсти и пити, елико хоцетъ, еще же и кунами тому давъ, отпусти ѥ. Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тъ, а блаженууму о семь никомуже явивъшу, нъ сиче бѣ убо по вся дъни о сихъ уча братию, не възносити ни о чемъ же, нъ съмерену быти мниху, а самому мньшу всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ всѣмъ покориву быти. «И ходяще же — глаголаше имъ — руцѣ съгъбенѣ на прьсѣхъ своихъ къждо да имате, и никтоже васъ да не преходитъ въ съмѣрении же вашемъ, да ся поклоняете къждо другъ къ другу, якоже есть лѣпо мниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии къждо васъ да молить бога». Сичими же и инѣми словесы по вся дъни не престая ихъ наказаше, и аще паки слышааше от братия, комуже сущю от мьчтаній бѣсовскихъ, то сия призѣвавъ и, яко въ всѣхъ искушенихъ бивъ, учааше и наказаше стати крѣпцѣ противу дияволемъ къзнымъ, никакоже поступати, ни раслабѣтися от мьчтаній и бѣсовскыя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нъ постѣмъ и молитвою оградитися и бога часто призѣвати на побѣду злааго бѣса. Глаголаше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испърва. «Единой бо ноци поющю ми въ кели обычныя псалмы, и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною, якоже имъ мнѣ нельзѣ ни поклонитися. Стоящу же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постреченъ бивъ, хотѣхъ ударити ѥ, и се невидимъ бысть от мене. Тѣгда же страхъ и трепетъ обиятъ мя, якоже хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы господь помогль ми. Се бо малы въспрянувъ от ужаста, начахъ прилѣжно бога молити и часто *поклонение* колѣномъ творити, и тако отбеже отъ мене страхъ тъ, якоже отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся».

Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не устал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и в страхе вскочил и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все также постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите,— говорил он им,— руки держите скрестив на груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоятъ дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною».

Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я на зълыхъ духы. И тако отпускааше я, радуящася и славя бога о таковѣмъ наказании добляаго наставника и учителя ихъ. И се исповѣда ми единъ отъ братия, именемъ Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зѣлии бѣси. Егда бо ему легъшю на ложи своемъ, и се множество бѣсовъ пришѣдъше и за власы имѣше ѿ, и тако пѣхаютъ, влачахути ѿ, и друзии же, стѣну подымъше, глаголааху: «Сѣмо да влеченъ будетъ, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могый тѣрпѣти, шедъ, съповѣда преподобному отцю Феодосию пакость бѣсовскую. И хотя отыти отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженный моляшети ѿ, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не како похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створыше, и оттолѣ пакы больше зѣло начьнути ти творити, яко власть примыше на тя. Нѣ се да молишися богу въ келии своей, да и богъ, видя твое тѣрпѣние, подасть ти побѣду на ня, якоже не сѣмѣти имъ ни приблизитися къ тебе». Онъ же пакы глаголаше ему: «Молю ти ся, отъче, яко отселѣ не могу пребывати въ келии множества ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тѣгда же блаженный, прекрестивы ѿ, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть ти никоеяже пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же вѣру имъ и, поклонивъся святому, отыде, и тако въ ту нощь легъ въ келии своей, съпа сладко. И оттолѣ проныривии бѣси не сѣмѣша ни приблизитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отца нашего Феодосия отыгоними суще и бѣжаше отидоша.

И се пакы тѣ же чѣрньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сий по вся дни и нощи писааше книги въ келии у блаженааго отца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну, или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къждо свое дѣло, и се въниде икономъ, глаголя блаженному, яко въ утрий днь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженный глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечеръ сушь, и утрий днь далече естъ. Тѣмъже иди и потрыпи мало, моляся богу, некъли тѣ помилуетъ ны и попечеться о насъ, якоже самъ хоцетъ». И то слышавъ, икономъ отыде. Таче, *въставъ*, блаженный иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шѣдъ, сѣде дѣлая дѣло свое. И се пакы въниде икономъ, то же глаголя. Тѣгда отвѣша ему блаженный: «Рѣхъ ти, иди и помолися богу. Въ утрий днь шедъ въ градъ и у продающихъ да възьмеша възаимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдъ,

Къ сказаннымъ словамъ добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбѣ со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящихъ бога за такие наставления доблестнаго наставника и учителя ихъ.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и уже не в силахъ терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостяхъ бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получат власть над тобою. Но молись ты богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выспался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобнаго отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженнаго отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконоом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребнаго. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, моляся богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконоом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконоом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом,

егда *благодѣавшу* богу, отдамы дългъ от бога, таче вѣрнѣсть есть глаголай: «Не пѣцѣтеся утрѣйшимъ, и тѣ не имать насъ оставити». Таче отшедъшу иконому, и се вѣлезе свѣтъль отрокъ въ воинствѣй одении и поклонивъся, и ничѣсоже рекий, и положивъ же на стѣлпѣ гривну злата и тако паки мѣлча излезе вѣнѣ. Тѣгда же вѣставъ блаженный, и вѣзъмъ злато, и съ слъзами помолися въ умѣ своемъ. Таче вратаря вѣзъвавъ, пыташе ѥ, еда кѣто къ воротомъ приходи въ сию ноцъ. Онъ же съ клятвою извѣщаея, яко и еще свѣтъ затвореномъ сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмъ ихъ отврѣзалъ, и никтоже приходилъ къ нимъ. Тѣгда же блаженный, призвавъ иконома, подасть ему гривну злата глаголя: «Чѣто глаголеши, брате Анастасе, яко не имамъ чимъ купити братии требованія? Нѣ сиче, шѣдъ, купи еже на потребу братии. Въ утрѣй же паки днь богъ да попечеться нами». Тѣгда же икономъ, разумѣвъ, падъ, поклонися ему. Блаженный же учааше и глаголя: «Николиже не отъчаися, нѣ въ *вѣрѣ* крѣпяся, вѣсю печаль свою вѣзвѣрзи къ богу, яко тѣ попечеться нами, якоже хочеть. И сътвориши братии праздникъ великъ дньесь». Богъ же паки нескудно подавааше ему еже на потребу божествѣнууму тому стаду.

Блаженный же о сихъ всѣхъ по вся ноци бе-сѣна пребываше, *моля* бога съ плачѣмъ и часто къ земли колѣнѣ прекланяя, якоже и многашѣды слышаша цѣркѣвѣнии строителе, вѣнегда бо годъ будяше заутрѣнюму пѣнью и онѣмъ хотящемъ благословение вѣзяти отъ него. И единъ отъ нихъ тихы шедъ и, ставъ, послушааше, ти слышаше ѥ молящася и вельми плачущася и главою часто о землю биюща, таче мало отъступивъ и се начѣняше рамяно шѣствовать и, якоже слышааше тутѣнъ, умѣлкѣняше, творяся, еже мнѣти оному, яко съпитъ. Оному же тѣлъкнувъшу и рекъшу: «Благослови, отче!». Блаженный же мѣлчаше, якоже оному до трий кратъ сиче тѣлъкнувъшу и глаголавъшу: «Благослови, отче!». То же сий, яко от сѣна вѣспрянувъ, глаголааше: «Господь нашъ Исусъ Христосъ да благословитъ тя, чадо», и тако же паки преже всѣхъ обрѣтаашеся въ цѣркви. Сиче же паки по вся ноци съповѣдахути ѥ творяща.

И бѣ въ монастыри его единъ нѣкто чѣрноризѣцъ, санѣмъ прозвутеръ, имѣнѣмъ Дамианъ, иже *рѣвѣнцем* подражааше житию и сѣмѣренію преподобнааго своего отъца Феодосія. О немъ же мнози сѣвѣдѣтельствуютъ о добрѣмъ его сѣмѣреніи и о житии и *послушани*и и еже къ вѣсѣмъ покорение сѣтяжа. Наипаче же бывъшей съ тѣмъ въ келии ти видѣвъше кротость его и несѣпаніе по вся ноци, и почитающа съ прилежаніемъ свѣтыя книги, и учащася паки на молитву; сии же ина многа съповѣдаху о мужи томъ. Тому же нѣколи болящю

когда смилуется бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит». Как только удалился эконоом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и, ни слова не говоря, положил на столп золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконоом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, а Феодосий, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосий, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Исус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал свѣтыя книги и часто принимался молиться; и многое еще поведали они о муже том. Когда же заболел он

и при коньци уже сый, моляшеся богу съ слъзми, глаголя: «Господи мой, Исус Христе, съподоби мя съобщьнику быти славы святыхъ твоихъ и съ тѣми причаститися царствию твоему и не отлучи мене, молю ти ся, владыко, отца и наставника моего преподобнаго Феодосия, нъ съ тѣмъ убо причѣти мя въ свѣтъ томъ, еже еси уготовалъ правдѣникомъ». Сиче же ему пребывающю и молящюся, и се вънезапу предѣста у одра его блаженный Феодосий, иже и падъ на пьрсъхъ его и любьзно цѣлуя и глаголаше к нему: «Се, о, чадо, о немъ же молися господеви, се нынѣ посла мя извѣстити ти, яко сиче по прошению твоему будетъ ти, и съ святыми причѣтенъ будеши и съ тѣми въ царствии у небеснаго владыки общьникъ будеши. И егда паки господь богъ повелитъ ми отъ свѣта сего преставитися и приити ми къ тебе, и тѣгда не имавъ разлучитися отъ себе, нъ въкупѣ будевѣ въ свѣтъ ономъ». И се рекъ, невидимъ бысть отъ него. Тѣгда же тѣ разумѣвъ, яко явление отъ бога бысть ему, не бо его видѣ двѣрми излѣзъша, ни паки двѣрми влѣзъша, нъ на немъ же мѣстѣ явивъся, на томъ же паки и невидимъ бысть. И въскорѣ же пригласивъ служащаго ему и пославъ по блаженаго Феодосия. Тому же въскорѣ пришедъшю, и глагола ему онъ весельмъ лицемъ: «Се, отче, буде ли тако, якоже нынѣ явивъся общьна ми ся». Блаженный же, яко не вѣдый того, отвѣща: «Ни, чадо, яко не вѣмъ того, еже глаголеши общьнание». Тѣгда же съповѣда ему, како молися и како явился ему тѣ самъ преподобный. То же услышавъ богодъхновеный отъць нашъ Феодосий, ослабивъся лицемъ и мало просльзивъся глаголетъ тому: «Ей, чадо! Будетъ ти, якоже ти ся общьна ангелъ, явивъся въ образѣ моемъ. Азъ же, грѣшный, како могу общьникъ быти славы оная, еже уготована есть правдѣникомъ?». Обаче онъ, слышавъ общьнание, радъ бысть. И тако братии малу събравъшюся, цѣлова вься и сиче съ миремъ предасть въ руцѣ душу пришедшимъ по нь ангеломъ. Тѣгда блаженный повелѣ ударити въ било, да съберуться братия, и тако съ лѣпотною чѣстїю и съ пѣниемъ погребоша чѣстное тѣло его, идеже и всю братию погрѣбаху.

По сихъ же множащихся братии, и нужда бысть славьному отъцю нашему Феодосию распространити монастырь на поставление келий, множества ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братією дѣлая и городя дворъ монастырьскый. И се же разгражену бывъшю монастырю и онѣмъ не стрѣгущемъся, и се въ едину ночь, тѣмъ сущи велицѣ, приидоша на ня разбойници. Глаголаху, яко въ полатахъ цѣрквьныхъ, ту есть имѣние ихъ съкръвено, да того ради не идоша ни къ единой же келии, нъ цѣрки устрѣмишася. И се услышаша

и насталъ его смертный час, то обратился къ богу, со слезами говоря такъ: «Господи мой, Исусе Христе! Сподобь меня приобщитися къ славе святыхъ твоихъ и вместе с ними войти въ царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, владыка, с отцомъ и наставникомъ моимъ преподобнымъ Феодосиемъ, но вместе с темъ прими меня на томъ свете, который уготовалъ ты для праведниковъ». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предсталъ передъ ложемъ его блаженный Феодосий, припалъ къ груди его и, целуя, сказалъ ему: «О чадо, господь послалъ меня ныне поведать тебе, что все, о чемъ ты молился богу, такъ и будетъ исполнено по просьбѣ твоей, и со святыми принятъ будешь, и вместе с ними явишься въ царство небеснаго владыки. Когда же господь богъ повелитъ мне покинуть этотъ светъ и прийти къ тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудемъ на томъ свете». И, сказавъ это, вдругъ исчез. Тогда Дамианъ понялъ, что это было явление отъ бога, ибо не видел, ни какъ тотъ выходилъ въ дверь, ни какъ входилъ, и на какомъ месте появился, на томъ же снова и сталъ невидимымъ. Онъ же, не медля, позвалъ прислуживавшаго ему и послалъ его за блаженнымъ Феодосиемъ. Когда тотъ поспешно пришелъ, то Дамианъ, с веселымъ лицомъ, обратился къ нему и сказалъ: «Что, отче, будетъ ли такъ, какъ ты, только что приходивъ, пообещалъ мнѣ?» Блаженный же, не зная ни о чемъ, отвечалъ: «Но, чадо, я не знаю, о какомъ ты говоришь общьнании». Тогда тотъ рассказалъ ему, какъ молился и какъ явился ему самъ преподобный. Услышавъ об этомъ, боговдохновенный отецъ нашъ Феодосий улыбнулся и, прослезившись, сказалъ ему: «О чадо! Будетъ все такъ, какъ обещалъ ангелъ, явившийся въ образѣ моемъ. Я же, грѣшный, какъ могу разделить ту славу, которая уготована праведникамъ?» Но Дамианъ, услышавъ то обещание, обрадовался. И когда собрались къ нему некоторые изъ братии, поцеловалъ ихъ всехъ и такъ въ мире предалъ душу въ руки пришедшимъ за нимъ ангеламъ. Тогда блаженный приказалъ ударить въ било, чтобы собралась вся братия, и съ подобающими почестями и съ пѣниемъ погребли чѣстное его тело тамъ, где погребали и другихъ монаховъ.

Къ тому времени возросла числомъ братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишкомъ много стало монаховъ и приходящихъ въ монастырь. И онъ самъ съ братією строилъ и огораживалъ дворъ монастырьскый. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожилъ никто монастырь, однажды, темной ночью, пришли въ монастырь разбойники. Говорили они, что въ цѣрки скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельямъ, а устремились къ цѣрки. Но тутъ слышали

гласъ поющихъ въ църкви. Си же, мнѣвъше, яко братии па-вечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помѣдливъше въ лѣсѣ, таче мнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, пакы придоша къ църкви. И се услышаша тѣ же глас и видѣша свѣтъ пречюднѣ въ църкви сущъ, и благоухание исхожаше отъ църкве, ангели бо бѣша поюще въ ней. Онѣмъ мнѣшемъ, яко братии полунощное пѣние съвършающемъ, и тако пакы отидоша, чающе, донѣдеже сии съконьчаютъ пѣние, и тѣгда, въшѣдъше въ църквѣ, поемлють вся сущая въ ѿ. И тако многашѣды приходящемъ имъ, и тѣ глас ангельскый слышашемъ. И се годъ бысть утряньюму пѣнию, и пономонареви биующю въ било. То же они, отъшѣдъше мало въ лѣсѣ и сѣдъше, глаголааху: «Чѣто сътворимъ? Се бо мнѣнтся намъ, привидѣние бысть въ църкви? Нѣ се да егда съберуться вси въ църквѣ, тѣгда, шѣдъше и отъ двѣри заступивъше, вся я погубимъ и тако имѣние ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тѣмъ святое то стадо искоренити отъ мѣста того, нѣ обаче ни како възможе, нѣ обаче самъ отъ нихъ побѣженъ бысть, богу помагающю молитвами преподобнааго отъца нашего Феодосия. Тѣгда бо зѣлии ти чело-вѣци, мало помудивъше, и преподобньюму тому стаду събравъшюся въ църквѣ съ блаженнымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ Феодосиемъ и поющемъ утряня псалмы, *устрьмишася* на ня, акы звѣрие дивии. Таче яко придоша, и се вънезаапу чюдо бысть страшно: отъ земля бо възятъся църкы и съ сущими въ ней възиде на въздусъ, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущей же въ църкви съ блаженнымъ не разумѣша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужа-сошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свой. И оттолѣ умилишася никомуже зѣла сътворити, якоже и старѣйшинѣ ихъ съ инѣми трѣми пришѣдъшемъ къ блаженному Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывъшее. Блаженный же, то слышавъ, прослави бога, спасъшааго я отъ таковыя смърти. Онъ же поучивъ я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща бога о всѣхъ сихъ.

Сицево же чюдо о църкви той и инѣгда пакы видѣ единъ отъ бояръ христороубца Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ ноци на поли, яко 15 поприщѣ отъ монастыря блаженааго. И се видѣ църквѣ у облака сущю. И въ ужастии бывъ, погна съ отроки, хотя видѣти, кая то есть църкы. И се яко доиде монастыря блаженааго Феодосия, тѣгда же, оному зрящю, съступи църкы и ста на своемъ мѣстѣ. Оному же тѣль-кнувъшю въ врата, и вратарю отвѣръзъшю ему врата, въниде и повѣда блаженному бывъшее. И оттолѣ часто приходяше къ нему и насыщаяся отъ него духовныхъ тѣхъ словесъ, подаваше же и отъ имѣния своего на състроение монастыря.

голоса поющихъ в църкви. Разбойники, подумавъ, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждавъ некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к църкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из църкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в църковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в църкви! Но вот что: когда соберутся все в църковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в църкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли църковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в църкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, так же славящих и благодарящих за все бога.

Такое же чудо с той же църковью видел потом и один из бояр христороубца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел църковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за църковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась църковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

И се же паки инъ боляринъ того же христоролюбца идый нѣколи съ князьмъ своимъ христоролюбцьмъ на ратьныя, хотящемъ имъ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемъ, глаголя, яко «аще възвращюся съдравъ въ домъ свой, то дамъ святѣй богородици въ монастырь блаженааго Феодосия 2 гривнѣ злата, еще же и на икону святыя богородицы вѣнць окую». Таче бывъшую сънятию и многомъ от бою оружиемъ падъшемъ. Послѣже побѣжени бывше ратьнии, си же спасени възвратишася въ дома своя. Боляринъ же забысть еже дасть святѣй богородици. И се по дньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудне въ храминѣ своей, и се приде ему глас страшнѣ, именемъ того зовущъ его: «Клименте!» Онъ же възспрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя богородицы, иже бѣ въ монастыри блаженааго, прѣдъ одрѣмъ его стоящю. И глас от нея исхожааше сице: «*Почто* се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми далъ? Нъ се нынѣ глаголю ти: потѣхися съвършити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя богородицы невидима бысть от него. Тъгда же боляринъ тѣ, въ страсть бывъ, таче възъмъ, имъ же бѣ обѣщалься, несъ въ монастырь, блаженному Феодосию въдасть, такоже и вѣнць святыя богородицы на иконѣ окова. И се же паки по дньхъ немнозѣхъ умысли тѣ же боляринъ дати евангелие въ монастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму Феодосию въ монастырь, имый подъ пазухою съкръвено святое евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не еще явивъшю еуангелия, глагола тому блаженный: «Първъѣ, брате Клименте, изнеси си святое еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщаль еси дати святѣй богородици, ти тѣгда сядемъ». Се слышавъ онъ ужасеся о проповѣданни преподобнааго, не бѣ бо никомуже о томъ възвѣстилъ. И тако изнесъ святое то евангелие, въдасть блаженному на руцѣ, и тако сѣдъ и духовныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свой. И оттолѣ велику любовь имяаше къ блаженному Феодосию и часто прихожааше къ нему, и велику пользу принимаше от него.

И егда же сии прихожааху къ нему, то же си и тако по божьствнѣмъ томъ учении прѣдъставляаше тѣмъ трапезу от брашнѣ тѣхъ монастырскихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Многашьды же и христоролюбцю Изяславу и таковыхъ брашнѣ възкушающю, якоже и веселяся, глаголаше блаженному Феодосию: «Се, якоже вѣси, отче, вѣсѣхъ благыхъ мира сего испълнися домъ мой, то же нѣсмъ тако сладька брашна възкушалъ, якоже нынѣ сѣде. Многашьды бо рабомъ моимъ *устроившим* различная и многоцѣнная брашна, ти не суть така сладька. Нъ молю ти ся, отче, повѣжь ми, откуда есть сладость си въ брашнѣ вашемъ?». Тъгда же богодѣхновеный отецъ Феодосий, хотя увѣрити того на любовь божию,

А некий другой боярин того же христоролюбца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христоролюбцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны злата и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сестъ, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христоролюбец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, желая укрепить благочестие князя,

глагола ему: «То аще, благый владыко, сия увѣдѣти хошеши, послушай насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии монастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы печи, или кую ину службу творити, тѣгда же пѣрвое шѣдъ единъ от нихъ възьметъ благословение отъ игумена, таче по сихъ поклонитъся прѣдъ святымъ олтѣрѣмъ три краты до земля, ти тако свѣщю възжеть отъ свѣтаго олтѣря и отъ того огонь възгнѣтитъ. И егда пакы воду възливая въ котль, глаголетъ старѣйшинѣ: «Благослови, отче!» И оному рекущю: «Богъ да благословитъ тя, брате!» И тако вся служба ихъ съ благословениемъ съвьршається. Твои же раби, и якоже рече, дѣлають сварящеса и шегающе и кльнуще другъ друга, многашьды же и биени суть отъ приставникъ. И тако же вся служба ихъ съ грѣхъмъ сѣтваряється». То же слышавъ, христороубецъ глагола: «Поистинѣ, отче, тако есть, якоже глагола».

А иже преподобный отъць нашъ Феодосий, иже поистинѣ испълненъ духа свѣтааго, тѣмъже и божия таланта умноживъ, иже населивъ мѣсто множествъмъ чѣрноризьць, иже пусто суще, монастырь славнѣ сѣтвори. Тѣмъже не хотяше никакоже прилога творити въ немъ, нѣ бѣ върою и надежею къ богу възкланяся, якоже паче не имѣти упования *имѣниемъ*. Тѣмъже и тако сего ради многашьды хожаше по келиямъ ученикъ своихъ, и аще чѣто обрящааше у кого, ли брашьно сѣнѣдно, ли одежею лише уставныя одежа, или отъ имѣния чѣто, сия възьмъ, въ печь възмѣташе, якоже вражию часть сущю и прѣслушание грѣху. И сиче же глаголаше имъ: «Нѣсть лѣпо намъ, братие, мѣнихомъ сущемъ и отвѣргъшемся мирскихъ, сѣбѣрание пакы творити имѣнию въ келию свою. Како же можемъ молитву чисту приносити къ богу, сѣкровища имѣнию дѣржаще въ келии своей? О семъ слыша господа рекуща, яко «иде сѣкровища ваша, ту и сѣрдыца ваша», и пакы о сѣбирающихъ: «Безумне, въ сию ночь душу твою възьму, а собранное тобой кому достанется?» Поэтому же, братие, довольни будѣмъ о уставныхъ одежахъ нашихъ и о брашьнѣ прѣдъложенѣмъ на трапезьници отъ келаря, а въ келии отъ сичевыхъ не имуще ничѣтоже, да тако съ всякимъ усѣрдиемъ и всею мыслию молитву свою чисту приносимъ къ богу». И се же и ина многа увѣщавааше я съ всякимъ сѣмѣрениемъ и съ слъзами учаше вся. Не бо николиже бѣ напраснѣ, ни гнѣвливъ, ни яръ очима, нѣ милосѣрдъ и тихъ, и милость имѣя къ всемъ. Тѣмъже и аще кѣто отъ свѣтааго стада раслабѣлъ бѣ сѣрдыцьмъ, отидяше отъ монастыря, то же блаженный его ради въ велицѣ печали и скѣрби будяше и моляся къ богу, дабы отблудивъшееся овѣча отъ стада его възвратилъ възпятъ. И такоже по вся дни прѣбываше плача и моля бога его ради, донѣдеже братъ тѣ

сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлеба печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христороубец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосий поистине был исполнен святого духа, потому и смог умножить божественное богатство, и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждою уповал на бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит господь: «Где сокровища ваши, там и сердца ваши»; и еще о тех, кто собирает их: «Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?» Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждami, разрешенными уставом, и пищею, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него бога, пока тот брат

възвратяшеся въспяты. То же того блаженный съ радостію примѣ учаше ѿ никакоже раслабѣти вражиями кѣзньми, ни попустити имѣ на ся, нѣ крѣпѣ стати. Се бо глаголаше яко «не мужьскыя есть душа, еже раслабѣти печальными сими напастыми». Си и ина многа глаголавъ, утѣшивъ того, отпустяше въ келию его съ мирьмъ.

Бѣ же ту единъ братъ слабъ сы, иже и часто отбѣгаше от блаженнаго монастыря, и егда пакы приидяше, то же блаженный съ радостію его принимаше, глаголаше бо, яко не имать бо его оставити тако, да кромѣ монастыря сего съконьчается. Се бо аще и многашьды отходя есть от насъ, нѣ съ имать въ монастыри семь коньць житію прияти. И моляше съ плачьмъ бога о немъ, прося тѣрпѣнія ему. Таче по мнозѣмъ исхожению ему, приде единою къ монастырю, моляся великому Феодосію, дабы приять бѣлъ. То же, иже поистинѣ милостивый и, яко овьча от заблудения пришьдѣшее, тако того съ радостію приять и причѣте къ стаду своему. Тѣгда же чѣрноризьць тѣ, иже бѣ своима рукама дѣлая, сътяжалъ имѣнія мало, бѣ бо платна дѣлая, сія принесъ, прѣдъ блаженнымъ положи. То же святыи глагола ему: «Аще хочещи чѣрноризьць съвѣршенъ быти, възьмъ сія, яко ослушания дѣло есть, въвѣрзи въ пещь горушу». Онъ же, иже теплѣ сый на вѣру, несъ, по повелѣнію блаженнаго въвѣрже въ пещь, и тако изгорѣ. Самъ же оттолѣ живяше въ монастыри томъ, прочая дѣни своя проводя, и тако ту по прореченію блаженнаго усъпе съ мирьмъ. Сицева ти бѣ любы блаженнаго, и сицево милосѣрдіе къ ученикомъ своимъ имяше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нѣ вся въкупѣ, яко пастухъ добрый, пакы пасяше, уча и утѣшая и словесы увѣщавая душа ихъ, кѣрѣмляше и напаяя не престаяше. Тѣмъже и многы на божий разумъ наводяше и къ небесному царствию направляше. Нѣ се пакы на прокое отселѣ съповѣдание отьца нашего Феодосія поидемъ.

Се бо въ единъ от днѣи приде келарь къ сему блаженному глаголя, яко въ сий дѣнь не имамъ, что прѣдъложити на ядъ, се бо ни съварити чѣто имамъ. Глагола тому блаженный: «Иди, потѣрпи мало, моля бога, не кѣли тѣ попечеться нами. Аще ли же, то да съваривѣше пшеницу, ти ту, съмятъ съ медьмъ, прѣдъставиши на трапезѣ братии, да ѣдятъ. Обаче же надѣюся на бога, иже въ пустыни людемъ непокоривымъ хлѣбъ небесный одѣжди и источи крастьли. Тѣ и намъ дѣньсь мощнѣ есть пищу подати». То слышавъ келарь отиде. И блаженный моляше бога о сихъ. И се прѣжереченый онъ боляринъ, богу ему възложышу на умъ, се бо напѣлнивъ три возы брашна: хлѣбъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пшено, еще же и медъ, и то посѣла къ блаженному въ монастырь. И еже видѣвъ, блаженный прослави бога ѿ глагола келарю:

не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостію принявъ его, наставляя никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давая им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей. Такими и иными словами утѣшив брата, отпускалъ его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостію, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосія принять его, Феодосій же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостію и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего послушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в бога, по повеленію блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердіе его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбился, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утѣшал, успокаивая души их, и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосіи.

Как-то в один из днѣи пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвѣчал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля бога, чтобы позаботился о нас. Или же, на крайний случай, свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на бога, который в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами. Тот бог и ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставленію божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил бога и обратился к келарю:

«Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать насъ богъ оставити, аще надѣмься на нь всѣмь сьрдцьмь. Нъ иди и сътвори обѣдъ братии великъ въ сий днь, се бо посѣщение божие есть». И тако блаженный възвеселися съ братиею на обѣдѣ веселиемъ духовнымъ, бѣ же самъ ѣда хлѣбъ сухъ и зелие варено без масла и воду пия — се же ѣдъ его бѣ въсегда. И николиже его бѣ видѣти дряхла или сньзъшася на обѣдѣ сѣдяща съ братиею, нъ въсегда весело лице имуща и благодатию божиею бѣ утѣшаяся.

Къ сему же блаженному нѣколи приведоша разбойники съвязаны, ихъ же бѣша яли въ единомъ селѣ монастырьскѣ, хотяща красти. Блаженный же, видѣвъ я съвязаны и въ такой скърби суца, съжалиси зѣло и, просльзивься, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ѣсти и пити. И тако паки тѣхъ учаше мьного, еже никогоже прѣбидѣти и никомуже зѣла сътворити. Подастъ же тѣмъ от имѣния довѣльное, еже на потрѣбу, и тако тѣхъ съ мирьмъ отпусти, славяща бога, якоже оттолѣ тѣмъ умилитися и никомуже зѣла сътворити, нъ своими дѣлы довѣльномъ быти.

Таково бо бѣ милосьрдие великааго отьца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, въ скърби суца и въ одежи худѣ, жаляшеси его ради и вельми тужаше о семь и съ плачьмъ того миновааше. И сего ради сътвори дворъ близъ монастыря своего и църквь възгради въ немъ святааго пьрвомученика Стефана, ту же повелѣ прѣбывати нищимъ и слѣпымъ и хромымъ и трудоватымъ, и от монастыря подавааше имъ еже на потрѣбу и от въсего суцааго монастырьскааго десятую часть даяше имъ. И еще же и по въся суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ.

Въ единъ же от дьнии приде къ преподобьному Феодосию прозвутерь от града, прося вина на службу святыхъ литургия. И ту абие блаженный, призъвавъ строителя църквьнаго, повелѣ наляти вина, юже ношаше викию, и дати ему. Онъ же глагола, яко «мало имамъ вина, еже тькъмо довѣлѣть на 3, или на 4 дньи святѣй литургии». Блаженный же отвѣща ему: «Излѣй въсе челоуку сему, и нами богъ да попечеться». Онъ же отшѣдъ и прѣбидѣвъ святааго повелѣния, вълия ему въ викию мало вина, оставивъ на утрия църквьнѣй службѣ. Прозвутерь же, несъ, еже мало ему въда, показа блаженному Феодосию. И паки призъвавъ пономаря, глагола ему: «Рѣхъ ти, излѣй въсе и о утрѣишьниимъ дьне не пьцися, не бо имать богъ оставити църкве сея въ утрий днь бе-службы, нъ се въ сий днь подастъ намъ вина до избытка». Тьгда же, шѣдъ, пономарь излия въсе вино прозвутерови и тако ѣ отпусти. Таче цо отѣдении къ вечеру сѣдящемъ имъ, и се по проречению блаженаго привезоша 3 возы пѣльны суце кърьчагъ съ виньмъ, ихъ же посъла жена нѣкая, иже бѣ

«Вот видишь, брат Федор, что не оставляет нас бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи варенные без масла, запивая водой, — такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью божьей.

Къ тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их, связанных и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великаго отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана, и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство

прѣдъръжаши вся въ дому благовѣрнааго князя Всеволода. Си же видѣвъ, парамонарь прослави бога, чюдяся проповѣданію блаженаго Феодосія, еже якоже рече: «Въ сій днь вина до избытка богъ подасть намъ»,— такоже и бысть.

Бывъшу же нѣколи дньи святаго и великаго Дмитрія, въ нь же Христа ради мучению коньць приять, преподобному же Феодосію съ братією идущу въ монастырь святаго Дмитрія, и се принесоша ему хлѣбцы нѣ от книхъ зѣло чисты, ихъ же повелѣ келарю прѣдъложити на ядь оставъшии ту братіи. И то же онъ, прѣслушавъся того, помысли въ себѣ, глаголя, яко «въ утрѣй днь, пришѣдъши всеей братіи, прѣдъложю сѣ хлѣбы на ѣдь имъ; нынѣ же монастырьскій хлѣбъ и да прѣдъложю сѣй братіи». Якоже помысли, такоже и сътвори. И въ утрѣй днь сѣдъшемъ имъ на обѣдѣ, хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ сущемъ, таче блаженный прѣзрѣвъ и видѣ хлебы такы суца, и, пригласивъ келаря, въпрашаше его, откуда си суть хлѣби. Онъ же отвѣщева, яко «въчера принесени суть, нѣ сего ради въчера малу суццю братіи, помыслихъ въ сій днь всеей братіи прѣдъложити на ядь». Тѣгда же блаженный глагола ему: «Лѣпо бѣ не пещися о приходящимъ дньи, нѣ по повелѣнію моему сътворити. И нынѣ бы господь нашъ и присно печеться нами, большими попеклъся и подалъ намъ еже на потрѣбу». Таче повелѣ единому от братіѣ събрати въ кошъ укрукы ты и, несъше, посрѣдѣ рѣкы въсыпати ѣ, оного же епитимією утвърди, якоже прѣслушание сътвориша.

Сицимъ же образъмъ творяше, еже аще слышаше кое дѣло творимо, благословенію пѣрвое не възятю бывъшу, не бо хотяше, да святое стадо того таковааго брашна въкусити, еже не благословленіемъ сътворено и от прѣслушания суце, нѣ се яко вражію часть суццю повелѣваше овѣгда въ пещь горущю въмѣтати, овѣгда же въ рѣчныя струя въврѣщи.

Се же якоже по смърти блаженаго отьца нашего Феодосія сицева нѣкака от прѣслушания вещь бысть, еже аще нѣсть лѣпо съде съповѣдати ея, имъ же на въспомановеніе того приидомъ и сему подобно слово къ слову приложимъ.

Се бо по изгнании еже от монастыря преподобнааго нашего игумена Стефана и великому *Никону* игуменство прѣимъшу, приспѣвшемъ же дньмъ святааго и великаго поста. И въ I-вую недѣлю таковааго въздържания и яко добрымъ подвижникомъ потрудившемъся въ ту недѣлю, тѣмъже уставлено бысть преподобнымъ отьцмъ нашимъ Феодосіемъ, въ пятокъ тоя недѣля да бывають имъ хлѣби чисти зѣло, друзии же от нихъ съ медъмъ и съ макъмъ творени. То же тако повелѣвшу Никону по обычаю творити келарю, онъ же прѣслушанию творя, сълѣга, рекый яко «муки не имамъ на сътвореніе такимъ хлѣбомъ». Нѣ обаче богъ не прѣзрѣ труда

въ доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил бога, удивляясь предвиденію блаженного Феодосія, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам бог вина до избытка»,— так и случилось.

Как-то в день святого и великого Дмитрія, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосій с братіей отправились в монастырь святого Дмитрія, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосій повелел келарю подать их на стол оставшейся братіи. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братія, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братіи подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братіи собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимією за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольскій — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосія случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосіем, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлебы, а другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, ослушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, бог не оставил труда

и молитвы преподобныхъ своихъ, и да паки не разориться уставленное божьствомъ Феодосиемъ. Се бо по святѣй литургии идущемъ тѣмъ на постыныя ты обѣды, се отнюду же бѣ не начаятся тоже, тако ти привезоша возъ таковыхъ хлѣбъ. Еже видѣвъше братия прославиша бога, чюдящися, како присно богъ печеться ими, подавая вся имъ, еже на потребу, молитвами преподобнаго имъ отца и наставника Феодосия. Таже по дѣвою дѣнью повелѣвъшю келарю, да по обычаю хлѣбы братии испекуть въ муцѣ той, ея же бѣ прѣже рекль «не имамъ», то же пекущимъ готовящемъ и тѣсто мѣсящемъ и паки имъ лѣющемъ укропъ въ не, и се обрѣтесе ту жаба, якоже той варенъ быти въ таковѣй водѣ и такоже то тѣмъ оскверни, иже от прѣслушания твореное дѣло. Богу сице извольшю на съблюденіе святаго стада, иже и таковъ подвигъ сътворише въ святую ту недѣлю, то же да не таковыхъ хлѣбъ въкусятъ. Нѣ се, яко вражию часть сущю, гадѣмъ оскверни сию богъ, якоже на показаніе тому быти. Еже о семь да не зазреть ми никѣтоже от васъ, яко сии съде въписахъ и прѣсѣчение слову сътворихъ: се бо сего ради си въписахъ, да разумѣете, яко нѣсть лѣпо намъ ни въ чемъ же ослушати наставника игумена своего, вѣдуще, яко аще чѣто утаимъ от него, нѣ от бога нѣсть потаено ничѣтоже, и тѣ имать въскорѣ мсть сътворити о немъ, его же постави намъ старѣйшину и пастуха, яко да вси послушаютъ его и по повелѣнію его вся съворимъ.

Обаче же уже на първое съповѣданіе възвратимъся, яже о блаженѣмъ Феодосии исповѣдающе.

Се бо приспѣвъшю нѣколи празднику Успенія прѣсвятая богородица, бѣша же и цѣркви творяще праздникъ въ тѣ днь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вліяніе въ тѣ днь. Помысли строитель цѣрквѣный въ сѣмени льнянѣмъ избити масла, и то, вліявъше въ кандила, възжечи. И въпросивъ о томъ блаженаго Феодосия, и оному повелѣвъшю сътворити тако, якоже помысли. И егда възхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышъ впадышю въ не, мъртву плавающу въ немъ. Таче скоро шьдъ, съповѣда блаженому, глаголя, яко «съ всякимъ утвѣрженеемъ бѣхъ покрылъ съсудъ тѣ съ маслѣмъ, и не вѣдѣ, откуда влѣзе гадъ тѣ и утопе». То же блаженный помысли, яко божіе есть съмотреніе се. Похуливъ же свое невѣрство, глагола тому: «Лѣпо бы намъ, брате, падежю имѣти къ богу уповающе, яко мощнѣ есть подати намъ на потребу, его же хошемъ. А не тако, невѣрствовавъше, съворити, его же не бѣ лѣпо. Нѣ иди и пролѣй масло то на землю. И мало потърпимъ, моляще бога, и тѣ имать намъ дати въ сій днь до избытка дрѣвянаго масла». Таче уже бывшю году вечерньому, и се нѣкѣто от богатыхъ принесе кърчагу велику зѣло, пълну

и молитв преподобныхъ своихъ, чтобы не было попроано уставленное божественнымъ Феодосиемъ. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно такихъ хлебов. Видя это, братия прославила бога, удивляясь, какъ постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвамъ преподобного отца и наставника ихъ Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, какъ положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодомъ ослушанія. Случилось же то по изволению божию для спасенія святаго стада, чтобы после того, какъ совершили братья подвигъ в святую ту недѣлю, не испробовали бы таковыхъ хлебов. Но какъ дело дьявольское — гадомъ осквернил его богъ, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написалъ об этомъ и прервалъ свое повествованіе: сделалъ я того ради, чтобы знали вы, какъ не следуетъ намъ ни в чемъ ослушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаимъ от него что-либо, то от бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшимъ над нами и пастухомъ, чтобы все слушались его и творили все по его повеленію.

Однако возвратимся къ прежнему повествованію о блаженномъ Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успенія святой богородицы, и в цѣркви готовился праздникъ в тот день, но не хватило деревяннаго масла, чтобы залить в лампы. И решил пономарь надавить масла из льнянаго семени, и, разливъ то масло по лампадамъ, възжечь их. И спросил на это разрешеніе у блаженнаго Феодосия, и тот велелъ ему сделать такъ, какъ задумалъ. И когда уже собрался разливать масло по лампадамъ, то увидел, что в немъ плавает упавшая туда мертвая мышъ. Поспешил он къ блаженному и сказал: «Ужъ с какимъ стараніемъ накрывалъ я сосудъ с масломъ и не пойму, какъ пролезъ этот гадъ и утонулъ!» Но блаженный понялъ, что это — проявленіе божьей заботы. И, укоривъ себя за неверіе, сказал пономарю: «Следовало бы намъ, брате, возложить надежду на бога, ибо он можетъ подати намъ все, чего ни пожелаемъ. А не такъ какъ мы, потерявшие веру, делать то, что не следуетъ. Такъ иди же и вылей то масло на землю. И подождемъ немного, помолимся богу, и он подастъ намъ сегодня деревяннаго масла с избыткомъ». Уже насталъ вечер, когда неожиданно кто-то из богатыхъ принесъ огромную корчагу, полную

масла дрѣвнааго. Ю же видѣвъ, блаженный прослави бога, яко тѣ въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вься, и избыся его большая часть. И тако сътвориша на утрѣй днь праздникъ свѣтъль святыя богородиця.

Боголюбивый же князь Изяславъ, иже поистинѣ бѣ теплъ на вѣру, яже къ господу нашему Иисусу Христу и къ прѣчистѣй матери его, иже послѣже положи душу свою за брата своего по господню гласу, съ любовью имѣя, якоже речеся, не просту къ отцю нашему Феодосию, и часто приходя къ нему, и духовныхъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единѣ от дний пришьдѣшу тому, и въ църкви сѣдѣма има на божьствѣнѣй тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечерний. Тако же сий христороубецъ обрѣтесе ту съ блаженнымъ и съ чьстною братиею на вечернихъ славословии. И абие божию волею дѣждю велику лѣющюся, блаженный же, видѣвъ тако належаніе дѣждю, призъвавъ же келаря, глагола ему: «Да пригостиши на вечерю брашна на ядь князю». Тѣгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити князю и сущимъ съ нимъ». Глагола тому блаженный: «Ни ли мало имаша?» Отвѣща онъ: «Ей, отче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, якоже рече, опворотилъ таковъ съсудъ тѣщъ и ниць положилъ». Глагола тому паки блаженный: «Иди и съмотри истѣе, еда остана или мало чьто от него будетъ». Онъ же отвѣщаваше рекый: «Ими ми вѣру, отче, яко и съсудъ тѣ, въ немъ же бѣ таковое пиво, опворотихъ и тако ниць положихъ». То же блаженный, иже поистинѣ испльненъ духовныхъ благодѣти, глагола тому съ: «Иди по глаголу моему и въ имя господа нашего Иисуса Христа обрящеша медъ въ съсудѣ томъ». Онъ же, вѣру имѣ блаженному, отъиде, и пришьдѣ въ храмъ, и по словеси святааго отца нашего Феодосия обрѣте бѣчьвъ ту правѣ положену и пльну сущю меду. Въ страѣ же бивъ и въскорѣ шьдѣ, съповѣда блаженному бывшее. Глагола тому блаженный: «Мѣлъчи, чадо, и не рьци никомуже о томъ слова, нѣ иди и носи, елико ти на трѣбу князю и сущимъ съ нимъ; и еще же и братии подай от него, да пють. Се бо благословение божие есть». Таче паки дѣждю прѣставшю, отъиде христороубецъ въ домъ свой. Бысть же тако благословение въ дому томъ, якоже на мьногы дни довльномъ имъ тѣмъ быти.

Въ единѣ же паки от дний от единая вьси приде мьнихъ монастырьскый къ блаженному отцю нашему Феодосию, глаголя, яко «въ хлѣвинѣ, идеже скотъ затваряемъ, жилище бѣсомъ есть, тѣмъже и многу пакость ту творять въ немъ, якоже не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутерь молитву творить и водою святою покрапляя, то же *никако*: остана зѣлии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту». Тѣгда же отць нашъ Феодосий

деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправили все лампы, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христороубец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение божье». Тем временем дождь перестал и христороубец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий

вооруживъся на ня постъмь и молитвою по господню гласу, еже рече: «Съ родъ изгонитъся ничимъже, тькъмо молитвою и постъмь». Тьмъже уповая блаженный, яко имать прогнати я от мѣста того, якоже дрѣвле от мѣсильнища. И прииде въ село то и вечеръ въниде единъ въ хлѣвину ту, идеже бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ двѣри, ту же прѣбысть до утрянны, молитву творя. Якоже от того часа не явится бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никомуже. Молитвами преподобнаго отца нашего Феодосия, яко се оружиемъ отгнани быша от вьси тоя. И тако паки блаженный приде въ манастырь свой, яко храбръ сильнъ, побѣдивъ злыя духы, пакостьствующа въ области его.

Паки же нѣколи въ единъ от днѣи къ сему блаженному и преподобному отцю нашему Феодосию приде старѣй пекущимъ, глаголя, яко «муки не имамъ на испечение хлѣбомъ братии». Глагола тому блаженный: «Иди, съглядай въ сусѣцъ, еда како мало муки обрящещи въ немъ, донѣдеже паки господь попечеться нами». Онъ же вѣдяшеся, яко и помелъ бѣ сусѣкъ ть и въ единъ угълъ мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригъръще, тьмъже глаголаше: «Истину ти вѣщаю, отче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ ть, и нѣсть въ немъ ничьсоже, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомъ». Глагола тому отць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощнъ есть богъ, и от тѣхъ малыхъ отрубъ напълнитъ намъ сусѣкъ ть муки, иже якоже и при Илии сътвори вѣдовици оной, умноживъ от единѣхъ пригъръщъ муки множество, якоже прѣпитатися ей съ чады своими въ гладное врѣмя, донѣдеже гобино бысть въ людѣхъ. Се бо нынѣ ть же есть, и мощнъ есть и такоже и намъ от мала мьного сътворити. Нъ иди и съмотри, еда благословение будетъ на сусѣцъ томъ». То же слышавъ, онъ отъиде, и яко въниде въ храмъ ть, ти видѣ сусѣкъ ть, иже бѣ прѣвѣ тѣщъ, и молитвами преподобнаго отца нашего Феодосия пълнъ сущъ муки, якоже прѣсыпатися ей чрѣсъ стѣну на землю. Тьгда же въ ужаси бысть, видя таковое прѣславное чудо и, въспятивъся, блаженному съповѣда. То же святой къ тому: «Иди, чадо, и не яви никомуже сего, нъ сътвори по обычаю братии хлѣбы. Се бо молитвами преподобныхъ братия наша посла богу милость свою къ намъ, подая намъ вься на потрѣбу, его же аще хошемъ». Тако ти тѣщание бѣ къ богу надежа преподобнаго *Феодосия* и тако упование имяше къ господу нашему Иисусу Христу, якоже не имѣти надежа о земьныхъ никоеяже, ни уповати же ни о чемъ же въ мирѣ семъ, нъ бѣ вьсею мыслию и вьсею душею къ богу вьскланяся и на того вьсе упование възложъ, никакоже пекыйся о утрянимъ дне и господень глас по вься днѣи имяше на памяти сьрдця своего, еже рече: «Не пьцѣтеся ни о чемъ же и съмотри же пѣтиць небесныхъ, како не сѣютъ,

вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: «Ничем не истребитъся этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлеба. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусеке, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни,— и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлеба для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на бога у преподобного Феодосия, так уповал он на господя нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют,

ни жьнють, ниже събирають въ житъниця своя, нъ отьць небесный питаетъ я, кольми паче тѣхъ уньше есте вы». Тѣмъ же по вся ноши моляшеса къ богу съ слъзами о стадѣ своемъ глаголя: «Яко ты нынѣ еси, владыко, съвѣкупилъ въ мѣсто се, и аще годѣ ти есть жити намъ въ немъ, буди намъ помощникъ и податель всѣмъ благимъ. Се бо въ имя прѣсвятая матере твоя възраженъ бысть домъ сий. Мы же паки въ твое имя събраны въ нѣ, и ты съблюди ны и съхрани отъ всякаго съвѣта въселукавааго врага и сподоби ны получити вѣчную жизнь. Присно же вълагай въ сѣрдьця наша страхъ твой, яко да тѣмъ причастимъ благая она, яже уготова правдѣникомъ». И тако паки по вся дъни прѣбывааше, братию уча, и утѣшая, и запрѣщая же никакоже расслабѣти, нъ крѣпѣ быти на вся труды чьрьньчьскыя. И тако прилежаниемъ стадо свое пасяаше, блюды ѳ, еда нѣкако злоскзньный вѣлкѣ, въшьдѣ, распудитъ божьствьное то стадо. Тѣмъ же о семь, якоже и челоуку нѣкоему христороубиву и боюща бога явлениемъ открься еже о блаженѣмъ и преподобнѣмъ отьци нашемъ Феодосии и о прѣчистѣй того и непорочнѣй молитвѣ, еще же и о святѣмъ того монастыри, и отъ того паки показуя ино мѣсто, якоже тѣмъ ту прѣселитися. Есть бо мала гора, надълежащи надъ монастырьмъ тѣмъ, и челоуку тому туда въ ноши по ней ѳдущу, и се видѣти тому чюдо испълнь ужаси. Ноши бо сущи тѣмнѣ, свѣтъ же прѣчюднѣ тѣкъмо надъ монастырьмъ блаженааго, и се, яко възрѣвъ, видѣ прѣподобнааго Феодосия въ свѣтѣ томъ, посрѣдѣ монастыря прѣдѣ църквию стояща, руцѣ же на небо въздѣвъшю и молитву къ богу прилѣжно творяща. Таче тому зрящю и чюдящюся о томъ, и се ино чюдо явльшеса тому: пламень великъ зѣло отъ вѣрха църквьнааго ишьдѣ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другый хѣльмъ, и ту тѣмъ коньцьмъ ста, идеже блаженный отьць нашъ Феодосий църквь назнамена, начатъ зѣдати послѣже. Се же якоже и доннѣ есть на мѣстѣ томъ монастырь славынѣ. Сий же тако пламень тѣ явльшеса тому, яко дуга стоя единѣмъ коньцьмъ на вѣрху църквьнѣмъ, таче и другимъ на нареченѣмъ мѣстѣ, донѣдеже тому заѣхавшю за гору не видѣти того. Се же якоже то самъ видѣвъ, исповѣда единому отъ братия въ монастыри блаженааго, иже истинна суть. Тѣмъ же есть лѣпо намъ съ божьствьнымъ Ияковѣмъ рещи, яко есть господь на мѣстѣ семь и есть свято мѣсто се и нѣсть ино, нѣ се домъ божий и си врата небесная.

И се же паки подобно есть рещи, еже яко пишеться таково о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ. Се бо въ едину ношь такоже тому шѣдшю ис келия своя и молящюся, и се показася тому стѣльпѣ огньнѣ до небесе сущѣ. Таче потомъ, якоже дошьдѣ мѣста того, и обрѣте въ немъ пещеру и ту тако въ мало дъний

не жнут, не собираютъ в житницы свои, но отецъ небесный питаетъ их, насколько же вы лучше их». Поэтому онъ еженощно со слезами молил бога о стаде своемъ, говоря: «Какъ уже ныне, владыка, собралъ ты насъ в месте этомъ, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь намъ помощникъ и податель всехъ благъ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведенъ домъ этотъ. И мы тоже во имя твое собраны в немъ, и сбереги и сохрани насъ отъ всяческихъ козней лукавейшего врага и сподоби насъ обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцамъ нашимъ трепетъ передъ тобой, ибо только этимъ удостоимся мы благъ, уготованныхъ праведникамъ». И такъ день за днемъ учил онъ братию, и утешалъ, и удерживалъ ихъ, чтобы не ослабели духомъ, но твердыми были бы во всехъ подвигахъ монашескихъ. И такъ прилежно пасъ стадо свое и берегъ его, чтобы злокозненный волкъ, напавъ, не разогналъ бы божественное то стадо.

А теперь о томъ, какъ челоуку некоему, христороубивому и боюща бога, было видение о блаженномъ и преподобномъ отце нашемъ Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святомъ монастыре его — и такъ указано было то место, куда суждено будетъ братии переселиться.

Есть надъ монастыремъ невысокая горка, и тотъ челоуекъ ехалъ по ней ночью и вдругъ увиделъ чудо, повергшее его в ужасъ. Ночь была темной, но надъ монастыремъ блаженного сиялъ чудесный светъ, и вотъ, присмотревшись, увиделъ тотъ челоуекъ в сиянии этомъ преподобнаго Феодосия, стояща посередине монастыря передъ църквю, воздевъ руки къ небу и прилежно молящагося богу. Пока смотрелъ тотъ, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: изъ купола църкви поднялся огненный столбъ и, изогнувшись наподобие свода, достигъ другого холма, и на томъ месте оказался конецъ его, где блаженный отецъ нашъ Феодосий указалъ место для църкви, которую и началъ строить впоследствии. Вотъ и донныне на этомъ месте стоитъ славный монастырь. И этотъ пламень, словно дуга, стоявшая однимъ концомъ на куполе църковномъ, а другимъ на описанномъ выше месте, виденъ былъ челоуку тому, пока не заехалъ тотъ за гору. Обо всемъ этомъ, что онъ виделъ, поведалъ тотъ одному изъ братьевъ в монастыре блаженного какъ истинную правду. Поэтому и намъ следуетъ возгласить вместе съ божественнымъ Иаковомъ, что самъ господь пребываетъ на месте томъ, и свято место то, и нетъ другого подобнаго, но здесь и есть домъ божий и врата небесныя.

И стоитъ еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великаго Саввы. Однажды ночью онъ также вышелъ изъ келия своей помолиться, и вдругъ предсталъ передъ нимъ огненный столпъ до самого неба. Когда же онъ дошелъ до места того, то обнаружилъ тамъ пещеру и в скоромъ времени

сътвори манастирь славнь. Такоже и съде разумѣвати есть, богу назнаменовашю мѣсто то, еже яко видѣти есть манастирь славнь сушь на мѣстѣ томъ, иже и донинѣ есть молитвами его цвѣтушь.

Сицева ти бѣ блаженнаго отьця нашего Феодосия молитва еже къ богу о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ, и сицево бѣдѣние и несѣпанье по вся ноци, и тако сияше яко свѣтило прѣсвѣтло въ манастири томъ.

Тѣмъже тако того молитвами благый богъ ино паки чюдо показа о святѣмъ томъ мѣстѣ челоукомъ близъ ту *живущемъ*, иже якоже и послѣже съповѣдаша всей братии бывшее. Въ едину бо ноць слышаша гласъ бещисльно поющихъ. То же яко ти слышаша гласъ тѣ, вѣсташа от ложь своихъ и, ишѣдше исъ храмъ и на висоцѣ мѣстѣ ставше, съмотряху гласа того. Сияше бо и свѣтъ великъ надъ манастирьмъ блаженнаго, и се видѣша множество чьрноризьць исходящъ отъ ветъхья църкве и бяхуть грядуще на нареченое мѣсто, носяху же прѣди икону святая богородица. Вси иже ти въ слѣдѣ идуще, пояху, и вси въ рукахъ свѣщѣ горущѣ имяхуть, прѣдъ ними же идяше преподобный отьць ихъ и наставникъ Феодосий. Таче дошѣдше мѣста того, ту же пѣние и молитву сътворише, възвращахуся въспять. И, якоже тѣмъ зрящемъ, вѣнидоша паки поюще въ ветъхую църкъвь. Се же не единъ, ни дѣва видѣста, нъ мнози людие, видѣвше сия, съповѣдааху. Си же, якоже разумѣти есть, аньгеломъ сице явльшимъся быти, имъ же от братия ни единому же сихъ чювъшо, богу сице извольшо и съкрывъшо отъ нихъ тайну сию. И якоже послѣже слышавше, прославиша бога, творящааго чюдеса велика и прославляющааго мѣсто то и освящающа е молитвами преподобнааго отьця нашего Феодосия.

Нъ се паки лѣпо есть намъ сия съповѣдавше на прокое похваление блаженнааго съказание поити и яже о немъ достойная съ истиною исповѣдающе, еже по господи нашемъ Исусѣ Христѣ того рѣвние. Се бо и сиць обычай имяше блаженный, якоже многашѣды въ ноци вѣстая и отай вѣсѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметьники и безаконьники тѣхъ нарицаая, жѣдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиень быти.

И се же якоже бѣ отъходя въ постыныя дѣни въ прѣжѣреченую пещеру и оттуду паки многашѣды, якоже того не вѣдуцю никомуже, въ ноци вѣставъ и, богу того съблюдающю, отходяше единъ на село манастирьско, и ту уготованъ сущи пещерѣ въ съкръвенѣ мѣстѣ, и никомуже того вѣдуцю, прѣбывааше въ ней единъ до вѣрбьныя недѣля, и такоже паки прѣидяше паки въ ноци въ прѣжереченую пещеру, и оттуда въ пятъкъ вѣрбьныя недѣля къ братии излазяше, якоже тѣмъ мнѣти, ту ему прѣбывъшо въ постыныя дѣни. И тако

построил там славный манастирь. Так и здесь следует понимать, что бог указал то место, на котором находится манастирь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей слышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле божьей скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за господя нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый богом, в село монастырьское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до вѣрбной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу вѣрбной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал

прѣбывааше, не дадый себѣ покоя бѣдѣниемъ и молитвами вѣсьми ношными о стадѣ своемъ, моля бога и того призывая помощника имъ быти о вѣсякомъ подвижѣ ихъ, и по вѣся ноши обиходя дворъ манастырскый и молитву творя, и тою огражая и яко градѣмъ твѣрьдѣмъ стрѣгый, яко да не вѣшьдѣ змий лукавый плѣнить кого от ученикъ его. И тако бѣ оградилъ вѣся области его манастырскыя.

Се бо нѣколи ятомъ бывшемъ мужемъ разбой творящемъ от нѣкыхъ стрѣгущихъ дому своего, и бысть съвязаномъ имъ сущемъ и ведомомъ въ градъ къ судии. И се по изволенію божию сълучися имъ миновати мимо едино село манастырское, и единъ от зѣлодѣй тѣхъ съвязанныхъ, поковывавъ главою на село то, глаголаше якоже «нѣколи въ едину ночь приидохомъ къ двору тому, разбой хотяще творити и поимати вѣся сущая, и видѣхомъ градъ сущъ высокъ зѣло, яко не мощи намъ приблизитися емъ». Сице бо бѣ благой богъ оградилъ невидимо вѣся та съдѣржания молитвами правдынааго и преподобнааго сего мужа. Тѣмъже и божьствыный Давыдъ о семь прѣдъизвѣща, рекый: «Очи господни на правдыныя и уши его въ молитву ихъ». Присно бо владыка, създавый ны, прикладаетъ слуха своя на послушание призывающимъ и вѣистину, и такоже молитву ихъ услышавъ, спасе я. Съде же по воли ихъ и прошению вѣся творить, имъ же упѣвающимъ на нь.

Сицево преподобному и прѣблаженному отьцю нашему Феодосию пасущю стадо свое съ вѣсякымъ благочѣстиемъ и чистою и еще же и житие свое съ въздѣржаниемъ и подвигомъ исправляющю, бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако от вѣсе лукавааго врага въ трѣхъ кнѣзяхъ, братии сущемъ по плѣти, якоже дѣвѣма брань сътворити на единого старѣйшааго си брата, христороубца, иже поистинѣ боголюбца Изяслава. То же тако тѣ прогнѣнъ бысть от града стольнааго, и онѣма, пришѣдѣшема въ градъ тѣ, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправдынѣмъ томъ съвѣтѣ. То же, иже бѣ испълненъ духа святого, преподобный же Феодосий разумѣвъ, еже неправдыно сущѣ изгнание, еже о христороубци, глаголетъ посъланому, яко не имамъ ити на тряпезу Вельзавелину и причаститися брашна того, испълнь суща крѣви и убийства. И ина же многа укоризна глаголавъ, отпусти того, рекый, яко да възвѣстиши вѣся си посълавѣшимъ тя.

Нъ обаче она, аще и слышаста си, нъ не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правдына суща чловѣка божиа, ни паки же послушаста того, нъ устрѣмистася на прогнѣнание брата своего, иже от вѣсея тоя области отгнѣнаста того, и тако възвратистася вѣспять. И единому съдѣшю на столѣ томъ брата и отьца своего, другому же възвративѣшюся въ область свою,

он, изнуряя себя бодрствованиемъ и ночными молитвами о стаде своемъ, моля бога и призывая его помочь имъ в ихъ подвигахъ; и каждую ночь обходил двор манастырскый, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал манастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли манастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели ихъ связанныхъ в город къ судье. И так случилось по воле божьей, что проводили ихъ мимо одного из сел манастырскихъ, и один из техъ связанныхъ злодеев, показав кивкомъ головы на село, промолвилъ: «Как-то ночью пришелъ я къ тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увиделъ стену высокую, так что невозможно было намъ и приблизиться къ нему». Это ведь благой богъ невидимо оградилъ все находившееся тамъ по молитвамъ праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давидъ об этомъ вещалъ: «Очи господни устремлены на праведныхъ, и уши его внимаютъ молитвамъ ихъ». Постоянно ведь владыка, создавший насъ, склоняетъ слухъ свой, внимая искренне призывающимъ его, и, услышавъ молитву ихъ, спасетъ ихъ. Здесь же по желаніямъ и по просьбамъ братии, уповающей на него, все творитъ.

В то время, когда преподобный и прѣблаженный отецъ нашъ Феодосій пас стадо свое со всяческимъ благочѣстиемъ и чистою и свою жизнь проводилъ в воздержаніи и подвигахъ, начался раздоръ — по наущенію лукаваго врага — среди трехъ князей, братьевъ по крови: двое из нихъ пошли войной на третьяго, старшаго своего брата, христороубца и поистинѣ боголюбца Изяслава. И былъ изгнанъ онъ из своего стольнаго города, а они, придя в городъ тотъ, послали за блаженнымъ отцомъ нашимъ Феодосиемъ, приглашая его прийти къ нимъ на обедъ и приобщиться къ неправедному ихъ союзу. Но тотъ, исполненный духа святого, преподобный Феодосій, видя, что несправедливо изгнанъ христороубецъ, ответилъ посланному, что не пойдетъ на пиръ Иезавелинъ и не прикоснется къ яствамъ, пропитаннымъ кровью убиенныхъ. И долго еще укорялъ и, отпуская посланнаго, наказалъ ему: «Передай мои слова пославшимъ тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогнѣваться на него, ибо правду сказалъ человекъ божій, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назадъ. Один из нихъ селъ на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой уделъ.

Тогда же отец наш Феодосий, наполнившись святого духа, начатъ того обличати, яко неправдѣно сътворивъша и не по закону съдѣша на столѣ томъ, и яко отца си и брата старѣйшаго прогнѣнавъша. То же тако обличаше того, овѣгда епистолия пиша, посылааше тому, овѣгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличаше того о неправдѣнѣмъ прогнѣнаніи брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Глас крѣве брата твоего въпиетъ на тя къ богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многихъ дрѣвнѣихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидникъ приводя, и притѣчами тому вся еже о немъ указавъ и тако въписавъ, посъла. И яко тѣ прочте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко левъ рикнувъ на правдѣнаго, и удари тою о землю. И якоже оттолѣ промѣчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженному. Тоже братия въ велицѣ печали быша и моляху блаженаго остатися и не обличати его. Тоже такоже и от бояръ мнози приходяще повѣдаху ему гнѣвъ князь на того сушь и моляху и не супротивитися ему. «Се бо,— глаголааху,— на заточение хочеть тя посълати». Си же слышавъ блаженный, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духомъ и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже въ житии семь: еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтий отлучению и селѣ опечалуетъ мя? Ничьсоже от таковыхъ принесохсмъ въ миръ съ, нѣ нази родихомся, такоже подобаетъ намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмъже готовъ есмь или на смърть». И оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нѣ обаче онѣ, аще и вельми разгнѣвался бѣ на блаженаго, нѣ не дѣръзну ни единого же зѣла и скѣрьбна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобна и правдѣна суща его. Якоже прѣже многашѣды его ради завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своей, якоже съповѣдаше, слышавъ от того, чѣрноризецъ Павль, игумень сый от единого монастыря, сущихъ въ области его.

Блаженный же отецъ наш Феодосий, много молимъ бывъ от братѣ и от вельможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсоже успѣшно сими словесы тому, остася его, и оттолѣ не укаряше его о томъ, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

Не по мнозѣхъ же днѣхъ разумѣвъ благой князь тѣ прѣложение блаженаго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, въздрадовася зѣло, издавна бо жадааше бесѣдовати съ нимъ и духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженному, аще повелитъ тому прити въ монастырь свой или ни? Оному же повелѣвъшу тому прити. То же сий,

Тогда же отецъ наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнавъ старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая незаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризецъ Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отецъ наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался

съ радостію въставъ, приде съ боляры въ монастырь его. И великому Феодосію съ братіею ишъдъшу ис църкве и по обычаю сърѣтъшю того и поклоньшемася, якоже е лѣпо князю, и тому же цѣловавъшю блаженаго. Таче глаголаше се: «Отче, не дързняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не въпустиши насъ въ монастырь». То же блаженный отвѣща: «Чѣто бо, благий владыко, успѣть гнѣвъ нашъ еже на държаву твою. Нѣ се намъ подобаеъ обличити и глаголати вамъ еже на спасение души. И вамъ лѣпо естъ послушати того». И тако же въшъдъшема въ църквѣ и бывъши молитвѣ сѣдоста, и блаженому Феодосію начьнъшю глаголати тому отъ святыхъ кнѣигъ, и много указавъшю ему о любви брата. И оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмъ мира сътворити. И такоже пакы по мнозѣй той беседѣ отъиде князь въ домъ свой, славя бога, яко съподобися съ таковымъ мужьмъ бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовнаго того брашна насыщаяся паче меду и сѣта: се же суть словеса блаженааго, яже исходяхуть от медоточныхъ устѣ тѣхъ. Многашъды же великий Феодосій къ тому хожаше и тако въспоминаше тому страхъ божий и любовь еже къ брату.

И въ единъ от днѣй шъдъшю къ тому благому и богоносному отцю нашему Феодосію, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыа играюща прѣдъ нимъ: овы гуслиныя гласы испущающемъ, другыя же оръганныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако въсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай естъ прѣдъ князьмъ. Блаженный же, бѣ въскрай его сѣдя и долу нича и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: «То будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словьмъ блаженааго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженааго пришъдъша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Многашъды же пакы, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженааго, то же, тако ишъдъ, того сѣрѣташе, радуяся, прѣдъ дверьми храму, и тако вънидоста оба в храмъ. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобному: «Се, отче, истину ти глаголю: яко аще быша ми възвѣстили отця въставъша от мъртвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоёмъ. И не быхъ ся того тако боялъ или сумьнѣлъ, яко же преподобныя твоя душа». Блаженный же тоже: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрный отць твой прѣдасть». Онъ же о семь умълъче, не могый чѣто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ ѿ врагъ раждьгль гнѣвъмъ на брата своего, яко ни слухьмъ хотяше того слышати. Отць же нашъ Феодосій бѣ по вся днѣи и ноци моля бога о христороубци Изиславѣ, и еще же и въ ектении

князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосій с братіею вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобаеъ кланяться князю, а князь поцеловал блаженнаго. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не вступишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобаеъ нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосій приводить примеры из Священнаго писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой, таковы были слова блаженнаго, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосій посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосій и, войдя в княжескія палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гусях, другіе били органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженнаго, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженнаго, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженнаго, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосій дни и ночи молил бога за христороубца Изяслава и в ектении

веля того поминати, яко стольному тому князю и старѣйшу вѣсѣхъ, сего же, якоже рече, чрѣсъ законъ сѣдѣшю на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семь же едва умоленъ бывъ отъ братиѣ, повелѣ и того съ нимъ поминати, обаче же пьрвое христолюбца, ти тѣгда сего благаго. Великий же Никонъ, видѣвъ такое смятение въ князихъ суще, отъиде съ инѣма дѣвѣма чьрноризьцема въ прѣжереченый островъ, идеже бѣ монастырь съставиль, и блаженному Феодосию мьного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донѣдеже еста въ плѣти, и не отходити ему отъ него. Обаче онъ не послушавъ его о томъ, нъ, якоже рече, отъиде въ свое мѣсто.

Тѣгда же отъць нашъ Феодосий, напѣлнивъся духа святааго, начатъ благодатию божиею подвизатися, якоже вѣселити тому въ другое мѣсто, помагающю тому святому духу, и църквь же велику каменемъ възградити въ имя святаго богородицы и приснодѣвы Марии, пьрвѣй бо църкви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Въ начаткѣ же таковааго дѣла събьрася множество людей, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажущемъ, инѣмъ же ино, и вѣсѣхъ не бѣ подобно мѣсто князю полю, близъ прилежащю. И се по строю божиему бѣ благый князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, чьто творять ту. И якоже увѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко отъ бога подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемъ поли, веля ту възградити ту такову църквь. Се же якоже и по молитвѣ тому самому начаткѣ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженный Феодосий по вся дньи съ братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче еще *и не* съвьрши его живъ сы, нъ се и по съмьрѣти того, Стефану примѣшю игуменьство и богу помагающю тому молитвами преподобнааго отъца нашего Феодосия, съвьршено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся, и онѣдеже малу ихъ оставъшю, и съ тѣми прозвутеру и диякону, якоже по вся дньи и ту святая литургия съвьршается.

Се же житие преподобнааго и блаженааго отъца нашего Феодосия, еже отъ уны вѣрсты до съде отъ многаго мало въписахъ. Къто бо довѣльнъ вся по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, къто же възможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся того достойно противу исправлению его похвалити, нъ не възмогу — грубъ сы и неразумичьнъ.

Многашьды же сего блаженааго князи и епископы хотѣша того искусити, осияюще словесы, нъ не възмогаша и акы о камыкъ бо приразивъшеся *отскакаху*, ограженъ бо бѣ вѣрою и надежею, еже къ господу нашему Иисусу Христу, и въ себе

велелъ упоминать его какъ киевскаго князя и старшаго надо всеми, а Святослава — какъ мы говорили, противъ закона сѣшего на престолъ — не велелъ поминать въ своемъ монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелелъ поминать обоихъ, однако же первымъ — христолюбца, потомъ же и этого, благаго.

А великий Никонъ, видя княжеския распри, удалился съ двумя чьрноризцами на упомянутый выше островъ, где въ прошломъ основалъ монастырь, хотя много разъ умолялъ его блаженный Феодосий не разлучаться съ нимъ, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушалъ его Никонъ и, какъ я сказалъ, отправился въ свой монастырь.

Тогда же отецъ нашъ Феодосий, исполненный духа святаго, задумалъ по благодати божьей перенести монастырь на новое место и, съ помощью святаго духа, построить большую каменную църковь во имя святаго богородицы и приснодѣвы Марии, ибо старая църковь была древянной и не могла вместить всей братии.

Начать же такое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить църковь, другие — другое, и не было места лучше, чемъ на находящемся вблизи княжескомъ поле. И вотъ, по воле божьей, проезжалъ мимо благой князь Святославъ и, увидевъ множество народа, спросилъ, что здѣсь происходитъ. А когда узналъ, то повернулъ коня, и подъѣхалъ къ нимъ, и, словно богомъ подвигнутъ, показалъ имъ на то самое место на своемъ поле, веля здѣсь и построить църковь. И тутъ же, после молитвы, самъ первый началъ копать. И самъ блаженный Феодосий каждый день трудился съ братией, возводя храмъ. Но, однако, не закончилъ его при жизни, а после смерти его, при игуменьствѣ Стефана, съ божьей помощью по молитвамъ отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено зданье. Переселилась туда братия, а на прежнемъ месте осталось ихъ немного, и съ ними — священникъ и дьяконъ, такъ что всякий день и здѣсь совершалась святая литургия.

Вотъ какова жизнь преподобнаго и блаженнаго отца нашего Феодосия, которую — отъ юныхъ летъ и до старости — описалъ я, поведавъ изъ многаго малое. А кто сможетъ по порядку описать все мудрое управление этого блаженнаго мужа, кто сможетъ похвалить его по заслугамъ! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу деламъ его, но не могу — невежда я и неразуменъ.

Много разъ князья и епископы хотѣли искусить того блаженнаго, въ словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражденъ онъ былъ верой и надеждой на господа нашего Иисуса Христа и святаго духа.

жилище святааго духа сътвори. И бысть въдовицамъ заступникъ и сирымъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, съпроста рещи, вся приходящая, уча и утѣшая, отпускаше, убогимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищу тѣм.

Мнози же того от несмыслыныхъ укаряхуть, то же сий съ радостию та приимааше, се же якоже и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нѣ обаче онъ, бога моля за вся, прѣбываше. И еще же и о худости ризнѣи мнози от невѣглас, усмихающесе тому, ругахуться. Онъ же и о томъ не поскърбѣ, нѣ бѣ радуяся о поругании своемъ и о укоризнѣ и вельми веселяся, бога о томъ прославляше. Якоже бо аще кѣто не зная того, ти видяше и въ такой одежи суца, то не мѣняше того самого суца блаженнааго игумена, нѣ яко единого от варящихъ. Се бо и въ единъ днь идущю тому къ дѣлателемъ, идеже бѣша църквь зижущей, сѣрѣте и того убога въдовица, яже бѣ от судии обидима, и глагола тому самому блаженному: «Черноризьче, повѣжь ми, аще дома есть иумень вашъ?» Глагола той блаженный: «Чѣто трѣбуеши от него, яко тѣ человекъ есть грѣшнѣ?» Глагола тому жена: «Аще грѣшнѣ есть, не вѣмъ, тѣкѣмо се вѣмъ, яко многы избави от печали и напасти, и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимъ суци бес правды от судии». Таче блаженный увѣдѣвъ, яже о ней, съжалиси, глагола той: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свой, и се, егда придетъ игумень нашъ, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и тѣ избавить тя от печали тоя». То же слышавъши жена отъиде въ домъ свой, и блаженный иде къ судии и еже о ней глаголавъ тому, избави ту от насилия того, якоже тому посълавъшю възвратити той, имъ же бѣ обидя ю.

Также сий блаженный отъць нашъ Феодосий многымъ заступникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемъ прѣслушати его, вѣдуше и правдѣна и свята. Не бо его чѣстяху чѣстныхъ ради пѣрѣтъ, или свѣтлыя одежда, или имѣния ради мѣноаго, нѣ чистаго его ради жития и свѣтлыя душа, и поучение того многихъ, яже кыпяхуть святымъ духъмъ от усть его. Козлины бо тому бѣахуть, яко многоцѣнная и свѣтлая одежда, власяница же, яко се чѣстная и цесарьская багрѣяница, и тако, тѣмъ величаяся, ходяше и житиемъ богоугодно поживѣ.

И уже на коньць жития прѣшъдѣ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ богу свое отшъствие и днь покоя своего: правдѣнымъ бо съмѣрьтъ покой есть.

Тогда же уже повелѣ събрати всю братию и еже въ селѣхъ или на ину кую потрѣбу шѣли и, вся съзъвавъ, начатъ казати тиуны, и приставники и слугы, еже прѣбывати комуждо въ порученѣи ему службѣ съ всякимъ прилежаньемъ и съ страхъмъ божиемъ, въ покорении и любви. И тако

пребывалъ в нем. И был он заступникъ вдовиц, и помощникъ сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утѣшив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтители его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, святым духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багрѣяницей царской, и в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежаньем и со страхом божьим, с покорностью и любовью. И опять

паки вся съ слъзми учааше, еже о спасении души и богоугоднѣмъ житии и о пощении, и еже къ църкви тѣщание, и въ той съ страхѣмъ стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тѣкъмо къ старѣйшинамъ, нъ и къ съвѣрьствнымъ себѣ любѣвь и покорение имѣти. Глаголавъ, отпусти я, самъ же, вълѣзъ въ келию, начатъ плакаться, бия въ пѣрси своя, припадая къ богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ. Братия же, ишѣдъше вѣнъ, глаголаху къ себѣ: «Чѣто убо сий сицево глаголетъ? Еда, кѣде отшѣдъ, съкрытися хочеть въ тайнѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдушемъ его»,—якоже многашѣды вѣсхотѣ тако сътворити, нъ умоленъ бывааше о томъ от князя и от вельможъ, братии о томъ паче молящися. И такоже и ту тако тѣмъ мнѣяшемъ.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу ѿ, и не могый къ тому ничѣтоже, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля божия да будетъ, и якоже изволися ему о мнѣ, тако да сътворитъ! Нъ обаче молю ти ся, владыко мой, милостивъ буди души моей, да не сърящеть ея противныхъ лукавство, нъ да примуть ю ангели твои, проводяще ю сквозѣ пронырство тѣмныхъ тѣхъ *мытарствѣ*, приводяще ю къ твоего милосердия свѣту». И си рекъ, умѣльче, къ тому не могый ничѣтоже.

Братии же въ велицѣ скърби и печали сущемъ его ради. Потомъ онъ 3 дни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многымъ мнѣти, якоже уже умрѣтъ, тѣкъмо же малы видяхуть и еже сущю душу въ немъ. Таче по трѣхъ днѣхъ вѣставъ, и братии же вѣсей събравъшися, глагола имъ: «Братие моя и отцы! Се, яко уже вѣмъ, врѣмя житию моему коньчавається, якоже яви ми господь въ постное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хочете, да азъ поставлю ѿ вамъ въ себе мѣсто игумена». То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь вѣпадоша, и по сихъ излѣзъше вѣнъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и якоже съ свѣта вѣсѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суца църквѣнааго.

Таче паки въ другой днь блаженный отць нашъ Феодосий, призвавъ вѣсю братию, глагола имъ: «Чѣто, чада, помыслите ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?». Они же вѣси рекоша, яко Стефану достойну быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженный же, того призвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я, нарекъ имъ днь прѣставления своего, яко «въ субботу, по възитии сълнця, душа моя отлучитися от тѣлесе моего». И паки же призвавъ Стефана единого, учааше ѿ, еже о паствѣ святааго того стада,

поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать, и бить себя в грудь, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменьство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пастить святое то стадо, и тот уже

се бо и не отлучашеся от него, служа тому съ сѣмѣреніемъ, бѣ бо уже болѣзнию лютою одѣржимъ.

И якоже пришѣдши суботѣ и дѣни освитающе, посѣлавъ, блаженный призѣва вѣсю братію, и тако по единому вѣся цѣлова, плачущася и кричаща о разлученіи таковааго имѣ пастуха. Блаженный же глагола имѣ сице: «Чада моя любимая и братія! Се бо и утробою вѣся вы цѣлую, яко отхожу къ владыцѣ, господу нашему Иисусу Христу. И се вамъ игуменъ, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьця того духовнааго себѣ имѣйте, и того бойтеся, и по повелѣнію его вѣся творите. Богъ же, иже вѣся словѣмъ и прѣмудростию сѣтвори, тѣ васѣ благослови и сѣнабѣди от проныривааго без бѣды, и неподвижиму и твѣрду яже къ тому вѣру вашу да сѣблюдетъ въ единоміи и въ единой любви до послѣдняаго издыханія вѣкупѣ суще. Дай же вамъ благодать, еже работати тому бес прирока, и быти вамъ въ единомѣ тѣлѣ и единомѣ духѣмъ въ сѣмѣреніи сущемъ и въ послушаніи. Да будете сѣврѣшени, якоже и отьць вашъ небесный сѣврѣшенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семь же молю вы и заклинаю: да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постыныя дѣни прѣбываахъ, ниже омывайте убогааго моего тѣла, и да никѣтоже от людий мене, нѣ вы едины сами да погребете въ прѣжереченѣмъ мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братія от устѣ святааго отьця плачь и слѣзы изъ очію испущааху.

Блаженный же паки утѣшая глаголааше: «Се общаюся вамъ, братія и отьци, аще и тѣлѣмъ отхожу от васѣ, нѣ духѣмъ присно буду съ вами. И се, елико же васѣ въ монастыри семь умреть, или игуменѣмъ къде отсѣланъ, аще и грѣхы будетъ къто сѣтворилъ, азъ имаю о томъ прѣдъ богѣмъ отвѣщати. А иже отъидеть къто о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томъ орудія не имаю. Обаче о семь разумѣйте дѣръзновение мое, еже къ богу: егда видите вѣся благая умножающася въ монастыри семь, вѣдите, яко близъ владыки небеснааго ми сущю. Егда ли видите скудѣніе суще и вѣсѣмъ умалющася, тѣгда разумѣйте, яко далече ми бога быти и не имуща дѣръзновения молитися къ нему».

Таче по глаголѣхъ сихъ отпусти я вѣнъ вѣся, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братіѣ, иже вѣсегда служааше ему, малу сѣтвори скважню, сѣмотряше ею. И се блаженный вѣставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ слѣзами милостивааго бога о спасеніи душа своя, вѣся святаа призываетъ на помощь и наипаче же — святаую владычицу нашу богородицу, и тою господа бога спаса нашего Иисуса Христа моля о стадѣ своемъ, и о мѣстѣ томъ. И тако паки по молитвѣ вѣзлеже на мѣстѣ своемъ и, мало полежавъ, таче вѣзрѣвъ на небо, и великъмъ гласѣмъ, лице весело имѣ, рече:

больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братіей и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлученіи с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братія! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к владыке, господину нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повеленію. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до послѣдняго вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смиреніи и послушаніи. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братія же, слыша слова эти из уст святааго отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братія и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небеснааго; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от бога и не имею дерзновения ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому богу о спасеніи души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святаую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господа бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолвившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно:

«Благословенъ богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожу свѣта сего!». Се же, якоже разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томъ опрятавъся, и нозѣ простъръ, и руцѣ на пьрьсхъ кръстообразнѣ положъ, прѣдасть святую ту душу въ руцѣ божии и прѣложися къ святымъ отцемъ.

Тогда же братия сътвориша надъ нимъ плачь великъ и тако, възъмше того, несоша въ църквь, и по обычаю святое пѣние сътвориша. Тогда же, акы нѣ от коего божьствнааго явления, подвижеса вѣрныхъ множество, и съ усърдиемъ сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, дондеже блаженааго изнесутъ. Благовѣрный же князь Святославъ бѣ не далече от монастыря блаженааго стоя, и се видѣ стълпъ огньнъ, до небесе сушь надъ монастырмъ тѣмъ. Сего же инъ никтоже видѣ, нъ тѣкмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженааго, и глагола сущимъ съ нимъ: «Се, якоже мню, дньсь блаженный Феодосій умре». Бѣ бо прѣже того дне былъ у него и видѣлъ болеть его тяжьку сущю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томъ много.

Братии же врата затворившемъ и никогоже пустящемъ по повелѣнию блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимъ и ожидающе, дондеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришьли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению божию пооблачилося небо, и сьниде дъждъ. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждъ прѣста и сълньце вьсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша ѳ, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и без брашна вьсь днь прѣбыша.

Умрѣтъ же отць нашъ Феодосій въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ субботу, якоже прорече самъ, вьсиявшью сълньцю.

«Благословен бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки божьи, и приобрелся к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинувшись божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружающим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что и вправду умер Феодосий, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНЬЕ

Древнерусский текст

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ! Съдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтесь, но *ему* же *люба* дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте божий в сердце своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не *люба* грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ съдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словца си *любая*, и складохъ по ряду, и написахъ: Аще вы послѣдняя не *люба*, а передняя примайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповаи* на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ,

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Перевод

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет *люба*, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не *люба* грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безленицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? *Уповай* на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми,

ни завиди творящимъ безаконье, занелукавнующи потребятся, терпящи же господя, — ти обладають землею. — И еще мало, — И не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кроткии же наслаждаются землею, наслаждаются на множествомъ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшныи, на пряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грѣшныи погыбнут; праведныя же милует и даетъ. Яко благословящи его наслаждаются землею, кленущи же его потребятся. От господя стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко господь подѣмлетъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣки вѣка».

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя челоуѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющися со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видитъ мечь; руцѣ свои умыть в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Изми мя отъ врагъ моихъ, боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье, и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а завтра радость». «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животъ моею, и о имени твою въздѣю руцѣ мои». «Покры мя отъ сонма лукаваго и отъ множества дѣлающихъ неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю господя на всяко время, воину хваля его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чиста, нескверна, телеси худа, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди и питью бесѣда велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; безъ лукавства бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою,

не завидуй творящимъ безаконие, ибо лукавые будутъ истреблены, послушные же господу будутъ владеть землей». И еще немного: «И не будетъ грѣшника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуютъ землю и многимъ наслаждаются миромъ. Злоумышляетъ грѣшный противъ праведнаго и скрежетъ на него зубами своими; господь же посмеется надъ ним, ибо видитъ, что настанетъ день его. Оружье извлекли грѣшныи, натягиваютъ лукъ свой, чтобы пронзить нищаго и убогаго, заклати правыхъ сердцемъ. Оружье ихъ пронзитъ сердца ихъ, и луки ихъ сокрушатся. Луче праведнику малое, нежели многи богатства грѣшнымъ. Ибо сила грѣшныхъ сокрушится, праведныхъ же укрепляетъ господь. Какъ грѣшныи погыбнут, — праведныхъ же милует и одариваетъ. Ибо благословляющие его наследуютъ землю, кленущи же его истребятся. Господомъ стопы челоуѣка направляются. Когда онъ упадетъ, то не разобѣется, ибо господь поддерживаетъ руку его. Молодъ былъ и состарился, и не виделъ праведника покинутымъ, ни потомковъ его просящими хлѣба. Всякий день милостыню творитъ праведникъ и займы даетъ, и племя его благословенно будетъ. Уклонися отъ зла, сотвори добро, найди миръ и отгони зло, и живи во веки вековъ».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на насъ ярость его, то воды бы потопили насъ».

«Помилуй меня, боже, ибо попра мя челоуѣкъ; всякий день нападая, теснитъ меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающихъ на меня свыше». «Возвеселится праведникъ и, когда увидитъ отмщенье, руки омоетъ свои в крови грѣшника. И скажетъ челоуѣкъ: «Если есть награда праведнику, значитъ есть богъ, творящий судъ на земле». «Освободи меня отъ враговъ моихъ, боже, и отъ встающихъ на меня защити меня. Избавь меня отъ творящихъ безаконие и отъ мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнѣвъ в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечеромъ водворится плачь, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чемъ жизнь моя, и уста мои да восхвалятъ тебя. Такъ благословлю тебя при жизни моею и во имя твое въздену руки мои». «Укрой меня отъ сборища лукавыхъ и отъ множества дѣлающихъ неправду». «Возвеселитесь вси праведныи сердцемъ. Благословлю господя во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо какъ Василий училъ, собравъ юношей: имѣть душу чистую и непорочную, тело худое, бесѣду кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и питье безъ шума великаго, при старыхъ молчать, премудрыхъ слушать, старшимъ покоряться, с равными и младшими любовь имѣть, безъ лукавства бесѣдуя, а побольше разумѣть; не свиреповать словомъ, не хулить в бесѣде,

не обило смѣяться, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от бога мѣзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнѣмъ семь жити.

Научися, вѣрный человекъ, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу. Придѣте, да сожжемъся, глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякой крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человекѣколюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашъ, владея и животомъ и смертию, согрѣшенья наша выше главы нашея терпять, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бья, и паки привлечь е к собѣ, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

А бога дѣла не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость божью.

«Что есть человекѣкъ, яко помниши и?» «Велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, никакъ же разумъ человекѣскъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ; — и паки речемъ: велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое во вѣки по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоя и твоихъ великихъ чудес и доброт, устроенныхъ на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и там и свѣтъ, и земля на водахъ положена, господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличии, и птица и рыбы

не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечныхъ благъ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть *благочестию* свершителем, научись, по евангельскому слову, «очамъ управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грѣхъ». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говоритъ господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ обогрѣнные, — какъ снегъ обѣлю ихъ», и прочее. «Воссияетъ весна поста и цветокъ покаянья; очистимъ себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая къ светодавцю, скажемъ: «Слава тебе, человекѣколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человекѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, люди, грѣшны и смертны, и если кто намъ сотворитъ зло, то мы хотимъ его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь нашъ, владея и жизнью и смертию, согрѣшения наши превыше головъ нашихъ терпитъ всю нашу жизнь. Какъ отецъ, чадо свое любя, бьетъ его и опять привлекаетъ къ себе, такъ же и господь нашъ показалъ намъ победу надъ врагами, какъ тремя делами добрыми избавляться отъ нихъ и побеждать ихъ: покаяниемъ, слезами и милостынею. И это вамъ, дети мои, не тяжкая заповѣдь божья, какъ теми делами тремя избавить отъ грѣховъ своихъ и царствія небеснаго не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю васъ, не забывайте трехъ делъ техъ, не тяжки вѣдь они; ни затворничествомъ, ни монашествомъ, ни голоданиемъ, которые иные добродетельные претерпеваютъ, но малымъ деломъ можно получить милость божью.

«Что такое человекъ, какъ подумаешь о немъ?» «Великъ ты, господи, и чудны дела твои; разумъ человеческий не можетъ постигнуть чудеса твои», — и снова скажемъ: «Великъ ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое во веки по всей земле». Ибо кто не восхвалитъ и не прославитъ силу твою и твоихъ великихъ чудесъ и благъ, устроенныхъ на этомъ свѣте: какъ небо устроено, или какъ солнце, или какъ луна, или какъ звѣзды, и тѣма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, господи, твоимъ промыслом! Звери различныя, и птицы и рыбы

украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чуду дивуемъся, како от персти создавъ челоуѣка, како образи розноличнии въ челоуѣчьскихъ лицахъ,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идут по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угодые челоуѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, *иже* та угодыя створилъ еси челоуѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоютъ, и челоуѣкы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣютъ. «А благословенъ еси, господи, и хвалень зѣло!» всяка чудеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего примете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣньем челоуѣкъ побѣждает дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпницу ѣздя.

Всего же паче убогих не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицу оправдывайте сами, а не вдавайте сильным погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужда никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братии или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословенье, и не устранийтесь от них, и по силѣ любите и набдите, да примете от них молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте

украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забываете этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепичу, ездя.

Всего же более убогих не забываете, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранийтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте

в сердце и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дней. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдню не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдиша и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гостя, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всемъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бесо-рома, и вамъ будетъ добро.

Его же умѣючи, того не забываютъ доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавшѣ богу хвалу, и потомъ солнцю вѣсходящю, и узрѣвшѣ солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявша, оправдивъ животъ», тако похвалю бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловѣхъхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

в сердце и в уме, но скажемъ: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружья не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погыбает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погыбает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолудин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не дайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забываете, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мати: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отец, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ с *Гордятичемъ*, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхи. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемъ подъ Полтескѣ, а на другую зиму с Святотполкомъ подъ Полтескѣ, — *ожьгъше* Полтескѣ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскѣ, воюя, та Чернигову. И паки и-Смолиньска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѿ к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолиньска же пришедъ, и приходх сквозѣ половецкыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескѣ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска, та на Дрютьскѣ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силы вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперъ поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозъ землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курьску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставкомъ Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святотполком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятическую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили

- за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляются на Броды.
- Том же лѣтъ гонихом по половцѣхъ за Хороль, иже Горошинъ взяша.
- И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.
- На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.
- И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно половечьскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И завтра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: *избихом* 900 половецъ, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.
- И потомъ на Святославль гонихом по половцѣхъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по половцѣхъ. И паки на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.
- И паки по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа, и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у *Глѣбовы* чади пояхом дружину свою всю.
- И потом Олегъ на мя приде с Половчѣскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу *греблю*, и не владуче *внити* имъ въ острогъ; *сѣжаливѣси* хрестьяных душъ и селъ горящих и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полки половчѣскыѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.
- И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — *избихом* я, а другия *поимахом*.

- мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.
- В том же году гнались за Хороль за половцами, которые взяли Горошин.
- На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.
- В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.
- И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.
- И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополкъ умер.
- И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепы, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.
- И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я хрестянских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозъ полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.
- И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняла мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцам. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинську идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки, идохом другое с Ворониць.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолинська* идох Ростову.

И паки, с Святополком гонихом по Боняць, но ли оли... убиша, и не постигохом ихъ. И потом по Боняць же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велиць дни выдох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятину, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепюю*, и поимъ у него дочь, идохом Смоленську. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу* с Святополком, и богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом ходихом к *Воиню* с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти ѳ, ко Ромну идох со Олгомъ и з дѣтми на нь, и они *очутивше* бѣжаша.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленное.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половецьскими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половецьских князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣх лѣпших князей инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руць дава: Коксусъ с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половецами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половецами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Бонякъ пришел со всеми половецами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепюю, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половецев на Урусобу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Бонякъ, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецькими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецьких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусъ с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и

рѣчку въ *Салню*. По чередам избъено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмь: конь диких своима руками связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того *же* по *ровни* ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмь призиравъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человекъская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснитесь на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадающаяся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но *аче* добро есть блюсти, божие блюденъе лѣплѣъ есть человекъскаго.

бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мати, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ суши, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьей, кающа и смѣренья не примимъ межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отецъ вашъ небесный». Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавствующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье». «Что есть добро и красно, *но еже жити* братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ *дѣдѣхъ* нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцахъ нашихъ. Дьяволъ бо не *хочет* добра роду человѣческому, *сваживаетъ* ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ *мой*, его же еси хрстилъ, иже то съдѣть близъ тебе, прислалъ ко мнѣ *мужъ свой* и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевъ местника, но възложивъ на бога, а стануть си предъ богомъ; а Русьскы земли не погубимъ». И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся, и бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряется — на бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ.

Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примешь с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словеса варихъ тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣрнемъ и поканемъ, хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но богъ всей *вселенѣи*, иже *хочетъ*, в мгновеньи ока вся створити *хочетъ*, то самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть влася, животомъ владея и смертью. А мы что есмь, человѣци грѣшни и лиси? — днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славу и въ чти, а завтра в гробѣ и бесъ памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чимъ има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словеса, пославше быше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и быше тебѣ, узрѣвши кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи быше, стояще надъ нимъ, вникнуци *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради нальзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи быше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья, — помазанникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье *створивъ* посыпа главу свою и плакася горко;

ПИСЬМО МОНОМАХА
К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцемъ и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, какъ бы не предстать передъ страшнымъ судьей, не покаившись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвитъ: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрѣшений брату, то и вам не проститъ отецъ вашъ небесный». Пророкъ говоритъ: «Не соревнуйся лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чемъ жить братьямъ вместе». Но все наученье дьявола! Были ведь войны при умныхъ *дедахъ* нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцахъ нашихъ. Дьяволъ ведь ссоритъ насъ, ибо не *хочет* добра роду человеческому. Это я тебе написалъ, потому что понудилъ меня сынъ мой, крещенный тобою, что сидитъ близко отъ тебя; прислалъ онъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, говоря в ней такъ: «Договоримся и помиримся, а братцю моему божий судъ пришелъ. А мы не будемъ за него мстителами, но положимъ то на бога, когда предстанутъ передъ богомъ; а Русскую землю не погубимъ». И я видѣлъ смирение сына моего, сжалился и, бога устрашившись, сказалъ: «Онъ по молодости своей и неразумию такъ смиряется, на бога возлагаетъ; я же — человекъ, грѣшнее всехъ людей».

Послушалъ я сына своего, написалъ тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганьемъ, то и другое увижу изъ твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредилъ тебя, чего я ждалъ отъ тебя, смирениемъ и покаиваниемъ желая от бога отпущения прошлыхъ своихъ грѣховъ. Господь нашъ не человекъ, но богъ всей вселенной, — что захочетъ, во мгновение ока все сотворитъ, — и все же самъ претерпелъ хулу, и оплеванье, и удары и на смерть отдалъ себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грѣшные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделятъ.

Посмотри, брат, на отцовъ нашихъ: что они скопили и на что имъ одежды? Только и есть у нихъ, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мнѣ и предупредить меня. Когда же убили дѣтя, мое и твое, предъ тобою, следовало бы тебе, увидевъ кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемся, подобно агньцу заколотому, сказать, стоя надъ нимъ, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мнѣ, что я сделалъ! И, воспользовавшись его неразумиемъ, ради неправды света сего суетнаго нажилъ я грѣхъ себе, а отцю и матери его принесъ слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грѣхъ мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершивъ прелюбодѣяние, помазанникъ божий Давидъ посыпалъ главу

во ть час отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ея въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ея первѣ радости, ни вѣнчанья ея, за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *словь*, да с нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ дрѣвѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди и отци наши*: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужъ умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжего,—ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и прежде; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мести никъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на ты шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человекъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдять сынъ твой хрестный с малым братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ—а о се ся ряди; али хочеш тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русскѣй земли. А его же то и хочеш насильем, тако въ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не сторила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его! Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего. На страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.

свою и плакалъ горько,—в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне,—ибо нет в ней ни зла, ни добра,—чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа моя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

КОММЕНТАРИИ

Публикуемые в этой книге произведения были созданы в Киевской Руси во второй половине XI — начале XII в. В то же время именно эти произведения — и особенно «Повесть временных лет» — являются основными историческими источниками, из которых мы узнаем о событиях первых веков существования древнерусского государства.

История Руси до конца X в. известна нам по поздним преданиям, записанным летописцами в середине XI — начале XII в. Поэтому очень сложно отделить в этих преданиях следы действительных событий от легендарных сюжетов. Легендарный элемент, несомненно, значителен в рассказах об Олеге, Игоре, Ольге. Тем не менее реальность новгородского князя Рюрика и киевских князей Олега, Игоря, княгини Ольги, Святослава не вызывает сомнений; походы Олега, Игоря и Святослава на Константинополь, так же как и поездка туда русского посольства во главе с Ольгой, — факты, засвидетельствованные также и византийскими источниками. После гибели Святослава, сына Игоря, между его сыновьями разразилась междоусобная война, победителем вышел Владимир, объединивший в своих руках все русские земли. При Владимире Русь официально принимает христианство, оно становится теперь государственной религией. Брак Владимира с царевной Анной — сестрой византийских императоров-соправителей Василия II и Константина — еще более укрепил связи Руси с этой могущественной европейской державой. Принятие христианства имело немалые благотворные последствия для русской культуры — на Русь пришла из Болгарии славянская письменность, начинают активно переписываться и переводиться книги — не только богослужебные, но и литературные произведения, исторические хроники, естественнонаучные сочинения, жития святых, сборники изречений и т. д. В короткий период — во времена Владимира и особенно его сына Ярослава — Русь приобщается к высокой книжной культуре Болгарии и Византии. Одновременно возникает и начинает бурно развиваться и оригинальная русская литература.

После смерти Владимира Святославича в 1015 г. Русь, разделенная им на уделы, отданные двенадцати его сыновьям, вновь становится ареной междоусобиц. Приемный сын Владимира Святополк убивает своих сводных братьев Бориса, Глеба и Святослава. Против Святополка выступает новгородский князь Ярослав Владимирович; в 1019 г. он одолевает Святополка и занимает киевский стол. Однако «тишина велика» настает на Руси лишь в 1026 г., когда Ярослав заключает мир со своим братом Мстиславом, князем тмутороканским: правобережье Днепра признается владением Ярослава, а левобережье — Мстислава. После смерти брата в 1036 г. Ярослав

становится единоличным правителем Руси. По завещанию Ярослава (он умер в 1054 г.) Русь снова дробится на уделы между пятью его сыновьями. Киевским князем становится старший из них — Изяслав. В 1073 г. его изгоняют из Киева братья — Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Святослав княжит в Киеве до своей смерти в 1076 г., затем киевский стол ненадолго переходит ко Всеволоду, но тот возвращает его Изяславу. После гибели Изяслава в 1078 г. Всеволод становится киевским князем. Но междоусобные распри не прекращаются: их участниками являются внуки Ярослава — Олег Святославич («Олег Гориславич» «Слова о полку Игореве»), Ярополк Изяславич, Владимир Всеволодович (Мономах). После смерти Всеволода престол переходит к Святополку Изяславичу, сыну старшего из Ярославичей. В 1097 г. князья, собравшись на очередной съезд в г. Любече, устанавливают новый принцип наследования: «каждо да держит отчину свою», то есть власть в Киевской земле, как и в любом другом уделе, переходит не к старшему в роде Ярославичей, а от отца к сыну. Так признается автономность феодальных центров, ослабевает централизованная роль киевского князя. Но и новый порядок не избавил страну от феодальных раздоров: сразу же после Любечского съезда Святополк Изяславич и Давыд, князь Владимира Волынского, схватили и ослепили теребовльского князя Василька Ростиславича. В эти события оказываются втянутыми почти все князья Правобережья Днепра, а также Венгрия и Польша. Большая роль в попытках умиротворить княжеские раздоры принадлежит в эти годы Владимиру Всеволодовичу Мономаху, сыну Всеволода Ярославича. После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича в городе происходит восстание. Киевская знать обращается за помощью к Владимиру Мономаху; он путем разного рода экономических и социальных уступок успокаивает восставших и по просьбе киевлян остается у них князем. На киевском столе Мономах находится до своей смерти в 1125 г. Такова в самых общих чертах канва исторических событий, отразившихся в «Повести временных лет», «Сказании о Борисе и Глебе», «Житии Феодосия Печерского», «Поучении» Владимира Мономаха.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

«Повесть временных лет» — летопись, рассказывающая о происхождении Русской земли, о первых русских князьях и о событиях X — начала XII в., — впервые начала изучаться еще в XVIII в. Долгое время ученые полагали, что «Летопись Нестора», как называли тогда «Повесть временных лет», — древнейший памятник русского летописания, и лишь значительно позднее, в конце XIX в., в результате исследований академика А. А. Шахматова было установлено, что русское летописание возникло еще в XI в. и что «Повести временных лет» предшествовали другие, не дошедшие до нашего времени летописные своды: ¹ Древнейший свод (конца 30-х гг. IX в.),

¹ Летопись, как правило, является «сводом», так как в ней соединяется текст предшествующей летописи (или нескольких летописей), а также других произведений (документов, повестей, житий святых и т. д.) с текстом, принадлежащим самому летописцу.

Свод Никона (70-х гг. XI в.), Начальный свод (1093—1095), отразившийся в Новгородской первой летописи. Сама же «Повесть временных лет» была написана Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, около 1113 г. В основу «Повести временных лет» Нестор положил Начальный свод, но значительно переработал его и дополнил. Летописец предпослал рассказу о истории Руси обширное историко-географическое введение, в котором изложил существовавшие тогда взгляды на происхождение славян, на место русских среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику — Хронику Георгия Амартола ¹, включил в «Повесть временных лет» тексты договоров русских князей с Византией; он пересказал в своей летописи некоторые народные предания — о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Наконец Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI — начала XII в. Именно под пером Нестора «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

Текст Нестора в своем первоначальном виде до нас не дошел: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром, при этом переделке подверглась, видимо, лишь заключительная часть «Повести». Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», которая читается в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а также в составе Радзивилловской и Московско-Академической летописей XV в. В 1118 г. создается еще одна — третья редакция «Повести временных лет». Она дошла до нас в составе списков Ипатьевской летописи, старший из которых — Ипатьевский, датируется первой четвертью XV в., а остальные XVI—XVII вв.

«Повесть временных лет» не только ценнейший источник по истории Руси, но и блестящее литературное произведение. И сам Нестор и его предшественники — летописец Никон и создатель Начального свода (имени его мы не знаем) были высоко образованными людьми, прекрасными стилистами, они стремились не только изложить суть исторических событий, но и рассказать о них живо и интересно; поэтический колорит придают «Повести временных лет» и вошедшие в нее пересказы эпических преданий. «Повесть временных лет» занимает почетное место в ряду лучших памятников древнерусской литературы ².

¹ Георгий Амартол изложил в своей Хронике события от «сотворения мира» до 864 г.; позднее Хроника была дополнена изложением событий с 864 по 948 г. (эта часть Хроники принадлежала Симеону Логофету). Однако мы далее во всех случаях говорим о Хронике Амартола, не различая в ней основного и дополнительного текстов.

² Подробней о «Повести временных лет» см.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 22—111.

* * *

Текст «Повести временных лет» второй редакции издается по Лаврентьевской летописи (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр. Ф. п. № 2). В этой летописи из-за утраты листов пропущен текст, начиная с середины статьи 898 г. и до статьи 921 г. включительно. Этот пропуск восполняется по Радзивилловской летописи (рукопись Библиотеки Академии наук СССР, шифр. 34.5.30), отражающей, как сказано выше, ту же вторую редакцию «Повести временных лет». Многочисленные пропуски и ошибки в тексте Лаврентьевской летописи восполняются по той же Радзивилловской летописи, а в исключительных случаях и по другим летописным сводам. Все добавленные или исправленные слова выделяются курсивом. Пропущенные слова (в основном это слова ошибочно повторенные писцом) не оговариваются. Сведения об источниках исправлений читатель может получить в издании «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники»¹. Смысловые исправления, впервые внесенные в наше издание, оговариваются в примечаниях. Текст передан с орфографическими упрощениями: полностью воспроизведены слова, которые в рукописи написаны с сокращениями, не употребляемые сейчас буквы («юс малый», «фита», «ижица» и др.) заменены соответствующими им буквами современного алфавита, буквы «ъ», «ь» и «ѣ» во всех случаях сохраняются².

В примечаниях к тексту «Повести временных лет» приняты следующие условные сокращения:

Новгород. перв. лет. — Новгородская первая летопись младшего извода. В кн.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М. — Л., 1950.

ПВЛ, ч. 1 — «Повесть временных лет». Ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова (серия «Литературные памятники»). М. — Л., 1950.

ПВЛ, ч. 2 — «Повесть временных лет». Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева (серия «Литературные памятники»). М. — Л., 1950.

Хроника Амартола — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Текст. Пг., 1920.

Стр. 22. *По потоу три сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ.* — О разделе земли после потопа рассказывается в Библии (книга Бытия). Следующий далее перечень «земель» и островов в большей своей части заимствован Нестором у Амартола (см. *Хроника Амартола*, с. 58—59). Упоминаемые области и страны по преимуществу расположены по берегам Средиземного моря, а также на территории современных Ирака, Ирана и советских среднеазиатских республик.

¹ «Повесть временных лет». Ч. 2. М. — Л., 1950, с. 182—202.

² С более точным воспроизведением текста «Повести временных лет» можно познакомиться по изданию его в Полном собрании русских летописей (т. I, вып. I, изд. 2-е. Л., 1926; это издание фототипически воспроизведено в 1962 г.) или по фототипическому воспроизведению летописного текста в кн.: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку. Издание Археологической комиссии. СПб., 1872.

Словѣне. — Упоминание о славянах добавлено Нестором (в тексте Амартола оно отсутствует); из статьи 898 г. летописец сделал вывод, что славяне обитали в районе Иллирии (здесь — Илюрик), на северо-восточном побережье Адриатического моря, поэтому он вставил упоминание о славянах именно в данном месте.

...до Понетского моря... — Понетское море (Понт) — греческое название Черного моря. С этих слов начинается другой источник, описывающий земли, заселенные славянами и сопредельными с ними народами и племенами. Возможно, что это остаток текста Начального свода.

...Кавкаисинския горы, рекше Угорьски... — Имеются в виду Карпаты.

Стр. 24. *...чюдъ и вси языци: меря, мурома... любь.* — Перечисляются финские и балтийские племена, населявшие районы от Балтийского моря на западе до верхнего Поволжья на востоке.

Пруси — балтийское племя пруссов, обитавшее на юго-восточном берегу Варяжского (Балтийского) моря.

...до Волошьски... — Волохами древние славяне называли романские народы; возможно, что здесь имеется в виду Италия.

И умножившемъся челоукомъ на земли... — Далее следует пересказ библейской легенды о вавилонском «столпотворении», с помощью которой в средневековье объясняли возникновение различных языков.

...въ дни Нектана и Фалека. — Нектан (Иоктан) и Фалек упоминаются в Библии — это братья, сыновья Евера, потомка Сима.

...5433 локти... — Локоть — древнерусская мера длины (около 46 см).

...нарци, еже суть словѣне. — Нарци (норики) — жители римской провинции Норик, расположенной по течению Дуная. Кем-то из древнерусских книжников они были отождествлены со славянами.

...хрвате бѣлии, и серебъ и хорутане. — Белые хорваты обитали к востоку от Карпат; серебъ и хорутане — предки современных сербов и словенцев. *Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския...* — Речь идет, вероятно, о римлянах (см. прим. к с. 40).

...а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне... ини поморяне. — Здесь речь идет не о поднепровских полянах, а о западнославянском племени полян, занимавшем территорию по среднему течению Одры и Варты. Упомянутые далее лютичи обитали западнее Одры, мазовшане — по берегам Вислы, поморяне — на южном берегу Балтийского моря.

Стр. 26. *сдѣлаша градъ и нарекоша ѿ Новъгородъ.* — По современным данным славянские поселения на месте будущего Новгорода возникли в IX—X вв., новгородский «детинец» (кремль) упоминается в летописи впервые под 989 г.

...и нарекошася сѣверъ. — Существует гипотеза, что «север» («северо») — это название племенного союза восточных славян, из которого впоследствии выделились поляне, деревляне, дреговичи и т. д. Оно восходит к названию территории, на которой обитало одноименное племенное объединение сармато-алан, вытесненное славянами на юго-восток в нач. VIII в. н. э.

...в озеро великое Нево, и того озера видеть устье в море Варяжское. — Имеется в виду Ладожское озеро и Балтийское море.

...в море Хвалисьское — в Каспийское море.

...в Болгары и въ Хвалисы... — Имеются в виду волжские болгары (тюрки по происхождению), обитавшие в районе впадения Камы в Волгу; хвалисы — жители Хорезма, государства, расположенного в нижнем течении Амударьи. В XI—XII вв. между Хорезмом и Русью поддерживались торговые и политические контакты.

Ондрбю учацю въ Синопии... поиде по Днепру горѣ. — В средневековых византийских легендах рассказывалось, как апостол Андрей проповедовал в землях по берегам Черного моря и, в частности, в Скифии. Видимо, эти апокрифические предания получили дальнейшее развитие на Руси: апостолу было приписано путешествие из Синопа (город на северном берегу Малой Азии) в Рим, по Днепру, Волхову, Балтийскому морю и далее — вокруг Европы. Каким-то образом к этой легенде был присоединен и рассказ о новгородских банях. Когда легенда об апостоле Андрее была вставлена в текст летописи, сказать трудно: полагают, что это было сделано кем-то из последующих редакторов «Повести временных лет», так как сообщение о посещении апостолом Руси (вернее — земель, на которых впоследствии возникнет Русское государство) противоречит утверждению из статьи 983 г., что в Киеве «и тѣлом апостоли не суть... были».

...ис Корсуня... — из Херсонеса; см. прим. к с. 64.

...одва вылезут лѣ живи... — В Лаврентьевской летописи «егда влѣзуть ли живи»; исправлено по Московско-Академической летописи.

Стр. 28. И быша 3 брата... и сестра ихъ Лыбедь. — Легенды о наименовании городов по имени их основателей широко распространены в античной и средневековой историографии. Эта традиция отразилась, в частности, во введении к Начальному своду: «Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая мѣста тако прозвани быша грады в имена царев тѣхъ и князей тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия» (*Новгород. перв. лет.*, с. 103). Легенда об основании Киева тремя братьями весьма древняя: она зафиксирована армянским историком VII в. Зенобом Глаком. Он рассказывает об основании Куара (Киева) Куаром, Ментеем и Хереаном; имена Куара и Хереана явно напоминают имена Кия и Хорива. Археологи подтверждают, что на месте Киева до конца X в. действительно существовало три поселения, названия которых, вероятно, соотносились с именами их легендарных основателей; впоследствии это явилось поводом для возникновения легенды о трех братьях. Имя сестры их соотносится с названием речки Лыбедь, протекавшей по территории древнего Киева.

...увозъ Боричевъ... — дорога, спускавшаяся с горы, где расположена центральная часть Киева, к Подолу, на низменном берегу Днепра.

...на Клещинѣ озѣре... — на Переяславском озере — ныне озеро Плещеево на юге Ярославской области.

...от скуфъ, рекше от козаръ... — Произвольное отождествление скифов, государство которых прекратило свое существование в III в. н. э., и хазар (см. ниже прим. к с. 32) восходит к византийским источникам.

Посемь придоша угри бѣли, и наслѣдиша землю словѣньску. — Исследователи спорят о том, какой народ имеется здесь в виду. По мнению венгерского ученого Й. Перени, речь идет о тюркском племени «оногуров», в VI—VII вв. вторгшемся на Балканский полуостров. Именно этих «угров» — «оногуров» византийский император Ираклий (610—641) использовал в войне с иранским царем Хосровом II (590—628).

Стр. 28—30. Въ си же времена быша и обри... мало его не яша. — Авары (по древнерусски — «обры») — союз племен, преимущественно тюркоязычных, образовавших в VI в. так называемый Аварский каганат, пределы которого простирались от Дона на востоке до Эльбы и Адриатического моря на западе; центром каганата была Паннония (территория современной Венгрии). Сведения о борьбе византийцев с аварами летописец почерпнул из *Хроники Амартола* (см. с. 434).

Стр. 30. ...и примучиша дулѣбы, суцяя словѣны... — Полагают, что речь идет о дулебах — славянском племени, обитавшем в Паннонии, где гнет авар был особенно значительным.

Печенѣзи — союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дона до Дуная.

...угри чернии... — В отличие от «белых угров» («оногуров») здесь упоминаются собственно угры (венгры), в конце IX в. вытесненные на территорию современной Венгрии из Северного Причерноморья печенегами.

Бяста бо 2 брата в лясѣх, — Радимъ, а другой Вятко... — Вероятно, эти легендарные имена приводятся летописцем для объяснения происхождения названий племен (см. выше, о именовании городов по их основателям; далее название туровцев возводится к легендарному Туру); археологический материал не подтверждает близости радимичей к западным славянам.

...и възложашуть ѿ на кладу... — Возможно, следует читать как в Радзивиловском списке — «на краду». Судя по греческому эквиваленту, это слово могло обозначать «погребальный костер», но этот редкий термин в некоторых списках летописи заменили на слово «клада», созвучное и подходящее по смыслу. «Клада» — это гроб, выдолбленный из ствола дерева.

Стр. 32. Глаголетъ Георгий в лѣтописаньи. — Далее следует фрагмент из византийской *Хроники Георгия Амартола* (IX в.), излагавшей всемирную историю от «сотворения мира» до середины IX в., а с дополнением, сделанным еще на греческой почве, — до середины X в. Древнерусским переводом этой *Хроники* не раз пользуется составитель «Повести временных лет».

...у вактрианъ, глаголеми врахмане и островъници... — Вактриане — жители Бактрии (государства, существовавшего в Средней Азии); здесь они отождествлены с рахманами — легендарным народом праведников, обитающим на «островах блаженных». О посещении земли рахманов Александром Македонским рассказывалось в эллинистическом романе об Александре (так называемой «Александрии»).

...халдѣмъ... — Халдеи — племя, обитавшее в низовьях Тигра и Евфрата.

Инъ же законъ гилиомъ... — Возможно, что имеются в виду гелы — скифское племя, обитавшее юго-западнее Каспийского моря.

Амазоне — амазонки, легендарный народ женщин-воительниц.

Ятрови. — Ятровь — сноха, невестка.

- ...по смерти братьѣ сея... — Кия, Щека и Хорива.
 И найдоша я козарѣ... — Государство хазар (хазарский каганат) в VII—X вв. располагалось между Доном и нижним течением Волги и южнее, на территории вплоть до северных отрогов Кавказских гор. Приведенная далее легенда, по мнению летописца, свидетельствует, что по божественному предопределению славянские племена не только перестанут в скором времени платить дань хазарам, но и сами станут облагать их данью. Эта же идея побудила летописца привести и историческую параллель — библейскую легенду о Моисее, которому с божественной помощью удалось покарать египетского фараона.
- Стр. 34. *Въ лѣто 6360...* — Летоисчисление в Древней Руси велось от «сотворения мира»; для перевода на современное летоисчисление требуется отнять от древнерусской даты 5507 или 5508 лет.
- ...индикта 15... — В «Повести временных лет» после слова «индикта» ошибочно добавлено слово «день»; речь должна идти именно о 15-м индикте; индикты — пятнадцатилетние циклы, применявшиеся в византийском летоисчислении.
- ...начению Михаилу царствовати... — Фактически византийский император Михаил III вступил на престол не в 852 (6360) г., а в 842 г.
- «От Адама до потопа лѣт 2242... до Михаила сего лѣт 542». — Подобные краткие хронологические выкладки широко распространены как в византийской, так и в древнерусской письменности. Временные дистанции в них порой значительно различаются. В данном перечне упомянуты библейские персонажи — Адам, праотец Авраам; «исход» евреев, возглавляемых Моисеем, из Египта; цари Израильско-Иудейского царства — Давид (1004—965 гг. до н. э.) и Соломон (965—928 гг. до н. э.); захват Иерусалима Навуходоносором (597 г. до н. э.); Александр Македонский (336—323 гг. до н. э.), римский император Константин Великий (с 306 г. н. э. — «август», в 324—337 гг. — император) и византийский император Михаил III (842—867). Согласно «Повести временных лет» упоминаемые далее русские князья вступили на великокняжеский стол: Олег в 879 г., Игорь в 913 г., Святослав в 946 г., Ярополк в 973 г., Владимир в 980 г., Ярослав в 1019 г. (или в 1016 г.). Как видим, расчеты хронологической выкладки и летописи не совпадают.
- ...от смерти Ярослави до смерти Святополчи лѣтѣ 60. — Святополк Изяславич умер в 1113 г. Следовательно, данное место в летописи написано не ранее этого года; полагают, что в 1113 г. и была составлена первая редакция «Повести временных лет».
- Михаилъ царъ изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. — По предположению Э. Г. Зыкова, здесь использован какой-то болгарский летописный источник. Во-первых, текст фрагмента значительно отличается от соответствующего рассказа *Хроники Амартола* (см. с. 508), тогда как в прочих случаях летописец строго следует тексту *Хроники*, а во-вторых, ошибка в датировке (крещение Бориса произошло не в 857/858 г., а в 865/866 г.) может быть объяснена тем, что в болгарском источнике применялась иная система летоисчисления (так называемая «александрийская эра», отличающаяся от традиционной византийской системы летоисчисления на 8 лет).

- Стр. 36. *И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».* — Легенда о призвании трех братьев-варягов (Рюрика, Синеуса и Трувора), приход которых на Русь будто бы положил начало государственности, порождена несколькими факторами. Во-первых, для античной и средневековой историографии было характерно возводить правящую династию к мифическому персонажу или к иноземцу: тем самым устранялась возможность соперничества местных знатных родов. Летописцы, возводя род киевских князей к варягу Рюрику, с одной стороны, укрепляли права потомков Игоря (который по этой версии объявлялся сыном Рюрика), а во-вторых, лишняя раз оберегали свои политические права от посягательств Византии. Норманны же, от которых, согласно легенде, ведет начало великокняжеская династия, в XI—XII вв. не представляли какой-либо политической угрозы для Русского государства.
- Легенда о призвании варягов возникла сравнительно поздно, видимо, в Своде Никона (полагают, что он услышал ее от новгородца Вышаты). Характерно, что «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю русскому Владимиру» — памятники первой половины XI в. — возводят киевскую княжескую династию к Игорю. Д. С. Лихачев и Л. В. Черепнин предполагают новгородское происхождение легенды о призвании варягов: именно в Новгороде существовала практика «приглашать» князей. Подробнее см.: *ПВЛ*, ч. 2, с. 234—244.
- ...ли суть людѣ новгородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. — Как полагает Д. С. Лихачев, речь идет здесь о родовой принадлежности, а не родовом происхождении: новгородские славяне этнически таковыми и остались, но теперь во главе их стал варяжский род.
- И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина... — Говоря об Аскольде и Дире, летописец специально подчеркивает, что князья, захватившие Киев, всего лишь приближенные Рюрика, по «не племени его». Это должно оправдать убийство Аскольда и Дира Олегом, который действовал от имени Игоря, согласно летописной версии — сына Рюрика.
- «...и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ». — В Лаврентьевской и Троицкой летописях читается: «а мы сѣдимъ платяче дань родомъ их козаромъ». Совершенно очевидно, что текст здесь испорчен (в Радзивилловской и Московско-Академической летописях слова «родомъ их» пропущены): в «Повести временных лет» выше говорится, что Кий, Щек и Хорив происходили из рода полян, и после смерти их «род их» продолжал княжить полянами; следовательно, и в данном случае речь идет о потомках («роде») основателей Киева. Поэтому текст исправлен по смыслу на основании Ипатьевской летописи, где говорится: «сѣдимъ, роды ихъ и платимы дань козаромъ».
- Иде Асколдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 лѣто Михаила царя. — Согласно византийским источникам, русские корабли появились под стенами Константинополя в июне 860 г. Имена предводителей похода не указываются, скорее всего Аскольд и Дир были объявлены руководителями похода лишь в «Повести временных лет»: в Начальном своде (см. *Новгород, перв. лет.*, с. 105) эти князья в рассказе о походе не называются.

Царю же отшедию на огаряны... вратися царь. — Агарянами называли восточные народы, считая, что они происходят от Агари — наложницы Измаила, сына Авраама. Черная река — вероятно, река Мавропотамон, в центральной части полуострова Малая Азия. Эпарх — правитель города (имеется в виду эпарх Константинополя).

...внутрь Суду вшедше... — Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, а с северо-востока — заливом Золотой рог (Суд); поэтому и говорится, что русские корабли «оступили», то есть окружили Константинополь.

...сѣ патриархомъ сѣ Фотьемъ... — Фотий — константинопольский патриарх в 858—867 гг.

...къ суицей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ... — В храме Богоматери во Влахерне (район Константинополя) находилась чудотворная икона, к заступничеству которой и обратился, согласно византийской легенде, патриарх.

Стр. 38. *Поча царствовати Василий.* — Василий I Македонянин вступил на престол в 867 г.

Умерию Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови... — Предшествующий «Повести временных лет» Начальный свод именуется Олега воеводой Игоря (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 107), а литературные источники XI в. называют его князем. Видимо, Олег не был родственником Игоря; поэтому составитель Начального свода, стремясь укрепить версию династической преемственности русских князей (согласно которой Игорь — сын Рюрика), низводит князя Олега в ранг воеводы. Нестор же, убедившись на основании текста договора с Византией, что Олег являлся полноправным князем, возвращает ему княжеское достоинство, но считает его регентом при малолетнем Игоре. Но и это построение летописца мало убедительно: даже если мы учтем, что в год смерти Рюрика Игорь был «дѣтескъ вельми», все равно окажется слишком продолжительным регентство Олега — в год смерти последнего Игорю было бы более тридцати лет.

...и взя Любечь... — В Начальном своде Любеч не упомянут. Нестор вставил его, вероятно, на основании текста договоров с греками, где Любеч упомянут среди главных городов Руси. Город этот расположен на берегу Днепра, к западу от Чернигова.

И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. — Летописец пытается объяснить, почему различные восточнославянские племена, а также наемные дружины варягов, все в совокупности стали именоваться «русью» (именно это собирательное наименование мы встречаем в тексте договоров с Византией). В данном случае возникновение такого собирательного наименования подданных Олега приурочено ко времени перенесения им столицы государства в Киев. О термине «русь» см. подробнее: *ПВЛ*, ч. 2, с. 238—244, 253.

Стр. 40. *...по щлягу...* — Происхождение и характер этой денежной единицы не выяснены.

И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а сѣ уличи и тѣверци имяше рать. — Летописец пытается очертить пределы подвластных Олегу земель: они простираются от Новгорода до Киева; только уличи

и тиверцы, обитавшие к западу от Южного Буга и Днестра, не покорились киевскому князю.

Левонъ царствова, сынъ Васильевъ... царствоваста лѣтъ 20 и 6. — Речь идет о византийских императорах: Льве VI (886—912) и соправителе его и преемнике Александре (912—913).

Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское... — Неизвестно, действительно ли угры (венгры), проходившие в X в. через степи Северного Причерноморья на запад, оказались в непосредственной близости от Киева; возможно, что поводом для этого сообщения явилось наименование горы под Киевом «Угорской».

Посемъ же угри прогнаша волѣхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша сѣ словѣны, покориши я подѣ ся... — Венгры заняли территорию в бассейне Дуная, вытеснив оттуда авар. Но полагают, что здесь отразились представления средневековья, согласно которым славянские земли по Дунаю и на побережье Адриатики (Иллирия) были заняты римлянами (волохами), а затем уже в Паннонию вторглись венгры. Таким образом славяне оказывались причастными римской культуре (ср. далее утверждение, что апостол Павел проповедовал в Иллирии, где прежде жили славяне). В действительности славянские племена проникли в бассейн Дуная лишь в V в. н. э.

...Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу... — Ростислав — князь Великоморавского государства (846—870), Святополк (870—894) — его преемник, Коцел — князь Блатенского княжества (в районе оз. Балатон). Посольство в Византию было отправлено одним Ростиславом в 863 г.

...Мефодия и Костянтина... — Создатели славянской азбуки Мефодий (820—885) и Константин Философ (827—869), принявший монашеское имя Кирилл, были сыновьями военачальника из г. Фессалоники (Солунь). Приглашенный Ростиславом в Моравию для проповеди христианства на славянском языке, Кирилл создал азбуку. Большинство исследователей полагает, что это был глаголический алфавит, кириллица же, употребляемая сейчас у многих славянских народов, создана позднее. Кирилл совместно с Мефодием перевел на славянский язык ряд богослужебных книг, положив таким образом начало славянской письменности.

Стр. 42. *...Се же слышавъ папезъ римский... на книги словѣнския.* — Папа Адриан II поддержал деятельность Кирилла и Мефодия.

Посем же Коцелъ князь постави Мефодья епископа въ Паниш... — Мефодий с начала 70-х гг. был архиепископом Моравии и Паннонии (Блатенского княжества).

...на столѣ святого Онѣдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. — Апостолами именовались как 12 учеников Христа, так и 70 первоначальных проповедников христианства, в числе которых был и Андроник.

...ту бо есть Илюрикъ... — На этих словах заканчивается л. 9 Лаврентьевского списка, после которого утрачено 6 листов. Находившийся на них текст «Повести временных лет» приводится далее по Радзивилловской летописи XV в., сохранившей ту же (вторую) редакцию «Повести временных лет», что и Лаврентьевская летопись.

Семионъ — болгарский царь (893—927). Война Симеона с Византией происходила в 894—896 гг.

Стр. 44. *Иде Олегъ на Греки...* — В истории походов Олега на Константинополь много неясного: в летописи это место существенно перерабатывалось в связи с попытками соотнести князя Олега с династией Рюриковичей (см. об этом выше), а в византийских источниках, вообще скупо отражающих этот период, сведений о походе Олега нет. А. А. Шахматов полагал, что договор 907 г. искусственно воссоздан Нестором на основе договора 911 (912) г. В настоящее время большинство исследователей считает, что существовало предварительное соглашение 907 г., закрепленное затем договором 911 г.

...и греци замкоша Суд... — Византийцы перегораживали вход в залив Золотой рог (Суд) из Мраморного моря цепями. Осаждающие могли, однако, перетаскивать корабли через узкий перешеек и спускать на воду залива, непосредственно у стен города. Так поступили, например, турки при осаде Константинополя в 1453 г., так же поступил, по рассказу летописи, и Олег. Но насколько этот рассказ соответствует действительности, сказать трудно.

...святый Дмитрий... — Вероятно, имеется в виду Дмитрий Солунский.

...по 12 гривен на ключь... — Гривна — древнерусская денежная единица. Для сравнения укажем, что за убийство свободного мужа налагался штраф 40 гривен, боевой конь стоил 2—3 гривны. По мнению исследователей, величина обложения (12 гривен на человека) может соответствовать действительности, но, вероятно, преувеличено число кораблей.

...слобное емлют... емлют мѣсячину... — Речь идет об обещании Византии содержать русских послов и купцов (последних в течение 6 месяцев).

Стр. 46. ...по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ... — О древнерусском языческом пантеоне мы знаем крайне мало: летопись лишь упоминает, что кумиры (идолы) Перуна, верховного божества славян, и Велеса — бога скота и, вероятно, покровителя торговли — стояли в Киеве и в Новгороде.

«Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты». — Последнее слово добавлено по смыслу. Но суть всего эпизода не ясна из-за спорного значения термина «кропинные». Ясно лишь, что новгородцы (словене) оскорблены тем, что им не дали для парусов дорогой шелковой материи («паволок») и они вынуждены довольствоваться своими «толстинами» — парусами из грубого полотна.

Явися звѣзда велика на западе копейным образом. — Комета Галлея, которая в июле 912 г. была наиболее близка к Земле.

В лѣто 6420. — Как следует из даты, указанной в конце текста договора, он был заключен 2 сентября 15 индикта 6420 г., т. е. в сентябре 911 г. Косвенное подтверждение этой даты следует и из упоминания византийских императоров — Льва, Александра и Константина: совместное их правление продолжалось с 9 июля 911 г. до 11 мая 912 г.

Равно другаго свещания... — Из этих слов исследователи заключают, что данный договор подтверждает какое-то прежнее соглашение (возможно, предварительный договор 907 г.). Подробный комментарий к тексту договора 911 (912) г. см.: ПВЛ, ч. 2, с. 272—279.

...межи хрестианы и Русью... — Здесь и далее под «христианами» подразумеваются византийцы.

Стр. 52. ...бывишии миръ сотворихом Ивановым написанием... — Существует предположение, что здесь упомянут некий Иван — писец или переводчик договора.

...на двою харатью, царя вашего и своєю рукою... — При заключении договоров между Византией и другими государствами текст изготовлялся в двух экземплярах — от лица императора на греческом языке и на языке народа, с которым велись переговоры от лица его правителя. При этом, разумеется, для каждой стороны местоимения «наш» и «ваш» имели противоположный смысл: в одном случае они обозначали византийцев, в другом — представителей договаривающейся стороны. Переводчики иногда забывали изменить местоимения, отсюда в тексте договоров в летописи ряд ошибочных употреблений местоимений, которые приходится исправлять по смыслу. Харатья — грамота на пергамене.

...паволоками и фюфудьями... — Паволоки и фюфудьи (последнее слово значит то же, что «аксамит») — шелковые ткани.

Стр. 54. ...и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица... — На легендарность рассказа о смерти Олега указывает, в частности, тот факт, что в Начальном своде местом захоронения Олега названа Старая Ладога, предание о княжеском коне вообще отсутствует, а версия о смерти от укуса змеи дается с оговоркой: «Друзии же скажутъ, яко идущую ему за море, и уклону змя в ногу, и с того умре» (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 169).

Се же не дивно, яко от волхвованна собывается чародѣйство. — Нестор стремится оправдать приведенную им легенду о смерти князя, в которой волхвы-язычники оказались правы, предсказав смерть Олега от его коня. Поэтому летописец приводит далее пространную выдержку из *Хроники Амарты* (с. 305—306), из которой следует, что пророческим даром могли обладать и нехристиане.

...во царство Доментианово, нѣкий волхвъ, именов Аполоний, Тиянинъ... — Аполлоний Тианский, греческий философ пифагорейской школы и «чародей», живший во времена римского императора Домициана (81—96).

...во Антиохию... — Антиохия, город на берегу реки Оронт, в северной части современной Сирии.

...великий Настасий... — Анастасий Синаит, византийский богослов, патриарх Антиохии в 561—563 гг.

Стр. 56. ...Валам, и Саулъ, и Каиафа... — Здесь упомянуты библейские персонажи: прорицатель Валаам, иудейский царь Саул и первосвященник Каиафа.

...сынове Скевавли. — В Библии рассказывалось, как сыновья иудейского первосвященника Скевы безуспешно пытались исцелять заклинаниями «бесноватых».

Фараонъ. — Имеется в виду один из египетских фараонов, при котором, согласно Библии, Моисей «вывел» евреев из Египта.

...Навходоносоръ... — вавилонский царь Навуходоносор II. По библейской легенде, он видел вещие сны, истолкованные пророком Даниилом.

- ...Симонъ волхвъ... — философ-гностик I в. н. э., персонаж апокрифических легенд, в которых рассказывалось о его спорах с апостолами Петром и Павлом; при этом Симон творил различные чудеса (о них говорится и в «Повести временных лет» в статье 1071 г.).
- ...Менандръ... — философ-гностик I в. н. э., последователь Симона.
- В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. — Константин VII, византийский император (913—959).
- В то же лѣто прииде Ссмионъ Болгарьскій на Царьград... — Война Византии с Болгарией длилась с 913 по 917 г. Эти события и отразились в статьях 914 и 915 гг.
- ...град Ондрънь... — Адрианополь. Прежде город именовался Орестейя, по имени Ореста, сына Агамемнона (Агамемнон — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне). Город был перестроен и укреплен римским императором Адрианом (117—138).
- Поставленъ царь Романъ въ Грекох. — Византийский император Роман I Лакапин вступил на престол в 920 г.
- В лѣто 6430. — С этих слов продолжается текст в Лаврентьевском списке.
- Стр. 58. Иде Игорь на Греки. — Рассказ о походе Игоря на Византию составлен на основе Хроники Амартола (через посредство «Хронографа по великому изложению» — сокращенного пересказа византийских хроник), и Жития Василия Нового.
- ...скѣдий 10 тысящъ. — «Скедия», по-гречески — «наскоро построенная лодка, плот»; у Амартола этот термин применен, возможно, для уничижительной характеристики русского флота.
- ...почаша воевати Вифиньския страны... страну Никомидийскую поплѣнивше... — Нападению руси подверглось северное побережье Малой Азии — провинции Вифиния и Пафлагония. Ираклий — город Ираклия Понтийская, Никомидия — город на восточном берегу Мраморного моря (ныне Измит).
- ...Памѣфиръ деместикъ — Панфирий, «доместик схол востока», командующий императорскими войсками.
- ...Фока патрекий... — Варда Фока — знатный сановник, стратиг (полководец).
- ...Федоръ же стратилатъ съ фраки... — Стратилат — военачальник; фраки — фракийцы или жители Фракии, провинции в юго-восточной части Балканского полуострова.
- Феофанъ... — патрикий, командовавший флотом, действовавшим против Игоря.
- ...пуцати нача трубами огнь на лодѣхъ руския. — «Греческий огонь» — горючая смесь, состоявшая из смолы, серы, селитры и нефти; ее метали из сифонов, установленных на носу корабля. Сифоны изготавливались из золоченой бронзы и имели вид головы льва.
- Семеонъ иде на храваты... и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болгаромъ. — Семеон умер в 927 г., известие помещено под 942 г. ошибочно; Петр болгарский царь (927—969).
- Игорь же... поиде на Греки в лодѣхъ и на конихъ, хотя мьстити себе. — Существуют различные мнения о том, состоялся ли этот второй поход Игоря. Но договор с Византией достаточно выгоден для русской стороны. Это

- позволяет допускать, что после поражения в 941 г. Игорь предпринял какие-то действия, приведшие к заключению такого договора.
- Стр. 60. ...бывшаго при цари Романъ, и Костянтинъ и Стефанъ... — Роман назначил в 924 г. соправителями своих сыновей — Константина и Стефана. В декабре 944 г. Роман был ими свергнут, следовательно, договор был подписан до этого времени. Подробный комментарий к его тексту см.: ПВЛ, ч. 2, с. 289—293.
- Стр. 64. А о Корсуньстѣй странѣ. — О византийской колонии в Крыму, центром которой являлся г. Херсонес (Корсунь); в настоящее время на этом месте расположен Севастополь. Основанный в 422—421 гг. до н. э. Херсонес просуществовал до середины XV в.
- Стр. 66. ...написахомъ на двою харатью... — См. прим. к с. 52.
- ...обручѣ своѣ... — Слово «обручъ» обычно значит «украшение, запястье»; в данном случае обручи названы среди оружия. Однако при описании присяги Игоря и его мужей в Киеве сказано, что русские «покладоша оружие свое, и щиты и золото». «Золото» соответствует упомянутым выше «обручам». Быть может, при подобном церемониале вместе с оружием на землю клали и золотые украшения, как символ достатка, которого лишен будет нарушивший клятву. Ср. в связи с этим предположением неясную по смыслу фразу из статьи 971 г., где также описываются переговоры с греками: «и да будемъ колоти (исправляют: «золоти»), яко золото, и своимъ оружиемъ да исъчени будемъ».
- Стр. 68. И приспѣ осень и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань. — Осенью князя с дружиной выходили на «полюдье» — собирали дань с подвластных им племен.
- ...отроци Свѣнльжи... — младшая дружина, вооруженная свита княжеского воеводы Свенельда.
- ...изъ града Изъкоръстѣня... — Искоростень, главный город древлянской земли (современный Коростень Житомирской обл.).
- ...кормилецъ его Асмудъ... — дядька, воспитатель княжича.
- ...перевѣсище бѣ вънѣ града... — Перевесище — место для ловли птиц с помощью больших сетей — «перевесов». В древнем Киеве перевесище располагалось, вероятно, в районе нынешнего Крещатика.
- Стр. 70. ...вы же рѣцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣхъ... — Три мести Ольги как бы отражают элементы похоронного обряда: покойника несли в лодке, затем сжигали (этому соответствует сожжение древлянских послов в бане), а после погребения совершалась тризна и, вероятно, исполнялись ритуальные танцы, имитировавшие битву. Здесь же, на тризне по Игорю, Ольга превращает ритуальные военные игры в действительное избиение древлянских воинов.
- ...надъ гробомъ его... — Имеется в виду могила, курган, насыпанный над могилой. Ср. выше: «И есть могила его (Игоря. — О. Т.) у Искоръстѣня града — в Деревѣхъ и до сего дне»; далее сказано, что Ольга «повелѣ людемъ своимъ съсуги (насыпати) могилу велику».
- Стр. 72. ...суну копьемъ Святославъ на деревляны... — По обычаю бой начинал сам князь; юный Святослав также бросает копье (хотя брошенное детской

рукой оно падает у ног его собственного коня); но ритуал соблюден, и начинается бигва.

Стр. 74. *...Вышегородъ...* — Вышгород — загородная резиденция киевских князей.

...устанавливающи уставы и уроки... — Видимо, определяя размеры податей в пользу киевских князей.

Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. — В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» подробно описывается прием Ольги в Константинополе. 9 сентября 957 г. (а не 955 г., как сказано в летописи) император принял ее в Магнавре — тронном зале, а затем императрица Елена — в роскошном зале императора Юстициана. Ольга была приглашена и во внутренние покои императрицы, куда явился также Константин с детьми. В честь Ольги был дан обед. Второй раз Ольга была принята императором 18 октября. Источники по-разному говорят о месте крещения Ольги: крестилась ли она в Константинополе или же приехала туда уже будучи христианкой.

...Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. — Елена — мать римского императора Константина I (324—337).

И по крещеньи возва ю царь, и рече ей... — Рассказ о сватовстве императора к Ольге легендарен.

Стр. 76. *...Еноха в первыя роды... Давида от Саула...* — Перечисляются персонажи библейских легенд, избежавшие опасности с божественной помощью.

...3 отроци от пещи, Данила от звѣрий... — В Библии, в Книге пророка Даниила, рассказывается о чудесном спасении трех юношей, ввергнутых в горящую печь, и о том, как сам пророк остался невредим, проведя ночь во рву с голодными львами.

Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица эфиопская к Соломану... — Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.), сын и преемник Давида. По библейской традиции славился особой мудростью, ему приписывается авторство нескольких библейских и апокрифических книг. В Библии (3-я книга Царств, гл. X) рассказывается, как к царю Соломону приходила Савская царица (из южной части Аравии). Сын ее от Соломона считался в средневековье родоначальником эфиопских (абиссинских) царей, и сама царица Савская часто именовалась эфиопской царицей.

«Аще ты, рыци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамь». — Почайна — речка под Киевом. Видимо, Ольга не была удовлетворена приемом, оказанным ей в Царьграде, что и нашло отражение в предании о ее ответе византийским посланцам.

Стр. 78. *...и легко ходя, аки пардусъ...* — Пардус — гепард. Охотничьих гепардов держали в средние века при княжеских и царских дворах. Гепард отличается выносливостью и быстротой бега, отсюда и сравнение с ним Святослава.

Иде Святославъ на козары... — Арабский писатель Ибн-Хаукаль сообщает дополнительные подробности о походе Святослава. Через землю вятичей он дошел до столицы волжских болгар Булгара, разрушил город, затем

двинулся на юг, к Итилю (в устье Волги), затем — морем — к Семендеру (в сев. части Дагестана); взяв город, Святослав двинулся на запад, одолев по пути ясов (аланов) и касогов (адыге), вышел к побережью Азовского моря, овладел Тмутороканью и, поднявшись вверх по Дону, захватил хазарскую крепость Саркел (Белую Вежу).

Иде Святославъ на Дунай на Болгары. — Первый поход Святослава в Болгарию в 968 г., как полагают, был инспирирован императором Никифором Фокой.

...сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣх. — Переяславец — город; ныне это село Преслав (возле города Тулча в Румынии), южнее Дуная. Под данью имеется в виду, вероятно, та сумма, которую византийцы выплатили Святославу за поход на болгар. В дальнейшем расстановка сил изменилась: часть болгар выступила на стороне Святослава, а между ним и Византией начался военный конфликт.

Придоша печенѣзи на Руску землю первое... — Имеется в виду первое нападение печенегов на Киев.

Стр. 82. *Володимеръ бо бѣ отъ Малуши... и бѣ Добрына уй Володимеру.* — Летопись объясняет нам происхождение излюбленного персонажа русских былин — Добрыни (в былинах, обычно, — Добрыни Никитича): он приходился Владимиру дядей и, видимо, являлся дядькой княжича, а затем его воеводой (см. статьи 980 и 985 гг.).

Стр. 84. *Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ градѣ.* — Следовательно, пока Святослав освобождал Киев от печенежской осады, болгары вновь захватили Переяславец.

И поиде Святославъ ко граду... — т. е. к Константинополю: византийцы называли свою столицу просто «город». Здесь повествуется о событиях лета 978 г., когда Святослав дошел до Аркадиополя (ныне — Люлебургаз, город в 150 км северо-западнее Константинополя). Чтобы выиграть время и собрать силы для отпора руси, византийцы выплатили Святославу выкуп («дань»), и он вернулся в Переяславец. К тому же в боях под Аркадиополем войска Святослава понесли большой урон.

Стр. 86. *...со всякимъ великимъ царемъ гречскимъ...* — «Всякимъ», вероятно, — описка; речь должна идти об императоре Иоанне Цимисхии (969—976) и сыновьях императора Романа II — Василии и Константине (будущих императорах Василии II и Константине VIII).

Стр. 88. *...градъ, рекомый Вручий...* — ныне это г. Овруч, в северной части Житомирской области.

Стр. 90. *«Не хочу розути робичича...»* — Намек на то, что Владимир был сыном Святослава от Малуши, ключницы княгини Ольги; разувание мужа было частью древнерусского свадебного обряда.

...стояше Володимеръ обрывя на Дорогожичи... — Дорогожич — урочище между Киевом и Вышгородом.

Стр. 94. *Перуна древяна... Ситарьгла, и Мокошь.* — Перун — бог грома и молнии. Хорс часто упоминается вместе с Перуном, но его функции в мифологии восточных славян не ясны; возможно даже, что Хорс был важнейшим из славянских богов. Дажь-бог — божество солнца. Стрибог, судя по тексту «Слова о полку Игореве», был богом ветра. Место Ситаргла

- в языческом пантеоне не ясно. Мокошь — вероятно, божество женского пола; судя по поздним источникам, именно к Мокоши обращались «идоломолицы» (жрицы, колдуньи). Сведения о славянских языческих божествах крайне скудны, и предположения о их функциях в высшей степени гипотетичны. *Зло бо есть женская прелесть, якоже рече Соломанъ...* — Далее следуют фрагменты из книги «Притч Соломоных», автором которой считался царь Соломон.
- Стр. 96. *...и поѣкоша сѣни под нима...* — Сени представляли собой крытую галерею на уровне второго этажа. Столбы, которые поддерживали сени, и «посекли» киевляне.
- Стр. 98. *Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею...* — Полагают, что имеется в виду поход Владимира на волжских болгар. «Торками», как можно думать, названы здесь нанятые Владимиром отряды печенегов, так как тюркское племя торков появилось в южнорусских степях позднее — в середине XI в.
- Придоша болгары вѣры бохъмичѣ...* — последователи Магомета, мусульмане.
- Стр. 100. *...жидове козарьстии...* — В Хазарском каганате жили евреи, изгнанные из Ирана и Византии.
- «...и предана бысть земля наша хрестеяномъ...»* — Речь идет о Палестине. Иерусалим был взят крестоносцами в 1099 г., следовательно, рассказ этот не мог появиться ранее конца XI в.
- ...уподоблешеся Содому и Гомору, на ня же пусти господь каменье горюще...* — По библейской легенде бог наказал пять палестинских городов (среди них — Содом и Гоморру) за безнравственность их жителей: города были сожжены небесным огнем и провалились в бездну.
- Стр. 102. *И нача философъ глаголати сице...* — С этих слов начинается так называемая «Речь философа» — краткое изложение истории человечества в интерпретации средневековой христианской историографии. В ряде случаев повествование отстает от канонических библейских сюжетов, вместо них приводятся различные апокрифические легенды. Вопрос о происхождении «Речи философа» остается спорным.
- ...створи твердь, яже есть посреди воды.* — Твердь, по средневековым христианским представлениям, это твердое небо, небесный свод.
- Стр. 112. *...и поклоняются Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй...* — Ваал — языческое божество древних семитов, однако Ваал не был богом войны, и сближение его с Аресом (Ареем) — богом войны у древних греков — произвольно.
- «Прорицайте о отверженьи жидовьствѣ и о призваньи странъ».* — Далее следуют выписки из библейских книг: изречения пророков Осии, Иеремии, Иезикииля, Малахии, Исаии, Амоса, Давида, Михея, Захарии, Моисея и Ездры, в которых, как полагали христианские богословы, уже предсказывалось явление Христа.
- Стр. 116. *...до Ирода иноплемьника, иже облада ими.* — Ирод I, царь Иудеи (37 г. до н. э. — 4 г. до н. э.).
- Стр. 118. *...ведоша къ гѣмону Пилату.* — Пилат — римский наместник в Иудее, которая с 6 г. н. э. являлась провинцией Римской империи.

- Стр. 122. *И призваша я царя Василий и Костянтинъ...* — императоры-соправители — Василий II Болгаробойца (976—1025) и Константин VIII (976—1028).
- Стр. 124. *...иде Володимеръ съ вои на Корсунь...* — В 986 или 987 г. византийский император Василий II обратился к Руси за военной помощью: Владимир обещал прислать в Константинополь 6000 воинов, а император отдавал ему в жены свою сестру Анну; Владимир перед браком с греческой царевной должен был креститься. В 988 г. с помощью русского корпуса Василий разгромил войска мятежного вельможи Варды Фоки; опасность миновала, и Анну не спешили отправлять на Русь. Видимо, это и явилось поводом для похода Владимира на византийскую колонию в Крыму — Херсонес (Корсунь). После брака с Анной Владимир возвратил Херсонес Византии.
- ...в лимени...* — в лимане, херсонесской гавани.
- ...стрѣлище...* — расстояние, равное полету стрелы (приблизительно 60—70 м).
- Стр. 126. *...в кубару...* — в корабль.
- Се же не свѣдуще право, глаголють... друзии же инако скажутъ.* — Эта фраза читается и в Начальном своде (см. *Новгород. перв. лет.*, с. 152); следовательно, уже в XI в. существовали различные версии о том, где крестился Владимир: в Киеве, в Васильеве или в Корсуни. Васильев — город юго-западнее Киева, на берегу реки Стугны.
- Стр. 128. *Вѣрую же и седму сборъ святыхъ отецъ...* — Далее перечисляются церковные соборы, происходившие в 325, 381, 431, 451, 553, 680 и 787 гг. На соборах обсуждались различные догматические вопросы, в частности, с ортодоксальных позиций осуждалось учение Ария, Македония, Нестория и других богословов-еретиков.
- Не преимай же ученья от латынъ, ихъ же ученье развѣращено...* — Эта статья могла появиться только после 1054 г., после разделения церковью на православную и католическую, но не позднее 1059 г., когда было введено безбрачие католического духовенства, так как в ней осуждается многобрачие «латинян».
- Стр. 130. *...Петръ Гугнивий...* — это не реальное лицо, а символический образ папы-отступника.
- Стр. 132. *Рѣнь* — песчаная отмель.
- Стр. 136. *Бѣ бо у него сыновъ 12...* — В летописи упоминаются далее лишь Вышеслав (ниже сказано о его смерти), Изяслав (ум. в 1001 г.), Ярослав (ум. в 1054 г.; с 1028 по 1054 г. — великий князь Киевский), Святополк — убийца Бориса и Глеба, Мстислав (ум. в 1036 г.), Судислав (ум. в 1063 г.), а также Борис и Глеб, убитые Святополком в 1015 г.
- ...помысли создати церковь пресвятая богородица...* — Десятинную церковь, остатки которой обнаружены археологами.
- ...заложити градъ Бѣлгородъ...* — Город на берегу р. Ирпень, южнее Киева, одна из крупнейших русских крепостей с княжеским замком. В дальнейшем Белгород являлся центром епископии.
- ...где нынѣ Переяславль.* — Рассказ о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем вставлен в летопись Нестором. В позднейших летописях юноша именуется Яном (Ян Усмошвец). Отмечали, что Переяславль упо-

- минается еще в договоре Олега с Византией и, следовательно, существовал задолго до описываемого события. Однако археологи подтверждают, что крепостные сооружения Переяславля датируются концом X в.
- Стр. 140. *...бѣ бо въ тѣ день Преображенъе господне...* — Преображение — церковный праздник, в память о изменении своего вида Иисусом Христом на Фаворской горе.
- ...300 проварѣ меду.* — «Провара», возможно, — количество напитка, которое может быть сварено за один раз.
- ...въ гридъницѣ пирѣ творити...* — Гридница — парадное помещение в княжеском дворце; гриди — дружинники князя.
- ...съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ.* — Здесь упоминаются польский князь Болеслав I Храбрый (992—1025; в 1025 г. — король); Стефан (Иштван) — венгерский князь (997—1001) и король (1001—1038), Андрих (Олдржих) — чешский князь (1012—1034).
- Стр. 142. *Володимеръ же отвергъ виры...* — Вира — штраф, которым облагался совершивший преступление.
- ...по верховъниѣ воѣ...* — за воинами из новгородской или смоленской земли.
- ...створити цѣжь...* — Для приготовления цежа овсяную муку заливали водой, давали ей закиснуть, затем процеживали.
- ...лукно...* — посудина из гнутого луба; здесь употреблено как мера объема («меду лукно»).
- Стр. 144. *...латки.* — Латок — глиняная посуда (типа сковороды или горшка).
- ...корчагу...* — глиняный сосуд, употреблявшийся для хранения и переноски вина или масла.
- Преставися Малѣфрѣдѣ.* — Полагают, что это имя матери Владимира — Малуши.
- Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша ѿ, бѣ бо Святополкъ Киевѣ.* — Берестово — княжеское село под Киевом. Как полагают, смерть Владимира хранили в тайне, ожидая возвращения Бориса и опасаясь, что находящийся в Киеве Святополк захватит власть.
- Ночью же межю двема клѣтми проймавшие помостѣ... възложыше ѿ на сани...* — Вынос тела через пролом и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.
- Стр. 146. *Се есть новый Костянтинъ великого Рима...* — Владимир сравнивается с римским императором Константином Великим, при котором христианство стало государственной религией. Константин крестился перед самой смертью, однако средневековая историография традиционно изображает его ревностным христианином.
- ...ста на Лытѣ...* — Лыто (Альта), река, впадающая в р. Трубеж (к юго-востоку от Киева).
- Стр. 150. *...и ста на Смядинѣ в насадѣ.* — Смядынь — река в Смоленской земле. Насад — боевое судно с приподнятой носовой частью корпуса.
- Поварѣ же Глѣбовѣ, именемъ Торчинѣ...* — Имя повара, вероятно, указывает на его национальность: торки — кочевое племя тюркского происхождения, обитавшее на границах Киевского и Переяславского княжеств.

- Стр. 154. *Тако бо Исаия рече...* — Цитируется «Книга пророка Исаии», входящая в Библию.
- ...и шедѣ на Ракомѣ...* — Ракомо — село Ярослава под Новгородом.
- Стр. 156. *И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочих вой 40 000...* — В *Новгород. перв. лет.* (см. с. 175) иные и, видимо, более правильные сведения: «и собра вой 4000: варягъ бѣшесть тысяща, а новгородцовъ 3000».
- ...изыде противу ему к Любичю об онѣ полѣ Днѣпра...* — Любеч — город на левом берегу Днепра, западнее Чернигова.
- Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы...* — Святополк был женат на дочери Болеслава и находился с ним в дружественных отношениях; по сведениям саксонского хрониста Титмара Мерзебургского (975—1018), Святополк еще при жизни Владимира готовил против него заговор с помощью Болеслава.
- Стр. 158. *Принесоша ѿ къ Берестью...* — Берестье — ныне г. Брест.
- Его же по правдѣ, яко неправедна...* — Здесь цитируется текст *Хроники Амартола* (с. 215—216); в Хронике рассказывается о страшной болезни царя Иудеи — Ирода, тело которого покрылось гнойными язвами.
- Стр. 160. *...новый Авимелехъ...* — В Библии рассказывается, как Авимелех, сын еврейского правителя Гедеона, убил 70 своих братьев.
- Въ си же времена Мъстиславу суцю Тмуторокани, поиде на касоги.* — Касоги — предки современных черкесов. Поединок Мстислава с Редедей нашел отражение в «Слове о полку Игореве»: Боян пел славу «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предѣ пълкы касожьскими».
- Стр. 162. *В се же лѣто възсташа волгъсви в Суждали, избиваху старую чадь...* — Хотя инициаторами восстания названы волхвы — жрецы языческого культа, но то, что истреблялась именно «старая чадь», т. е. зажиточные слои населения, указывает на социально-экономические причины восстания.
- И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ съ лѣпѣ, и луда бѣ у него золотомъ истѣкана.* — Полагают, что упоминаемый здесь Якун — это предводитель варяжского отряда Хакон; его знают и Эймундова сага и Киево-Печерский патерик, причем в последнем говорится о князе Африкане, что он был «брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася поском по Ярославе с лютым Мъстиславом». Мог ли, однако, военачальник, к тому же специально приглашенный с отрядом наемников, быть слепым? Видимо, еще в древности написание «съ лѣпѣ» («лѣпѣ» — «красив») прочли как «сълѣпѣ» — «слепой». И не случайно, видимо, после указания на «лепоту» Якуна говорится о его расшитом золотом плаще: летописец иронически подчеркивает контраст между красотой и богатством одеяния Якуна и его позорным бегством с поля боя.
- ...к Листвену.* — Листвен — урочище недалеко от Чернигова.
- Стр. 164. *Знаменьє змиево явися на небеси...* — Видимо, речь идет о крупном метеоре, после падения которого на небе остается огненный змеевидный след.
- ...Белзы...* — Белз — город на р. Сороче, притоке Западного Буга.
- ...и постави градъ Юрьевъ.* — Город Юрьев, названный в честь самого Ярослава; Георгий (Юрий) — христианское имя князя. Теперь этот город называется Тарту.

В се же время умре Болеславъ Великий в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ... — Летописец ошибочно соотнес два факта. Болеслав Великий умер в 1025 г., а восстание, здесь описанное, — это либо восстание 1031 г., либо, как полагает В. Д. Королюк, — восстание 1037—1038 гг.

...грады червеньскыя... — Речь идет о пограничном районе между Русью и Польшей, о городах Червен, Луческ, Сутейск, Броды и др. Ныне эти города расположены на территории Польши.

Ярославъ поча ставити города по Рѣси. — Рось — правый приток Днепра, впадающий в него южнее Киева; на этой пограничной со степью реке строились городки-крепости.

...епископа постави Жидяту. — Лука Жидята (сокращенное имя от Жидислав), новгородский епископ, предполагаемый автор «Поучения к братии» — одного из древнейших литературных произведений Киевской Руси.

Заложити Ярославъ городъ великий... — Здесь подводятся итоги строительной деятельности Ярослава. При нем создается «Ярославов город»; территория Киева, окруженная гигантскими земляными валами с деревянными укреплениями, расширяется в восемь раз сравнительно с «городом Владимира». При Ярославе воздвигается сохранившийся до нашего времени Софийский собор, сооружаются Золотые ворота (главные ворота города) с надвратной церковью Благовещения. Церковь Ирины (Ирина — христианское имя жены Ярослава) и церковь Георгия (Георгий — христианское имя Ярослава) не сохранились.

Стр. 166. *И собра писць многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо.* — Сейчас трудно определить, какие именно переводы были осуществлены при Ярославе, но несомненно, что в XI — начале XII в. были переведены исторические сочинения (Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Синкелла, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), повесть об Акире Премудром, повесть о Варлааме и Иоасафе, ряд житий и другие памятники византийской литературы.

Ярославъ иде на ятвягы. — Ятвяги — древнепрусское племя, обитавшее в районе восточнее современного города Белосток. Этнически ятвяги были близки литовцам.

Стр. 168. *Посла Ярославъ сына своего Володимера на Гръкы...* — И летописный рассказ об этом походе, и византийские источники содержат немало противоречий. Представляется, что военный конфликт разразился после неудавшихся переговоров Владимира Ярославича с императором Константином Мономахом (1042—1055). Русский флот появился у стен Константинополя в июле. Значительный урон ему был нанесен внезапно разразившимся штормом. Битва с византийскими триерами (здесь они названы «оляди») происходила, видимо, в Босфорском проливе у входа в Мраморное море.

...вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира... — Казимир I (ок. 1037—1058), польский князь, женился на дочери Ярослава Марии Добронеге.

...Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вѣлхвованья. — Всеслав, князь Полоцкий, один из героев «Слова о полку Игореве». Характерно, что и летопись и «Слово» связывают Всеслава с потусторонними силами: он рожден от «волхвованья», у него «вѣща душа», он за ночь «изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя».

Заложити Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ. — Софийский собор в Новгороде, построенный на месте сгоревшей деревянной церкви. Считается более точным известие Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, согласно которым каменный Софийский собор был заложен в 1049 г.

Преставися жена Ярослава княгыни. — Жена Ярослава — Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа.

Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина... — В 1051 г. собором русских епископов был поставлен в митрополиты не грек (все предшествующие митрополиты были выходцами из Византии), а «русин» Иларион, бывший до этого священником придворной церкви Ярослава в Берестове. Иларион был выдающимся проповедником; ему принадлежит знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором подчеркивается равноправие всех христианских народов и особо выделяется мысль о том, что Владимир, крестивший Русь, столь же достоин почитания, как и император Константин Великий, признавший христианство государственной религией Римской империи.

Стр. 170. *...нѣкый челоувѣкъ, именовъ мирьскимъ...* — Полагают, что здесь пропущено имя мирское Антония; видимо, оно не было известно летописцу.

...в Святую Гору... — на Афон. Афонские монастыри располагались на восточном мысе Халкидонского полуострова (в северной части Эгейского моря). На Афоне с начала XI в. имелся и русский монастырь.

Стр. 172. *...не выходя ис пещеры лѣтъ 40...* — Этот расчет лет ошибочен: из сказанного выше следует, что Антоний уединился в пещере уже при князе Изяславе (1054—1073), а умер в 1072—1073 гг.

...Феодосий... — Феодосий Печерский, церковный деятель и писатель, автор нескольких слов и поучений. Нестором было написано пространное «Житие Феодосия Печерского» — один из лучших памятников литературы Киевского периода.

Стр. 174. *...искати устава чернецъ студийскихъ.* — Устав Студийского монастыря в Константинополе отличался суровыми правилами монашеского быта, восходившими к установлениям основоположников монашества.

...и азъ придохъ худый и недостойный рабъ... — Полагали, что Нестор пишет о самом себе. Однако исследователей смущают некоторые противоречия между летописным текстом и написанным Нестором «Житием Феодосия Печерского»; так возникает гипотеза о двух Несторах — агнографе и летописце.

Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти монастырь, и что ради зоветься Печерьский. — Почему рассказ помещен в статье 1051 г. — не совсем ясно; видимо, в этом году, по мнению Нестора, поселился в пещере Антоний — основатель монастыря. Между летописным рассказом и «Житием Феодосия» есть противоречие: в последнем строительство келий, церкви и ограды монастыря отнесено к 1062 г. и приписано Феодосию, тогда как, по летописи, еще при Варлааме «братья заложити церковь велику, и монастырь огородиша столпемъ, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша» (см. с. 172). Но, быть может, в этой фразе объединены события разных лет: разрешение Изяслава Варлааму занять под монастырь гору над Днепром, начало строительства монастыря

и наконец — возведение главного собора монастыря — Успенского, построенного в 1073—1077 гг. Возможно и другое: события, имевшие место при Варлааме, в «Житии Феодосия» искусственно отнесены ко времени игуменства Феодосия.

У Всеволода родился сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицъ гръкънѣ. — Речь идет о Владимире Мономахе; жена Всеволода, как полагают В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин, была дочерью византийского императора Константина Мономаха (1042—1055).

«Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему...» — В этих словах Ярослава провозглашен принцип, согласно которому киевский князь является старшим среди остальных удельных князей.

«...а Игорю Володимеръ...» — Эти слова опущены в Лаврентьевской, Радзивилловской и Ипатьевской летописи, но читались в Начальном своде (см. *Новгор. перв. лет.*, с. 182); впрочем, далее и в Лаврентьевском списке Игорь назван князем Владимира Волынского.

Стр. 176. ...в субботу 1 поста святого Феодора. — Первая неделя Великого поста именовалась Федоровой.

...положиши ѿ рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софѣѣ. — Саркофаг Ярослава сохранился в Софийском соборе в Киеве до настоящего времени.

...к Воиню... — Воинь — город близ устья Сулы.

В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половци... — Это первое военное столкновение Руси с половцами, предводительствуемыми ханом Блушем (Болушем). Половцы — народность тюркской группы. Занимая территорию южнорусских степей от Дуная до Волги (так называемые западные половцы), они активно участвовали в политической и военной жизни русских княжеств, то нападая на Русь, то выступая в качестве союзников одной из сторон в междукняжеских распрях, то заключая союзы с теми или иными князьями (весьма частыми были браки русских князей на половчанках).

Побѣди Изяславъ голяди. — Какая народность именовалась «голядь» — неизвестно.

В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. — Обратное течение Волхсва возможно в засушливые годы, когда уровень воды в Ильмене низок.

...Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы Новгородского. — Вышата — киевский воевода, сын Остромира, новгородского посадника, по заказу которого в 1056—1057 гг. было переписано Евангелие — древнейшая рукописная книга, сохранившаяся до нашего времени.

Стр. 178. В си же времена бысть знаменье... и пребысть за 7 дний. — Описано появление кометы Галлея (она была наиболее близка к Земле 27 марта 1066 г.).

Пред симъ же временемъ и солнце премѣнися... — Упоминается затмение солнца 19 апреля 1064 г.

...якоже древле, при Антиоѣ... — С этих слов начинается подборка известий о недобрых знаменьях, извлеченная летописцем не из самой *Хроники Амартола*, к которой в конечном счете восходят все эти отрывки (см. с. 200, 262, 421, 428 и 479), а из использовавшего ее «Хронографа по великому

изложению». Летописный рассказ текстуально ближе к рассказу *Хронографа*, чем к повествованию *Амартола*. Упомянутый здесь Антиох — Антиох IV Эпифан, царь государства Селевкидов (175—163 гг. до н. э.); в 168 г. он разграбил Иерусалимский храм.

...при Неронѣ цесари... — Нерон — римский император (54—68), во время его правления началась Иудейская война (66—73), завершившаяся взятием и разрушением Иерусалима римлянами.

...при Устиньянѣ цесари... — при византийском императоре Юстиниане (527—565).

...при Маврикии цесари... — при византийском императоре Маврикии (582—602). Чтение «въ Африкии» в летописи ошибочно; следует — «во Фракии».

...при Костянтинѣ иконоборци цари... — при византийском императоре Константине V Копрониме (741—775), он, как и отец его Лев III Исавр, поддерживал движение иконоборцев, отвергавших почитание икон.

...трий поприщъ... — Поприще — мера длины, равная приблизительно 700 м.

...наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. — Эти слова добавлены летописцем. В действительности арабы завоевали Палестину не во времена Константина V, а столетием раньше — к 640 г.

Стр. 180. ...послаша с лествю котопана. — Котопан — «глава, руководитель»; видимо, речь идет о каком-то византийском должностном лице.

Заратися Всеславъ... и зая Новѣгородѣ. — Именно этот исторический факт вспоминает автор «Слова о полку Игореве»: Всеслав «отвори врата Новуграду».

...ко Мѣньску... — ныне г. Минск.

И совокупишася обои на Немизѣ... — Немига, речка, на которой стоял Минск, ныне пересохшая. Эта битва описывается в «Слове о полку Игореве»: «На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чеши харалужными...»

Стр. 184. ...русальи. — Здесь имеется в виду или сам весенний языческий праздник, или обрядовые игры, или пляски на нем. В описании русалий упоминаются и «бесчинный говор», и «бесовские песни», и «плясания»; а наутро участники праздника «падают аки мертвии от великаго клоптания (шума, гама. — О. Т.)».

...сташа у двора Брячиславля... — Можно предположить, что речь идет о усадьбе, принадлежавшей ранее Брячиславу, отцу Всеслава (умершему в 1044 г.).

...ко Сновьску. — Сновск — город в Черниговском княжестве на р. Снов; ныне г. Седнев.

Стр. 186. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава... — Изяслав был женат на Гертруде, тетке польского князя Болеслава II (1058—1077; в 1077—1079 гг. — король). В 1073 г. Изяслава снова свергнут с киевского стола его братья Святослав и Всеволод, и снова он обратится за помощью к Болеславу и с польской помощью вернет себе Киев в 1077 г.

И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши ноци, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. — Белгород — городок возле Киева. Этот эпизод отразился в «Слове о полку Игореве»: Всеслав «скочи... лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ».

Изяславъ же възгна торгъ на гору... — Полагают, что напуганный восстанием киевлян, Изяслав переместил «торг» с Подола в пределы города с тем, чтобы легче было контролировать настроения народа.

- Стр. 188. ...в монастыре Всеволожи. — В Выдубицком монастыре. Воеваша половци у Растовъця и у Неятина. — Ростовец и Неятин — города к юго-западу от Киева.
- ...у Голотичьска. — Голотичьск — город в Полоцком княжестве.
- ...в Ростовьстѣй области... — Ростов упомянут здесь как центр удела. Волхвы из Ярославля отправились вверх по Волге и далее по Шексне, до озера Белого, где их встретил Янь Вышатич.
- ...в мечтѣ прорѣзавше за плечемь, вынимагта любо жито, любо рыбу... — Об этом ритуальном действе волхвов может дать представление этнографический материал: съестные припасы, предназначенные для жертвоприношения, кладутся в мешочки, которые прикрепляются к тесьме и свешиваются за спину. Волхв (или исполняющий его функции) подходит сзади и срезает мешочки. Подробнее см.: ПВЛ, ч. 2, с. 402—403.
- Стр. 192. ...Симонъ волхвъ... — см. прим. к с. 56.
- ...Аньний и Мамъврий... — египетские волхвы; они упоминаются в апокрифических сказаниях о Моисее.
- Стр. 194. ...при Глѣбѣ... — Глеб Святославич до 1064 г. княжил в Тмуторокани, с 1068 или 1069 г. — новгородский князь.
- ...Германъ игуменъ святого Спаса... — Вероятно, имеется в виду монастырь Спасо-Берестовский (в селе Берестове).
- Стр. 196. ...исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову... — Вспоминается библейская легенда о сыновьях Ноя Симе, Хаме и Иафете (см. прим. к с. 22). Сиф — третий сын Адама — считался в средневековой историографии изобретателем «еврейской грамоты»; поэтому евреи названы здесь потомками Сифа.
- ...избизше Хананѣйско племя, всприяша свой жребий и свою землю. — Имеется в виду библейская легенда о том, как евреи, предводительствуемые Иисусом Навином, отвоевали Палестину у хананейян, потомков Хама.
- ...преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство... — В Библии рассказывается, как Исав пошел войной на брата своего — Иакова, но был убит им.
- ...в недѣлю Масленую... — воскресенье, предшествующее Великому посту.
- Стр. 198. Пощенье бо исперва проображено бысть... — Далее упоминаются библейские персонажи: Адам, нарушивший завет не «вкушати» от древа добра и зла; Моисей, беседовавший с богом на Синайской горе; Самуил — один из «судей» (правителей) Израиля; жители Ниневии (бывшей столицы Ассирии); пророк Даниил, который «сподобился» видений, смог объяснить вещие сны вавилонских царей и предсказать будущее; пророк Илья, который был живым взят на небо; три отрока, брошенные по приказу Навуходоносора в горящую печь, но спасенные заступничеством ангела.
- ...великий Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци... — Христианские подвижники — Антоний Великий, Савва Освященный и Евфимий Великий.
- ...в пятокъ на канунъ Лазаревъ... — в пятницу, накануне Лазаревой субботы, последней субботы Великого поста.
- ...Феодоровы недѣли... — первой недели Великого поста.
- ...недѣлю Цвѣтную... — Вербное воскресенье — воскресенье, предшествующее Пасхе.

- ...велика дне Вскресенья... — Пасхи.
- ...ударивше в било... — Било — медная доска, заменявшая колокол.
- Стр. 200. ...Стефана деместника... — Доместик — руководитель церковного хора.
- Стефану же предержажю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий... — Эта фраза явно оборвана. Следующий далее текст не может быть ее продолжением и потому, что в нем речь идет о монахах, живших еще во времена Феодосия, а не при его преемнике — Стефане. В то же время эпизод с Матфеем произошел уже при игуменстве Никона (преемника Стефана), а записан скорее всего после смерти Никона.
- Стр. 202. ...епитемью единого брата раздѣляху 3 ли, 4... — Епитимья — наказание, налагавшееся в монастыре игуменом и состоявшее в каких-либо благочестивых деяниях — усердной молитве, строгом посте, воздержании от сна и т. д.
- Яко се первый Демьянъ превутеръ... — В Киево-Печерском патерике указывается, что «блаженный Нестер в Летописце написа о блаженных отцах: о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исакии». В том же порядке следуют рассказы об этих подвижниках и в «Повести временных лет», следовательно, Патерик свидетельствует, что Летописец и, в частности, летописный рассказ о печерских подвижниках в XIII в. приписывали Нестору.
- Стр. 204. ...и по Стефанъ Никонъ... — Никон — монах Киево-Печерского монастыря, в последние годы жизни (ум. в 1088 г.) — игумен. Как полагают, Никон был составителем летописного свода 70-х гг. XI в. (предшествовавшего Начальному своду). В «Житии Феодосия» Никон обычно именуется «Великим» и изображен постоянно «делающим книги».
- ...родом торопечанинь... — Из г. Торопца. Сам город упоминается в Лаврентьевской летописи впервые в статье 1209 г.
- ...во власяницу... — Власяница — грубая шерстяная одежда, которую носили монахи.
- ...проскура едина... — Просфора — хлебец, употребляемый при совершении церковного обряда евхаристии.
- Стр. 206. ...и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья за Всеслава. — Видимо, Антоний поддерживал Всеслава, которого в 1068 г. киевляне провозгласили князем.
- ...Болдины горы... — холмы в западной части Чернигова.
- Стр. 208. ...свиту вотоляну... — рубашку из грубой льняной ткани.
- Стр. 210. Почата бысть церкви Печерская... и кончана бысть на третье лѣто, мѣсяца июля 11 день. — Существуют различные понимания этого текста: большинство исследователей считает, что три года следует отсчитывать от продолжения строительных работ при Стефане. Тогда окажется, что Успенский собор Киево-Печерского монастыря строился с 1073 по 1077 или 1078 г.
- В се же лѣто придоша сли из нѣмецъ къ Святославу... — Изгнанный с киевского княжеского стола Изяслав обратился за поддержкой к императору Священной Римской империи Генриху IV. Посольство Генриха, во главе с Бурхардом Трирским, отправилось в Киев и вернулось оттуда в Германию с богатыми дарами Святослава. По словам немецкого хрониста Ламберта

Херсфельдского, «Бурхард привез королю столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнит, чтобы когда-либо такое богатство привозилось в немецкое государство». Этой платой был куплен нейтралитет Генриха в междукняжеской борьбе за киевский престол. Что касается слов, будто бы сказанных немецкими послами — «Сего суть кметье луче», то, как полагают, они передают смысл требований Генриха; император угрожал, что Святославу «придется познакомиться с властью и военной мощью немецкого государства». Из этой речи, возможно, проникло в летописный рассказ и слово «кметье» (нем. Kmetier — «дружинники»).

Сице ся похвали Иезекий, царь иудѣйскъ, къ посломъ царя асурийска... — Летописец, пересказывая библейский текст, ошибся: Иезекия показывал свои богатства послам вавилонского, а не ассирийского царя.

Съде Борисъ Черниговѣ... — Борис Вячеславич, сын Вячеслава Ярославича, сидевшего после смерти Ярослава Мудрого в Смоленске.

Стр. 210—212. *...убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии.* — Речь идет о Глебе — тмутороканском, затем новгородском князе; Заволочье — новгородские владения в бассейне р. Северная Двина.

Стр. 212. *...на Съжицѣ...* — Сожица — приток Сулы, полагают, что теперь эта речка именуется Оржица.

...от Стрежени... — Стрижень — река, протекающая возле Чернигова.

...и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ... — Нежатиная нива была расположена где-то в районе Чернигова. Эта битва описана в «Слове о полку Игореве».

Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. — «Слово о полку Игореве» также рассматривает гибель Бориса как возмездие за похвальбу («Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе»). Чей сын был Борис? Почему он заявлял свои права на Чернигов? На эти вопросы попытался дать ответ Б. И. Яценко. Согласно его гипотезе, Борис — сын не Вячеслава Ярославича, а сын Вячеслава Владимировича, внук Владимира I Святославича, его отец был князем в Чернигове (см.: «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 31. Л., 1976).

Стр. 214. *...и поставиша противу Городьцю...* — Городец — город на левом берегу Днепра, напротив Киева.

И, принесше, положиша тѣло его в церкви святыя Богородица... — Следовательно, князь был погребен в Десятинной церкви. Но в Софийской первой летописи говорится: «положиша Изяслава въ святѣи Софии въ Киевѣ»; то же чтение и в Новгородской четвертой летописи. Заметим, что в «Слове о полку Игореве» также говорится, что тело Изяслава везли «ко святѣи Софии къ Къеву».

Стр. 216. *А Олга емше козарѣ поточиша ѿ за море Цесарюграду.* — В «Хождении Даниила игумена» — описании путешествия в Палестину в начале XII в. — имеются сведения, что Олег Святославич «два лета и две зимы» провел на острове Родос, куда был, видимо, выслан из Константинополя. Возможно, что это было сделано по просьбе Всеволода, опасавшегося своего воинственного племянника. На Родосе Олег женился на знатной гречанке Феофано Музалон, что, очевидно, и дало ему возможность уже в 1083 г. вернуться на Русь и захватить Тмуторокань.

Бѣжа Игоревичъ Давидъ с Володаремъ Ростиславичемъ... — Оба эти князя — заметные фигуры в политической жизни конца XI в. Давид Игоревич — сын Игоря Ярославича, внук Ярослава Мудрого и племянник Всеволода; Володарь Ростиславич — сын Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого.

Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороконю... — Олег останется в Тмуторокани вплоть до 1094 г., когда он с половецкими отрядами появляется под стенами Чернигова, где сидел Владимир Мономах. После этого в летописи Тмуторокань уже не упоминается. В связи с этим высказывалось предположение, что Олег передал город византийцам за помощь, которую они оказали ему в 1083 г., когда он, вернувшись из изгнания, овладел городом, изгнав поставленного Всеволодом посадника Ратибора.

...на убьенье брата его... — Романа Святославича, убитого половцами в 1079 г.
...Давидъ зая грѣкы въ Олешы, и зая у них имѣнье. — В Воскресенской летописи вместо «грѣкы» сказано «гречники», что понимают как наименование купцов, ведших торговлю с Византией. Во всяком случае ясно, что Давид Игоревич захватил и разграбил купеческое поселение в устье Днепра.

...посла Всеволодъ Володимера, сына своего... — Владимир, постоянно упоминаемый в последующих статьях — Владимир Всеволодович Мономах.

Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода... — Ярополк Изяславич — племянник Всеволода. Возможно, его, а также Олега Святославича и Давыда Игоревича и имеет в виду летописец, когда в некрологической похвале Всеволоду (в статье 1093 г.), вспоминает, как «печаль бысть ему от сыновець (племянников. — О. Т.) своих».

...иде Звенигороду. — Имеется в виду, вероятно, Звенигород в Галицкой земле.
Стр. 218. *Бѣжа Нерадецъ треклятый Перемышлю к Рюрикови...* — Рюрик Ростиславич — брат Василька и Володаря. Возможно, что Ростиславичами и был подослан убийца Ярополка.

...проводиша ѿ до святого Дмитрея... — до Дмитриевского монастыря в Киеве.
Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от брата своя... — Следующая далее пышная некрологическая похвала Ярополку объяснима, как полагает Д. С. Лихачев, тем, что Ярополк, его жена и дочь были крупными жертвователями в Печерский монастырь, где и велось летописание.

...церкы святого Михаила манастыря Всеволожа... — Имеется в виду Михайловский Выдубицкий монастырь, основанный Всеволодом Ярославичем.

Стр. 218—220. *В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая прѣже.* — В Лаврентьевской летописи Янка (Анна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи, в начале статьи 1086 г., говорится: «Всеволодъ заложи церковь святого Андрея, при Иване преподобномъ митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижесе дщи его дѣвою, именемъ Янъка. Сия же Янка совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину». Во второй редакции «Повести временных лет» это известие опущено.

Стр. 220. *Игуменъ и черноризици свѣтъ створише...* — Рассказ о перенесении мощей Феодосия Печерского находится и в составе Киево-Печерского патерика, при этом там он приписывается Нестору летописцу. Большинство исследователей считает Нестора автором данного рассказа.

- Стр. 220—222. ...*Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ,— в се же время бысть епископъ,— видѣ въ своемъ монастыри чрес поле зарю велику...* — Где находился в это время Стефан? Пояснение находим в рассказе о перенесении мощей Феодосия, читающемся в Киево-Печерском патерике. Там говорится: «Стефан... иже бысть в него мѣсто игумень, паки по отшествии изъ монастыря състави на Кловѣ свой монастырь и посем, благоволением божим бысть епископъ града Владимиря, и в то время бывъ въ своемъ монастыри...» Следовательно, Стефан, в то время уже епископ Владимирский, в дни перенесения мощей оказался во Влахернском монастыре, в котором прежде был игуменом. Клов — урочище между Киевом и Киево-Печерским монастырем.
- Стр. 224. *Паче же ревноваше великому Феодосью нравомъ и житьемъ...* — Феодосию Великому (424—529), одному из основоположников монашества.
- В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему...* — В 1091 г. было кольцеобразное солнечное затмение.
- ...спаде превеликъ змий от небесе...* — См. прим. к с. 164.
- Стр. 224—226. *...от Дрютьска...* — Друзк (Дрютеск) — город, западнее г. Орши в верховьях реки Друть.
- ...взяша 3 грады: Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ...* — города на границе с половецкой степью по берегам Днепра в Переяславском княжестве.
- ...от Филипова дне до мясопуста...* — Филиппов день (14 ноября) — канун рождественского поста, мясопуст — неделя перед Великим постом.
- Стр. 228. *...в день антипаскы...* — Антипасха — воскресенье, следующее за Пасхой.
- «...земля оскудѣла есть от рати и от продажъ».* — Продажи — денежные штрафы за различные преступления; видимо, сбор продаж на деле превращался в произвольные поборы.
- ...у свягаго Михаила...* — у Выдубицкого монастыря под Киевом.
- ...къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ...* — Стугна — правый приток Днепра южнее Киева; Треполь — город у устья Стугны.
- Стр. 230. *...минувше Треполь, придоша валъ.* — Имеются в виду оборонительные валы, воздвигнутые на южной границе Киевского княжества.
- И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь.* — Гибель Ростислава описана и в «Слове о полку Игореве». Характерно, что и в «Слове» и в летописи одинаково отмечается необычный уровень воды в Стугне. В летописи говорится, что река «наводнилася велми тогда», а в «Слове», что Стугна, поглотив ручьи и потоки («стругы»), разлилась у устья («рострена к усту»). Следовательно, в тот год «широкая заболоченная пойма Стугны» (как характеризуют ее современные исследователи) представляла особенную опасность. Владимир Мономах, однако, смог переправиться на северный берег Стугны, а затем — на восточный берег Днепра: в районе устья Стугны через Днепр был брод.
- ...и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, уности его ради.* — В «Слове о полку Игореве» также говорится: «плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ». Ростиславу в момент гибели было 23 года.

- Стр. 234. *Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.* — Полагают, что этими словами завершался текст Начального свода.
- Стр. 236. *Се уже третье навезде поганья на землю Русьскую, его же грѣха дабы и богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть...* — Эта оценка действий Олега Святославича напоминает характеристику, данную ему в «Слове о полку Игореве»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука...»
- Идоша половци на Грькы с Девгеневицемъ...* — По сообщению Анны Комниной в ее «Алексиаде» — историческом сочинении, посвященном деятельности ее отца, императора Алексея I Комнина (1081—1118), — «Девгеневиц» был самозванцем, выдававшим себя за Леона (Льва), сына императора Романа Диогена (1068—1071). Сосланный в Херсонес, он бежал оттуда к половцам и с половецкими отрядами напал на Византию. В битве под Адрианополем Девгеневиц был взят в плен и ослеплен.
- Стр. 238. *...к Гургеву...* — к Юрьеву, городу на реке Роси.
- ...на Вытечевѣ холму...* — На холме, возвышавшемся на 70 м над уровнем Днепра, археологами обнаружено два городища: северное — на месте города Витичева и южное — на месте новой крепости, «Святополча-града».
- ...въ Стародубѣ...* — город в Черниговской земле; ныне это одноименный город Брянской области.
- Стр. 240. *...и въжгоша Стефановъ монастырь, и деревнѣ, и Герьманы.* — Фраза не достаточно ясна; возможно, что речь идет о Влахернском монастыре на Клове, игуменом в котором было одно время Стефан (см. прим. к с. 220—222), и Спасо-Берестовском монастыре, где игуменом был Герман (см. прим. к с. 194).
- ...сынове Измайлеви...* — см. прим. к с. 36.
- Стр. 242. *Ицьли бо суть си от пустыня Етривьскыя...* — Следующее далее рассуждение основано на тексте «Откровения Мефодия Патарского», анонимного произведения, приписывавшегося Мефодию, епископу города Патар в Малой Азии, жившему в III—IV вв. Сочинение Псевдо-Мефодия использовано для объяснения происхождения кочевых народов, при этом летописец привлекает также и Хронику Георгия Амартола, однако и этот источник существенно дополняет своими собственными рассуждениями. Так, в Хронике Амартола (с. 88) сыновья Моава — моавитяне, а Амона — аманитяне; по летописи же сыновья Моава — это «хвалисы» (хорезмийцы), а сыновья Амона — болгары (видимо, болгары волжские). Не упоминаются, разумеется, в византийских источниках торкмены, печенеги, торки и половцы; сведения о их происхождении отражают представления самого летописца.
- ...заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскимъ нечистыя челоуѣкы.* — Далее в Лаврентьевской летописи следует текст «Поучения Владимира Мономаха» (см. с. 392—414).
- Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣт...* — Этот фрагмент (до слов «в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью божию») принадлежит составителю третьей редакции «Повести временных лет».

Стр. 244. «*Си суть людье заклени Александром, Македоньским цесаремъ*», *якоже сказаеть о них Мефоди Патарийский...* — Легендарный рассказ об Александре Македонском извлечен из того же «Откровения Мефодия Патарского», но передан в летописи в свободном и сокращенном пересказе. *...вещь бо сунклитова сица есть...* — Сунклит — легендарное вещество, предохраняющее от сгорания и разрушения.

И убиша Изяслава, сына Володимеря... — О гибели своего сына Изяслава Мономах пишет в своем письме к Олегу (см. с. 410—414). Как сказано в летописи, Олег «надеяся на правду свою»: Муром действительно был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздаlem, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород. Борьбе Мстислава и Олега и посвящена в основном статья 1096 г.

Стр. 246. *...изъима даньники.* — Вероятно, речь идет о вооруженных отрядах сборщиков дани.

...на Медвѣдици... — Медведица — приток Волги (протекает на территории современной Калининской области).

Стр. 248. *...и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убося...* — Стяг Владимира Мономаха, вероятно, привез с собой присланный им Вячеслав; Олег же, видимо, подумал, что в битве участвует и сам князь Мономах.

...на Кулачьцѣ... — Кулачьца, по-видимому, — река Колокша, приток Клязьмы; битва происходила в этом случае где-то западнее Суздаля.

Придоша Святополкъ и Володимеръ... — Исследователи полагают, что следующий далее рассказ об ослеплении Теребовльского князя Василька Ростиславича — отдельное произведение, вставленное, вероятно, при создании второй редакции «Повести временных лет». Одной из несомненных тенденций составителя этой редакции было прославление Владимира Мономаха и защита выдвигаемых им принципов княжеских взаимоотношений. Действительно, именно Владимир Мономах выступает в этом рассказе как решительный противник княжеских раздоров и выразитель общерусских интересов. Именно Мономаху приписывается высказывание, что если «начнетъ брат брата закалати», то «погибнет земля Руская». Повесть включена в статью 1097 г., но создана, несомненно, не ранее 1112 г. На эту дату указывает упоминание в повести смерти Давыда Игоревича (он умер 25 мая 1112 г.). Автором повести был Василий — вероятно, «муж» князя Давыда Игоревича.

...сняшася Любичи на устроенье мира... — Княжеский съезд в Любиче был одним из нескольких подобных же съездов (в Городце в том же 1097 г., в Витичеве в 1100 г., на Золотчи в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г.), на которых князья тщетно пытались укрепить принцип удельной системы «каждый да держит отчину свою», хорошо понимая, какую опасность несут им междоусобные войны перед лицом половецкой опасности; однако эти съезды не достигали своей цели, после краткого замирения феодальные распри вспыхивали с новой силой. Упоминаемый здесь Любич, как полагают, не город в Черниговском княжестве, а село близ Киева, на левом берегу Днепра.

...Давидъ и Олегъ и Ярославъ... Давыду Володимерь... — Здесь речь идет о двух Давыдах — Давыде Святославиче, брате Олега, и о Давыде Игоревиче, уделом которого стал Владимир-Волинский.

...Ростиславичема — Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови. — Перемышьль — город на р. Сан, ныне г. Пшемысль, на территории Польши; Теребовль — на р. Гнезне, левом притоке Серета, ныне г. Теребовля Тернопольской области.

И приде Святополкъ с Давыдомъ Киеву... — Речь идет о киевском князе Святополке Изяславиче и князе Давыде Игоревиче.

«Володимеръ сложилъ есть с Василком на Святополка и на тя». — «Мужи» говорят о Владимире Мономахе и Васильке Ростиславиче, князе Теребовльском.

Стр. 250. *...и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонитъ къ святому Михаилу в манастирь.* — Выдубицкий монастырь в окрестностях Киева.

...Турова, и Пиньска... — Туров и Пинск — города по среднему течению р. Припять, на крайнем северо-западе Киевской земли.

Стр. 252. *...перешедше мостъ Звиженский...* — Ослепленного Василька везут из Киева во Владимир-Волинский, стольный город Давыда Игоревича. Звиждень (видимо, Въздвижень) — город западнее Киева, в верхнем течении р. Здвиж (притока р. Тетерев).

Стр. 254. *«Сего не было в родѣ нашемъ».* — На первый взгляд странно, что эта реплика вложена в уста воинственного Олега Святославича и его брата. Но если смерть в бою считалась чем-то обычным («Дивно ли оже мужь умерлъ в полку ти?» — пишет Мономах Олегу, убившему его сына Изяслава), то ослепление представлялось неоправданной жестокостью. Впрочем, в Византии того времени весьма часто прибегали к ослеплению политических противников.

Стр. 254—256. *И преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ ю акы матерь, отца ради своего.* — На основании этих слов исследователи заключают, что Всеволод был женат вторично и речь идет здесь о мачехе Владимира. Это предположение косвенно подтверждается и следующим фактом: Мономах родился в 1053 г., а вдова Всеволода умерла в 1111 г., т. е. в весьма преклонном возрасте, если считать ее матерью Мономаха. К тому же во всех трех упоминаниях «княгини Всеволожей» (в Лаврентьевской летописи, в статье 1097 г. и в статье 1111 г. в Ипатьевской летописи) она уже не называется «царицей грекиней», как в записи о рождении Мономаха (см. прим. к с. 174).

Стр. 256. *...и мнѣ ту суцю, Володимери, въ едину ноць присла по мя князь Давидъ.* — Эти слова указывают на рассказчика, а несколько далее названо и имя его — Василий («Да се, Василю, шлю тя...»).

Стр. 258. *...берендичи...* — берендей, тюркское племя, обитавшее на южных границах Киевского и Переяславского княжеств.

...у Божьска... — Божескъ (Бужьскъ) — город в верховьях р. Западный Буг.

Стр. 258—260. *...послалъ Лучьску... воротистася Турийску.* — Лучьск (Луцк) и Турийск — города в Волинской области.

Стр. 260. *...иде в Ляхы к Володиславу...* — Владислав — польский князь (1079—1102).

И приде Дорогобужю... — Дорогобуж — город на р. Горыни, восточнее г. Ровно. *...на поли на Рожни...* — Рожне поле — урочище в верховьях Западного Буга. Стр. 262. *Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича...* — Здесь упомянуты киевский князь Святополк, его сыновья (видимо, Мстислав и Ярослав), два сына его брата Ярополка (Ярослав и Вячеслав) и Святослав (Святоша), сын Давыда Святославича.

...король Коломанъ... — венгерский король Коломан (1095—1114).

Давыдъ бо в то чинъ пришедъ из Ляхов... и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. — Здесь описана расстановка сил перед битвой, в которой с одной стороны выступают Святополк Изяславич и союзные ему венгры, во главе с королем Коломаном, а с другой — Давид Игоревич с наемными половецкими полками, возглавляемыми Боняком. Исследователи полагают, что в основе этого рассказа о битве лежит устное предание: на это указывает и эпизод с гаданием Боняка, и явное преувеличение сил противника: против 400 воинов Давыда и Боняка выступает стотысячное венгерское войско, и тем не менее венгры терпят поражение и теряют в бою 40 тысяч.

...сбиша угры акы в мячь... — Видимо, окружив, согнали в тесную толпу.

...ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею... — По верху городской стены устраивался деревянный помост, огражденный дощатым бруствером (забороло), через щель бруствера и пролетела стрела, ранившая Мстислава.

Стр. 264. *А Святополкъ перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.* — Этими словами заканчивается повесть об ослеплении Василька Тербовльского.

В лѣто 6606. — В этой статье, а также в статьях 6607 и 6608 гг. рассказывается о тех же событиях, которые были изложены выше, в статье 6605 (1097) г., в повести об ослеплении Василька Тербовльского.

Стр. 268. *...ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава...* — Речь идет о браке русской княжны и польского князя Болеслава III Кривоустого (с 1097 г. князь Силезии и Малой Польши, с 1106 по 1138 г. — всей Польши).

...придоша на Сугѣнь. — По предположению К. В. Кудряшева, Сутень — это река Молочная, впадающая в Азовское море (на территории современной Запорожской области).

Стр. 270. *...и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли половци.* — Город Юрьев на реке Рось был сожжен в 1095 г.

Стр. 272. *Ведена дщи Володарева за царевичъ за Олексиничъ, Цесарюгороду...* — Ирина, дочь Володаря Ростиславича, князя Перемышльского, была выдана, вероятно, за Исаака, сына византийского императора Алексея I (1081—1118).

В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живѣ лѣтъ 90... — Речь идет о Яне Вышатиче, киевском воеводе, из бесед с которым Нестор почерпнул многие сведения, введенные им в летопись (подробнее см.: ПВЛ, ч. 2, с. 469—470).

В се же лѣто пострижеса Еупракси, Всеволожа дщи... — О судьбе Евпраксии мы узнаем главным образом из западных источников. Она была обручена

с маркграфом Генрихом Шаденским, но вскоре после свадьбы овдовела. В 1088 г. Евпраксия стала женой императора (с 1084 г.) Священной Римской империи Генриха IV, получив при коронации имя Адельгейды. Она принимала активное участие в политической жизни, но в начале 90-х гг. оставила мужа, отличавшегося крайней безнравственностью, и перешла в стан его противников, выступала с обличениями Генриха на церковных соборах в Констанце и Пьяченце. Затем Евпраксия возвращается в Киев. После смерти Генриха в 1106 г. она постригается в монахини; умерла в 1109 г.

...прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. — Избыгнев (Збигнев) — брат Болеслава Кривоустого; в 1106 г. был побежден им, и Болеслав объединил под своей властью всю страну.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. — То есть 4 год в 19-летнем лунном цикле и 8 год в 28-летнем солнечном цикле — системах летоисчисления, подобных византийским индиктам.

В се же лѣто преставися Володимеря... — жена Владимира Мономаха — Гита, дочь английского короля Гаральда.

Стр. 274. *И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь...* — за Юрия Долгорукого.

...в сѣнаникъ... — в синодик, в книгу для поминовения во время богослужения умерших.

...святыя богородица на Кловѣ... — см. прим. к с. 220—222 и 240.

Стр. 276. *«Ангел твой буди с тобою».* — Продолжение этого текста читается в Ипатьевской летописи. Там приводится выдержка из сочинения Епифания Кипрского (IV в.), в которой перечисляются различные ангелы («ангелъ облакомъ и мгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу...»), а затем приводится выдержка из средневековой хронографической компиляции «Иосиппона», в которой повествуется о том, как ангел явился Александру Македонскому и повелел ему отдать почести иерусалимским священникам. Завершается статья рассказом о знамени в Киево-Печерском монастыре, которое свершилось «месяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18 (г. е. 6618. — О. Т.)».

Игуменъ Силвестръ святого Михаила написах книги си Лѣтописецъ... — Приписка Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря. Исследователи считают его не простым переписчиком, а составителем второй редакции «Повести временных лет».

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

В 1015 г. умер киевский князь Владимир I Святославич. Киевский великокняжеский стол занял Святополк. По старшинству он имел право претендовать на это, но обстоятельства рождения Святополка и характер отношения к нему Владимира заставляли его опасаться за прочность своего положения. За 35 лет до этих событий, в 980 г., Владимир, убив своего старшего брата Ярополка, княжившего в Киеве, взял себе в жены его беременную жену «грекиню» (гречанку). Таким образом, хотя Святополк родился, когда его мать являлась женой Владимира I, он был сыном не Вла-

димира, а Ярополка. Поэтому-то, как говорит «Сказание о Борисе и Глебе», — «и не любляше его Владимир». Стремясь утвердиться на киевском великокняжеском престоле, Святополк стал уничтожать своих возможных соперников. Были убиты по его приказанию сыновья Владимира Святослав, Борис и Глеб. В борьбу за киевский княжеский стол вступил княживший в Новгороде сын Владимира от Рогнеды Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, продолжавшейся до 1019 г. и окончившейся поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском престоле (княжил до 1054 г.). Деятельность Ярослава была направлена на усиление могущества и самостоятельности Руси. Важное государственное и политическое значение в этом процессе приобретало положение русской церкви. Стремясь укрепить независимость русской церкви от Византии, Ярослав добивался канонизации (признания святыми) русских государственных и церковных деятелей. Такими первыми, официально признанными Византией русскими святыми стали погибшие в междоусобицах Борис и Глеб. В честь Бориса и Глеба был установлен церковный праздник (24 июля), причисленный к великим годовым праздникам русской церкви.

Культ Бориса и Глеба имел важное государственно-политическое значение. Поведением Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата даже в защиту своей жизни, освящалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии: князья, не нарушившие этой заповеди, стали святыми. Политическая тенденция почитания первых русских святых заключалась в осуждении княжеских распрь, в стремлении укрепить государственное единство Руси на основе строгого соблюдения феодальных взаимоотношений между князьями: все князья — братья, но старшие обязаны защищать младших и покровительствовать им, а младшие беззаветно покоряться старшим.

Государственное, церковное и политическое значение культа Бориса и Глеба способствовало созданию и широкому распространению в древнерусской письменности многочисленных произведений о них. Им посвящена летописная повесть (под 1015 г.) «О убиении Борисове» (см. с. 146—156), «Сказание и страсть и похвала святу мученику Бориса и Глеба», написанное неизвестным автором, «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», автором которого был Нестор, проложные сказания (краткие рассказы в Прологах — особом виде древнерусских литературных сборников), паремийное чтение (текст, включенный в богослужебные книги — Паремийники и Служебные Миней). Вопрос о взаимоотношении всех этих текстов и их хронологии весьма сложен и до настоящего времени не может считаться разрешенным. По мнению большинства ученых в основе и «Сказания» и «Чтения» лежит летописная повесть (есть, правда, и гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести). По вопросу о взаимоотношении «Сказания» и «Чтения» в науке существуют две противоположных точки зрения.

С. А. Бугославский на основе текстологического изучения 255 списков всего цикла памятников о Борисе и Глебе пришел к заключению, что «Сказание» возникло в последние годы княжения Ярослава Мудрого (т. е. в середине

XI в.). Позже к «Сказанию о Борисе и Глебе» было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшееся последовательно тремя авторами на протяжении 1089—1115 гг. Наиболее ранний список «Сказания» (в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII вв.) дошел до нас уже в таком виде (т. е. текст «Сказания о Борисе и Глебе», дополненный «Сказанием о чудесах»). На основе «Сказания о Борисе и Глебе», дополненного рассказами о чудесах в редакции второго автора, скорее всего около 1108 г., Нестором было составлено «Чтение». Противоположная точка зрения, обоснованная А. А. Шахматовым, поддержанная и развитая Н. Серебрянским, Д. И. Абрамовичем, Н. Н. Ворониным (мы называем имена тех исследователей, которые специально занимались этой проблемой), сводится к следующему. Сначала, в 80-х гг. XI в., было написано «Чтение» Нестором. На основе Несторового «Чтения» и летописной повести после 1115 г. было создано «Сказание», с самого начала включавшее в свой состав и рассказы о чудесах. Гипотетичность обеих точек зрения требует дальнейшей разработки данного вопроса.

«Чтение» Нестора, по сравнению со «Сказанием», носит более «правильный», с точки зрения агиографического жанра, характер. В «Чтении» сильнее проявляется церковная назидательность, изложение событий носит более отвлеченный характер. Нестор вносит в свой рассказ традиционные житийные мотивы. У него, в соответствии с житийным этикетом, рассказывается о детстве и юности Бориса, который с увлечением читает Священное писание и Жития святых, мечтает принять мучение за христианскую веру. В «Сказании», по сравнению с «Чтением», гораздо драматичнее и динамичнее изображены описываемые события, сильнее показаны эмоциональные переживания героев. Сочетание в «Сказании» патетичности с лиричностью, риторичности с лаконизмом, близким к летописному стилю повествования, делают этот памятник самого раннего периода древнерусской литературы одним из наиболее ярких произведений Древней Руси. Примечательно, что у древнерусских читателей «Сказание» пользовалось значительно большей популярностью, чем «Чтение»: списков первого произведения гораздо больше, чем второго.

Образ Бориса и Глеба, как святых-воинов, покровителей и защитников Русской земли и русских князей, неоднократно использовался в древнерусской литературе, особенно в произведениях, посвященных воинским темам. В течение нескольких веков древнерусские писатели обращались к литературным памятникам о Борисе и Глебе, преимущественно к «Сказанию», заимствуя из этих источников сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста. Столь же популярны Борис и Глеб, как святые князья-воины, были и в древнерусском изобразительном искусстве:

* * *

Летописная повесть о Борисе и Глебе неоднократно издавалась в составе «Повести временных лет». Научное издание текстов «Сказания», «Чтения» и других памятников этого цикла см.: «Жития святых мучеников Бориса и

- Глеба и службы им». Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916; С. А. Бугославский. Украинско-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. У Кніві, 1928.
- Мы публикуем текст «Сказания о Борисе и Глебе» по списку Успенского сборника (по изд.: «Успенский сборник XII—XIII вв.». Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971), но в том составе, который, по гипотезе С. А. Бугославского, это произведение имело в своем первоначальном виде, т. е. без «Сказания о чудесах», но сохраняя приложенную после похвалы Борису и Глебу, перед «Сказанием о чудесах», статью «О Борисѣ, какъ бѣ възърѣмъ». Исправления ошибок и восполнение пропусков делаются по спискам «Сказания», входящим в редакцию Успенского сборника (по изд. Бугославского). Исправления и дополнения набраны курсивом.
- Стр. 278. ...*Володимиру сыну Святославию...* — О княжении Владимира I Святославича в «Повести временных лет» рассказывается под 980—1015 гг. (см. с. 94—144).
- Сего мати прежде бѣ чьрницею, грѣкыни суци, и поялѣ ю бѣ Ярополкъ...* — О княжении Ярополка, его женитьбе и гибели в «Повести временных лет» рассказано под 973—980 гг. (см. с. 88—92).
- А отъ Рогнеди...* — О Рогнеде Роговолодовне, полоцкой княжне, в «Повести временных лет» говорится под 980 и 1000 гг. (см. с. 90 и 144). В статье 980 г. рассказывается также о женах Владимира и его детях от них (см. с. 94).
- Стр. 280. *И призъвавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмъ крещении Романъ...* — В древности был распространен обычай давать два имени — одно «русское», «мирское», «княжеское», а второе христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давыд.
- О таковыхъ бо рече Притчѣникъ...* — Приточник — составитель книги притчей — царь Соломон (см. прим. к с. 76). Книга притчей Соломона входит в состав Библии.
- ...како преставися отъць его Василии...* — Василий — крестное имя Владимира I.
- ...и ночь проймавъ помостъ на Берестовѣмъ... везъше на саньхъ...* — см. прим. к с. 144.
- Апостолъ же: «Иже рече...»* — Здесь имеется в виду 1-е послание апостола Иоанна, входящее в состав Евангелия (Нового завета). Апостолом также называется книга, состоящая из деяний и посланий апостолов.
- «То понѣ узрю ли си лице братьца... яко же Иосифъ Вениамина?»* — Иосиф и Вениамин — библейские персонажи: самые младшие дети Иакова от Рахили. Иосиф встречается со своим младшим братом Вениамином после длительной разлуки, виновниками которой являлись старшие их братья от других жен Иакова.
- Стр. 282. *Багряница* — царское, княжеское одеяние, порфира.
- Соломон* — см. о нем. прим. к с. 76. В «Сказании» приводится изречение из библейской книги «Екклесиаст», связываемой с именем Соломона.
- Пришедъ Вышегороду...* — см. прим. к с. 74.
- Стр. 284. *...яко же прежде Каина на братоубиство горяща...* — Каин — библейский персонаж. Каин и Авель — дети Адама и Евы. Каин из зависти к младшему брату убил его.
- ...и сталъ бѣ на Лѣтѣ шатъры.* — См. прим. к с. 146.
- Помышляшеть же мучение... мученика Никиты и святого Вячеслава... и како святѣи Варварѣ отъць свои убоица бысть.* — Борис вспоминает имена тех святых, которые погибли за верность христианству от руки своих ближайших родственников: Никита, царский сын, был мучим и казнен отцом, не признававшим христианство; Вячеслав (Вацлав) чешский князь (921—929), объявленный церковью святым, был убит братом Болеславом I; Варвара за исповедание христианской веры была казнена отцом-язычником.
- «Въставъ, начьни заутрънюю».* — Заутреня — утреннее богослужение, совершаемое как в праздничные, так и в будние дни.
- Стр. 286. *...поюща Псалтырь заутрънюю.* — Псалтырь — одна из книг Библии, представляющая собой собрание псалмов (хвалебных песнопений). Библейская традиция приписывает создание Псалтыри Давиду, полулегендарному царю Израильско-Иудейского государства (конец XI — начало X в. до н. э.). На самом же деле псалмы — произведения древнееврейского народного творчества, создававшиеся в течение длительного времени, позже объединенные в единую книгу.
- Канон* — церковное песнопение.
- ...възложилъ на нь гривну злату...* — Здесь гривна — шейный обруч, ожерелье, как знак отличия, награда.
- Стр. 288. *...мѣсяца июля въ 24 днь, прежде 9 каландъ агуста.* — В древнеримском календаре первый день каждого месяца назывался календами, 5-е или 7-е число месяца (день первой четверти луны) — нонами, 13-е или 15-е число (день полнолуния) — идами. От этих трех моментов дни отсчитывались назад (исходная дата включалась в счет дней). Поэтому, в счете по календам, 24 июля соответствовало девятому дню перед августовскими календами. Календарный счет с упоминанием календ встречается в древнерусских текстах редко и параллельно с указанием дат и дней недели согласно юлианскому календарю, принятому на Руси вместе с христианством.
- Стр. 290. *...ста на Смядинѣ...* — см. прим. к с. 150.
- ...пришьла бяше вѣсть отъ Передѣславы...* — Предслава — дочь Владимира I от Рогнеды, родная сестра Ярослава.
- Стр. 294. *...яко же рече Давыдъ...* — см. прим. к с. 286.
- ...повѣржену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама.* — Здесь либо имеется в виду колода — ствол упавшего дерева, либо колода — гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева.
- Стр. 296. *...яко же и Авелева прежде.* — См. прим. к с. 284.
- ...яко же и на ономъ положи стонание и трясение...* — Наказывая Каина за братоубийство, бог сказал: «Стеня и трясыйся будещи на земли» (книга Бытия, гл. IV, 13).
- И прибѣгоша Берестию съ нимъ.* — См. прим. к с. 158.
- И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы...* — Существует гипотеза, что выражение «между Чехами и Ляхами» — древняя поговорка в смысле «где-то далеко».

...Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седьмдесятицею мьстися ему. —

Ламех — один из потомков Каина, также совершивший убийство. В Библии сказано: «Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же седьмдесятицею» (книга Бытия, гл. IV).

...яко же бо Иулианъ цесарь... — Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан) римский император (361—363). Восстановил в Римской империи язычество как официальную религию и выступил против христианства. Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательным именем гонителя православия. Погиб от вражеской стрелы во время похода против персов в 363 г.

Стр. 298. ...и вѣложьше въ корабль... — В древних погребальных обычаях покойника либо везли на санях (независимо от времени года), либо несли в ладье.

Стр. 300. ...яко же и великии Димитрии... — Дмитрий Солунский, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (совр. Салоники), был убит в 306 г. и признан христианской церковью святым. Почитался как покровитель и защитник Солуни. Пользовался особой популярностью как святой-воин не только в Солуни, но на Афоне, в Балканских странах и в Древней Руси.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Житие Феодосия» — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х гг. XI в. монахом той же обители — Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской жизни», а став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все эти мотивы встречаются и в «Житии Феодосия». Но в то же время это житие привлекает нас обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, упорно борется со стремлением сына «датися» богу. Монахи Киево-Печерского монастыря, те, о ком летописец говорит, что они «сияют и по смерти яко светила», предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: он умеет найти и подать такие выразительные детали, которые создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

* * *

«Житие Феодосия» публикуется по списку в составе Успенского сборника (рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Синодальное собр. № 1063/4), изданному в кн.: «Успенский сборник XII—XIII вв.». Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: Дмитро Абрамович. Киево-Печерський патерик. У Києві, 1930. Все исправленные слова выделены курсивом, дополнение оговорено.

Стр. 304. ...писавъшю ми о житие... Бориса и Глѣба... — Нестором написано также «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба». Позднее, в начале XII в., тот же Нестор создал новую редакцию русской летописи — «Повесть временных лет». Сведения о Киево-Печерском монастыре и о Феодосии в «Повести временных лет» (в статьях 1051, 1074 и 1091 гг.) дополняют рассказ «Жития», но в ряде случаев и противоречат ему.

Стр. 306. ...великааго мѣню Антония... — Антоний Великий (III—IV вв.) — отшельник, признаваемый церковью как основоположник монашества.

Градъ есть... именем Васильевъ. — Город юго-западнее Киева на реке Стугне; поприще — древнерусская мера длины, в данном случае близка по значению к версте.

...Феодосиемъ того нарицаеть. — В переводе с греческого «Феодосий» означает — «данный, посвященный богу».

Стр. 308. ...стадо богословесныхъ овць, донѣдеже пастуха избѣра. — Традиционные в древнерусской книжности метафоры: «пастух», «пастырь» — священник или игумен, «овцы», «стадо» — прихожане или монахи, «волк» — дьявол.

«Рабе благый, верьне умноживый преданный талантъ...» — В данном месте, а также в тексте на с. 306 и 358 имеется в виду евангельская притча о рабах, которым господин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища («талант» — денежная единица в Древнем Востоке). Один раб закопал деньги в землю, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью. Здесь речь идет о том, что данный тебе талант (способность) не следует скрывать, его нужно развивать в деле.

Стр. 310. ...о святыхъ мѣстѣхъ... — о Палестине, куда в средневековье часто отправлялись паломники.

Стр. 312. ...золотѣй врагъ... — Здесь и в дальнейшем словом «враг» обозначается дьявол.

Стр. 316. ...о блаженѣмъ Антонии... — см. о нем в «Повести временных лет», с. 170—172.

Стр. 318. ...великому Никону... — Никон — монах, а позднее игумен Киево-Печерского монастыря; он был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет» (см. прим. к с. 204).

Стр. 322—326. ...на конь поеха къ старцю... яко Антоний и иже... — Этот текст восполняется по Киево-Печерскому патерику; в Успенском сборнике утрачен лист с этим текстом.

- Стр. 324. *Князь Изяслав* — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069 гг., когда княжил Всеслав).
- Стр. 326. *Тогда глагола ему жена его...* — Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, быть может, — восстание 1037—1038 гг. См. прим. к с. 164.
- Стр. 328. *..якоже се апостола Павль и Варнава... въ Дѣянихъ апостолъ.* — О проповеди христианства апостолами Павлом и Варнавой рассказывается в Новом завете (Деяния святых апостолов, гл. XI—XIV).
- ...островъ Тмутороканьскый...* — Имеется в виду Тмутороканское княжество, располагавшееся на Таманском полуострове.
- Стр. 332. *...въ монастырь святого мученика Димитрия и ту игуменъ поставленъ.* — Речь идет о Дмитриевском монастыре (Дмитрия Солунского, см. о нем прим. к с. 300), построенном киевским князем Изяславом Ярославичем. Монастырь находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Киево-Печерского монастыря.
- Стр. 334. *...уставъ Студийскааго монастыря...* — см. прим. к с. 174.
- ...святыхъ мясопуць...* — см. прим. к с. 226.
- ...до врьбныхъ недѣля...* — см. прим. к с. 198.
- Стр. 338. *...псалмы Давидовы въ устѣхъ своихъ имуща.* — Далее нами опущен текст пространной молитвы Феодосия.
- Стр. 342. *...умръшю Ростислазу князю острова того...* — О смерти Ростислава Владимировича см. в «Повести временных лет» под 1066 г.
- ...съ князьмъ Глѣбъмъ...* — Глеб, сын Святослава Ярославича, княжил в Тмуторокани в начале 60-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом; после его смерти в 1066 г. тмутороканцы вновь попросили Глеба стать их князем.
- Стр. 350. *...гривну злата...* — Гривна — денежная единица; здесь, возможно, речь идет о золотом слитке достоинством в гривну.
- ...единъ нѣкто чьрноризыць... имьньмъ Дамианъ...* — О Дамнине (Демьяне) см. в «Повести временных лет», в статье 1074 г.
- Стр. 360. *...въ пустыни людѣмъ непокоривымъ хлѣбъ небесный одѣжди и источи крастѣли.* — В Библии рассказывается, как бог ниспослал с неба манну и перепелов блуждавшим по пустыне евреям.
- Стр. 362. *...святааго пьрвомученика Стефана...* — Согласно библейскому преданию (см. Деяния святых апостолов, гл. VI—VII), Стефан — дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря Калигулы (12—41).
- Стр. 364. *Бывшю же нѣколи дѣни святого и великаго Димитрия...* — День памяти святого Дмитрия Солунского; в честь его и был основан князем Изяславом монастырь, не раз упоминаемый в «Житии Феодосия».
- ...епитимиею утвьрди...* — см. прим. к с. 202.
- Стр. 368. *Боголюбивый же князь Изяславъ... послѣже положи душу свою за брата своего...* — О гибели Изяслава рассказывается в «Повести временных лет», в статье 1078 г.
- Стр. 372. *...о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ.* — О Савве Освященном, византийском святом.
- Стр. 376. *...бысть въ то врьмя смятение нѣкако...* — Речь идет о событиях 1073 г., когда киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из своего

- удела братьями — Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Киевским князем стал Святослав и оставался им до своей смерти в 1076 г.
- ...на тряпезу Вельзавелину...* — т. е. на пир, устраиваемый Святославом, грубо нарушившим заповедь своего отца Ярослава. Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой повествуется в Библии.
- Стр. 380. *...паче меду и съта...* — Сыта — сладкий напиток на меду.
- ...другыя же орѣганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ...* — Органы и замры (?) — ударные и духовые музыкальные инструменты.
- Стр. 380—382. *...въ ектении веля того поминати...* — Ектения — задравная молитва.
- Стр. 384. *...тиуны, и приставьники...* — Тиун, приставник — эконо́м, управляющий хозяйством, дворецкий.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем (в «Слове о полку Игореве» он упоминается с иронической переделкой его отчества как Олег «Гориславич»). Против половцев Мономах организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. С этой целью он организовывал съезды русских князей, поддерживал культ «святых братьев» Бориса и Глеба, жизнь которых должна была подать пример послушания младших князей старшим, покровительствовал летописанию, напомиравшему об историческом единстве Руси и всего княжеского рода («все князья — братья») и писал сам произведения, в которых выражал те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине. В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира — это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы (времени Владимира Мономаха принадлежат «Жития Бориса и Глеба», «Повесть временных лет», «Хождение во святую землю» игумена Даниила и ряд других произведений).

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой

Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивиловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах (обзор взглядов см. в кн. А. С. Орлова «Владимир Мономах», М. — Л., 1946, с. 66—70). Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (ГПБ, Ф. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Все добавленные или исправленные слова выделены курсивом. Текст воспроизводится по тем же правилам, что и текст «Повести временных лет». Ниже дается самый сжатый комментарий к «Поучению». Подробный комментарий см. в *ПВЛ*, ч. 2, с. 425—457.

Стр. 392. *...нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее.

...Мьномахы... — Вслед за этим словом в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки.

Сѣдя на санех... — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

...дѣти мои, или инъ кто... — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

...братья моя... — Здесь разумеются двоюродные братья Мономаха князя Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

...Ростиславича... — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Тербовльский.

...вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня... — Псалтырью называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов: песнопений, исполнявшихся в библейские времена под аккомпанемент струнного музыкального инструмента псалтыри, по имени которого и получила свое название эта книга Библии. Основная часть Псалтыри приписывается библейскому царю Давиду. Псалтырью часто пользовались в Древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад Псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

Стр. 394. *Якоже бо Василий учае...* — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучение» Василия Великого было известно на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

Стр. 398. *...како птица небесная изъ ирья идут...* — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.

...Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от них благословенье... — Здесь текст, по-видимому, испорчен.

Стр. 400. *...якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ...* — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

Стр. 402. *Вятчи* — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятческие леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

...со Ставкомъ с Гордятичемъ... — Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.

Берестье — ныне Брест.

...идохъ Володимерю. — Город Владимир-Волинский.

...идохъ Переяславлю отцю... — К отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

Сутейск. — Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

...за Глоговы до Чешьскаго лѣса... — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогув на р. Одре.

...дѣтя... старѣйшее новгородское. — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

...таже Турову. — Туров был городом Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

И Святославъ умре... — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

...Глѣбови в помощь. — В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брючиславича Полоцкого весной 1077 г.

...Одрьскъ... — Где был город Одреск — неясно.

...на Краснѣмъ дворѣ... — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

.. и побѣдохомъ Бориса и Олга. — Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича») (см. также прим. к с. 212). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».

Обровъ — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.

...до Лукамля и до Логожьска... — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

...князи Асадука и Саука... — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке.

- ...за Новымъ Городом... — За Новгородом-Северским.
- ...силны вои Белкатгина... — Кто такой Белкатгин — неизвестно.
- ...а семечи и полонъ весь отяхом. — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).
- ...на Ходоту... — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.
- ...ко Корьдну... — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.
- ...по Изяславичихъ... — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теревовльском).
- Стр. 404. *Микулинъ* — город в Галицкой области на р. Серете.
- Броды* — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Здесь состоялось свидание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.
- Хоролъ* — приток Псела.
- Горошинъ* — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.
- Супой* — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.
- Прилукъ* — город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется г. Переволочна.
- ...только семцю яша одного живого... — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, младший член семьи, слуга).
- ...к Бѣлѣ Вежи... — Здесь, очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре.
- Святославль*. — Местоположение Святославля неясно.
- Гюргеѡ* — город Юрьев на р. Роси.
- Ростиславъ* — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.
- Варинъ*. — Где находился Варин — неясно.
- Володимеръ* — Владимир-Волынский.
- ...и Ярополкъ умре. — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.
- ...по отни смерти... — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.
- Халѣп* — село Халепье недалеко от Стугны.
- ...у Глѣбовы чади... — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские имена у половцев встречаются неоднократно.
- ...на святого Бориса день... — Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля.
- Римовъ* — город на Суле.
- Стр. 406. *Голтаѡ* — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.
- ...Вороницѣ. — Местоположение Вороницы неясно.
- ...гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша... — Место это испорчено в тексте и неясно.
- ...Гюргеѡвѣ мати умре. — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь Гаральда

- Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.
- Кснятинъ* — город на правом берегу Сулы.
- Урусоба* — половецкий князь.
- ...ходилом к Воиню... — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.
- И к Выреви...* — Выра — селение на р. Выре.
- Ромен* — город на р. Суле.
- ...на Ярославця... — Речь идет о походе на Ярослава Святополковича во Владимир-Волынский.
- А всѣх путей 80 и 3 великих...* — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.
- Таревьскый князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.
- Стр. 408. ...лютый звѣрь... — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.
- Бирич* — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

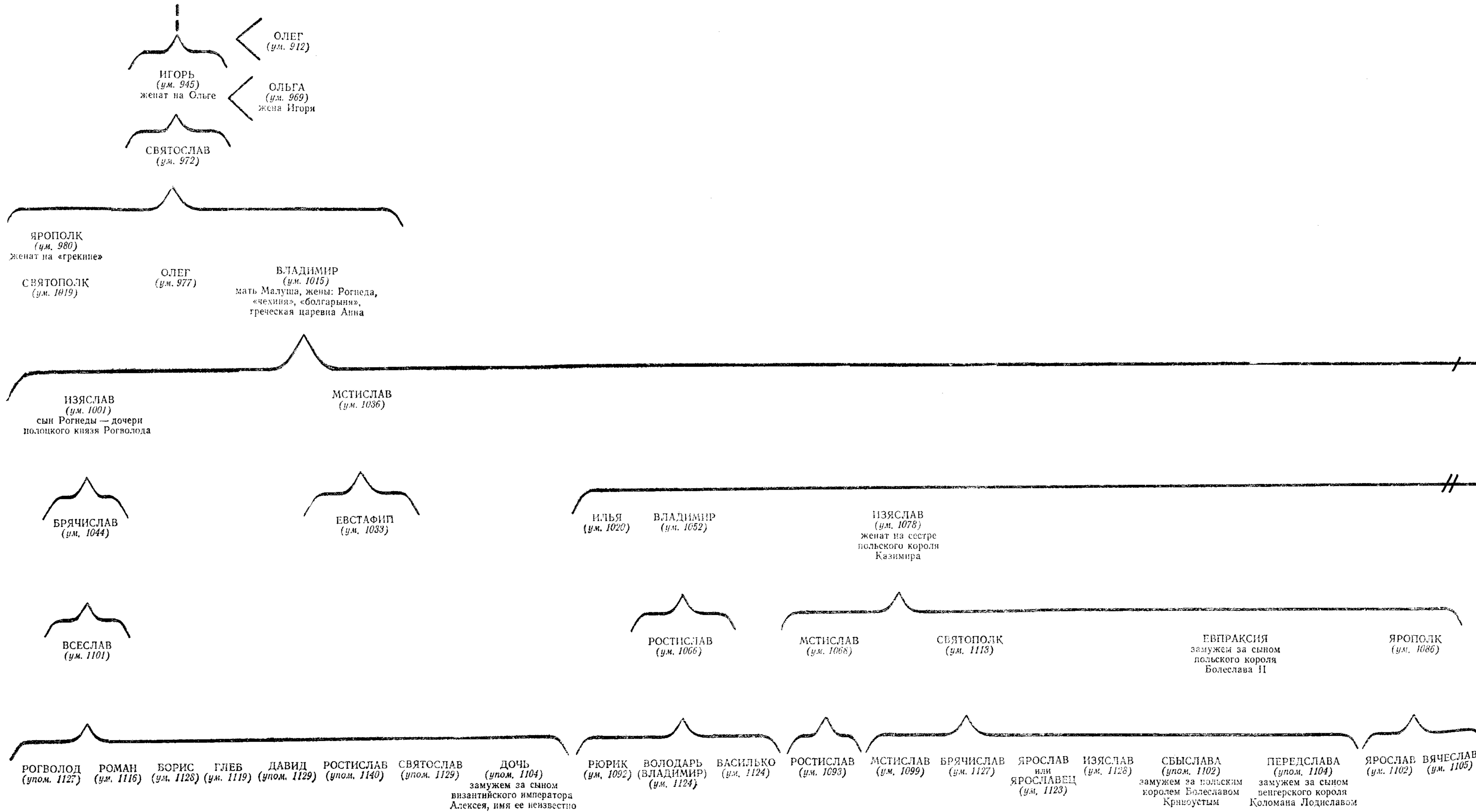
ПИСЬМО К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

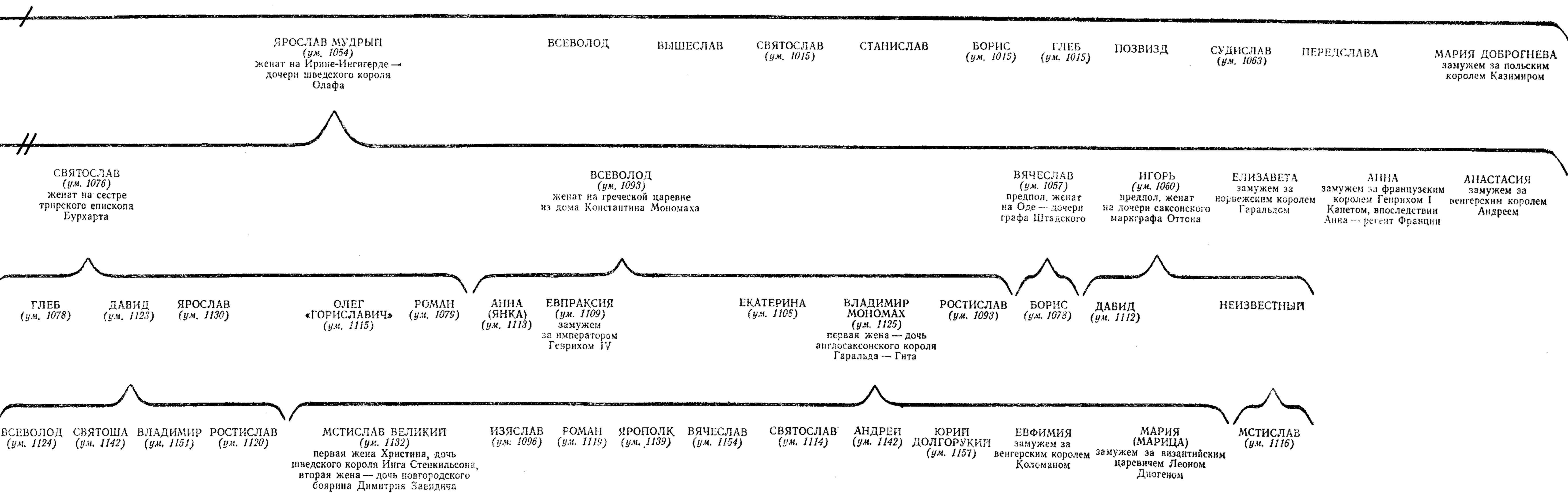
- Стр. 410. *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» из «Слова о полку Игореве»), написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения. См. также прим. к с. 244 «Повести временных лет».
- ...дѣтя мое и твое... — По-видимому, Изяслав был, так же, как и Мстислав, крестным сыном Олега.
- Стр. 412. ...а сноху мою послати ко мнѣ... — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.
- ...сынъ твой хрестъный с малым братомъ своимъ... — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгорукиком).
- ...хлѣбъ ѣдучи дѣдень... — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.
- ...а ты сѣдиши в своемъ... — В уделе Муромо-Рязанском.
- Стр. 414. ...обличаюся. И прочее. — Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА

РУССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

(Составил Д. С. Лихачев)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подбор иллюстраций
О. А. Белобровой

Софийский собор в Новгороде. 1045—1050 гг. Фотография
1900-х гг. (Фотоархив ЛОИА)

Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде. 1119 г.
Фотография 1925 г. (Фотоархив ЛОИА)

Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Около 1036 г.
Фотография 1920-х гг. (Фотоархив ЛОИА)

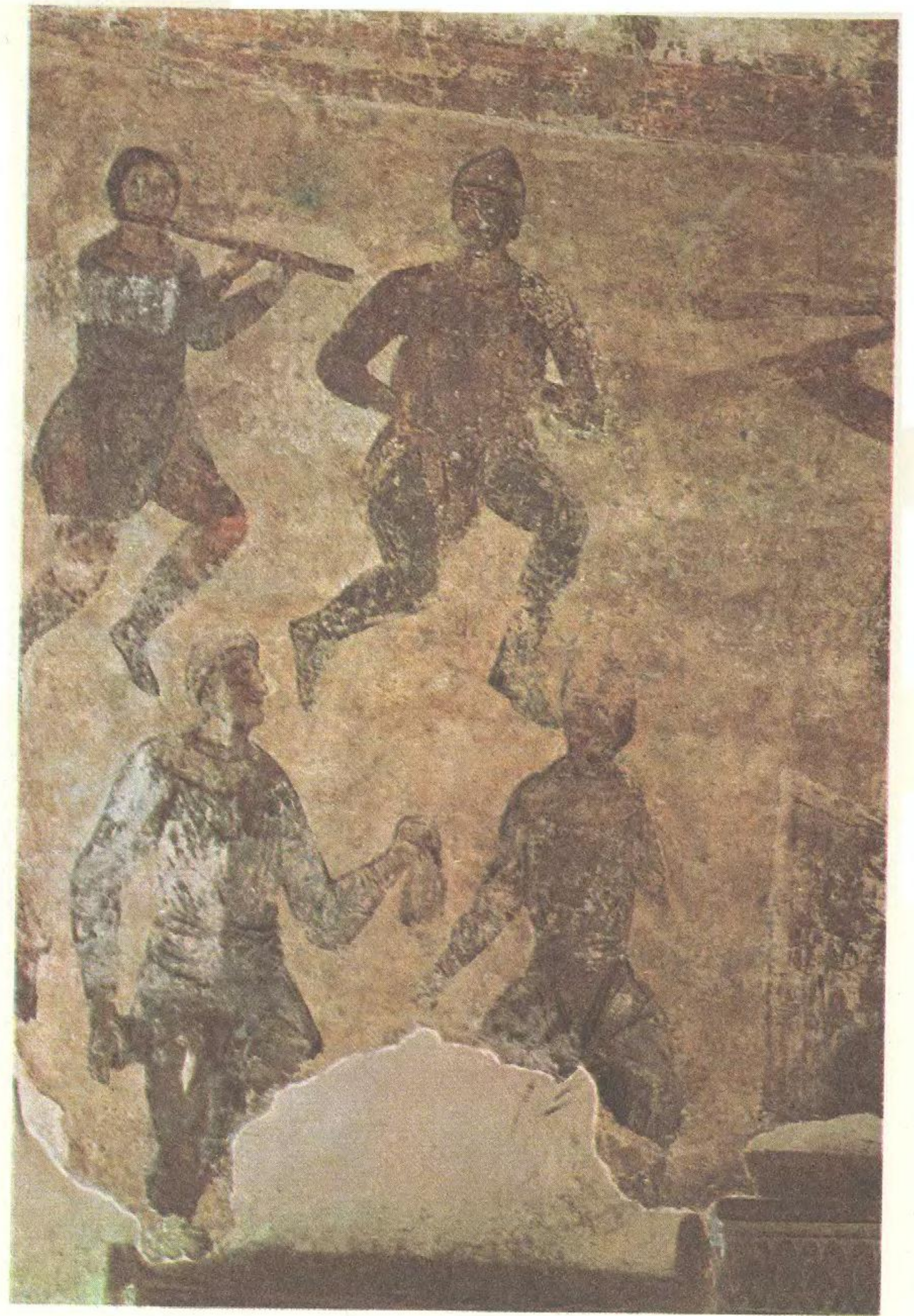
Дмитрий Солунский. Мозаика Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. XI в. (Москва, ГТГ)

Св. Лаврентий и Василий Великий. Мозаика Софийского собора в Киеве. XI в.

Музыкант. Фреска лестницы Софийского собора в Киеве. XI в.

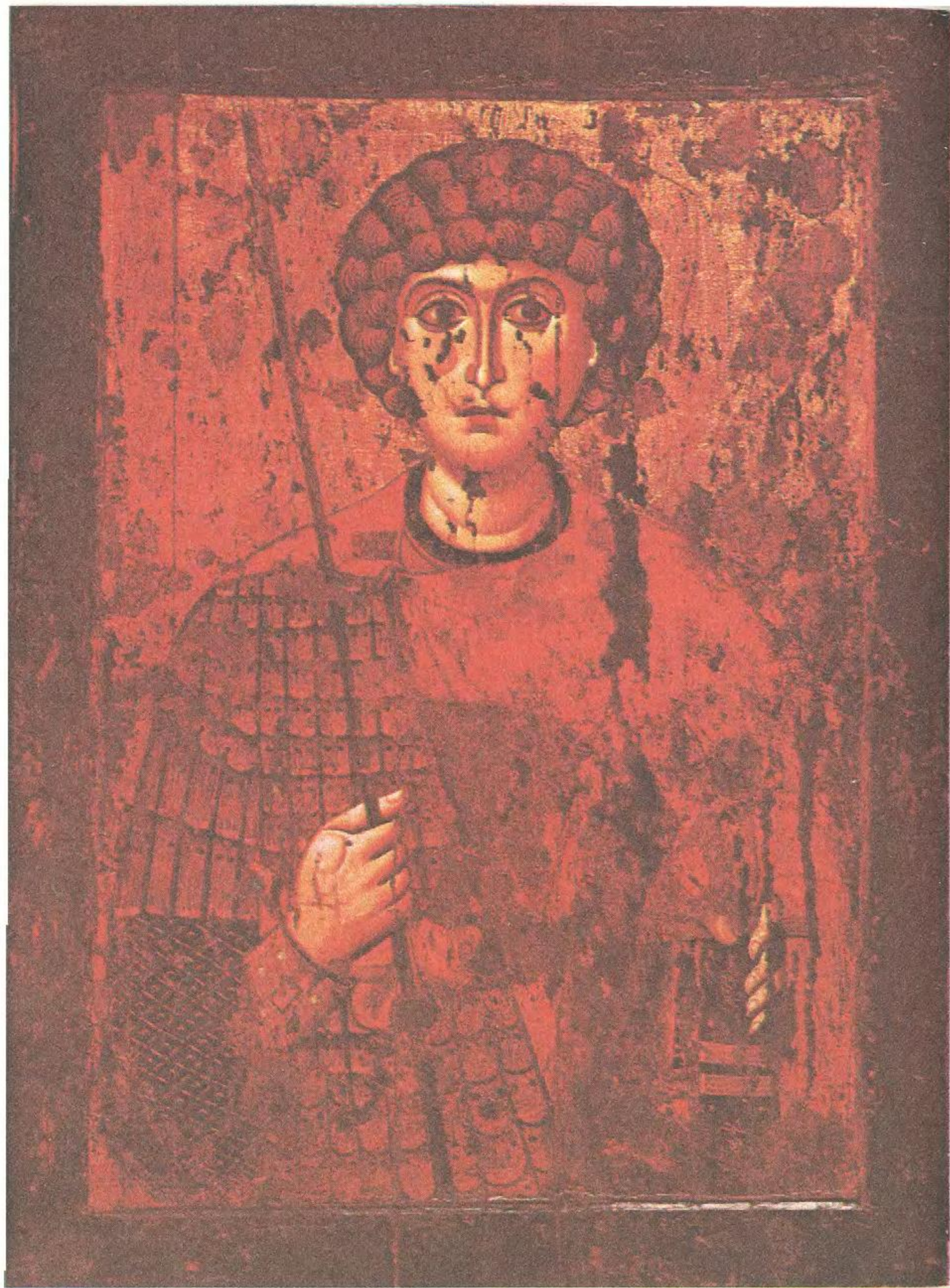
Скоморохи. Фреска лестницы Софийского собора в Киеве. XI в.

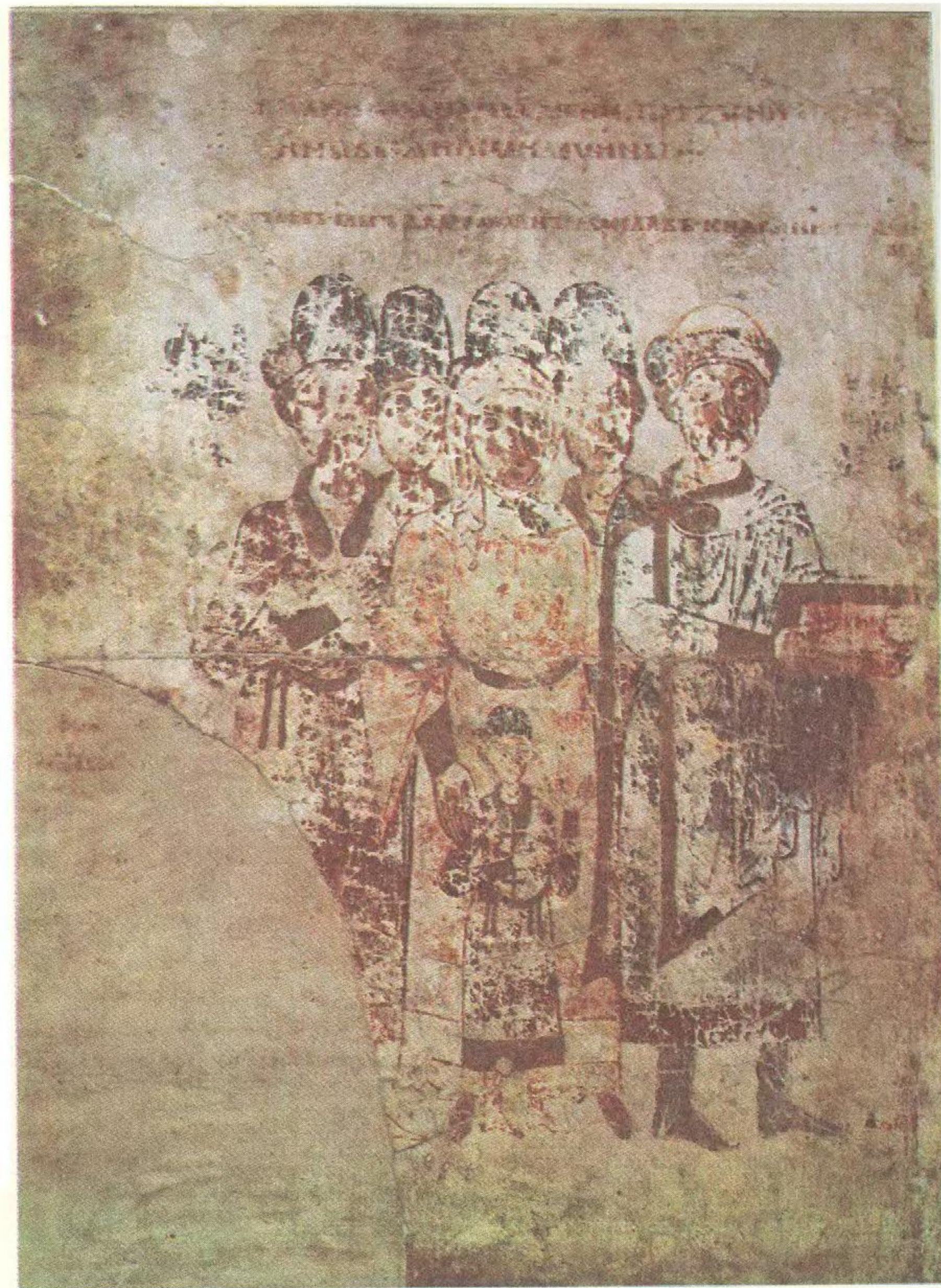
Св. Пантелеймон. Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.

Апостолы Петр и Павел. Икона Софийского собора в Новгороде.
XI в. (Новгородский государственный музей-заповедник)

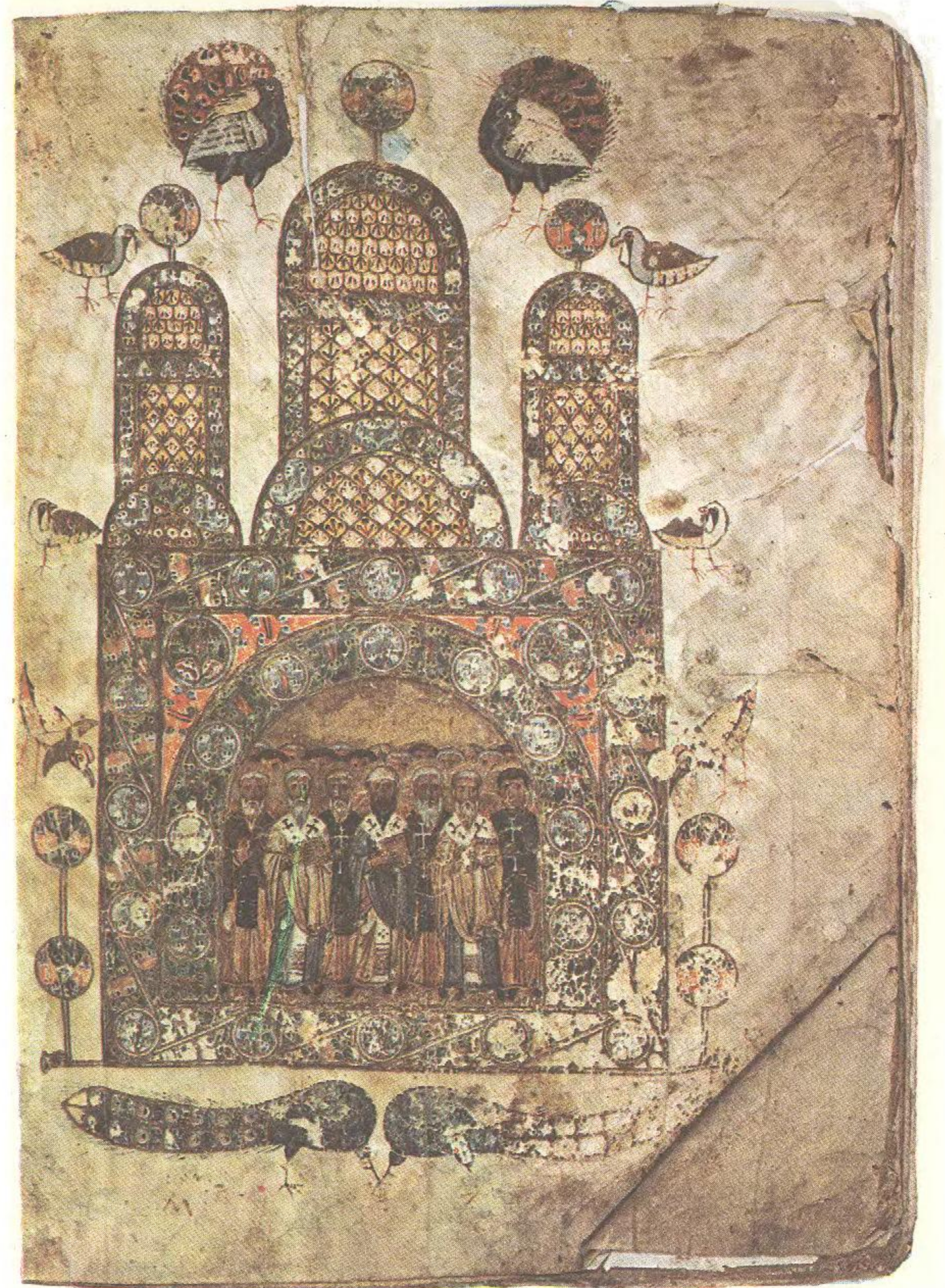
Георгий воин. Икона Успенского собора Московского Кремля.
XI — начало XII в. (Музеи Московского Кремля)

Святослав с женой и сыновьями. Миниатюра. Изборник
Святослава 1073 г. (Москва, ГИМ)

Лист с заставкой. Изборник Святослава 1073 г.
(Москва, ГИМ)

Собор святых отец. Миниатюра. Изборник Святослава 1073 г.
(Москва, ГИМ)

Ярополк с женой и с матерью. Деталь миниатюры. Трирская псалтырь (Кодекс Гертруды). XI в. (Италия, Чивидале)

Св. Борис и Глеб. Икона. XIV в. (Ленинград, ГРМ)

Сказание о Борисе и Глебе.

1. Владимир посылает Бориса против печенегов.
2. Смерть Владимира. Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в. (Москва, ЦГАДА)

Сказание о Борисе и Глебе.

1. Борис и Глеб, удостоенные мученических венцов.
2. Борис идет на печенегов. Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в. (Москва, ЦГАДА)

Сказание о Борисе и Глебе
 1. Убийцы Бориса находят его в шатре. 2. Убиение Бориса.
 Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в. (Москва, ЦГАДА)

Сказание о Борисе и Глебе.
 1. Убийцы настигают Глеба. 2. Убиение Глеба. Миниатюры.
 Сильвестровский сборник. XIV в. (Москва, ЦГАДА)

Сказание о Борисе и Глебе.

1. Тело убитого Глеба везут в насаде. 2. Глеб, поверженный меж двух колод. Миниатюры. Сильвестровский сборник. XIV в. (Москва, ЦГАДА)

Повесть временных лет (971 г.)

1. Византийский император с вельможами. Греческие послы подносят меч в дар Святославу. 2. Принесение греками даров Святославу. Миниатюры. Радзивиловская летопись. XV в. (Ленинград, БАН)

Убьезыи . и вата . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 рен . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 спакернигов . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 засаи в ривше . праль аш крош ху ть ама ской . и иуаслави .
 и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .

и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .
 и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави . и иуаслави .

Повесть временных лет (1078 г.).
 Осада Чернигова. Миниатюра. Радзивилловская летопись. XV в.
 (Ленинград, БАН)

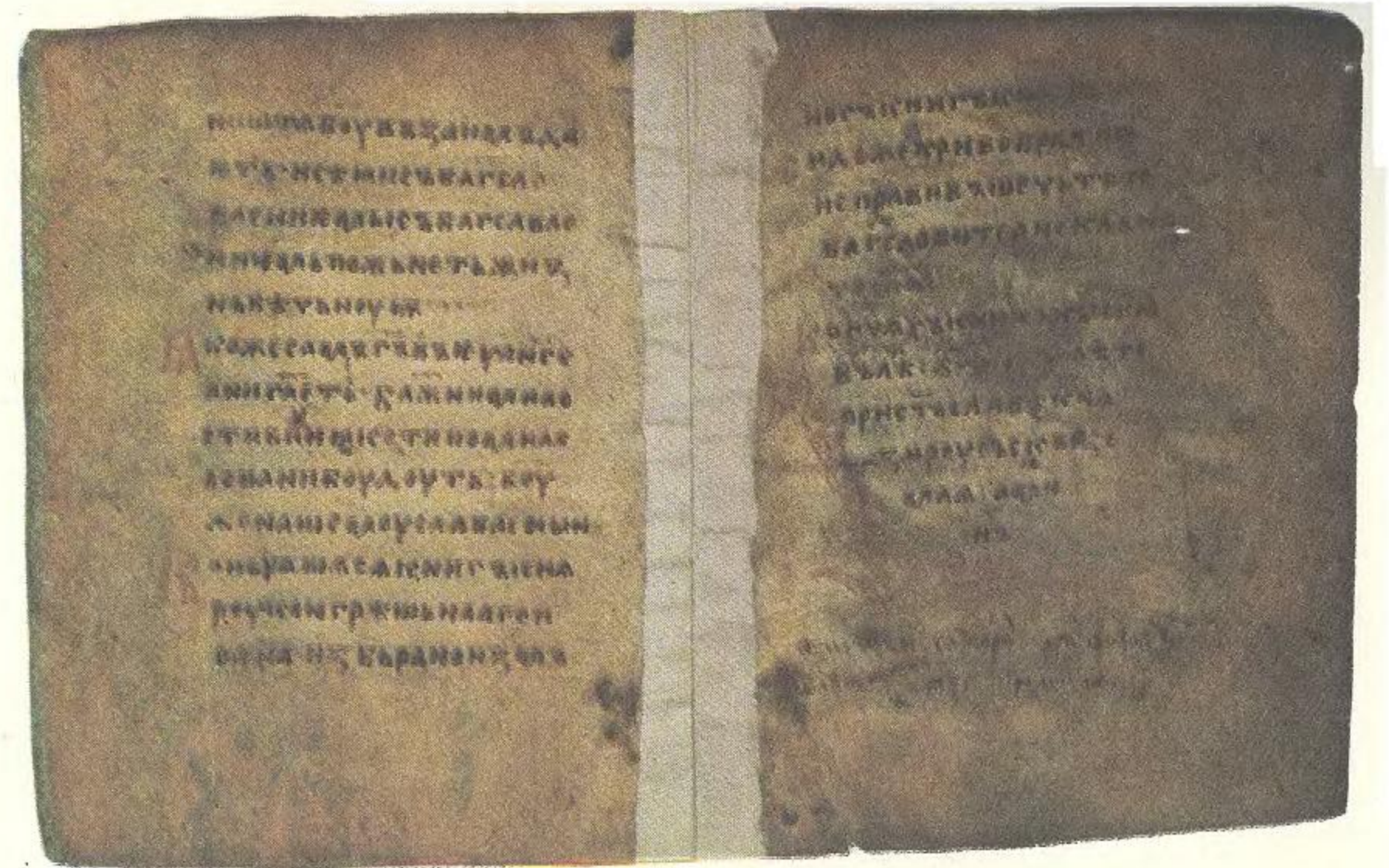

Повесть временных лет (1092 г.).
 Засуха. Миниатюра. Радзивилловская летопись. XV в.
 (Ленинград, БАН)

Повесть временных лет. (1078 г.)
 1. Битва под Черниговом. 2. Примирение Всеволода с Изяславом.
 Миниатюры. Радзивилловская летопись. XV в. (Ленинград, БАН)

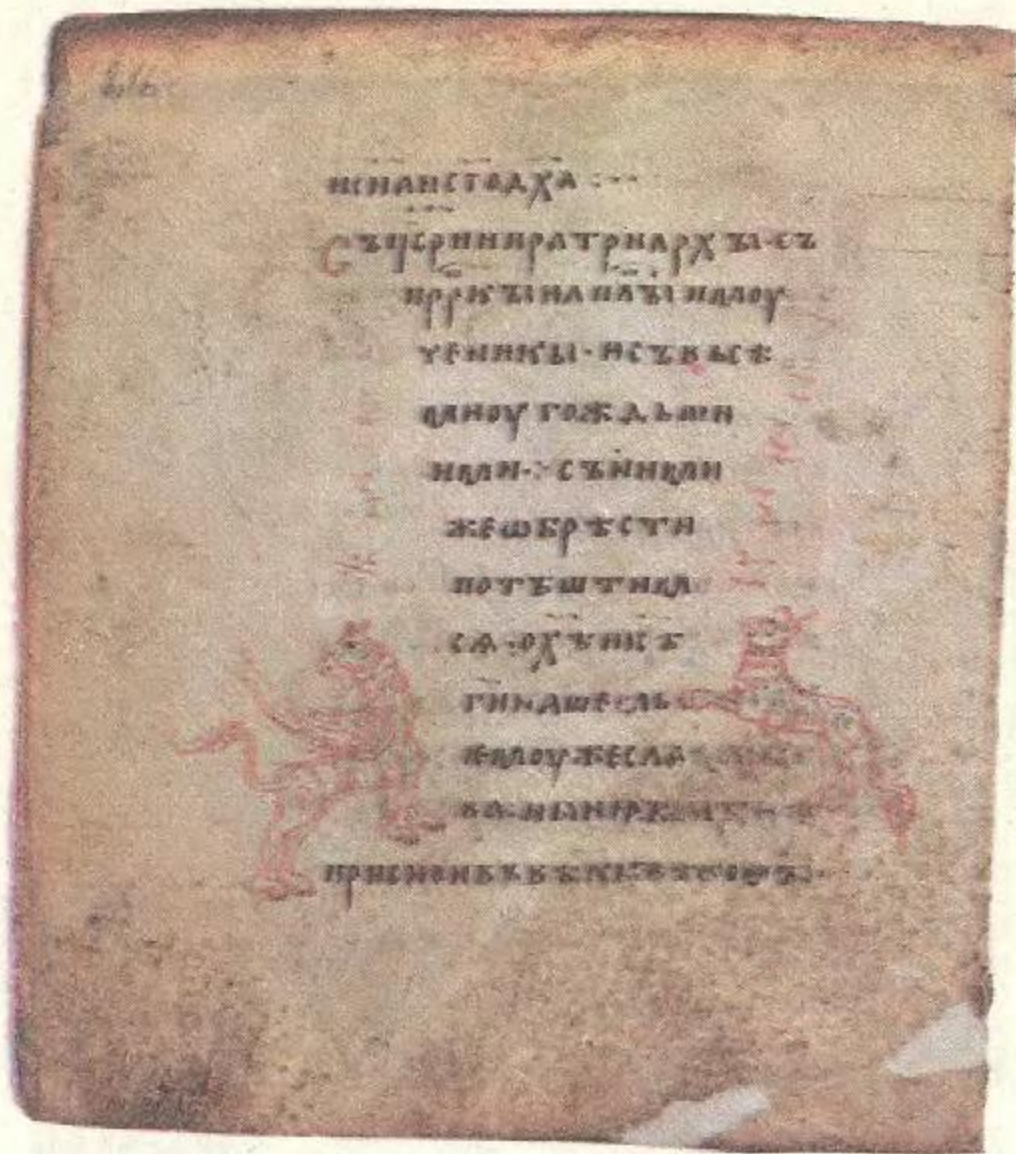
Повесть временных лет (1092 г.).
Моровое поветрие в Полоцке. Миниатюра. Радзивилловская летопись. XV в. (Ленинград, БАН)

Листы рукописи. Изборник 1076 г. (Ленинград, ГПБ)

Повесть временных лет (1097 г.).
Ослепление Василька Теребовльского. Миниатюра. Радзивилловская летопись. XV в. (Ленинград, БАН)

Лист рукописи. Изборник 1076 г.
(Ленинград, ГПБ)

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Величие древней литературы 5

НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI — НАЧАЛО XII ВЕКА

Повесть временных лет. Подготовка текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева	23
Сказание о Борисе и Глебе. Подготовка текста и перевод Л. А. Дмитриева	279
Житие Феодосия Печерского. Подготовка текста и перевод О. В. Творогова	305
Поучение Владимира Мономаха. Подготовка текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева	393

КОММЕНТАРИИ

Повесть временных лет (Комментарий О. В. Творогова)	417
Сказание о Борисе и Глебе (Комментарий Л. А. Дмитриева)	451
Житие Феодосия Печерского (Комментарий О. В. Творогова)	456
Поучение Владимира Мономаха (Комментарий Д. С. Лихачева)	459

П15 Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. Вступит. статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М., «Худож. лит.», 1978. 413 с.

В первую книгу серии «Памятники литературы Древней Руси» вошли произведения, созданные в XI — начале XII в.: «Повесть временных лет», охватывающая период истории от зарождения славянских племен до похода князя Святополка на половцев в 1110 году; «Житие Феодосия Печерского»; «Сказание о Борисе и Глебе» — о вероломном убийстве князей Бориса и Глеба их сводным братом; «Поучение Владимира Мономаха».

П 70301-434 61-78
028(01)-78

Р1